

НЕВА

1
2017

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Михаил ЖИГУЛЕВСКИЙ

Стихи • 3

Антон РАТНИКОВ

Йетство. Роман • 7

Владимир КОСОГОВ

Стихи • 77

Анна ПИМЕНОВА

Отсчет обратно. Рассказ • 81

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Стихи • 86

Александр ЕВСЮКОВ

Черный Орел. Рассказ • 90

Артем ЕРШОВ

В начале четверти. Люди и ангелы.
Среди могил. Рассказы • 102

Елизавета ИОФФ

Стихи • 116

Инесса ЗДОРОВЦОВА

Графиня Задунайская. Рассказ • 119

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр РЫБИН

Ненужная независимость • 128

Ефим ГОФМАН

Ускользя от самих себя • 142

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Юлия ЩЕРБИНИНА

Богиня деталей.

Критика как мифология и мифотворчество • 153

РУССКИЙ ТЕЗАУРУС – XXI

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

Неопавшие листья русского языка.

Предисловие А. Мелихова • 163

12+

МОЛОДЫЕ. О МОЛОДЫХ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Поэт о поэте. Наталья Усанова. Толкает маленький Сизиф по горлу каменное слово. Владимир Косоков. Неживая вода и живая музыка. **Рецензии.** Женский род: имя собственное. Екатерина Зуева. «...И слово это нам напели». Александра Ботова. От «красного цветка» до царя народа. Ксения Горячевская. «Все хорошие. Всех жалко». Елена Филатова. Увидеть свой Париж. Елизавета Папуткова. Медовый Париж, или Аллергия на сладкое. Ася Морозова. Girl power: антигероиня в современной женской прозе. Любовь Бухвал. Женская доля. Софья Кривошеева. Неведома зверушка. Анисия Соколова. О(б)-суждая женщин. Анастасия Коврижкина. Женщины, маски и стыд. **Книжный остров.** Публикация Елены Зиновьевой

• 176

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Святыни Елеона (по запискам русских паломников).

Часть 1

• 220

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Михаил ЖИГУЛЕВСКИЙ

МОРОЗОВА

Как волны быстрой сумрачной реки,
Толкутся дни. Блаженный тянет руки
За коркой хлеба, но, взглянув в глаза,
Бросает хлеб в весенний мокрый снег.
Плетется прочь, ворча и задыхаясь.

Вздыхнув, подслеповатый пономарь
Читает книгу дней. Свеча, мерца,
Бросает искаленную тень
На известь кельи и кирпич застенка,
А ночь, как зверь, проснувшийся в норе,
Принюхиваясь к улицам, открыла
Огромные печальные глаза
Под черным клобуком. Толпа, толпа:
Бесчисленные сотни языков,
От холода закушенных губами,
Уставших говорить и говорить.

Веревкой подпоясав животы,
Лабазники тарашатся, а время
Качается меж скорой темнотой
И светом, умирающим помалу;
А мы глядимся в плоскость их глазниц,
Видавших все, ничем не удивленных,
И все никак не можем разглядеть
Своих упрямых, бледных отражений.

ЗИМА

зима. метели многоголосье
следы копыт и следы полозьев
слепое солнце в лесу сосновом
зима приходит средневеково

Михаил Иванович Жигулевский родился в 1990 году в Вологде. Специальность — религиозная антропология. Читает лекции по истории философии и поэзии. Любимые стихи — авторства Георга Гейма, Исикавы Такубоку, немецкая и японская поэзия начала века в целом, а также древние китайская и японская лирика, христианское религиозное творчество. Живет в Санкт-Петербурге.

пригороды, похожие на деревни
деревни, похожие на деревья
деревья, не похожие ни на кого
хранящие деревянное естество

самое время уйти к деревьям
самое время вернуться к древним
за синей метелью страшное, вечное
бродит в полях непроглядным вечером

дрезбжат морозные километры
отдана жизнь ледяному ветру
над волчьей ямой дрожат созвездия
застыл ручей — ледяное лезвие

цветные гирлянды, метель на площади
в окно заглядывают белые лошади
где волчьи тропы, там лошадь пятится
там волчья ягода в снег покатится

смола леденеет в белых волокнах
дрожат огни в одиноких окнах
застыла кровь в ледяных оковах
зима приходит средневеково

ПОЖАРИЩЕ

через ручей и через гарь
я вышел к дому, где я вырос
где осенью в сених фонарь
звенел, рассеивая сырость

и горький запах кирпича
сжал растревоженное сердце
залез иван-упрямый-чай
туда, куда я лазал в детстве

звенела иволга: «беда!
огонь найдет себе дорогу!
добро пожаловать туда,
где люди чувствуют тревогу»

на огороде лебеда
по ветру радостно качалась:
«добро пожаловать туда
где люди чувствуют усталость»

лежал и ждал, закрыв глаза,
чего-то темного, большого
так тихо, что прошла лиса
и не заметила чужого

ЛУЧИНУШКА

Петербургский остров стоит на костях Иванов,
А Иваны родства не помнят, земли не знают.
Не ложится костям в песке: унылая, ледяная
Песня русская будит поэтов на старых диванах.

Песня будит поэтов, поэты смотрят на спящих женщин.
Оставляют квартиры, выходят в туман и видят:
Камыши, и болото в своей вековой обиде
Оставляет живым земли все меньше и меньше.

Мужики отнимают землю у ветра и у болота.
Ветер песню над ними носит, как серый парус.
Вековая обида и вечная, вечная старость.
Нет ни дома, ни сына, и гроб — сырая колода.

Но из черной земли, из-под желтых песков протяжно
Песня русская глухо звучит от края до края,
И поэты на улицах в темной тоске повторяют:
Ты гори, я с тобой догорю, остальное не важно.

НАИВНОЕ

В деревне, где провода никого не теснят,
Где самовар с железной трубой на хромой подставке,
Толстая зимняя кошка сидит на лавке,
Толстое солнце прячется за березняк.

Там — под рябиной — колодец в пустом саду:
Если уронишь ведро, оторвав примерзшую дверцу,
То после двух или трех сокращений сердца
Услышишь, как звонко стукнет оно по льду.

Плакал ручей за домом, но вот замерз.
Сядешь во тишине у божницы и к печи спину —
Ласково на человека и на скотину
Смотрит Владыка, рожденный зимой, в мороз.

СОН

Я сплю и вижу старый сон — стучат колеса,
И полоса по потолку проходит косо.
Я рыжий мох щиплю рукой у ног осины,
Но сон — река над головой. Река и Зимний.

Уходят заячьи следы во тьму и зелень,
А я не знаю, где мне быть. И не уверен.
Бушует ветер, как пожар, в высоких кронах,
Но сон — там поручни дрожат на перегонах.

Томится черная вода в заросших ямах,
Но сон — там поезд в никуда ползет упрямо.
Плакаты, женщины, глаза. Конца и края.
А я не знаю, где здесь сон, и не узнаю.

АНТОН РАТНИКОВ

ЙЕТСТВО

Роман

КВАРТИРА СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

Костины родители познакомились в телестудии, где работали. Мама была редактором, а папа — помощником режиссера. Основной его профессиональной обязанностью было бегать за водкой. Он с этим справлялся успешно. Режиссеры его ценили за оперативность и сноровку.

Кажется, родители сошлись на почве обоюдной нелюбви к настольному теннису. Это было то небольшое, что их объединяло. Нелюбовь к теннису и беспартийность.

Елена Михайловна поначалу отнеслась к будущему мужу с неким скепсисом.

— Станьте моей женой! — сказал однажды Геннадий Яковлевич. С жаром сказал.

— Как хотите... — ответила она.

Через три недели свадьбу обстряпали. На невесте было белое платье, сшитое родственниками. На женихе — взятый напрокат костюм.

Вскоре они принялись искать жилье. Была попытка обустроиться в двухэтажном деревянном доме во Всеволожке. Там приходилось топить печь. Она обогревала только комнату, а коридор и туалет — нет. Шатались подвыпившие соседи. В щели заползали похожие на червей кошки.

— Жить здесь можно, только если ты труп! — сурово сказала Елена Михайловна мужу. Хотя переехать сюда было ее идеей.

Начали поиск других вариантов. Квартиры внаем предлагали на Сенной. Одна бабка, сплевывая и подмигивая, сдала им комнату в большой коммуналке на Лиговке. Геннадий Яковлевич рос недалеко от тех мест и обрадовался.

— Лиговка, — сказал он, — это наши Елисейские поля!

— Какие еще поля? — переспросила бабка. Ей не ответили.

Условия на новом месте оказались немногим лучше. Было чище. Но на кухне постоянно возникали ссоры. Одинокий сосед разговаривал только матом, а по ночам пел Вертинского, Утесова, Лифшица. Другая соседка часами занимала туалет. Третья — зорко следила за тем, чтобы в комнатах не совершались всякие прелюбодеяния. Это был ее самый любимый грех. Она подслушивала и подсматривала за всеми и внимательно следила, чтобы люди жили духовной, а не плотской жизнью. Соседи внимания на нее не обращали. Только закрывались на ключ. На всякий пожарный. Молодожены к такому оказались не готовы и через месяц съехали.

Антон Александрович Ратников родился в 1984 году в Ленинграде. В 2014 году окончил Высшую школу режиссеров и сценаристов. Входил в шорт-лист Волошинского конкурса, лонг-лист премий «Дебют», «Русский Гулливер». Публиковался в альманахе «Взмах», журналах «Нева», «Звезда», «Октябрь», «Аврора», «Кольцо А». Лауреат премии журнала «Нева» за 2014 год. Участник 14-го Форума молодых писателей России, стран СНГ, зарубежья. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга.

НЕВА 1'2017

Бабушка Кости по отцу, Тамара Ивановна, тогда уже переехала из большой коммуналки в центре в маленькую коммуналку на Гражданке. Сидела в комнате. Задумчиво курила. Она работала лаборантом в Театральном институте. В ее манерах и правда было что-то театральное, даже в том, как она выдувала дым из ноздрей.

Две другие комнаты были заняты соседями. Но вот неожиданно освободилось помещение интеллигентной семьи Шацких. Они переезжали в Москву. Паковали чемоданы, весело переругивались. Тамара Ивановна, узнав об этом, побежала в ЖЭК. Дала взятку круглолицему начальнику участка — и комнату закрепили за ними. Костины родители обрадовались! Собственная комната — о таком не все могли мечтать.

— Представляешь, — радостно говорил Геннадий Яковлевич, — нас ждет квартира со всеми удобствами!

Елена Михайловна счастливо улыбалась.

Появился Костя. У него были толстые щеки и привычка спать всегда и везде. Толстые щеки удивляли родителей, потому что он ел мало и отказывался от груди.

— С голоду пухнет, — говорил отец.

Потом появился еще один сын, Пашка. Этот ел столько, что родители удивлялись — как он не лопнет.

Жить вчетвером в одной комнате размером двенадцать квадратных метров оказалось непросто. На каждого отводилось чуть меньше трех квадратов. То есть небольшая песочница. Бабушка предпочитала своей комнатой ни с кем не делиться. Родители не настаивали. Тамара Ивановна сидела в клубах сигаретного дыма и смотрела телевизор одна.

— У нас квартира, — грустно говорил Геннадий Яковлевич, — не только со всеми удобствами, но и со многими недостатками...

Женщины ссорились постоянно. Кажется, из-за всего. Например, из-за погоды. Одна говорила:

— Хорошая сегодня погода.

Другая отвечала:

— Нет. Погода так себе.

Просто из желания противоречить.

В лучшие минуты они просто не разговаривали и молча презирали друг друга. Тамара Ивановна считала невестку выскочкой. Ей не нравилось, как та делает уборку. Не устраивало, что не гладит мужу рубашки. Ей многое было не по душе, но не все она могла выразить словами.

Война приобретала новый масштаб: Тамара Ивановна поставила на кухне второй холодильник — для своих продуктов. Хранить молоко и простоквашу в холодильнике невестки она считала ниже своего достоинства. Кухня была совсем маленькая, и, кроме двух холодильников, там ничего больше не помещалось.

Геннадий Яковлевич в эти дела старался не лезть. Его обещали отправить на север снимать документальный фильм о птицах. Геннадия Яковлевича назначили вторым режиссером. Это был шаг в карьере.

Но на север так и не отправили. Более того, режиссер, у которого он был любимчиком, спился и умер. Слишком исправно его помощник бегал за водкой...

На место режиссера пришел непьющий халтурщик из Пскова и привел своих людей. Геннадий Яковлевич так расстроился, что его уволили за прогулы. Пришлось идти работать в заводскую многотиражку и организовывать праздники для рабочих.

Геннадий Яковлевич стал выпивать все усерднее. Началась перестройка. Облака низко нависали над городом. Здания казались мертвыми. У метро с ящиков торговали всем, что только можно было продать.

Денег не хватало даже на макароны.

А ситуация в квартире осложнялась соседом. Все эти годы в квартире, словно тень, присутствовал еще один персонаж. Внешне он напоминал снежного человека: дикий, волосатый, сгорбленный. Работа и алкоголь занимали все его время. Редко-редко сосед завязывал и в синей майке готовил на кухне блины. Он угощал Костю, но Костя стеснялся и блины не брал. Выглядели они неаппетитно.

Геннадий Яковлевич называл его: «Наш Йети».

К счастью, они пили порознь. Сосед не устраивал кутежи, даже никого к себе не приводил. Пил в одиночку или на скамеечке с мужиками. В одиночку чаще.

С ним даже никаких историй не происходило. Видимо, он был чутким человеком, потому что Костину семью старался не беспокоить. Возвращаясь после попойки, тихо разувался и крался к себе (паркет предательски поскрипывал). Один раз его встретила бабушка.

— Да вы пили! — сказала она ему грозно. Иногда на нее находило — и она начинала его стыдить.

Сосед смотрел на нее, не моргая. Старался сконцентрироваться. Потом сделал шаг назад, как бы отступая с поля боя.

— Нет-нет, — он сделал еще пару шагов и вытянул руки перед собой, стараясь защититься, — ни в коем разе, ни в коем разе...

Он сделал еще один шаг, споткнулся и упал, повалив пенал, стоявший в коридоре. Потом помогал его поднимать и все повторял: «Ни в коем разе, ни в коем разе».

Потом сосед неожиданно умер.

То, что он давно не появляется, обнаружили дня через три. Первой забила тревогу бабушка. Отсутствие соседа ей показалось странным.

— Может, в вытрезвителе? — спросила мама Кости.

Тамара Ивановна сложила руки на груди.

— Что ему там делать?

К счастью, в тот раз они не поссорились.

Соседская комната была закрыта. Ключа не нашли. Вызвали милицию. Участковый высадил дверь плечом. Сосед лежал на диване — мертвее не бывает. Запах разложения не ощущался — от комнаты пахло сильнее. Наш Йети никогда не делал уборку.

Родители завесили зеркала тряпками. Труп вынесли. Комнату закрыли.

Поминок не было. Обошлись без кутьи.

Потом Тамара Ивановна ходила по всяким инстанциям, чтобы в комнату больше никого не подсаляли. Костя иногда ходил с ней. Однажды они пришли на прием к депутату. Он принимал людей в соседнем ПТУ. На депутате была рубашка идеальной белизны. И зубы у него были очень белые. Вообще улыбался он широко, только глаза у него словно потухли. Косте даже показалось, он спит. Ему захотелось его потрогать. Костя еле сдержался.

Бабушка с депутатом спорила, что-то доказывала.

— Вы извините, — говорил депутат, — но это не в моей власти.

— Что же в вашей власти? — спросила бабушка.

Депутат вздохнул и посмотрел в окно. На зеленом небе отпечатался след от самолета.

— Хотите кофе? — неожиданно спросил он.

Как ни странно, но комнату все-таки оставили за их семьей. Видимо, опять не обошлось без взятки.

Месяц отец Кости приводил ее в порядок.

— Комната у вас будет — со всеми удобствами, — улыбался Геннадий Яковлевич.

В бывшей соседской комнате поселились Костя с Пашкой. И уже почти ничто в ней не напоминало о странном соседе-алкоголике, прожившем такую нелепую

и необязательную жизнь. Кроме вырезанного ножом рисунка на одной из створок форточки. Костя любил смотреть в окно, и этот рисунок часто попадался ему на глаза. В сердце, проткнутом стрелой, надпись — «Таня».

**ЕСЛИ ЭТО МОЖНО НАЗВАТЬ СЕМЬЕЙ
(Сочинение ученика шестого «А» класса
Василевского Константина)**

Семья у меня большая. Я, младший брат, мама с папой и бабушка.

Пять человек — это почти мини-футбольная команда. Если без запасных. Или хоккейная, если без вратаря. В общем, много людей у нас.

Про себя я рассказывать не буду, тут и так все понятно.

Про брата я рассказывать тоже не буду. Не хочу. Он меня достает сильно. Он не то чтобы плохой, но и не то чтобы очень хороший. Вести себя не умеет со старшими. Не слушается. Не только меня, а вообще всех. Бабушка ему говорит: «В тебя что, бес вселился?» А ему — все равно.

Вы, может быть, о нем слышали. Он сейчас в третьем классе учится, в прошлой четверти его на педсовет вызывали.

И в этой тоже.

Теперь про отца.

Он у меня обычный. Раньше работал режиссером. Потом его уволили. Кажется, из-за несогласия с линией партии. Это он так говорит. Потом он где-то на заводе работал. Потом его оттуда тоже уволили. А сейчас он бизнесмен. Что-то продает, покупает, покупает, опять продает. Говорит, что работа у него нервная. Наверное, поэтому он много курит и пьет. Иногда он уезжает в командировки. Надолго.

Увлечений у отца нет. Хотя нет, есть. Он книги любит читать. Лежит дома на кровати и читает. Шекспира, Данте... Шучу. Детективы в основном.

Мы с ним раньше неплохо ладили, а в последнее время ладим плохо. Он мной недоволен. Не знаю почему. Хотя я им тоже недоволен. Но мне кричать не полагается. Я молчу.

Маму свою я люблю. Она у меня хорошая, несмотря на то, что у нее седые волосы появились.

Она работает корректором и сильно устает. Она исправляет чужие ошибки, такая у нее работа. Она и мои ошибки иногда исправляет, но не всегда. Потому что приходит поздно и на дом иногда работу берет. Она сидит на кухне и что-то там чирикает.

Сочинения я обычно ей тоже показываю. Но это не буду показывать, поэтому здесь, возможно, будет много ошибок.

Я не покажу ей это сочинение, потому что она может обидеться. Ведь я не написал, что она красивая. А это так.

Меня мама считает разболтанным и несобранным. Наверное, это правда. Хотя мне сложно, тут нужно со стороны судить. Я вот, например, других считаю слишком собранными. Им это не идет.

Я иногда разговариваю с мамой о семье. Беру фотоальбом, тыкаю пальцем, задаю вопросы... А это кто? А это? Это?

Мама терпеливо отвечает.

— Большая у нас семья, — говорю.

Мама выпускает сигаретный дым изо рта.

— Если это можно назвать семьей...

Это она шутит, наверное.

Еще с нами живет бабушка. Она раньше работала в театре, потом бухгалтером, а сейчас на пенсии. Она курит «Родопи» и много смотрит телевизор. Мы с ней много общаемся, ходим вместе. Мы настоящие друзья. Недавно она посмотрела фильм про Майкла Джексона, а я его не смотрел, потому что было поздно. Она мне долго рассказывала о его удивительной жизни. Ей Майкл Джексон очень нравится. Раньше он был черным, а потом побелел. Папа говорит, что это он специально сделал. Но бабушка считает, что это случайно случилось. То ли таблеток каких-то съел, то ли еще что. В общем, он несчастный такой. Мне Майкл Джексон не очень нравится. Хотя танцует он действительно круто. И клипы у него прикольные. Особенно тот, что с пантерой.

Дедушки у бабушки нет. Его и раньше не было. Ну, то есть она всегда была одна. Почти всегда. Они с дедушкой давно разошлись.

Я плохо знаю эту историю. Знаю только, что дедушка был моряком. Вернее, он учился на военного моряка. Он должен был стать офицером. Они с бабушкой на танцах познакомились. Потом они поженились, и родился мой папа. Но они как-то неправильно поженились, и когда дедушка стал военным офицером, то он просто взял и уехал куда-то, а бабушку с собой не взял. Бабушка, видимо, это не поняла и поехала к нему. Но оказалось, что там у дедушки уже есть другая бабушка... Всем стало как-то неловко, и бабушка уехала обратно с моим папой. Так они стали жить одни. И жили, надо сказать, замечательно. В большой коммунальной квартире на улице Пестеля. А дедушка так и остался с той бабушкой в другом городе. Ну и ладно. У нас даже его фотографии нет.

Я забыл. У меня ведь еще одна бабушка есть. А все дело в том, что она в другом городе живет. Здесь, недалеко, на электричке час ехать. Она как бы бабушка, но у нее там своя семья. С ней живет моя тетька, ее сын. Мы с мамой иногда к ним ездим.

Бабушка живет в двухэтажном доме. Там нет канализации и отопления. Есть печь, и зимой ее топят. Один раз я об нее обжегся. В туалете зимой холодно, потому что печь далеко. Там пахнет гадко, и я стараюсь туда не ходить. У бабушки я обычно терплю и стараюсь меньше есть.

Поэтому у бабушки я бывать не люблю.

Только один раз мне там понравилось. Мой двоюродный брат подарил мне тогда набор солдатиков-матросов. Очень хороший был набор. Это он сделал потому, что кусался и мне руку прокусил. И чтобы я не плакал, он мне солдатиков подарил. Но больше он не кусается, хотя и смотрит на меня не очень по-хорошему.

Наверное, мы скоро снова к ней поедem. Мама говорит, это родственный долг. И вздыхает.

У той, второй бабушки дедушки тоже нет. Он умер. Я это точно знаю, хотя он умер еще до моего рождения.

В войну этот дедушка был юнгой на катере и бил фашистов. У него несколько медалей есть. Их мама хранит в бордовой такой коробочке. Еще есть фотография, старая, желтая, где дедушка с другими моряками стоят на борту своего катера. Вид у него очень лихой. Я бы хотел быть на него похожим, но, честно говоря, у меня вид совсем не такой лихой. Тут уж ничего не поделаешь.

В войну дедушка был герой, но когда вернулся с войны, то перестал быть героем. Как-то не получилось ему встать на мирные рельсы. Что-то не так пошло.

Мне всего родители не говорят, но он что-то такое сделал, кажется, паспорт свой заложил в магазине, и его посадили в тюрьму. В настоящую тюрьму. И он там сидел. А потом вышел и стал вывески рисовать. Он их рисовал какое-то время, а потом опять что-то сделал — и его снова посадили. Уже как-то надолго. И он так сидел, что даже свадьбу мамы пропустил. И там, в тюрьме, он умер.

Его похоронили на кладбище, но как-то неправильно, и теперь мама бегает по инстанциям, чтобы эту могилу не уничтожили. Крест оттуда уже кто-то снял — и теперь это просто холмик. Мы туда приходили несколько раз. Очень жалко, что так все у бабушки сложилось. Слишком лихой вид у него, наверное, был.

Вот и вся моя семья.

Ах, да. Забыл. Тот дедушка — морской офицер — однажды приезжал к нам. Я тогда маленький был совсем. Годика два мне было. Помню, на нем были усы. В основном. И пахло чем-то сладким. Он мне конфету подарил. «Мишка косолапый». Такая вкусная! Мне очень понравилась. Я даже этот фантик себе в ящик положил. Картина красивая. Кстати, художника Шишкина... Вы ведь его знаете? Так вот, я вам скажу по секрету, что мы все его родственники. Ну, не все то есть. А мама, я, бабушка, которая в другом городе живет. Но это вроде как секрет, наверное. А то, что я по рисованию тройки всегда получаю, — так это еще ни о чем не говорит. Может быть, я какой-то другой его талант унаследовал.

Правда, не знаю еще какой.

Вы не ругайтесь, Людмила Борисовна, я все честно написал. А уж если поставите мне двойку, то маме не говорите — за что поставили. Я ей это сочинение показывать не хочу. Она обидится, наверное. Она на меня часто обижается. И здесь обидится. Так что, пожалуйста, Людмила Борисовна, не надо.

А тройку можете смело ставить. Лучше крепкая тройка, чем расхлябанная, несобранная четверка!

МАННАЯ КАША

Косте в детском саду не нравилось.

Ему казалось, он в ловушке, из которой не выбраться. Его преследовала навязчивая идея, что родители за ним не придут. Это специально ими подстроено, чтобы от него избавиться. Будто он там, в садике, навсегда. А их и дома-то нет. Взяли все вещи — и съехали. Один раз он так это четко представил, что расплакался. Его тут же поставили в угол.

По утрам он тоже плачет.

Вот Костя лежит в маленькой кроватке за шкафом. Открывается дверь в коридор. Полоска света освещает узор на желтых обоях и ковер с двумя оленями на водопое. Этот ковер долго висел над его старой кроваткой, и он все смотрел на оленей, думая об их судьбе. Откуда они пришли? Что с ними стало? Он смутно чувствовал: чего-то здесь не хватает. Может быть, охотника, притаившегося за кустом?

Уже в детстве Костя чувствовал силу подтекста.

Эта полоска света на стене означает — пора вставать. Мать трогает его за плечо. Костя протестует. Он не хочет идти в садик. Но маме терять нечего. У мамы работа. У нее нет времени на церемонии.

Костя плачет. Плачет, пока она его одевает. Плачет, пока они идут по темной, холодной дороге (их путь усеян звездами). Иногда он замирает на несколько секунд, и мама радуется: неужели все? Но нет. Это Костя просто набирается сил. Плач возобновляется.

Он плачет до тех пор, пока они не приходят в группу. Тут на него рывкает воспитательница, и он замолкает. Весь день он старается не раскрывать рот. В садике он считается молчуном.

Костя боится воспитательницы. Она страшная. У нее огромные руки и загнутый подбородок, как у Бабы Яги. Костя знает: с ней лучше не спорить.

Подают еду. Нечто мелко перемолотое. Манная каша! Ее Костя иногда даже видит во сне. Манная каша атакует его. У нее есть зубы, лапы и белый отвратительный язык с комками. Манная каша преследует его и хочет съесть. Этот ужасный кошмар повторяется раз за разом.

Костя боится манной каши. Он не может видеть эту субстанцию.

Воспитательница опять рывкает. Костя не понимает, что она говорит, но уж наверняка ничего хорошего. Надо есть! Сказано есть — ешь!

Дрожащей рукой Костя берет ложку. Манная каша сгущается под его взглядом. Он старается не думать, не чувствовать, не слышать. Он осторожно двигает челюстями.

Слезы все равно пробиваются. Он тихо плачет и ест. Слезы текут. Манная каша становится соленой.

Костя представляет, что это макароны по-флотски. Так лучше. Вкуснее.

Мальчик с некрасивым лицом, по имени Рома, уплетает кашу быстрее всех и просит добавки. Его хвалят и даже гладят по голове.

— Вот как надо есть! Учись! — говорит воспитательница.

Послушание детей она измеряет в том числе и количеством употребленной пищи.

Рома улыбается.

— Да, учись! — говорит он и неприятно смеется.

Косте обидно. Он помнит, как этот Рома однажды объяснял одной девочке, в чем заключается разница между полами. Девочка все не понимала, что он имеет в виду.

— Ну, смотри, — вздохнул Рома и стянул штаны...

На девочку эта сцена произвела почему-то особенного впечатления. А вот Костя задумался о чем-то. И думал долго.

Когда выходят на прогулку, Костя не идет к качелям и не пинает о стену мяч. Он стоит на детской площадке и всматривается в горизонт. По одному исчезают другие дети, а он остается. Солнце плюхается за линию крыш. Площадка уходит в тень. Холодает. А он стоит, не шевелясь, и смотрит на благословенную калитку. В садике у Кости только одно развлечение: ждать родителей. Больше он ни о чем думать не может. Он так молчалив и грустен, что другие дети его сторонятся.

— Вот дурной, — говорит воспитательница, — хоть бы шевелился как-нибудь...

Костю обычно забирают последним...

Только Рома мог заставить Костю оторвать взгляд от калитки. У него есть волшебное средство. Он подходит близко к Косте и говорит: «Забодая». Звучит угрожающе. Костя нехотя играет в салки.

Иногда они разговаривают.

— Когда-нибудь, — говорит Рома, — когда-нибудь я обязательно уйду из садика. Вот увидишь.

Костя не верит.

— Нельзя отсюда убежать!

— Можно, там дырка в заборе есть! Смотри...

И Рома подводит Костю к забору и действительно показывает дыру, в которую может протиснуться собака или ребенок.

— А почему ты не бежишь? — спрашивает Костя.

— Мне и здесь хорошо. А станет плохо — убегу, — сообщает Рома.

Костя запомнил эту дыру. Иногда он смотрел на нее и мечтал, мечтал.

Однажды он решил. Но сначала, по дружбе, подошел к Роме и предложил сбежать вместе. Рома задумался.

— Нет, — сказал он, — на полдник будет запеканка.

Запеканку Костя не любил.

— Пока, — сказал Костя и пожал Роме левую руку. Почему-то он считал, что здороваться нужно правой, а прощаться — левой.

Он не думал о том, что его могут поймать, остановить, и о том, что это опасно. Он просто шел домой и шел. Шел, потому что считал, что имеет на это полное право. Однако темп старался держать бодрый.

Костя перешел через дорогу. Никто не обращал на него внимания. Костя внимательно смотрел под ноги. Этому учила его мама.

У своего подъезда Костя замер. Он не знал, как попасть внутрь. Что делать — сел на скамейку перед дверью и стал ждать. Там его обнаружила бабушка. Разразился скандал.

Воспитательница вроде бы получила выговор из роно. Костю решили пока придержать дома. А потом бабушка вышла на пенсию. И согласилась сидеть с Костей.

И тут неожиданно Косте стало ясно: побег удался!

Костя был счастлив. Представлялось, как он нежится в кровати и играет до тех пор, пока руки не устанут держать солдатиков.

Когда родители ушли на работу, а Костя, счастливый, лежал в постели, его подняла бабушка.

— Давай вставай! Быстрее, лежебока!

Костя стал протестовать, но бабушка была настроена серьезно. Оказалось, у нее составлен объемный список дел, которые они должны вместе сделать.

— Но, бабушка, — всхлипнул Костя, — я... я не хочу.

Бабушка встала, заложив руки в боки.

— А тебя никто не спрашивает — хочешь ты или не хочешь. Надо — значит «надо»! До Кости донесся гул раскатывающегося вдалеке грома.

— Завтракать! — скомандовала бабушка.

Костя встал и поплелся на кухню. Ноги подкашивались.

— Приятного аппетита! — сказала бабушка, ставя на стол тарелку.

В ней была манная каша.

КРЕПКИЕ СЕРДЦЕМ

Папа всегда много пил. Образ отца, лежащего на диване с бутылкой пива, крепко отпечатался в памяти. Иногда в его руках появлялась книжка. Трезвым он читал интеллектуальную литературу. Например, Достоевского. Но чем больше пива он выпивал, тем ниже становились его вкусы. Если отец валялся с томиком Чейза в руках, значит, дела шли еще более-менее. Но когда он брался за дешевый русский детектив в бумажном переплете, я предпочитал из квартиры уходить. Это означало — папа готов.

Впрочем, отец считался спокойным алкоголиком. В смысле — детей не бил. А вот матери иногда доставалось. Не столько физически, сколько психологически. Тут, наверное, сказывалась любовь к Достоевскому.

С отцовским пьянством боролись, как могли, но, конечно, ничего не срабатывало. Пару раз его клали в больницу и чем-то там прокапывали.

Когда я спрашивал, где отец, мать отвечала:

— Он в больнице. Его прокапывают.

Я представлял себе это так: отец (почему-то абсолютно голый) сидит в большом помещении, отделанном белым кафелем. Над отцом висит гигантский смеситель. Оттуда время от времени отделяется огромная, размером с человека, капля и падает на отца. Отец вздрагивает, но стойко принимает испытание...

Отец возвращался из больницы веселый и подтянутый. Брался за работу. Но через месяц-другой снова запивал.

Иногда мы разговаривали с ним по душам.

— Папа, — спрашивал я, — а почему ты пьешь?

— Потому что жизнь, сынок, тяжелая штука, — отвечал отец.

Мне казалось, что это не совсем так.

— Но ведь можно не пить.

— Можно и не пить, но лучше — пить.

Возразить что-то я не мог.

Бабушка тоже боролась с отцовским пьянством. Ходила к колдунам, например. В то время они только появились. Вернее, вылезли из подполья. Ну, или где там при советской власти были колдуны?

Одного бабушка нашла по объявлению.

— Поехали, — сказала она и взяла меня с собой.

Мы ехали долго на стареньком бордовом автобусе марки ЛиАЗ. Мне эти автобусы очень нравились. Двигатель у них спереди, и летом водители поднимали крышку и ездили с открытым мотором — чтобы не перегревался. Я с любопытством смотрел, как работают шестеренки. А еще в ЛиАЗе удобное сиденье, как в метро — боком по ходу движения. Оттуда, повернув голову, можно хорошо видеть, куда едет автобус, и представлять себя немножко водителем.

Но когда мы ехали с бабушкой к этому колдуну, автобус оказался переполнен, а дорога была долгая. Я устал, ныл и канючил.

— Ну вот, — сказала бабушка, — мы же едем папу спасать, а ты так себя ведешь! Для того чтобы ему помочь, мы должны пройти череду испытаний.

Я почувствовал, как кровь приливает к щекам.

— А это тяжелые испытания?

— Разные. Но ты должен укрепиться сердцем.

— Как это?

Бабушка вздохнула.

— Долго объяснять. Но ты не бойся, — сказала она. — Вместе мы со всем справимся.

Я напрягся, думая, что так мое сердце обязательно укрепится. Потом я еще представил себе маленьких человечков, которые внутри меня заливают сердце жидким бетоном — укрепляют...

Офис колдуна находился в обычной трехкомнатной квартире, переделанной в кабинет и приемную. На скамейках у стен сидели люди. Кто-то стоял. Народ все прибывал. Мне еще бросилось в глаза: кругом одни женщины. Обсуждали в основном собственные болячки и неверных мужей.

— Приговорить его надо! Приговорить! — слышал я и убирал голову в плечи. Мне почему-то казалось, что речь идет о смертном приговоре.

Но потом все это приелось, стало напоминать очередь в поликлинике. Не хватало только плаката «СПИД не спит!». Я заскучал.

Наконец вызвали нас.

Мы вошли в небольшой кабинет, обклеенный типичными советскими обоями. У окна стоял полированный румынский стол. За ним сидел человек в потертом пиджаке с черной клиновидной бородкой. Напоминал он инженера средней руки. Когда мы вошли, колдун прищурился.

— Садитесь, — сказал он.

Перед ним стоял только один стул, поэтому я отправился в угол, на кушетку. На колдуна я старался не смотреть — на всякий случай.

— Что у вас? — спросил он.

— Да вот, — сказала бабушка, — сын пьет.

— Фотографию принесли?

Бабушка порылась в сумке и достала фотографию, на ней отец был совсем молодым — еще без усов.

— Это актуальная фотография? — спросил колдун.

— В смысле?

— Ну... Он сейчас так же выглядит?

— Да. А как же?

Колдун посмотрел на бабушку недоверчиво. Я решил помочь.

— Вообще-то, — сказал я, — у него сейчас усы.

Бабушка шикнула на меня. Колдун улыбнулся.

— Молодец, мальчик, — сказал он.

Мне стало приятно. Колдун взял фотографию и поднес к носу. Он смотрел на нее, двигая бровями. Потом вздохнул.

— Не знаю, — сказал колдун, еще раз посмотрев на фотографию, — может, и не получится...

— Почему? — взволновалась бабушка.

— Фотография неактуальная. Поле прослеживается не так четко. Не знаю... Возможно, потребуется несколько сеансов.

Бабушка молчала. Она напряженно думала.

— Ну, так что? — спросил колдун.

— Пробуйте, — сказала бабушка.

Колдун сел обратно за стол, положил перед собой фотографию и стал упорно таращиться на нее. Казалось, он хочет глазами сделать дырку. Выглядело это достаточно забавно, потому что колдун хмурился и шевелил губами, становясь в такие моменты похожим на лешего из одной детской книжки. Выглядел он вовсе не страшно, а смешно. Я даже хихикнул один раз. Бабушка снова на меня шикнула.

Потом колдун стал совершать круговые движения руками и бубнить что-то ритмичное. Теперь процесс полностью соответствовал моему представлению о магических ритуалах. Я сидел спокойно, понимая, что момент ответственный.

Продолжалось шоу минут десять. В какой-то момент колдун шумно выдохнул и передал фотографию обратно.

— Вот, — сказал он, — держите.

— Это все? — спросила бабушка.

— Да, — сказал колдун.

— И как? Сработало?

— Сейчас сложно сказать. Нужно время. Идите домой и проследите за ним.

— Хорошо, — сказала бабушка.

— Если все будет, как раньше, приходите снова.

— Бесплатно? — спросила бабушка.

Колдун нахмурился.

— Нет, — сказал он, — но на второе посещение у нас пятипроцентная скидка...

Бабушка осталась недовольна. Мы вышли.

— Смешной этот колдун, — сказал я, когда мы шли к остановке.

— Нет, — сказала бабушка, — не смешной.

— А по-моему, смешной.

Бабушка снова меня отчитала, сказав, что мальчикам в моем возрасте уже пора начать отличать зерна от плевел.

Хорошо, — сказал я, пристыженный.

К сожалению, колдовство не сработало. Бабушка еще пару раз обращалась к колдунам. Правда, к другим почему-то. Эффект тот же. Нулевой.

Видимо разочаровавшись в магии, бабушка прибегла к помощи церкви. Она стала ходить в храм неподалеку и ставила свечи к какой-то иконе. Это ее надоумила соседка. Сказала, что икона всегда помогает матерям пьющих детей.

— Мне помогла, — сказала соседка.

— Как? У тебя же он пьет!

— Это он сейчас пьет. А до этого не пил.

— Долго?

— Месяца три.

Вообще-то бабушка считалась яркой коммунисткой и, кажется, даже состояла в партии. В свое время, конечно. Но это не помешало ей в первый день поставить свечи к каждой иконе в храме. А к нужной она поставила три.

— Бог любит троицу, — объяснила она.

Мне в церкви понравился запах, а вот тетка, продававшая свечи и долго что-то объяснявшая бабушке, мне понравилась гораздо меньше. Выглядела она как настоящая ведьма и внушала больше ужаса, чем давешний колдун.

Бабушка в церковь зачастила, хотя отец по-прежнему пил и почитывал русские детективы. Она настолько увлеклась, что подумывала причаститься и причастить заодно меня. Я боялся, потому что тогда мне пришлось бы сознаться во многих грехах. Например, что я однажды украл у матери из кошелька десять рублей.

К счастью, до этого не дошло.

Последнее испытание, которое я прошел, было связано с чтением акафиста. Об этом ей опять рассказала соседка.

— Я читаю акафист три раза в день, и это очень помогает.

— Что, не пьет?

— Пьет. Но гораздо меньше...

Бабушка поговорила об акафисте с ведьмой в церкви, и ведьма соседку поддержала. К сожалению, вскоре выяснилось, что читать акафист должна не только бабушка, но и другие члены семьи.

— Маму мы просить не будем, — сказала мне бабушка, — она занятая. А вот ты акафист можешь почитать...

Читать мне тогда не очень нравилось. Особенно вслух.

— А можно, — спросил я, — мне что-нибудь другое почитать? Сказку или, там, стишок?

— Нет, — сказала бабушка.

После этого выяснилось, что акафист — это книжка без картинок. Страниц на тридцать. Когда я это узнал, то расплакался.

— Ладно, — сказала бабушка, — можешь прочитать не весь акафист, а только начало.

Вытирая слезы, я начал читать. Через полчаса мои муки кончились.

— Ну вот, — сказала бабушка, — правда весело?

— Нет, — сказал я.

— По идее, — сказала бабушка, — его надо читать три раза в день.

Я опять заплакал.

— Хорошо, — сказал бабушка, — одного раза, может быть, хватит.

Я читал акафист пару летних месяцев. Отец пил, а меня мучила совесть. Дело в том, что акафист я читал без свидетелей и поэтому частенько халтурил. Перескакивал со строки на строку, пропускал абзацы, а иногда и целые страницы. Осенью я и вовсе перестал его читать.

- Прочитал? — спрашивала бабушка.
- Да-да, — говорил я.
- С выражением?
- Конечно!

Бабушка успокаивалась. Пару раз я пробовал все-таки читать акафист как положено, но это оказалось выше моих сил. Иногда я снова пытался представить себе человечков, укрепляющих мое сердце, но в фантазиях обязательно случалась какая-то авария на производстве. Проливался бетон, рушились леса, срывался с верхотуры один из рабочих...

«Нет, — думал я, — вряд ли у меня получится помочь папе бросить пить. Ведь я сам слаб. А вот кто бы помог мне сделать математику?»

Математику приходилось делать самому.

А потом надобность в чтении акафиста отпала. Нет, папа пить не бросил. Он просто ушел жить в другую семью.

Надеюсь, я здесь ни при чем.

ШВЕДЫ

Школа находилась в трех минутах ходьбы от дома.

На линейку в День знаний Костя опоздал. То ли родители что-то перепутали, то ли проспали. Он вошел в новый класс, когда все уже сидели за партами, — и, конечно же, все тридцать пар любопытных глаз тут же уставились на него.

Костя залип. Он не ожидал такого внимания к своей персоне. Ноги не двигались. Учительнице пришлось взять его за руку и подвести к свободному месту. Рядом сидела девочка с огромным бежевым бантом на голове. Она надменно посмотрела на Костю. Он медленно отвел от нее глаза. Огляделся. Позади сидел какой-то чернявый пацан с оттопыренными ушами. Он ударил его пару раз линейкой по спине. Костя улучил момент и ударил его в ответ по рукам. Пацан обрадовался.

- Давай дружить! — сказал он.
- Давай, — сказал Костя, — только линейкой не дерись.
- Нет, — сказал пацан, — это важная часть дружбы.

И снова огрел его линейкой.

Позже он представился: Дима Иванов. Ладно, решил Костя, запомню.

Мама дала ему с собой печенье-сэндвич. На перемене Костя преломил печенье с Димой. Они хрустели им и улыбались.

Вскоре Костя освоился. Девочка больше не казалась страшной. Выяснилось, что ее высокомерие было вызвано тем, что она остолбенела от страха... Другие школьники тоже оказались более-менее нормальными.

Только учеба Косте не нравилась. Лучшее в учебе — перемена.

Дружить с Димой было весело. Однажды он притащил в школу презерватив, и они его долго рассматривали.

— Если налить в него воду и бросить с крыши, будет здорово, — сказал Вадик Зиновьев. Почему-то он считался спецом по презервативам и всему такому. Они тут же решили проверить точность его слов. Налили воды и выкинули трофей с четвертого этажа. Презерватив бухнул на асфальт и взорвался.

— Ого! Это же настоящая водная бомба!

Решили продолжить эксперименты, но тут в туалет пришла завуч — и первоклассники получили первое в жизни замечание. А Вадик Зиновьев — второе. Пару дней назад он забежал в туалет к девочкам. Это считалось величайшим проступком, куда более тяжелым, чем бросание презерватива в окно.

Дни тянулись, как урок по труду.

В третьем классе в школе ввели шведский язык. Детей заставили его учить. Те ничего не понимали и плакали. Костя тоже плакал, хотя ему нравились шведский флаг и Астрид Линдгрэн.

По шведскому у него была тройка.

И вот однажды прошел слух, что в школу собираются приехать шведы.

Настоящие.

Готовиться к этому начали за месяц. На фасад прикрепили табличку с надписью «Образовательное учреждение с углубленным изучением шведского языка». На следующий день ее украли школьные хулиганы. Тогда директор собрала учеников в спортивном зале и сказала, что, если табличку не вернут, она всех отдаст в спецприемник. Костя не знал, что такое спецприемник, но было страшно. Почему-то стало казаться, что все думают, будто это он украл.

Вечером табличка стояла у кабинета директора.

На этом преобразования не закончились.

В столовой повесили белые занавески. Скоро они приобрели желтоватый оттенок, но это даже придало им изящества. В гардеробе покрасили стену зеленой краской. Три дня из школы не могли выветрить ее ядреный запах. Говорят, географичка даже потеряла сознание. Но возможно, причиной обморока стали нервы.

Учителя действительно ходили сами не свои. Срывались на детей. За одну неделю Костя трижды стоял в углу. Один раз, конечно, по делу: нечего кукарекать на уроке. Но вот другие два раза... Впрочем, вскоре угол ему даже понравился. Он вставал туда, как домой приходил.

Потом стало известно, что шведы придут в пятницу. Лучших учеников отбирали для школьного концерта. Сценарий, говорят, писала сама директриса, Светлана Игнатьевна. У нее тонкие руки и ярко-красные губы. Костю она презирала.

В концерт его, конечно, не взяли. Это почему-то не понравилось бабушке. Она считала, мальчик достоин участия в гала-представлении. Тамара Ивановна пришла к классной руководительнице и долго ругалась с ней, демонстрируя медаль «За оборону Ленинграда», хотя при чем здесь медаль?

Костю согласились прослушать. Он читал басню Крылова «Ворона и лисица». Накануне они долго репетировали с бабушкой. Костя выступил неплохо. Хотя и оговорился в конце. Вместо «Спой, светик, не стыдись!», сказал: «Спой, пестик, не стыдись!» Возможно, он думал об огнестрельном оружии. К счастью, на это не обратили внимания.

Директор сказала, что читает он хорошо, но в концерте его все же не будет.

— Почему? — спросил Костя.

— Басня идеологически не выдержанная, — сказала директор.

Костя ничего не понял. Дома он рассказал, что отбор не прошел.

— Почему? — спросила бабушка.

— Басня слишком старая, — сказал Костя.

— Тоже мне — модернисты, — сказала обиженная бабушка. С тех пор директор стала для нее едва ли не главным врагом.

Впрочем, Костю все же хотели задействовать. Он должен был в день приезда вручать в школьном холле цветы проходящим иностранцам. Директриса сказала, что у Кости интеллигентный вид.

— Какой вид? — переспросил Костя.

— Уши у тебя не оттопыренные! — сказала завуч. Видимо, это было важно.

Иностранцев Костя себе представлял слабо, даже не был уверен, что они обладают схожими с людьми характеристиками. Вполне могло статься, что у них три ноги, две головы или хвост...

Весь четверг Костя учился правильно подавать цветы. Выяснилось, что это тяжелая и ответственная миссия. Существует не меньше пяти десятков способов вручить цветы шведской делегации. Большая часть из них — неправильная.

Пятница стала необычным днем. Школа благоухала и цвела, как невеста перед свадьбой. Перила украсили искусственными вьюнами. В портрет Ельцина на стене кто-то воткнул гвоздику. Трудовик снял коричневый халат и надел белый (что придало ему определенное сходство с хирургом). Волшебным образом в холле появился оркестр. Это были агрессивные заспанные подростки. Барабанщик ударил палочкой Диму Иванова, когда он подобрался поближе, чтобы разглядеть инструменты. Дима Иванов на коробке футбольных фантиков поклялся ему отомстить.

Учеников построили при входе. Директор внимательно осмотрела детей.

— А это что? — сказала она и показала на Костю.

— Это я, — сказал Костя.

— Нет. ЭТО!

Оказалось, дело в штанах. На перемене они с ребятами играли в фантики. Косте везло, он выиграл почти десять штук и торжествовал. Играли в рекреации, сидя на коленях. Штаны потеряли товарный вид.

— Убрать! — распорядилась директор.

— Но...

— Убрать!

Так Костя в первый раз в жизни пострадал из-за чрезмерного увлечения азартными играми...

Он расстроился, но потом Дима Иванов его убедил, что ничего страшного не случилось.

— Так даже лучше, — сказал он, — меньше ответственности.

Странно, что в таком возрасте он знал слово «ответственность».

— Бабушка расстроится, — сказал Костя.

— А ты ей не говори...

Он был по-своему мудрым, Дима Иванов...

На каждой перемене Костя выбегал в холл, чтобы посмотреть — не приехали ли шведы. Но шведов не было. Оркестр скучал и расплывался. Учителя переставляли цветы в кадках с одного места на другое. Покусились даже на пальму, но она оказалась слишком тяжелой.

Когда начался четвертый урок и все были на взводе, по классу прошел слух, что шведы уже приехали. Откуда он взялся — сказать сложно, потому что из класса никто не выходил. Но все вдруг стали перешептываться: «Шведы здесь, шведы здесь, шведы...» Наверное, нечто подобное испытывали русские солдаты под Полтавой. Появилось радостное возбуждение. Даже учительница не смогла продолжить чтение. Она поправила кофточку.

— Посмотрю, что там, и вернусь, — сказала она и выбежала.

Весь класс тут же прильнул к двери. Коридор выглядел пустынно. Двери в другие аудитории тоже приоткрылись. На них висели ученики из параллельных классов. Стали показывать друг другу языки. Все учителя куда-то делись. Деревья качались за окном.

Тут, вероятно, поднялся шум, потому что в коридор пришла незнакомая учительница и гавкнула так, что пришлось скрыться в классе.

Все сели за парты и стали тревожно ждать. Дима Иванов мечтал.

— Надеюсь, — сказал он, — нам привезут жвачку.

— Какую жвачку?

— Ты что! Они всегда привозят подарки!

— Подарки? Ты серьезно?

— Конечно! Беглов из пятого «Г» рассказывал, в прошлом году приезжали американцы и выдали всем сосиски в банках, шоколад, сухое молоко и жвачку.

— Сухое молоко невкусное, — сказала одна из девчонок.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Дима. — Его нужно ложкой есть.

Костя стал мечтать о жвачке и шоколаде. Сосиски в банках его мало интересовали. Решили по очереди отправлять в холл разведчика. Наконец раздался приглушенный возглас: «Идут! Идут!»

Весь класс бросился к своим местам. Все вытянулись по струнке, даже руки сложили перед собой. Вернулась учительница. Всем хотелось жвачку.

— Какие интересные эти иностранцы! — она была взволнована не меньше учеников. Юлия Чурина подняла руку.

— Ирина Федоровна, скажите, а шведы... они какие?

— Красивые, — сказала Ирина Федоровна, закатывая глаза.

Их класс — самый последний в коридоре, напротив туалета. Все ждали, что вот-вот откроется дверь, и прекрасные шведы впорхнут в аудиторию, словно ангелы. Но шведов не было. В коридоре раздавались голоса, смешки, потом они стали затихать. Сомнений не оставалось: шведы удалялись. Учительница встревожилась.

— Пойду проверю, — сказала она.

Она вышла за дверь, а все тут же соскочили с мест и рванули подглядывать. В большом проеме Костя увидел, как три или четыре белые фигуры удаляются по коридору. Боже! Они действительно напоминали ангелов.

— Херувимы, — сказала Чурина.

— Дура, чего ругаешься? — осадил ее Дима Иванов.

— Неужели это и есть шведы? — сказал кто-то за Костиным ухом.

— Куда же они? — расстроился Дима.

Ирина Федоровна догнала их, что-то им сказала, улыбаясь, услышала ответ... потом она развернулась и пошла обратно. Все снова вернулись на места. Но уже не так резво.

Учительница молча вошла в класс. Выглядела она сурово. Из глаз едва ли не искры летели.

— Все! Берем учебники! Занимаемся!

Чурина протянула руку.

— Ирина Федоровна, а где же шведы?

— Нет шведов. Шведы ушли...

По классу пронесся разочарованный вздох.

— А как же жвачка? — охнул Дима Иванов. Глаза у него покраснели, но он держался, не плакал... А вот Чурина всплакнула, закрыв лицо руками. Неизвестно, что она там себе вообразила. Может, сосиски в банках?

Учительница сказала, чтобы она пошла в туалет и привела себя в порядок.

— Немедленно! — Ирина Федоровна разрежала воздух рукой, словно саблей.

Вадик Зиновьев тоже поднял руку.

— А можно и мне?

На него шикнули.

Чурина, не прекращая реветь, вышла из класса, и мы еще какое-то время слышали ее громкий плач.

Это всех немного развеселило, и класс уже думал о том, какая глупенькая эта Чурина, а не об обиде на иностранцев. Дольше всех грустил Дима, но потом, на перемене, дал пинка собиравшему вещи барабанщику и убежал, непойманый, быстрый, гордый. Барабанщик очень злился и потрясал кулаком. Тут уже все окончательно забыли о шведах.

ФОТОГРАФИЯ

В четвертом классе я влюбился в классную руководительницу. Впрочем, не очень сильно. Кроме нее, мне еще нравилась Вика Зайцева, с ней я сидел на русском и литературе. Но она билась меня линейкой по рукам, когда я хотел у нее списать. Чувствам тяжело раскрыться в таких условиях.

Ирина Федоровна поддерживала хорошие отношения с моими родителями и, особенно, с бабушкой. После уроков они говорили о моих успехах. Или о неудачах. О неудачах чаще. Ирина Федоровна советовала, что нужно подтянуть в первую очередь. Бабушка называла меня «наш оболтус». Мне все это не нравилось.

Зато Ирина Федоровна узнала, что я люблю читать, и как-то дала на месяц книгу Льюиса про Нарнию. «Льва, Колдунью и платяной шкаф» я полюбил. Кроме того, книга хранила тонкий цветочный аромат духов Ирины Федоровны. Ах, Ирина Федоровна, ах. Я втайне гордился тем, что между нами установились такие отношения...

Как-то на перемене Вадик Зиновьев отвел меня в сторону и достал из кармана брюк несколько хлебных крошек и смятую фотографию.

— Смотри, — сказал он, улыбаясь и обнажая ряд завалившихся вперед зубов. Они напоминали забор у гаражей.

Я вгляделся в снимок. На нем голая женщина в откровенной позе лежала на двуспальной кровати. Стало не по себе, я смутился и покраснел, но оторвать взгляд оказалось невозможно. Я чувствовал себя как Христофор Колумб, увидевший далекую землю. Это было сродни великому географическому открытию.

— Ну как? — спросил Вадик.

— Интересно.

Он убрал фотографию.

— У меня еще есть!

— Много?

— Много.

— Показывай!

Но Вадик — бизнесмен. Он согласился продать мне их по среднерыночной цене. Он продемонстрировал кое-какие образцы. Я взял паузу для размышления. Первая женщина понравилась мне больше других.

Пришлось экономить на завтраках. Через три дня фотография оказалась у меня. Вадик передал ее, как в фильме про шпионов — тайком, вложенную в учебник по литературе. Там как раз был текст про гнев Ахиллеса, мы проходили Гомера. Такая вот ирония.

Не знаю, как так получилось, должно быть, что-то смешалось в моем рюкзаке, но фотография выпала из учебника и попала в книжку про Льва и платяной шкаф. А может, кто-то надо мной так подшутил. Сложно сказать.

Я вернул книгу Ирине Федоровне, ничего не подозревая. Она пришла домой и открыла книгу. И увидела фотографию. А может, фотография просто выпала из книги, когда она собиралась поставить ее на полку. Не знаю.

Дома я перерыл рюкзак, но так и не нашел то, что искал. От ужаса у меня задержался глаз. Оставалась надежда, что фотография затерялась по дороге. Но скорее всего, и я это понимал, она у моей классной руководительницы.

Она позвонила вечером. Я вздрогнул от телефонного гула. Он звучал угрожающе. Мне как-то сразу стало понятно все, и я, прощаясь, посмотрел в окно на привычную улицу, деревья, машины...

Мать взяла трубку. Я сидел в кресле и старался слиться с обивкой, как хамелеон. Не вышло. Мама вытащила меня из него и устроила крик. На шум вышла бабушка.

— Что случилось? Что происходит?

Я надеялся, что мама оставит происшедшее в секрете, но нет. Вместе с бабушкой они задали мне хорошую трепку. Обошлось без рукоприкладства, но с точки зрения психологии это даже страшнее.

Меня строго наказали. Мама прочитала долгую лекцию о вопросах морали и этики. Бабушка сказала, что дети, которые так себя ведут, попадают в ад.

Чтобы от меня отстали, пришлось расплакаться. Это всегда срабатывает.

Вечером я подслушал их разговор. Вообще они редко трепались. Но тут, видно, решили сделать исключение.

— Это все из-за бесстыдного поведения его отца! — кричала мать.

— Отца? Только ли отца? — отвечала бабушка. Это она намекала на то, что мама не очень хорошо относится к своим обязанностям. Кастрюли, например, с вечера не моет. И уроки не проверяет. И чистоту ушей у нас с Пашкой.

— Так мало того, у детей еще и бабушки нормальной нет! — отвечала мать. Она умела поддеть собеседника.

В общем, они поссорились.

На следующий день я пришел в школу, как побитый пес. Неудобно перед учительницей. Да, еще никогда мне не было так страшно входить в эти двери. Я представлял, как Ирина Федоровна начнет отчитывать меня перед всем классом. А класс будет смеяться. Я так этого боялся, что у меня ноги подгибались.

Едва я вошел, Ирина Федоровна строго посмотрела на меня, как пронзила копьем. Я даже почувствовал настоящую боль где-то в груди. Но нашел в себе силы осторожно подойти к ней.

— Извините, — сказал я, смотря в пол. Линолеум в классе порядком поистерся.

Она тоже старалась не смотреть в мою сторону.

— Надеюсь, что этого больше никогда не повторится.

— Конечно, — сказал я, — конечно, не повторится!

Я искренне надеялся, что такие провалы бывают лишь раз в жизни.

— Садись.

Я замялся.

— Только хотел спросить... а фотографию вы не отдадите?

Лицо Ирины Федоровны вспыхнуло. Я отступил.

— Это я потому спросил, что хочу ее... сжечь.

— Я сама ее сожгу, — сказала Ирина Федоровна. И грозно захлопнула школьный журнал.

Я сел за парту и весь день боялся поднять на учительницу глаза. И она была холодна со мной. Стало ясно, что-то между нами потеряно, какая-то важная связь. Я сидел и грустил.

Ирина Федоровна быстро нашла себе утешение в объятиях учителя физики Кирилла Михайловича. Он иногда приходил к нам на уроки, сидел на задней парте, улыбался. Он был низкорослый, лысоватый и добродушный. Мне он не нравился. Я презирал его.

Ах, Ирина Федоровна, ах.

В ЧУЖОМ УГЛУ

Однажды Костя поехал с родителями в гости. Эти поездки он очень уж не любил. Там было так скучно, что хоть спи. Кроме того, там существовала одна надоедливая девочка, мнительная, да еще и некрасивая.

В метро Костя слышал, как мать попросила отца вести себя хорошо.

— Я хочу, чтобы ты был трезвый, как стеклышко!

Геннадий Яковлевич пожал плечами.

— В смысле — остекленевший?

Костя смутно почувствовал какой-то подвох.

Приехали в центр. Прошли черными дворами. В углах копошились коты.

Наконец пришли. В большой коммунальной квартире блуждали люди. Кухня, старая, с темно-зелеными стенами, была заставлена мебелью и посудой. В углу батареи пустых бутылок.

Родители расположились в комнате. Начали выпивать, пошли тосты. Кажется, праздновали чей-то день рождения. Во главе стола красовался чан с винегретом. Костя винегрет презирал. Все стали предлагать ему что-то съесть, он стеснялся и краснел. Наконец довольствовался бутербродом со шпротой. Шпрота, виляя хвостом, норовила выскочить на пол и упрыгнуть в щель.

Девочка подобралась к Косте.

— Привез чего-нибудь?

— Нет, — сказал Костя, жуя, — разве я должен что-то привезти?

Девочка сделала недовольное лицо. Носик ее вздернулся.

— В гости приходят с подарками!

Косте стало неловко. Он порылся в карманах, достал жвачку.

— Вот, — сказал он, — держи.

— Оставь себе! — сказала девочка с неожиданным гневом и, фыркая, ушла.

Костя так и сделал. Запихнул жвачку обратно.

Он посидел немного за столом, покопавшись для вида в «оливье». «Оливье» отличался от домашнего, был почему-то рыжего цвета. Костя попытался смотреть телевизор, но взрослые заслоняли весь мир. Пришлось улизнуть на кухню. Здесь было относительно тихо и пусто. Курили на лестнице.

Костя сел в углу и принялся смотреть в окно. Ничего не было видно. Темень. Фонарь. Кажется, снег или густой пепел падает с неба.

Тут вышла соседка со сморщенным лицом. Платье на ней было цветастое. Фиолетовые розы украшали его.

— Сидишь? — спросила она, ставя чайник на плиту. Ее плита была самая чистая.

— Сижу, — вздохнул Костя.

— Чаю хочешь?

— Нет, — сказал Костя, хотя очень хотел.

Женщина поставила перед ним тарелку с пряниками.

— Угощайся.

Костя сглотнул слюну.

— Я не голоден.

— Ладно тебе. Ешь.

Костя принялся покусывать пряник.

— А что ты так сидишь? Хоть бы книжку какую взял...

— Какую?

— Ну, сейчас.

Женщина куда-то ушла. Потом вернулась.

— Вот, — сказала она, протягивая Косте засаленное издание в твердой зеленой обложке.

— «Оливер Твист», — прочитал Костя.

— Очень полезная книга, — сказала женщина, наливая ему чай.

— Картинок нет, — сказал Костя печально.

— Привыкай так. Сколько тебе лет?

— Десять.

— Уже пора, — твердо сказала женщина.

— Я вот недавно про Нарнию читал, — сказал Костя, надеясь найти поддержку.

Но женщина про эту книгу не слышала.

Костя поблагодарил ее. Она налила чаю и ушла.

— Полежу, — сказала она.

Костя вздохнул и стал читать. «Оливер Твист» действительно оказался интересной книгой. Хотя некоторые слова Косте были непонятны.

Входная дверь иногда хлопала. Это взрослые ходили курить. В кухню заглянула его мама, Елена Михайловна.

— Как ты? Нормально? Не скучаешь?

— Скучаю, — честно ответил Костя, — когда мы домой поедem?

— Скоро.

Она ушла.

Потом пришла эта девочка. Села на стул рядом и принялась играть со своей куклой. Она делала это нарочно громко. Так, по крайней мере, показалось Косте.

Читать больше не получалось.

— Хочешь пряник? — спросил Костя.

— Это не наши, — сказала девочка.

— Да, это мне ваша соседка дала.

— Мне нельзя у нее ничего брать, — сказала девочка.

— Почему?

Девочка пожала плечами.

— Вы еще долго здесь будете? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Костя, — но я очень хочу домой.

— И я хочу, чтобы вы домой уехали.

— Хорошо бы.

Девочка убрала куклу.

— А твой папа тоже много пьет?

Костя пожал плечами.

— Как сказать...

— Мой — много, — сказала девочка, — его мама за это ругает.

Костя вспомнил, что мама отца тоже часто ругала, но ему почему-то не захотелось об этом говорить.

— Нет, — сказал он, — мой папа вообще практически не пьет.

— Никогда?

— Пива может выпить на Новый год. Или кваса.

— А сейчас он что делает? Не пьет?

Костя заерзал на стуле.

— Ну, он же в гостях...

Они разговорились и стали болтать о том о сем. Пару раз на кухню снова заглядывала Елена Михайловна. Геннадий Яковлевич не появлялся. Костя снова спрашивал маму, скоро ли они поедут.

— Скоро, — неизменно отвечала она, а в последний раз добавила: — Надо дать родителям шанс повеселиться.

— Вот видишь, — сказала девочка, — повеселиться. Они пьют и веселятся.

— Можно и так веселиться.

— Можно, — девочка встала и начала прохаживаться по кухне. — Я вот попробовала как-то коньяк. Мне не понравилось.

— Когда это? — спросил Костя.

— На Новый год. Когда со стола убирали. Вообще он невкусный. А пиво ничего так. Если с солью.

— Не знаю, — сказал Костя, — не пробовал.

Входная дверь опять хлопнула. Потом еще раз. Раздался звон разбитой посуды. Кто-то дрался. Бойцов полезли разнимать. Едва не упал шкаф. Один из гостей держался за губу. Женщины кричали.

Костя вскочил, не зная, что делать.

— Сядь, — сказала девочка, — сейчас они успокоятся.

Она продолжала играть с куклой, как будто ничего не случилось.

И действительно, прошла, наверное, минута — и все стихло.

— Вот видишь! — девочка улыбалась. — Хочешь, я стащу у них коньяк?

— Нет, — сказал Костя, — не надо.

— Скучный ты, — сказала девочка и зевнула.

Тут пришла Костина мать и сказала, что им пора идти.

— Что случилось? — спросил Костя. Она махнула рукой, но ничего не сказала. Костя увидел, что у отца разбита губа.

Мать натянула на него куртку — он даже пикнуть не успел. Отец шатался, но молчал, что уже было неплохо.

Вышли на снег, и Костя вспомнил, что забыл отдать соседке книгу. Она так и осталась у него в руках.

— Надо вернуть! — сказал он.

— Нет, — ответила мать, — в другой раз.

Костя молча заплакал, на него накричали. Пришлось вытирать слезы и, опустив голову, тащиться до метро.

Но метро уже было закрыто. Сгущалась ночь, повалил снег. Поймали машину кое-как. Разгоряченный отец долго спорил с водителем о цене. Потом побежал в круглосуточный — покупать пиво. Мать и Костя сели в машину, на заднее сиденье. Хотелось спать. Пахло бензином.

— И долго он там? — все спрашивал нетерпеливый водитель, поглядывая на дверь в магазин. Наконец отец появился, правда, не один, а в компании еще двух крепких молодых людей. Он отбивался от них, одного даже повалил на землю, правда, другой тут же пришел товарищу на помощь.

Елена Михайловна выскочила из машины. Костя остался. Он смотрел на эту сцену сквозь мутное стекло проржавевшего автомобиля. На улице происходило что-то вроде ритуального танца. Четыре человека плясали друг против друга, поднимали руки, странно сгибали ноги.

— Мне проблемы не нужны, — неожиданно сказал водитель, — парень, давай-ка вылезай отсюда!

Костя медленно покачал головой.

— Сказали сидеть...

— Вылезай, кому говорят!

Костя выбрался на улицу. Машина взвизгнула и уехала в ночь. Косте было очень страшно, но активные боевые действия уже закончились. Отец лежал

в снегу, мать пыталась его поднять, а те двое будто исчезли. Может, вернулись в магазин?

Елена Михайловна вдруг замерла.

— Сумка... Моя сумка...

Оказалось, что она оставила ее на заднем сиденье, рядом с Костей.

— Что ты вылез, — накричала на него мать, — я же тебе сказала: в машине сидеть...

Костя собрал все силы в кулак и не заплакал. Было очень обидно, но он держался.

— Я вас пошел спасать, — сказал он.

— Эх, было бы их не двое, я бы им показал! — сказал Геннадий Яковлевич, поднимаясь.

К счастью, денег в сумке было мало. А документы мама с собой взяла.

Тут уже Костя хлопнул себя по лбу.

— Книга! Я книгу в машине оставил!

На него внимательно посмотрели.

— Какую еще книгу?

— «Оливера Твиста»!

Мать махнула рукой.

— Почитаешь другую... Все равно уже не вернешь.

Посовещавшись, решили вернуться и ночевать у друзей. Опять повалил снег. Родители угрюмо молчали и шли. Отца пошатывало. На особенно скользких местах он пару раз чуть не грохнулся.

Косте было очень стыдно возвращаться в дом, откуда он только что забрал книгу, которую тут же потерял. Но на улице оставаться тоже не хотелось — холодно.

Хозяева были не то чтобы особенно рады видеть их компанию, как показалось Косте. Им постелили в коридоре и в комнате. Пока шли приготовления, а мужчины допивали остатки, Костя опять встретился с девочкой.

— Вернулись... — сказала она и вздохнула.

— Попали в переделку.

— Всегда у вас так!

— Разве?

Девочка ничего не ответила. Костя приблизился.

— Слушай, — сказал он, — я книгу вашей соседки потерял. Что делать?

— Ничего.

— А где ее комната?

Девочка показала.

— Ты к ней не ходи. Она ведьма.

Костя насторожился.

— Не похожа.

— А ты думал, она с метлой будет расхаживать?

— Ну и ладно. Что она, меня съест?

— Съест, может, и не съест. Но оближет всего, например...

— Бр-р-р! — сказал Костя. Конечно, он не поверил девочке. Он знал, что она врет.

Девочка медленно кивала головой. Мол, всякое бывает.

Но Костя решил. Он дошел до конца коридора и постучался в дверь.

Что-то зашуршало.

— Кто там?

— Это я... мальчик с кухни.

Шуршание усилилось.

— Заходи, мальчик с кухни.

Дверь скрипнула. Костя увидел небольшую комнатку. Светила красная лампа под потолком. У стен стояли стеллажи с книгами. Можно сказать, они составляли весь интерьер.

— Вы меня простите... Даже не знаю, как сказать... Я нечаянно книгу вашу в машине оставил.

Костя виновато опустил голову.

Соседка укуталась в ветошь.

— Ладно. Бывает. Возьми потом в библиотеке и дочитай. Диккенс — великий писатель.

Костя оживился.

— Мне сразу понравился!

— Отлично!

Костя не знал, что делать дальше. Остаться? Уйти?

Он спросил:

— А Шишкин вам нравится?

Соседка усмехнулась.

— А что?

— Мы, оказывается, его родственники. Представляете?

— Да что ты!

— Да. Прабабушка у него служила. Наверное, помогала ему рисовать. Что-то в таком роде. Ну и вот.

— Это прекрасно, — сказала соседка, — такие истории, конечно, случались. Чего только не бывает! А с книгами нужно все-таки аккуратнее обращаться. Книги — это самое важное, что у нас есть.

— Я вам в следующий раз что-нибудь тоже принесу. «Хоббита», например. Или «Короля Артура».

— Ну, принеси.

Они расстались друзьями.

Девочка ждала его на кухне.

— Ну как она? Колдует?

— Нет. Сидит. Читает.

Девочка расстроилась.

— Скрытная.

— А мне она понравилась, — сказал Костя. — Вот еще мне книгу дала.

— Что это? Какой-то Зош...

— Зощенко.

На девочку это не произвело впечатления.

— Слушай, а хочешь коньяк попробовать?

— Нет, — сказал Костя.

— Давай! Это вкусно...

Костя вспомнил, что она говорила до этого.

— Это я шутила, — сказала девочка. — Тут вон есть.

Она ловко перелила остатки алкоголя из разных рюмок в одну.

— Попробуй.

Костя попробовал немного и стал плевать.

— Тьфу! — сказал он, — какая гадость!

Девочка тоже глотнула.

— А по-моему — ничего. Похоже на лекарство. Только пить нужно осторожно.

— Нет, — сказал Костя, — пить это я никогда не буду. Как они это пьют?

Девочка взяла его за руку.

— А поцеловать меня не хочешь?
— Нет, — честно сказал Костя.
— Дурной ты какой-то, — сказала девочка. — Дурак, честное слово. Коньяк не нравится, целоваться не хочешь. Какой от тебя толк?

Тут она резко поцеловала его в щеку и убежала. Поцелуй был слюнявый.

Он посидел еще немного на кухне, пожимая плечами. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Он так всегда делал, когда думал. Потом мать его позвала, и он отправился спать, правда, заснуть долго не получалось. Он все думал о странной девочке на кухне, о снежной метели и об Оливере Твисте.

АФЕРА

Денег не хватало. Мама давала на обед, но слишком мало. Я мог купить песочную полоску, компот и еще жвачку в ларьке. Если деньги придержать пару дней, то удавалось приобрести что-нибудь существенное. Лимонад. Или шоколадку. Что-то большее — вряд ли, экономить долго не получалось.

В седьмом классе я мечтал купить игровую приставку. Стал клянчить у родителей. Мама посмотрела на меня с недоверием.

— Ты и так уроки не делаешь, а если я тебе еще приставку куплю?

Я пообещал, что буду учиться хорошо.

— Ладно, — сказала мать, — закончи год без троек, тогда...

Дальше я не слушал. Закончить год без троек нереально. И пробовать не стоило.

Новый год остался позади, день рождения еще не скоро, богатых родственников на горизонте не наблюдалось... Пришлось копить самому. Я ходил в магазин, посмотрел, сколько стоит приставка. Посчитал, сколько дают на обед и сколько можно сэкономить, отказавшись от полоски «Песочная». Получилось без малого три месяца. Слишком много! Но другого варианта не было.

Спустя две недели я открыл копилку, чтобы подсчитать богатство, и схватился за голову — удалось собрать жалкую мелочь. Куда же делись остальные деньги? Я так расстроился, что на два часа впал в депрессию. В общем, требовалось что-то еще. Нужна была находка. Свежая идея! Я предложил выносить мусор за деньги, но надо мной посмеялись и заставили выносить мусор за просто так.

Тут подвернулся случай. Учительница вернула всему классу собранные за поход в театр деньги.

— Театра не будет, — сказала учительница.

— Почему? — спросила Юля Чурина. Ей вечно было больше всех надо.

Учительница замаялась.

— Там у них ЧП. Здание, кажется, сгорело.

— Надеюсь, никто не пострадал? — тут Чурина побледнела.

— Седьмые классы пострадали, они должны были на «Мастера и Маргариту» идти.

Итак, у меня в руке оказались кое-какие деньжата. Неплохо. И тут я подумал: а что если не возвращать это богатство? Если сказать матери, что я действительно ходил в театр? Идея была блестящая.

Вечером я очень волновался. Все продумал в деталях: на какой спектакль ходил («Стойкий оловянный солдатик»), кто играл главную роль и какого цвета занавес.

За ужином я настороженно ел суп, волновался и пытался не выдать себя. В один момент мне показалось, что я ужинаю слишком быстро, и стал есть нарочито медленно. Потом решил, что ем чересчур медленно, и принялся махать ложкой. На маму глаза не поднимал.

— Как театр? — вдруг спросила она.

— Х-хорошо, — сказал я, втягивая голову в плечи.

Мама кивнула. Такой ответ ее устроил. «А как же вопросы про занавес?» — подумал я.

По радио тем временем шла какая-то передача. Говорили про политику. Ведущий был очень оптимистичен. Обещал, что к лету в стране все будет хорошо.

— Вот врут, — сказала мама, закуривая.

Я встрепенулся.

— Кто врёт? Я не вру!

Тут я вспомнил поговорку, которую проходили пару уроков назад: про вора с шапкой. Покраснел. Взял в руки ложку.

— Это я сценку репетирую...

Мама смотрела на меня настороженно, но головой кивнула. Мол, принято.

Афера прошла. Часть сокрытого я тут же потратил. Решил, что деньги все равно лихие, так зачем отказывать себе в удовольствии? На приставку все равно не хватало...

Я купил большую двухлитровую бутылку лимонада, три пачки печенья, ирисок и сидел, покачиваясь, на качелях.

На следующий день у меня начался жуткий диатез, мама решила, что это аллергия на яичный белок, и исключила из рациона яичницу. Ну и ладно.

Прошло еще немного времени, и я понял, что второй раз судьба не преподнесет такого подарка. Следовало действовать.

Тогда я придумал аферу с абонементом. Вечером сказал матери, что школа приглашает учеников седьмых классов на экскурсии. Абонемент на шесть посещений разных дворцов. Сумма выходила приличная. Почти хватало на приставку.

— Что-то дорого, — сказала мама.

— Не я же цены выдумываю...

— А какие дворцы?

Я напрягся.

— Строгановский, Шереметевский, Романовский...

— Что еще за Романовский дворец?

Вот же дурак, такое случайно ляпнуть!

— Ну, дворец, где жили Романовы...

— Эрмитаж, что ли?

— Наверное...

Мама закурила и раскрыла кошелек.

— Что не сделаешь ради просвещения!

Странно, когда мама отдавала деньги, я не испытал радости. Скорее наоборот. Отчего-то стало совестно. Будто кто-то дергал за штанину: «Эй, остановись!» Такое неприятное чувство — хоть мойся иди.

Но я собрал волю в кулак и переборол себя. Ура! Деньги свернул трубочкой и убрал. Подумал, что нужно бы маме цветы купить. Эта мысль меня немного успокоила. Но сны снились все равно страшные. Да и про цветы я как-то забыл.

Покупать приставку сразу было бы верхом идиотизма. Я выжидал. Выжидал и торжествовал втайне. Теперь можно не экономить на завтраках и вообще вести барский образ жизни! Однажды я проигрался в фантики и не расстроился. А когда старшие в школе отобрали талон на обед, то пошел и купил новый. Хорошо быть богатым!

Для того чтобы не попасть впросак, я читал в энциклопедиях о разных дворцах. Брал в школьной библиотеке книги по истории Петербурга. Допрашивал учителей. Меня даже стали принимать за отличника и заставили сделать доклад на районной олимпиаде. Доклад я сделал и получил за это яркую грамоту. Меня похвалили и поставили в пример другим. Раньше такого не случалось.

В дни «экскурсий» я шлялся по двору часами. Погода иногда была чудовищная. Но делать нечего, приходилось приберегать алиби. Один раз я сильно промочил ноги и на следующий день заболел. «Ничего, — говорил я себе, — это того стоит».

Прошел месяц с хвостиком. Пора! Я открыл копилку и увидел, что денег на приставку все равно не хватает.

Тогда я вдруг вспомнил, как брал отсюда то одну бумажку, то другую, то сразу несколько. На лимонад, на новые вкладыши, на пистолет, увиденный в «Культтоварах».

Нужно было что-то делать. Тогда я пошел к маме и начал рассказывать о новой серии экскурсий. Теперь школьникам собирались показать храмы города.

Мама смотрела на меня со скепсисом. Она закурила, громко чиркнув спичкой.

— И сколько стоит?

Я отвел глаза в сторону.

— Пятьсот.

— Сколько?

— Четыреста пятьдесят...

— Нет, — сказала мама, — таких денег у меня нет. И не проси. Давай сами в Спас на крови съездим в выходные. Его как раз открыли недавно.

Я махнул рукой. Все понятно. Остаток денег я спустил в игровых автоматах.

И тут бы этой истории закончиться, но нет. На выпускном в том году лучшим ученикам торжественно вручали дипломы от отдела образования. Мне тоже должны были вручить. Как участнику исторической олимпиады. Это было достижение. Ведь раньше если мне что в школе и доставалось, так это вызовы на педсовет. А тут — триумф.

Разумеется, мама решила лично присутствовать. Бабушка тоже проникла в зал. Они сидели порознь. Стояла изумительная майская погода. И даже птички чирикали за окном. Загнанные в актовЫй зал школьники скучали. Директор вручила несколько дипломов, а потом представители отдела образования вручали всякие дипломы ей. Она любила яркие бумажки.

Я вышел за дипломом и споткнулся, едва не упав. Все рассмеялись. Даже представитель отдела образования. Светлана Игнатьевна тоже вздохнула.

— Все у тебя, Костя, через пень-колоду.

— Спасибо, — ответил я.

После церемонии мама подошла к учительнице. Они разговорились. А я побледнел. Это могло быть опасно. Мама все ходила вокруг да около, а потом вдруг выпалила:

— Спасибо за экскурсии... Мальчик так интересно рассказывал про Шереметевский дворец! Я уверена, этот диплом он получил только благодаря этим поездкам.

Учительница медленно повернулась в мою сторону. Одна ее бровь поползла вверх. Она словно из пистолета стреляла.

— Каких еще экскурсий??!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Костя открыл глаза и увидел небо, необычайно контрастное, как будто нарисованное взбесившимся подражателем Матисса. Огляделся, вскочил с кровати и принялся искать подарки. Начался его день рождения. Подарков он не нашел. Прикусив губу, залез обратно под одеяло. Стал размышлять: почему нет подарков? Должны ведь быть.

Успев немного пообижаться на своих грубых, невнимательных родителей и усиленно воли остановить поток слез, он решил, что пора вставать. Тут в комнату вошла мать, энергичная, радостная. За ней отец, выглядевший необыкновенно свежо,

у него даже усы были как-то удачно огранены — такое случалось крайне редко. Последовали поцелуи.

Мама сидела на краешке кровати и улыбалась. Отец мелькал на заднем плане, постоянно трогая руками то стул, то стол, то висевшую над головой полку.

— А вот и подарок, — сказала мать.

Она протянула Косте ярко упакованную коробку, и Костя долго боролся со скотчем, который держал тайну крепко, как шпион.

— Не надо зубами-то, — успела вставить Елена Михайловна.

Но Костя уже победил, ошметки отправились куда-то вниз, на пол.

Костя замер. У него на коленях лежала книга. Огромная, как плато.

«Мифы Древней Греции» — было написано на ней. Костя опять принялся мять губу, а глазки бегали, бегали...

— Это книга, — сказал он неожиданно проявившимся басом.

— Да, — сказала мама, — и посмотри, какая чудесная!

Она перевернула том. На обратной стороне тоже была обложка. На ней надпись: «Мифы Древнего Рима».

— Правда, здорово? — спросила она, — нет, ну правда, здорово?

Костя пожал плечами.

— Да, — сказал он, — здорово... Вот только...

Родители внимательно смотрели на него.

— Вот только я мечтал о ковбойской шляпе.

Тут началась какая-то ругань, пошли нотации. Все сводилось к тому, что родители и так слишком много делают для такого безответственного, ленивого и, получается, неблагодарного мальчика!

Костя расстроился, пытался удержать слезы, сощурившись до такой степени, что его лицо приобрело противоестественное выражение, как будто он съел лимон и одновременно его ударили под дых.

Схема была примерно ясна. Его отругали. Он заплакал. Его пожалели.

— Извините, — сказал Костя, когда буря прошла, — книга — хороший подарок.

— Ее можно читать с двух сторон, — сказал зачем-то отец.

— Спасибо, — сказал Костя, стараясь выглядеть тактичным и воспитанным.

Родители переглянулись.

— Кстати, — сказала мать, — у нас еще один подарок для тебя заготовлен...

Костя оживился. У него даже руки самопроизвольно задвигались.

— Его отец заберет, когда будет вечером возвращаться с работы.

Это уже было другое дело! Костя даже едва не крикнул: «С этого и нужно было начинать!», но сдержался.

Все разбрелись.

Костя заглянул к бабушке. Она сидела в кресле с сигаретой в руках и смотрела по черно-белому телевизору «Утреннюю почту». Костя откуда-то знал, что ей очень нравится Игорь Николаев.

Она обняла его и поцеловала, оставив мокрый след на щеке. След Косте причинял некое беспокойство, словно царапина, но стирать его нельзя ни в коем случае. Он знал.

— У меня для тебя тоже есть подарок, — сказала бабушка. Она сделала ловкую паузу и полезла куда-то под кресло. Костя едва усидел на месте. У него в голове опять начала кружиться карусель всех тех возможных прекрасных вещей, обладателем которых он вот-вот может стать.

Бабушка извлекла полиэтиленовый пакет, застиранный до такого состояния, что логотип и рекламная надпись стерлись и казалось, что у пакета катаракта.

— Вот, — сказала она торжественно — держи!

Костя взял пакет и заглянул опасливо внутрь. Его дернуло. Нет! Вовсе не шляпа, и не ковбойский хлыст, и даже не игровая приставка, о которой он грезит с нового года.

Это был ярко-зеленый шерстяной свитер.

— Примерь! — сказала бабушка, улыбаясь.

Костя стал как-то отговариваться, мол, нужно идти, но Тамара Ивановна была настойчива. В этом она знала толк.

— Хорошо, — сдался Костя и покорно опустил голову. Свитер оказался колючим и неприятным.

— Ну вот, — сказала бабушка, — сидит как влитой.

— Колется, — сказал Костя. Ему казалось, будто по нему ползает сотня жуков.

— Свалется — перестанет.

Костя не плакал, он чувствовал свою обреченность. Он знал, тут уж ничего не сделаешь.

Он начал снимать свитер, но бабушка стала настаивать, чтобы он походил в нем «хотя бы пять минут». Костя подчинился.

Собирались на праздничный завтрак. Пашка бегал вокруг стола и норовил стащить пирожное. Ему несколько раз доставалось от отца, но Пашка всякий раз возвращался, крадучись. На Костю он даже не смотрел.

— Поздравь брата! — скомандовали ему.

— Поздравля! — сказал Пашка и тут же убежал, стащив таки сладкое.

— Что это у тебя за странный свитер? — спросила мать.

Костя объяснил. Мама сделала недовольное лицо и выразительно посмотрела на отца. Отец развел руками. Как и Костя, он не знал, что делать с этой властной курильщицей, поклонницей Игоря Николаева.

— Сними-ка его, — сказала мать.

— Будет скандал, — сказал отец, как бы между делом.

— Жарко, — сказала мать, — сними.

Костя стянул свитер с видимым облегчением.

— Колется, — пожаловался он.

— Ужасный свитер, — сказала мать. Она взяла его и отнесла куда-то.

— Хотим мы того или нет, — сказал отец, когда она вернулась, — но нужно позвать Тамару Ивановну.

— Праздничный ужин будет вечером, — сказала мать, раскладывая по тарелкам омлет, — хотя...

Костю сделали посыльным. Костя осознавал торжественность момента. Он был парламентар, великий посол, спешащий к неприятелю с депешей.

Бабушка выслушала слова парламентаря в гордом молчании.

— Я уже завтракала, — сказала она и потрепала Костю по голове.

Костя вернулся.

— Она уже завтракала.

— Ну и что? — вспыхнула мать. — Мы ее приглашаем! Можно и выйти! Оказать честь!

Костя опять ушел. Энтузиазм его стал иссякать.

— Интересная передача, — сказала бабушка, показывая в телевизор. Там люди в национальных костюмах на берегу широкой реки пели частушки.

Костя робко вернулся в кухню.

— Неужели я должна умолять ее на коленях?! — вскрикнула мать.

Теперь парламентаром выступил отец, и у него получилось. Правда, через стенку некоторое время доносились его сдавленные возгласы.

Они вернулись вдвоем. Отец Кости первый, бабушка следом, прихрамывая.

— Явление Христа народу, — сказала Елена Михайловна очень тихо, но так тихо, чтоб было слышно.

— Могу уйти, — тут же среагировала Тамара Ивановна.

— Косте будет приятно, если вы останетесь, — сказала Елена Михайловна.

Это было перемирие в честь праздника. Все сидели за столом и чинно ели.

— А где Пашка? — спросила Тамара Ивановна.

— Убежал, — сказал отец, — он сидеть не умеет.

Тамара Ивановна покачала головой. Она считала, что его поведение целиком на совести родителей.

— Его поведение, — сказала она, — целиком на вашей совести.

Родители Кости это проглотили.

В остальном прошло без эксцессов. Костя боялся, что может начаться бомбардировка тарелками или стрельба чашками. Но ничего. Пронесло.

— Жаль, — сказал Костя, — что мой день рождения не каждый день.

Все засмеялись. Отец потрепал его по голове.

— А ты, наверное, хочешь много подарков!

На самом деле Костя хотел, чтобы родители вели себя мирно и не ссорились друг с другом, но он не смог это объяснить, а потому просто кивнул головой.

Двенадцать лет исполнилось Косте, и он решил, что в этом году больше не будет лить слезы по пустякам.

«Вот если ударят больно. Скажем, по колену — тогда можно плакать. А из-за обиды — нет», — думал он, попивая чай.

В этот же день он торжественно завел дневник и сделал запись:

«Планы на год

1. Не ругаться.

2. Меньше плакать (по возможности).

3. Прочитать Дюма.

4. Выучить муай-тай».

Еще он решил составлять планы на день и написал: «Хорошо отметить день рождения». План ему понравился.

Затем он отпросился погулять.

— Надень свитер, — сказала бабушка, — там холодно.

Откуда-то, словно из воздуха, возникла мать.

— Нет, лучше куртку.

Костя почувствовал, как сгущается вокруг него напряжение.

— Почему бы ему не надеть свитер? — спросила бабушка, принимая позу, удобную для атаки.

— В одном свитере идти неудобно. А джинсовую куртку можно снять, если станет жарко.

— Свитер тоже можно снять!

Мама сделала шаг к полке, на которой лежал тот самый свитер, и пощупала его, как обычно проверяют на рынке товар вдумчивые покупатели.

— Он колется! — сказала мать.

— Ничего подобного! — крикнула бабушка.

Мама медленно повернулась к ребенку, держа свитер в руках.

— Костя, он колется, скажи?

Костя оказался в западне. Ловушка! Ловушка! Он почувствовал себя мышонком, которому придавило лапу. И самое грустное — сыра в мышеловке даже не было.

Он опустил голову и взял свитер у матери.

— Я надену и то, — сказал он, — и другое.

Взрослые замерли. Спорить дальше было бы глупостью. Пришлось смириться.

Косте было очень неприятно надевать и то, и другое, ужасно колючее, гадкое, но пришлось. Он чувствовал важность миссии. Можно и потерпеть немного ради великой цели!

Отец уехал по делам. Что-то ему нужно было сделать в конторе. Костя отправился гулять вместе с Димой Ивановым. Мама дала ему кое-каких денег на лимонад и печенье, поэтому Костя пребывал в наилучшем настроении, несмотря на колючий свитер.

— Че это ты так вырядился? — спросил его Дима. — На улице жара!

Действительно, листья уже распустились, были зелеными-зелеными, настоящими. Правда, ветер нагнал облака, они застелили небо тонкой, но плотной простыней. Но все равно было тепло, уже едва ли не по-летнему.

— Долго рассказывать...

— Что предки подарили?

— Так... по мелочам.

— Не, ну что?

— Книгу.

Дима не поверил.

— Книгу? И все?

Костя вздохнул и соврал, придумав на ходу еще несколько игрушек.

— И робота подарили? Дашь посмотреть?

— Конечно! — сказал Костя, сразу же придумав, что Диме он потом объяснит, мол, робот сломался.

Они побродили по двору. Попили лимонад, покачались на качелях. Вообще ничего не происходило и было даже скучнее, чем в обычные дни.

«Вот так всегда, — думал Костя, — ждешь день рождения, ждешь, а он приходит какой-то не такой».

— Скучно, — сказал Дима и ушел домой. Костя еще немного покачался один. Качели скрипели.

Вечером ждали отца. Он должен был вернуться к семи, к праздничному ужину. Стол был накрыт. Особое место на нем заняли бананы. Мама спросила Костика накануне, что ему приготовить особенное.

Костя подумал.

— Приготовь толоконную кашу.

— Что?

— Помнишь, ты раньше делала такую — очень вкусная.

— Я даже не знаю, смогу ли я такую сейчас найти...

В итоге Косте достались бананы.

Костя съел уже три, а отца все не было. Мама сделала несколько звонков. В конторе трубку никто не брал. На складе его видели три часа назад.

— Ушел, — сказала мама, — бывает. Может, подарок тебе ищет...

Но лицо у матери было странное.

Подождали еще. Паша ушел к себе, а бабушка и не выходила. Сидели за столом вместе с матерью. Молчали. Гудел телевизор.

— Мама, — сказал Костя, — а может, пойдем на автобусную остановку его встретим?

— Не знаю, — сказала мама, надевая очки, — думаю, это не лучшая идея.

— Ну, пойдем! Пожалуйста!

Оделись и вышли. Костя опять натянул на себя и свитер, и куртку.

— Спаришься, — шикнула мать.

Костя только покачал головой, мол, нет.

Добрели до остановки. Начинались белые ночи. По крайней мере, вечер был белый-белый. Но фонари все равно горели, правда, не все. Вдалеке мигал желтым светом. Приехал автобус. Стали выходить люди. Отца не было.

— Может быть, — сказала мать, — его задержали дела, и он не придет сегодня.

Костя не верил.

— У него бывают командировки, ты же знаешь, — говорила она.

— Он поехал в командировку без чемодана?

Мама молчала.

Приехал еще один автобус. Опять повалил народ. Но уже меньше. Какой-то дяденька в бежевом плаще немного напоминал папу.

— Пойдем? — спросила мать.

— Нет, — сказал Костя, — я буду ждать.

Мама вздохнула. Ей-то уже все было ясно. Да и Косте тоже, но он стоял из-за упрямства. Ему не хотелось так просто уходить.

— Думаешь, он не придет? — спросил Костя.

— Думаю, нет.

— Как тогда, да?

Она вздохнула.

— Наверное, его срочно отправили по делам.

Иногда отец пропадал на неделю, две, месяц. Мама объясняла, мол, у отца дела. Но по обрывкам разговоров Костя уже давно понял, что все не так просто. Куда-то он уходит, где-то живет.

— Пьет там! — говорила мать шепотом подругам по телефону.

Костя себе это очень ярко представлял.

— Я тебе завтра подарок куплю, — сказала ему мать.

Костя молчал.

— Какой ты хочешь? Ты говорил — шляпу?

— Ладно, мам, — сказал Костя, — не переживай. Не нужна мне шляпа...

Он обнял ее, и они пошли домой.

Перед сном он устроился на диване и стал читать. Пашка уже уснул, и читать было приятно. Книга оказалась интересной, но мысли бродили, путались. Неожиданно для себя он заплакал, и слезы, крупные, быстрые, падали на изображение Зевса.

Зевс хмурился.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ

Когда я перешел в шестой класс, то получил то ли двенадцать, то ли пятнадцать двоек подряд. Они сыпались со всех сторон, я только дневник успевал учителям подносить. Уже и не знаю, что со мной случилось, наверное, такая полоса. Если по математике и, допустим, английскому плохие оценки еще можно оправдать, то по музыке и рисованию вряд ли.

По музыке вообще никто и никогда не получал ниже четверки. Мне же двойку поставили за то, что я снял со стены портрет Чайковского и погнался с ним за Вадиком Зиновьевым — он мне надоел (Зиновьев, да и Чайковский тоже, если честно). А тут, как назло, учительница вошла в класс. Сразу начались крики, слезы, причитания.

Она села, ее губы дрожали.

— Если бы ты знал, на какого гения покусился!

Я лично не считал Вадика Зиновьева гением, поэтому сидел за партой и смотрел вниз. Кроссовки порвались сбоку.

А на рисовании я подрался с Толей Рудневым. Не знаю почему. Просто мы сидели друг против друга, корчили рожицы, смеялись, а потом начали драться. Прямо на уроке. Я больно его саданул. Но и мне досталось, я поцарапал бок о парту, а он мне пару раз попал по щеке. Учительница по рисованию вызвала завуча, и нас доставили в специальный кабинет, куда доставляли всех плохих учеников, — в учительскую.

— Продолжишь в том же духе, — сказала завуч, — вылетишь из школы как миленький.

Я представил себе эту картину. Стало страшно. Я боялся вылететь из школы — не хотелось расстраивать родителей. Да и летать я не умею...

В моем дневнике написали эпическое послание. Страницы на три. Я его даже читать боялся — представлял, сколько там лжи и неправды. Я шел домой грустный и думал о том, что никто меня не понимает. Вообще никто. Даже я сам себя не очень понимаю, если честно.

На мое несчастье, отец оказался дома. У него тогда начались непростые времена. С бизнесом что-то пошло не так. Он ходил дома в протертом сине-коричневом халате, курил, в руках у него были бутылка пива и книжка в мягкой обложке. Выглядел он внушительно и недобро шевелил усами, если бывал в плохом настроении. А плохое настроение у людей, разгуливающих целый день в халате, нередко.

— Давай-ка проверю твой дневник, — сказал он, и я почувствовал холод в желудке, как будто айсберг съел. Делать нечего. Я дал ему дневник, а сам улизнул в туалет. Это единственное место в квартире, где можно уединиться. Я закрыл щеколду и сидел на унитазе, головой уткнувшись в дверь. Сейчас я жалел только об одном: я не черепаха и у меня нет прочного панциря. Также втайне я надеялся на то, что отцу будет лень проверять дневник. Ну или что он читать не умеет.

Но нет.

Отец все прочитал.

— ЧТО ЭТО ЕЩЕ ТАКОЕ!!!

Из комнаты послышался рев, а в моей голове промелькнула мысль: скрыться через вентиляционную шахту или в крайнем случае через слив в унитазе.

Послышались шаги. Тревожно скрипел паркет. От ужаса я почувствовал тошноту.

— КАК ЭТО ПОНИМАТЬ???

Нас разделяла лишь тонкая дверь. Я пробормотал что-то. Кажется, «Сейчас выйду». А может, что-то другое. Но отец, видимо, не мог ждать. Он рванул дверь на себя, и хрупкая щеколда, закрученная всего лишь на два шурупа вместо четырех, поддалась его обаянию.

Передо мной стоял отец, огромный, величественный, гневный полубог нашей маленькой квартирki.

Я думал, сейчас он всыплет мне ремня, а он просто бросил дневник в мою сторону. Попал в лицо. Вышло больно и обидно.

— Четыре по литературе — это все равно что два! — гавкнул он и удалился на кухню.

Я посмотрел в дневник. Совсем забыл! На последнем уроке я успел получить четверку за пересказ Паустовского. Про замечания он ничего не сказал. Может, действительно не заметил.

Я выбрался из туалета.

— Извини...

— Неделя без телевизора, — сказал отец, не глядя в мою сторону. Он нагнулся к холодильнику, достал бутылку пива и открыл ее о столешницу...

Мама с папой нечасто разговаривали. Из-за разницы интересов, наверное. Я вообще не понимаю, что их могло объединять. Только если я. Но я плохой объединитель. Потому что я сам, как говорит бабушка, не цельная личность. Думаю, дело в этом.

Папа любил пиво, футбол и чтение. Мама много времени проводила на работе. Иногда отец тоже начинал работать. Это время мне нравилось больше всего. Мой уровень свободы в такие дни возрастал. Но больше всего я ценил, когда его и вовсе не было дома. Такая вот третья фаза отцовской жизни. Обычно она продолжалась неделю или две. Реже — месяц. Мать говорила, что отец запил. Бабушка молчала и дулась на всех.

Как-то она вызвала меня к себе в комнату. Очертания мебели выплывали из клубов дыма.

— Твоего отца не ценят в этой семье, — сказала она, надув губу.

Я поддакнул.

— Поэтому он и уходит. Есть места, где ему лучше.

Я постарался представить это место. Вообразил лагуну, пляж, баркас, качающийся на волнах...

— Ты уже большой мальчик, и я должна тебе кое-что сказать...

Мне не хотелось это слушать. Я сам хотел на пляж, к баркасу.

— Твоя мама о нем плохо заботится. Она и о вас с Пашкой плохо заботится!

— И слава богу! — сказал я. Мне не нравилось, когда обо мне заботились хорошо.

Отец действительно часто отсутствовал. Видимо, в другом месте о нем заботились лучше. Хотя когда он возвращался, тихий, спокойный, похожий на собаку, забытую кем-то на улице, то выглядел не очень свежо.

Вскоре отец снова сидел дома и попивал пиво. Днем, когда мама на работе, он звонил из коридора разным людям. Женщинам в основном:

— Алло, позовите Таню.

Или:

— Алло, Надю, пожалуйста.

Отец делился с ними чувствами. Жаловался на меня. Или на маму. Часто шутил. Иногда даже привирал. Впрочем, у него неплохое чувство юмора, и я с радостью подслушивал такие разговоры. А отец, наверное, думал, что мне не до этого. Или вообще обо мне забывал.

Однажды двадцать третьего февраля отец ушел рано утром из дома. Сказал, на работу. Перед этим я подарил ему открытку с танком и странным шестируким солдатом в гимнастерке. Все это я сам нарисовал.

— Это ты, — сказал я отцу.

— А почему так много рук?

— Потому что ты — самый лучший.

Отец растрогался и пообещал, что вечером привезет какой-нибудь подарок. Открытку он, правда, оставил на телефонном столике.

— А подаришь ковбоя? — спросил я.

Мне тогда очень нравился Чарльз Бронсон.

Папа задумался.

— Возможно.

Вечером вернулась мать, а отца все не было.

— Где папа? — спросил я.

— Хотела бы и я знать!

Я насторожился.

— А он вернется?

Мать молчала. Она курила и читала газету. Ее пальцы почернели от типографской краски.

Стемнело рано. Я сидел на подоконнике и смотрел в окно. Передо мной лежала тетрадка, куда я записывал, кто проезжал по улице. Движение было не очень оживленное. Я все ждал автобуса, на котором должен приехать отец. Когда из-за поворота показывался один, я начинал нервничать. «Это он, это наверняка он», — думал я. Но отец не приезжал и не приезжал. В десять часов мать уложила меня спать.

Я не плакал, пока она не оставила меня одного.

В начале марта я заболел. Очень сильно. Температура подскочила до сорока градусов. Мама переживала, да и бабушка тоже. Я обычно любил болеть: валяешься весь день в кровати, никакой школы, смотришь телевизор... показывали «Гром в раю» с Халком Хоганом. Но тут мне стало плохо. Голова кружилась, один раз я пошел в туалет и упал в коридоре. После этого мне запретили ходить.

Через пару дней стало лучше. Мать отправилась на работу: она не могла взять больничный, бабушка ушла получать пенсию, брат был в школе. Я лежал один в квартире, мне очень хотелось пить, но сил для того, чтобы сходить на кухню, не было.

Тут раздался звук открывающейся двери.

— Бабушка, ты?

Но я услышал знакомый отцовский кашель. Затем появился он, небритый, и глаза странно блестят.

— Я думал, ты в школе, — сказал он и внимательно на меня посмотрел.

Я сказал, что болею.

Он потрогал мой лоб. Рука у него была шершавая.

— Горячий, — сказал отец, — хочешь чаю?

Я кивнул. Вообще-то я сердился на него, но не сильно.

Он вскипятил чайник, вернулся в комнату. От него крепко пахло.

— Я сделал с медом, — сказал он.

— Спасибо, — ответил я, хотя терпеть не мог мед. Однако чай оказался вкусным. Я пил его с удовольствием. Отец все это время сидел на краю кровати. Руки у него подрагивали. Иногда он кашлял.

— Тоже болеешь? — спросил я.

— Можно и так сказать...

Молчать отчего-то было неловко.

— Ладно, — сказал он, — пора собираться.

— Ты куда?

— Так... командировка.

— Далеко?

— Не-а.

Он собрал кое-какие вещи в сумку. Я заметил, что он берет фотографии из семейного альбома.

— А это зачем? — спросил я.

— Чтобы не скучать в командировке.

— Понятно.

Он огляделся, словно проверяя, не забыл ли чего. Наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Ну, пока. Не скучай. Ключи я здесь оставляю. На всякий случай.

К горлу подкатил комок.

— Папа, ты забыл открытку. К двадцать третьему февраля.

— Разве?

— Да. Она на столике.

Он подошел к телефону, взял в руки открытку, повертел ее, раскрыл. Лицо будто стало темнее. Он шмыгнул носом. Отвернулся.

— Лучший пишется через «ч», — сказал он куда-то в сторону, — уже почти тринадцать лет, а писать нормально не научился!

Я хотел сказать, что никакой разницы нет, но не стал.

— Спасибо, — сказал он, — пока.

Я кивнул.

Отец постоял еще немного, а потом ушел. Дверь он прихлопнул.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

В летнем лагере Юля Орловская была в моем отряде. Я видел ее до этого. Кажется, она посещала секцию вокала в бывшем Доме пионеров. Я занимался каким-то творчеством по настоянию бабушки. Юле исполнилось восемнадцать. Она казалась мне зрелой, опытной женщиной. Когда я ее видел, у меня дыхание сбивалось.

К сожалению, шансов на взаимность было немного. Мой любовный опыт сводился к робким поцелуям в подъезде соседского дома, игре в бутылочку под Новый год и просмотру порнофильмов. Моя гавайская рубашка оказалась слишком цветастой, а Кинчев на моей футболке мог распугать вообще всех девушек. Я пытался оказывать ей какие-то знаки внимания и даже робко ухаживал... впрочем, без особого результата.

Но все же решил не сдаваться, а бороться до конца. По всем фронтам! Решил показать, какой я взрослый, и стал курить. Сигареты не показались противными. Наоборот, в них было что-то загадочное и бодрящее. Хотя, «Nord Star», по правде говоря, отдавал укропом.

Впрочем, на Юлю это не произвело большого впечатления. Как-то я курил в укромном месте за столовой, а она проходила мимо.

— Ого! — сказала она. — Не знала, что ты куришь...

Я постарался придать себе независимый, деловой вид.

— Конечно!

— И давно?

— Да уже несколько лет. Бросал вот.

Юля вздохнула.

— Удивительно. Я думала, ты здесь один нормальный человек, некурящий. Ну да ладно...

Она пошла дальше. Мне почему-то казалось, что наш разговор будет не таким.

На следующий день я решил придать себе еще более взрослый вид. Я взял все деньги, которые привезла мать в родительский день, купил вина и вместе с приятелем Кондратом вылакал его у озера. Водомерки разбежались по глади, как мысли в моей голове. Кондрат задорно пересказывал мне сюжеты лучших румынских порнофильмов. Меня развезло так, что когда мы пошли домой, я потерял Кондрата и с трудом нашел дорогу в отряд. Удивительно, как меня не увидели старшие.

Ночью я проснулся, весь измазанный зубной пастой.

— Это еще ничего, — сказал Кондрат, которому тоже досталось, — в третьей палате, говорят, устроили троллейбус.

Я точно не знал, что такое «троллейбус», но смутно догадывался: не транспортное средство.

Это Саня Филиппов прикалывался. Такое у него чувство юмора, специфическое. Пошатываясь и борясь с наступающим первым в жизни похмельем, я побрел отмываться.

Потом сел на скамейку перед нашим отрядом и закурил. Мне было грустно, и жизнь казалась печальным недоразумением.

Мимо прошел Кондрат. Его пошатывало.

Тут вдруг из отряда вышла Юля и села ко мне на скамейку.

— Угостишь? — спросила она.

Я мысленно затрепетал и протянул ей пачку.

— Красивая ночь, — сказала она.

— Угу.

— А ты чего не спишь?

Я решил не выкладывать на стол все карты.

— Так... Бессонница.

— И мне не спится. Что-то тоскливо на душе.

Она очень красиво затянулась. Как настоящая женщина.

— Знаешь, когда мне бывает так же тоскливо в городе, то я иду в ванную, включаю душ, сажусь и сижу. Долго-долго.

Она напоминала мне Джину Лоллобриджиду.

— М-м-м, — сказал я, — а я в душе книги читаю.

— В душе? Неудобно ведь!

— Если приноровиться — то нормально.

Она посмотрела на меня так, будто я папуас какой-то.

— Тебе книги читать не дают?

— Дают. Но разве в комнате сосредоточишься?

Мы еще о чем-то говорили. Дул приятный летний ветерок, по небу летали космические корабли и тарелки пришельцев. Мы сидели на скамейке и болтали о том, что нам казалось очень важным.

В конце я решился. Я сказал:

— Юля, я все, конечно, понимаю, но предлагаю тебе... как бы это сказать... стать моей девушкой.

Ее брови вытянулись дугой.

— Вот это да! — сказала она. Но без издевки.

— Я люблю тебя, — сказал я вдруг, хотя и не планировал. Это как-то само вырвалось.

Она внимательно на меня смотрела. Можно сказать — изучала. Я старался не шевелиться.

— Это не любовь, — сказала она, — это переходный возраст.

— Нет никакого переходного возраста. Я уже давно, куда надо, перешел.

Она улыбнулась. Улыбка у нее была очень красивая. Она нежно погладила меня по щеке. Когда она это сделала, я едва не забился в конвульсиях.

— Ко мне еще никто так не относился, как ты. Никогда этого не забуду.

Она замолчала.

— Это значит «да»? — спросил я в замешательстве.

— Это значит «нет», — сказала она, — извини, но у меня есть другой.

Я вздохнул. «Наверняка какой-нибудь козел из старших отрядов», — подумал я. Им-то я точно не конкурент.

— Жаль, ведь действительно к тебе того... неравнодушен.

Хотя, скорее всего, я сказал что-то другое.

— Я знаю, — сказала она и поцеловала меня. В щеку.

Меня словно обожгло. Я еще долго ощущал след от ее губ. Она будто клеймо поставила.

— Знаешь что, — сказала она, — оставь мне свой телефон. Я приеду в город и тебе позвоню. Может быть, сходим куда-нибудь.

Я не верил ушам! Взрослая симпатичная девушка спрашивает у меня телефон. Я надиктовал.

— Ну все, — сказала она, — жди звонка.

Она ушла, а я остался один и при тусклом свете качающегося фонаря набросал жалостливое стихотворение. Что-то про разбитое сердце. Осенью его нашел у меня в бумагах брат Пашка — и очень смеялся. Мы подрались. Потом, когда она так и не позвонила, я разорвал его на мелкие кусочки и выкинул...

Но до этого еще было как до луны.

Когда я вернулся в палату, на меня вылупились восемь пар глаз. Ну или сколько там нас, оболтусов, было.

— Ну ты даешь, — сказала Саша Филиппов, — вот это эффект!

— А? — переспросил я.

— Ты что, с Юлькой тусишь, что ли?

— Да нет. Мы с ней просто друзья, — вздохнул я.

— Гигант! — сказал Саша Филиппов. — А ты, оказывается, чемпион!

Я приосанился.

— Да, ребятки, рано вы меня сбросили со счетов.

Все пристроились в кроватях. Я мечтал о Юле. Саша Филиппов разглагольствовал о женщинах. Я же смотрел на луну в окне и улыбался. Счастливый и глупый.

ДЕНЬГИ

Вечером в пятницу Костик стащил у матери деньги. Она получила зарплату, и в кошельке лежали новенькие, едва похожие на настоящие купюры. Их было не очень много. Костик не стал считать. Он аккуратно вытащил две и на цыпочках вышел из коридора. Он волновался.

Брать деньги у матери раньше не приходилось. Но так делала вся братва во дворе. Ваня Беглов и Рыжий Антон. Да и другие тоже. Вот Рыжий едва ли не каждый день таскал по сто-двести рублей — и ничего. Правда, у Рыжего папа коммерсант, курит сигары, весь такой деловой. А у Костика мама работает в газете корректором.

Костику стало совестно, но потом он успокоился. Деньги надежно спрятал. Он был уверен, что мама не обнаружит пропажу.

Через час в комнату вошла мама, бледная. Сумку она держала перед собой, словно щит. Села на диван. Костик и Паша смотрели телевизор. Показывали «Спартак» — «Торпедо». Костик сразу все понял. Он почувствовал, как внутри него разверзается черная дыра страха.

— Кто это сделал? — спросила мать.

Костя старался не смотреть на нее, но все равно заметил (или почувствовал), что у нее дрожат губы, скулы, подбородок.

— Кто взял деньги?

В отличие от Костика, Паша внимательно смотрел на мать. На мать и иногда на Костика. Мать сидела перед ними бледная, беззащитная. У Костика не на шутку схватило живот. Пот потек по спине, он почувствовал, как краснеет. Мама повторила вопрос.

Паша молчал. Опыт подсказывал ему, что есть вопросы, на которые лучше не отвечать. Костик же почувствовал, что первая волна страха отступает. Впрочем, вслед за страхом просыпается совесть.

— Это ужасно... — сказала мама, — это просто ужасно... Никак не ожидала... Нож в спину...

Она заплакала, закрыв лицо руками.

— Я не буду с вами разговаривать, пока вы не осознаетесь, — сказала мать. Она успокоилась, перестала плакать и с уверенностью человека, принявшего важное решение, смахнула со щек слезы.

— Это так низко, — сказала она и вышла из комнаты.

Некоторое время братья молчали, смотря на закрытую дверь. Дверь не подавала признаков жизни. Братья зашевелились. Паше на два года меньше. Это худой, энергичный, коротко стриженный сорванец. У него богатое воображение.

— Так это ты взял? — спросил Паша.

— Нет.

— А я думаю, ты.

— Не я.

— А кто? Я не брал.

— Не знаю. Может, потеряла.

Паша усмехнулся. Он подошел к дивану, где еще недавно сидела мать, и картинно на него повалился, заложив руки за голову. Он видел такую позу в одном гангстерском фильме, и теперь жалел, что у него в руках не было сигары.

— Ладно, — сказал Паша, продолжая улыбаться, — хочешь сделку?

Костик встал. Руки он по-прежнему держал на груди.

— Какую сделку?

— Братскую. Я молчу, а ты мне даешь половину. Сколько ты взял? Сто рублей? Двести? А?

Костик с трудом сдержался, чтобы не броситься на брата с кулаками. Да как он смеет! Да как...

— Ты вообще дурак? Ты что такое мелешь? — Костик стал тыкать в него пальцем, словно дулом пистолета.

— Значит, триста, — сказал Пашка и потянулся за лежащим на журнальном столике медицинским каталогом — ему показалось, это интересный жест, — ладно, я согласен на сто пятьдесят. Это по-братски.

— Я ничего не брал.

— Да ну! Я все видел. Сумка лежала в коридоре у телефонной тумбочки. Я обедал на кухне. Ты вышел из комнаты, а я как раз шел в ванную. Я там стоял и все видел. Ты взял.

— Врешь! — Костик осекся на полуслове — еще не хватало, чтобы мать это услышала.

— Ты взял, — сказал Пашка и спокойно улыбнулся.

Тут уже Костик кинулся на Пашку и начал лупить его кулаками, довольно неумело, впрочем. Паша обладл дьявольской энергией и изворотливостью. Силы оказались примерно равны. Почти равны. Они упали на пол и стали друг друга душить. В партере у Костика больше преимуществ.

— Сдаюсь... — прохрипел Паша, — сдаюсь...

Костик ослабил хватку. Потом отпустил жертву. Пашка выглядел не лучшим образом. Костик встал и начал отряхиваться.

Паша встал и отошел на безопасное расстояние. К двери.

— Ты меня слышал. Мне нужно сто пятьдесят рублей. И руки можешь не распускать. Не дашь мою половину, я все скажу матери. Уяснил?

Костик схватил с пола джойстик и кинул в брата, но тот ловко увернулся и скрылся. Джойстик попал в стену — и треснул. От этого стало еще досаднее.

Потом гнев спал, и Костик стал думать, что делать дальше. Ему в голову ничего не приходило. «Наверное, придется заплатить мелкому», — решил он.

Очень горько, что младший брат его так ловко надул. Положение-то безвыходное. Костик едва не плакал от злости и обиды.

Вечером он отдал деньги.

— Молодец, — сказал Паша, — верное решение.

Костик посмотрел на него с ненавистью. Пашка посчитал купюры и опять отошел к двери.

— Надо было еще набавить рублей тридцать за царапины, но ты все равно драть-ся как следует не умеешь.

Костику было так противно, что он даже не обиделся.

На заработанные деньги Пашка купил сигарет, лимонада и целую упаковку жвачки...

Через неделю братья смотрели по телевизору «Комmando». Шварценеггер действовал, как всегда, ловко и уверенно. Костику очень нравился этот фильм, и он видел его в пятнадцатый, наверное, раз. Пашка скучал.

И вот в комнату вошла мать. Но теперь она выглядела решительно и грозно, напоминала Немезиду, пришедшую вершить судьбы.

Она, не сказав ни слова, взяла пульт и выключила телевизор.

— Никогда не думала, что выращу себе на голову лгунов и мелких воришек, — сказала она. — У меня раз за разом пропадают деньги. Вы думаете, я не замечаю?

Братья молчали.

— Три раза на этой неделе. На прошлой... Нет, так больше продолжаться не может. Знайте, еще раз... еще раз... и я сдам вас в милицию.

Костик вскочил. Мама смотрела на него, только на него. Взгляд ее был тяжелее любого обвинения.

— Я тут ни при чем! — сказал Костик, но что-то в его голосе сквозило поддельное, и сам Костик это понял.

Мать ничего не сказала и вышла.

Братья остались одни. Паша пожал плечами, взял с тумбочки пульт и включил фильм. Костик подошел к нему, схватил за руку и отшвырнул пульт в сторону.

— Чего тебе? — спросил Паша.

Костя хотел что-то сказать, но не смог.

Завязалась драка. Братья мутузили друг друга не по-детски. Послышался звук разбитого плафона от люстры. В комнату пришла мать.

— Что здесь происходит?

Братья замерли, лежа на полу. Костик сверху.

— А ну-ка прекратить! — закричала мать, сама не ожидавшая, что может так громко кричать.

Костик медленно сполз с Паши. Оба встали. Мама хотела что-то сказать, но промолчала и вышла.

— Надо во всем сознаться, — сказал Костик.

— Я ничего не знаю, — сказа Паша.

— Но ведь ты брал деньги.

— Я ничего не знаю, — упрямо повторил Паша и включил телевизор.

Ночью Костику спалось плохо. Он метался в постели. «Что же я сделал?» — думал он. Ему снились плохие сны. Даже немного поднялась температура.

Утром он пошел в гараж к дяде Вадику. По субботам он всегда торчал там, перебирая части двигателя или тормозной системы своей старой машины. Машина ни-

куда не выезжала, даже лето проводила в гараже. Дачи у дяди Вадика не было. Но в гараж он приходил каждую неделю, как в баню. Они с Костей дружили.

— Здравствуйте, дядя Вадик, — сказал Костик.

— Поддай-ка ключ на семнадцать, — сказал дядя Вадик вместо приветствия. Он еще минут пятнадцать ковырялся в двигателе, а потом решил сделать перекур.

— По делам или так? — спросил он. — Что-то случилось? Опять окна в саду разбили? Я сколько раз говорил, сорванцы...

— Да не. Не это.

Костик помялся, шмыгнув носом, побряхтел.

— В общем, это... Тут деньги нужны.

Дядя Вадик не удивился.

— А кому они не нужны! Случилось что-то? В карты проиграл?

Костя даже подпрыгнул.

— Нет.

— В ножички?

— Да не... Что это за игра такая — ножички?

Дядя Вадик даже немного обиделся.

— В наше время была очень популярная, между прочим.

Костик вздохнул.

— Я не могу сказать. Но они действительно нужны. Пойдут на благое дело!

Дядя Вадик посмотрел на Костика, щурясь.

— Знаю я ваши благие дела...

Он достал бумажник, а из него — замусоленную банкноту, на которой кто-то неизвестный ручкой записал чей-то телефон. В нем попадались пятерки и семерки — и Костик как-то сразу понял, что это хороший знак.

— Ты точно никому не должен?

— Нет. Тут ничего криминального.

— Хорошо, — сказал дядя Вадик, — а как отдашь?

— С обедов накоплю.

Дядя Вадик убрал кошелек обратно.

— Поддай-ка еще на пятнадцать ключ, — сказал он, забираясь под машину.

Вечером Костик пришел домой. В коридоре было темно. Он тихо пробрался к маминой сумке. Открыл ее, стараясь, чтобы замок не клацал, и положил в отделение с кошельком засаленную купюру. Потом закрыл. И тихо-тихо проскользнул в свою комнату, даже не догадываясь, что дверь в мамину комнату открыта, и она все видит.

ПУТЬ ДОМОЙ

Стоял мороз, светило солнце. Я завис на автобусной остановке — и ни с места. Автобуса не было на горизонте, а без автобуса мне домой не попасть. Слишком далеко топать пешком. К остановке подходили разные люди. Они стояли, переменились с ноги на ногу. Цокали языком. Женщина в красном берете стала ругать правительство. Старичок смачно плюнул на асфальт и ушел. Минут через десять его плевков застыл, превратился в лед.

Люди уходили. А я остался. Я упрям и решил держаться до последнего. Не возвращаться же мне обратно в учебно-производственный комбинат! Я не для того ушел оттуда пораньше, сказавшись больным.

Наш учебно-производственный комбинат — это просто умора. Ума не приложу, зачем мы сюда ездим каждый четверг. Нам обещали, что дадут какую-то

профессию. Важную, вероятно. Я вот, например, хотел бы стать журналистом и думал, что они подбросят дровишек в огонь. Но единственное, что они могут, — дать нам профессию мебелировщика. Поэтому восемнадцать парней из трех параллельных классов каждый четверг машут пилами, стучат молотками. У нас есть киянки, рубанки, есть какие-то странные железные молоточки — их названия я не запомнил. Самое забавное, что нечто похожее у нас было и раньше, на уроках труда. Зачем, кому понадобилось переносить все это веселье на расстояние двадцати пяти минут езды?

В общем, я стоял и злился, шурился, стараясь спасти глаза от сующего свой нос в чужие дела солнца. Я делал вид, что мне на все наплевать, что я независим и вообще автобус — это не мое дело. Но, наверное, у меня плохо получалось. Какая-то бабушка подошла ко мне и стала жалеть. Я не люблю, когда меня жалеют, особенно прилюдно.

— Ты, наверное, замерз, сынок. Наверное, замерз. Я вижу, ты так замерз.

Я сбежал от нее. Скрылся в универсаме. Отсюда хорошо видно остановку. Если подойдет автобус, то я в два прыжка окажусь там, где нужно. Все будет нормально. Бабушка постояла немного и ушла.

Сквозило от двери, но в спину бил теплый воздух. И не столько воздух даже, сколько углекислый газ, тяжелый, плотный. Минут через пять ко мне подошел охранник.

— Эй, че тебе здесь надо?

Он выглядел так, будто не спал три дня и не мылся неделю. Волосы были покрыты толстым слоем жира. Кожа на лице шелушилась. Бедняга, не старый, а такая паршивая работа. Наверное, часто прогуливал в школьные годы занятия в учебном комбинате...

— Я жду автобус.

На него это не произвело впечатления.

— Это не остановка.

Он очень напряжен. Я бы посоветовал ему подходить к жизни с известной легкостью. Говорят, это здорово помогает.

— Я знаю.

Я отвернулся от него, давая понять, что разговор окончен.

Он схватил меня за плечо.

— Нет, ты не понял, это не остановка!

Я постарался вырваться.

— Эй, — сказал я ему, — у нас здесь свободная страна, между прочим!

— Ошибаешься, — сказал охранник. Он сгреб меня в охапку, ногой открыл дверь и выбросил наружу. Крайне негуманный поступок. Я почувствовал себя ущемленным в правах. Поэтому я смело показал ему средний палец и крикнул пару ругательств. Но у бедняги крепкие нервы. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, он просто дернул шеей и скрылся в глубине магазина.

Я вернулся на остановку, отряхнувшись. Как мне показалось, никто не заметил этого инцидента. Никто не придавал ему особого значения. Слава богу! Больше всего в жизни я не люблю публичный позор. Это второе место в списке моей ненависти после кислых щей. Я объявил бы им войну, если бы это была страна или на худой конец область.

Без десяти два на остановку подошел Петька Гусев. Он лузгал семечки и выглядел довольным. Увидев меня, он удивился.

— Я думал, ты уже дома. Смотришь «Гром в раю» или еще что.

Я рассказал ему про автобус.

— Неудивительно, — сказал Петька.

Его папа работал одно время водителем автобуса. Он говорил, что они днем предпочитали резаться в карты и потягивать пиво.

— А ты почему так рано? — спросил я, показывая на часы.

Выяснилось, что Петю выгнали с занятий. Ничего удивительного! Обычно пять минут урока он что-то слушал, а остальное время занимался ерундой. Однажды на ОБЖ, я помню, он запел петухом. А на музыке как-то играл ногой на пианино. Вообще у него были музыкальные способности. Играть ногой на пианино во время урока! Я хочу сказать, у парня неплохо получалось. В этот раз его выгнали, потому что он стал оскорблять Вадика Зиновьева, плевать в него и пинать.

Я понимал Петю. При одном взгляде на Зиновьева мне тоже хотелось плевать и пинаться. Это был отвратительный малый, все его ненавидели. Его мама, кажется, работала проституткой, хотя окончательной уверенности у нас не было.

Что же касается Пети, то у него большущая щербинка между двумя верхними зубами, и он искусно плевался через нее. Еще недавно я считал это умение феноменальным, но сейчас я так не думаю.

Он отсыпал семечек.

— Что будешь делать?

— Не знаю.

— Может, поиграем в автоматы?

— Денег нет.

— Может, там будут мелкие, и мы их кинем на пару жетонов?

Мне это не очень-то нравилось, но играть хотелось. В культтоварах установили автомат с «Мортал комбат».

Я сказал, что подумаю.

Тут подошел автобус. Двери открылись. Внутри были тела людей. Никто не хотел или не мог выйти.

— Кажется, мы не влезем, — сказал я.

В этот момент откуда-то с тыла подбежал мужик с полиэтиленовым пакетом и со словами «А ну-ка поднажали, мужички» вдавил нас внутрь.

Он действовал как хороший гидравлический пресс. Фантастика, но у него получилось раздобыть еще немного места в автобусе. Правда, меня прижало к старухе в сером пальто. Пете повезло больше: он уткнулся в какую-то блондиночку, очень старую, лет двадцати пяти...

Мы подъехали к культтоварам и вышли. Идти туда не очень-то хотелось. Но домой не хотелось еще сильнее...

В культтоварах никого не было. Видимо, с уроками всех зажало, а может, холодно таскаться за два квартала, а может, еще чего. Автоматы стояли пустые. Мы подождали чуть-чуть и, когда поняли, что ничего нам не светит, пошли на крытый рынок. Там торговали разной одеждой. Китайской или турецкой — мы тогда не разбирались. Весь наш район одевался в те годы там. Это было что-то вроде местного модного дома. Особым почетом пользовались лосины леопардового цвета и штаны хаки. Не знаю почему, но весь район ходил либо в штанах хаки, либо в леопардовых лосинах. А я мечтал купить косуху. Мне казалось, я буду смотреться в ней неотразимо. Но мама сказала, что так одеться я смогу только через ее труп. Приходилось донашивать за двоюродным братом его коричневую куртку, протертую на рукаве.

Петя блуждал между рядами, куда были свалены цветные шмотки. Он лавировал между людьми как человек, следующий к четко намеченной цели. На самом деле никакой цели у него не было. В те годы мы на шмотки приходили просто глядеть. Иногда останавливались у особенно классных вещей и делали вид, что при-

цениваемся. Щупали их с умными лицами. Продавцы все отлично понимали и не обращали на нас внимания. Только одна тетка однажды, помню, взбесилась и принялась нас гнать. У нее как-то украли кошелек. Но это были не мы. Среди нас, конечно, хватало воришек, но никто не занимался этим профессионально, только так, для души, когда момент подвернется.

Петя прошел весь рынок, пощупал несколько кроссовок. Одни даже примерил.

— Жмут, — сказал он.

Я согласился. Мне захотелось есть, и я предложил отправиться домой. Петя не возражал, потому что у него кончились семечки, а такое случалось редко. Это было его топливо, он постоянно их лузгал. Или сигареты курил. Больше никаких дел у него не было.

Мы шли по улице и увидели троих парней из соседнего двора. С ними у нас война. Мы друг друга недолюбливали. Черт знает почему. Мы были как бы рокерами, а они как бы рэперами. Главный у них — его звали Борян — низкорослый, но крепкий, с ног не сшибешь. Я его побаивался. Дело в том, что однажды мать отправила меня за батонем, а в наш магазин булку еще не подвезли. Пришлось идти через дорогу, в другой продуктовый. На обратном пути меня застал Борян с двумя своими подкормышами.

— Деньги есть? — спросил Борян.

Я сказал, что денег у меня нет.

— А если найду?

Денег у меня действительно не было. У меня был батон. Эти трое окружили меня и двигали челюстями. Наверное, думали, что так они выглядят угрожающе. Кстати, они были правы. Тогда я ударил самого мелкого из них батонем, а Борян двинул правой и попал мне точно в ухо. Я охнул и согнулся, батон выпал из рук.

— Вот придурок, — сказал кто-то из них. Они пнули батон и ушли. Я проиграл ту схватку. И вот сейчас эти трое шли на нас. Мы с Петей напряглись. Трое на двоих — не самая лучшая диспозиция. Каратистов среди нас с Петей не было. Батона тоже. Вот был бы с нами Дима Иванов!

Мы смотрели друг другу в глаза как старые враги и шли навстречу. Внутри все сжалось, и я приготовился к худшему. И еще сделал страшное лицо — на всякий случай. Но ничего не произошло. Мы разошлись. Разошлись, выражая на лицах ненависть и злобу. Эти ребята тоже, наверное, шли на рынок. Может быть, кому-то из них тоже хотелось присмотреть кроссовки.

— Нейтральная территория, — сказал Петя, когда мы окончательно разминулись. — Правило нейтральной территории.

Такого правила никогда не существовало, да даже если бы оно и было, все плевать на него хотели. Нейтральная территория! Смешно. Просто тротуар широкий...

Петя жил в общежитии. Мы расстались на углу.

— Увидимся, — сказал он и зашагал к общежитию.

У них там ужасная коммуналка. Три семьи в шести комнатах. Сортир вечно грязный, тараканы. Я смотрел ему в спину, и мне почему-то стало его жаль.

Вспомнилось, как летом он купил подержанные футбольные бутсы у Илюхи Алексева. Игроком Петя был средним, не знаю, зачем ему понадобились настоящие бутсы с восемью шипами. Он не только играл в них в футбол, но и просто ходил по двору. Если слышался цок-цок, раздающийся откуда-то из-за угла, можно не сомневаться: это Петя, любитель бомж-пакетов, идет...

А однажды на уроке географии он отвечал у доски, и у него спросили, на какой реке находится Санкт-Петербург, я подсказал ему: «Миссисипи», и Петя сказал: «Миссисипи». Все засмеялись.

«Надеюсь, — подумал я, — нас не видели вместе».

СТРЕЛКА

Перед молодыми людьми лежала грязная бурая пустыня с жухлой травой и мусором. По пустырю были разбросаны пивные банки, пакеты из-под чипсов и газетные обрывки. У стороннего человека могло сложиться впечатление, что весь город приходит сюда для того, чтобы попить, поесть и почитать последние новости. Они стояли перед этой полосой отчуждения и всматривались вдаль, на манер богатырей с картины Васнецова. Безбородые, пешие, но вооруженные клюшками, бейсбольными битами и обычными палками, они выглядели угрожающе, хотя и напоминали странную спортивную команду.

Стас из пьяного дома принес нунчаки. Они вызвали небывалый ажиотаж, их долго рассматривали, передавали из рук в руки и наконец сломали — звенья чудесным образом разъехались. Стас расстроился и ни с кем не разговаривал. Над ним посмеивались.

Парней собралось не меньше двадцати. Те, что из двора напротив, забили здесь стрелку на пять часов вечера, когда начинало смеркаться. Никто точно не знал, что стало причиной ссоры, кто прав, кто виноват и в чем вообще смысл происходящего, но закосить было нельзя. Поэтому на стрелку пришли все, «кто мог держать в руках оружие». Иными словами, кому не удалось отвертеться.

Костя тоже был здесь и нервно грыз ногти. В стрелках ему участвовать не доводилось. Воображение рисовало дикие картины из кровавых фильмов. Он, по правде говоря, не принадлежал к числу элитных бойцов. Ему приходилось махать кулаками два раза — оба в младших классах. Один поединок кончился вничью, а другой — победой соперника: под глазом у Кости вскочил интересный четырехгранный фингал.

Разумеется, он и сегодня бы предпочел остаться дома, но за ним зашел Дима Иванов, возбужденный, пылающий, как Ахилл. Делать было нечего. Теперь они стояли втроем: Костик, Дима и еще один парень, Витя Алексеев, который вообще считался «отморозком», в драках впадал в особенный раж и ценился даже старшими. Они использовали его как средство устрашения противника. Слабые сердцем враги, завидев эту бочку с беспрерывно вращающимися кулаками, обращались в позорное бегство.

Все знали, что на врагов из соседнего двора дешевые трюки не действуют. Они жили в обшарпанных общагах, разбросанных по кварталу в не поддающемся логике порядке. Во дворе Кости злых и голодных было поменьше. Все-таки здесь построили много отдельных квартир и даже один кооперативный дом. Там жила Светка Дружинина. У нее были золотая коса, плеер и электрический самовар.

Стояли. Ждали. Обсуждали всякую ерунду, но в основном, конечно, предыдущие стрелки. Костя слушал внимательно.

— Не знаю, — говорил Дима, — сколько я хожу на стрелы, а подраться мне еще ни разу не удалось. Бегаем туда-сюда, как спортсмены. Это не стрелы, а какая-то атлетика. Вперед-назад, вперед-назад. Чушь!

Дима действительно выглядел расстроенным.

— Ты на какие-то неправильные стрелы ходишь, — сказал Беглов, жилистый подросток с лицом, отчетливо напоминавшим череп. — Вот у нас в апреле была стрела! Пятьдесят их, тридцать наших. Дрались до посинения. Пока менты не приехали.

— И что тогда? — спросил Дима.

— Побегали.

— Вот видишь. Все этим заканчивается. Марафонцы...

— Или вот, — продолжал Беглов, — когда Витя, помнишь, набросился на десятерых придурков. Они стоят, а он носится между ними — их лупцует. Смешно!

— Да что драки. Хорошо, когда трофей удастся достать, — вмешался старший парень в бандане с надписью «Metallica», Костя не знал, как его зовут. — Недавно мы с Шефом с какого-то рэпера носок сняли.

— Круто, — сказал Костик. Вообще-то он что-то подобное уже несколько раз слышал. То ли все пересказывали одну и ту же историю, то ли у Шефа была уже целая коллекция таких носков.

— Фигня это все, — сказал Дима так тихо, чтобы его не слышал парень в бандане. — Бегаем, бегаем...

Но безымянный услышал, сделал шаг вперед и пренебрежительно хмыкнул, глядя в глаза Диме.

— Ты просто на каких-то детских стрелках бывал. — Он угрожающе ухмыльнулся. Два зуба у него были вставные. — У меня, — продолжил он, — нос трижды сломан и два ребра. Думаешь, от бега?

Дима молчал. Остальные тоже. Костя и вовсе решил глаз от земли не отрывать. Безымянный остался доволен произведенным эффектом и отошел.

Дальше ждали в тишине. Темнело, напряжение нарастало.

«А что если они не придут? — думал Костя. — Такое вообще бывает? Ну, чтобы не приходили?»

Он пришел к выводу, что такое развитие событий вполне вероятно. Люди сначала подходили и подходили, так что в какой-то момент парней собралось едва ли не пятьдесят, но затем начался обратный процесс. Строй редел.

— Дезертиры, — хмыкнул Беглов, смотря в спину удаляющимся. Но ругать их не спешили. На самом деле было скучно.

Родилась идея самим идти в соседний двор — разбираться. Это было смело, но глупо. К счастью, предложение никто не поддержал. Даже Шеф. А он считался непререкаемым лидером. Сказал бы: идти — и пришлось бы идти.

Когда вечер сгустился, Костику показалось, что еще чуть-чуть — и домой.

Тут, повинувшись жесту невидимого дирижера, из-за пригорка появилась нестройная, но грозная толпа. На глаз Костик определил, что их не меньше полусотни. У него тут же скрутило живот, как часто бывало, когда он нервничал.

В сумерках было плохо видно: две противоборствующие стороны разделяли, по меньшей мере, сто-сто двадцать метров. Костик заприметил, что у них в руках нет ни палок, ни бит.

Две группировки встали друг против друга и начали ожесточенно переругиваться. Церемониал был, вероятно, подсмотрен в голливудских фильмах.

Напряжение нарастало, а ругань, наоборот, затихала. Костя видел, как хмурится Дима, да и Витя выставил вперед кулаки, словно дальнобойное орудие. «Главное, не высовываться и держаться позади всех», — подумал Костик.

В этот момент противник бросился в наступление с ободряющим криком. Что-то вроде «ура», у которого отрезали «ра». Строй, в котором стоял Костик, дрогнул, зашевелился, подался немного назад, затем вбок.

— Куда поперли? Вперед! — скомандовал Шеф. Но вперед бросилось лишь несколько человек, не больше десяти. Все старшие. Остальные продолжили свое странное боковое движение.

Костя не знал, что делать. Драпать нельзя. Увидят. Он заметил, что Дима тоже тянется в сторону, и облегченно вздохнул. Подвигив не хотелось. Но у Вити Алексева были другие планы.

— Вы че, парни? — спросил он. — Вы куда? Вперед, и только вперед!

Он бесстрашно бросился в толпу, вращая кулачищами, как огромная хлеборезка.

Дима остановился и тоже уже был готов броситься в гушу, как на пригорок, где еще тридцать секунд назад стояла ватага соперников, влез ментовский уазик, похожий на ослика, у которого отрезали уши. Крякнула сирена. Драка, не успев начаться, тут же замерла. Все стороны процесса внимательно смотрели на автомобиль.

«Deus ex machina», — почему-то мелькнуло у Кости в голове, хотя он забыл, что это значит.

Из желтого стального бога послышался треск, передаваемый мегафоном.

— Вы вообще офигели, мелюзга! Всем стоять! Все арррррестованы!

Это стало сигналом к бегству. Бойцы бросились врассыпную, как тараканы. Кто-то, впрочем, отступал прямо на УАЗ, видимо, решив смутить охранников правопорядка. Из машины вышел лейтенант, его серая шапка упала в грязь, но выглядел он все равно грозно и решительно.

Костик, Дима, Витя и парочка ребят бросились назад, но с тыла подъехал еще один экипаж.

— Туда! — крикнул Дима, указывая куда-то в неопределенность. Все помчались. У Костика бешено колотилось сердце.

Была погоня, дикая скачка, страх, страх, страх. Они неслись так долго, что успокоились, только отбежав за два квартала.

Оказавшись посреди оживленного перекрестка, они остановились и решили перевести дух. Все тяжело дышали. Наконец к ним вернулись самообладание и способность разговаривать. Дима засмеялся. Витя Алексеев недовольно смотрел на свои кулаки.

— Надо было остаться, — сказал он себе под нос.

— Остаться? Так беги обратно!

Витя, естественно, не побежал.

Успокоившись, молодые люди пошли по улице в сторону дома. На всякий случай внимательно смотрели по сторонам. Засада? Они этого не исключали.

Троица почти дошла до своего двора и остановилась у автобусной остановки, чтобы купить у бабушки стакан семечек. Дима долго пробовал их, а потом торговался с усатой бабкой, одетой в коричневое пальто. Но бабка моргала одним глазом и уступать Диме семечки по сниженной цене не захотела. Дима сдался.

Тут за плечо его тронул Витя.

— Смотри.

Он показал на остановку. Там стоял подросток. На его уши была натянута черная вязаная шапка с логотипом «Public enemy».

— И что? — спросил Дима.

— Это же носок! Нужно снять.

Костя всмотрелся в предполагаемую жертву.

— Вы что, тронулись? Зачем? Пойдем домой.

— Нет, — сказал Витя, — это же рэпер. Я ненавижу рэперов.

Дима посмотрел на Витю. Затем на Костю.

— Я с вами не пойду, — сказал Костя.

— Боишься?

— Нет.

— Да понятно. Боишься.

— Нет! Просто это... глупо как-то. Это ж мелкий какой-то. Сколько ему лет? Десять?

Витя напряг физиономию.

— Одел носок — нужно отвечать за базар!

— Не «одел», а «надел».

— Пошел ты!

Костя махнул рукой. Спорить было бесполезно.

Витя обнажил зубы, засучил рукава и пошел в сторону павильона. Дима за ним. Костик остался на месте. Сердце опять бешено застучало. Казалось, оно бьется в горле. Костик хотел уйти, но почему-то не мог. Со своего места он видел, как Дима и Витя подошли к подростку и стали ему что-то говорить. Взрослые, стоявшие неподалеку, сделали вид, что ничего не замечают. Что все в порядке. Подросток вжал голову в плечи. Витя толкнул его в плечо, не очень сильно, но подросток пошатнулся и закрыл лицо руками. Дима сказал ему еще что-то. Подросток стянул с головы шапку и отдал победителям. Витя дал ему пинка. Друзья развернулись и, посмеиваясь, пошли к Костику.

— Круто мы его? — спросил Дима.

Костя молчал.

— Надо было ему по роже съездить, — сказал Витя.

— Теперь у нас есть носок. Мы как Шеф, прикинь, — Дима торжествовал.

Костик молчал. Ему было жаль подростка, он даже представил, как вырывает носок из рук Димы и несет обратно тому бедному, жалкому парню...

Но он не стал этого делать. Он пошел чуть впереди. Витя с Димой его быстро нагнали, и дальше они топали вместе. Костик первое время молчал, но потом Дима рассказал смешной анекдот, и стало не до обид.

«Бывает, — решил Костя, — на войне как на войне».

Они немного побродили по своему двору. Но никого не нашли. Тогда у магазина «Мидас» они расстались и разбрелись в разные стороны. До дома Косте оставалось не больше трех минут хода. Стало совсем темно. Из фонарей горел только один, в конце улицы. Прохожих не было. Пошел мокрый снег.

Костя решил немного срезать и пройти сквозь лесок, отделяющий детский сад от его дома. Там были лужи, но их можно обойти. Да и лесок — одно название, шесть берез. Он шел быстро, но неожиданно почувствовал, что в темноте кто-то шевелится.

— Э, — окликнул его голос, — сигареты есть?

Костя замер.

— Нет. Не курю.

Голос был сиплый. Простуженный.

— А че не куришь? Спортсмен?

— Да молодой еще! — дружелюбно ответил Костя.

Тут человек в темноте включил фонарик.

— Да, — сказал он, — вижу...

Костя уже хотел повернуться и пойти дальше, как незнакомец резко схватил его за плечо. Косте стало больно.

— Что делаете! Отпустите! — взвизгнул Костя.

— Слышь, молодой, куртка-то у тебя больно хорошая, а?

— Плохая куртка... Больно...

— Снимай куртку, раз плохая. Я экспроприрую ее.

— Отпустите...

Хватка ослабла.

— Давай поживей. И шапку.

Незнакомец ловко стянул ее и запихнул к себе в карман. На Косте была хорошая зимняя шапка. Мама подарила на Новый год.

— Мама будет ругаться, — сказал Костя.

— Ничего.

То, что произошло дальше, Костя так и не вспомнил. Ему будто память отрезало! Но судя по тому, что через тридцать секунд он оказался у своего подъезда и звонил в домофон, ему как-то удалось вывернуть плечо и сигануть мимо грабителя. Тот матерился и вроде бежал за ним, но отстал.

Мама открыла.

— Что? Что случилось?

Костя захлопнул дверь и не мог отдышаться.

— Там... Там...

— Да что там?

Мама и бабушка стояли, испуганные.

— Да собака опять... В общем, не берите в голову, — выдохнул Костя. А сам осторожно сел на скамейку — снять обувь.

Мама внимательно посмотрела на его взъерошенные волосы.

— А где твоя шапка?

В ШКОЛЕ

— В субботу мы залезем в школу, — сказал Дима.

Я заметил, что считаю это предприятие чересчур опасным.

— В субботу залезем в школу, — повторил Дима, — а ты оставайся.

Он был одет в темно-синюю куртку и жевал жвачку. Улыбался и смотрел на меня с вызовом. Это был тест. А виноват во всем географ. Это он обидел Диму. И Дима решил мстить. Только я здесь при чем?

— В школу залезать — опасно.

— А стекла бить в кабинете информатики не опасно?

— Так я не бил.

— Так я бил.

Диму было не отговорить.

— Мне не страшно, — сказал я. — Просто я не вижу в этом смысла.

— Не видишь — и ладно.

Он махнул на меня рукой. Сделал вид, что уходит. Как будто разговаривать со мной не о чем. Знал, как меня пронять.

— Хорошо, — сказал я, — только нужно все как следует обдумать... Например, как ты собираешься попасть внутрь?

Дима улыбнулся.

— А что тут думать? Ключ у меня.

Оказалось, он стырил его у уборщицы.

— Может, они замки поменяли?

— Не. Я проверял.

Еще одно обстоятельство оставалось не до конца понятным.

— Кто-то еще пойдет?

— Пойдет.

— Кто?

— Петька Гусев.

Я плюнул. Только этого олуха не хватало!

— Давай без него!

— Не могу. Ключ он тырил. И вообще, это его идея. Говорит, в кабинете химии много меди.

— Меди? Зачем ему медь?

— Не знаю. Может, продать хочет?

Я задумался.

— Что-то не видел я там меди.

— И я не видел. Но раз так... Все-таки химический элемент.

— Двадцать девятый номер, — сказал я зачем-то.

— Возможно...

Петьку Гусева я не любил. Был он каким-то слизнякам. Но что поделать?

Мы договорились встретиться в восемь часов вечера на площадке перед школой. Раньше здесь стояла хоккейная коробка, но потом часть досок сгнила, а часть разобрали. Остались одни железные колышки, на которые когда-то крепились борта. Их ряд чем-то напоминал кладбище.

Я пришел чуть раньше и ждал, облокотившись на один из них. Мне было страшно и холодно. Я с трудом себе представлял, что делать там, внутри. Мне это не казалось забавным. Единственное, зачем я туда пошел, — страх. Страх оказаться недостаточно крутым перевешивал страх быть пойманным.

Наконец эти двое появились. Они шли вместе со стороны хлебозавода. Сладкая парочка. А я уж надеялся, что они не придут.

— Ну как? — спросил Дима.

— Холодно.

— Сейчас согреешься.

Мы пошли к школе. По дороге горело несколько фонарей. Они отражались в окнах. В остальном кругом была плотная, похожая на покрывало темнота. Даже снег был темный.

— Откуда ключ? — спросил я на ходу у Петьки.

— От верблюда, — сказал он, чрезвычайно довольный своим ответом. Потом все-таки не выдержал и стал рассказывать, что стащил ключ в кабинете у завхоза. Он шел мимо, дверь была открыта, а ключ лежал на столе. Петя не мог упустить такого шанса. Причем он понятия не имел, что это за ключ. Он лишь догадывался смутно, что от какого-то помещения в школе. Следующую неделю он тайком примерял ключ к каждой дверной скважине, надеясь догадаться, куда же он подойдет. Пока однажды его не осенила мысль: ключ от главной тяжелой железной двери. Главной школьной двери.

Мы пришли.

— Вот это окно каморки охранника, — сказал Дима. — Он телевизор смотрит.

— Точно?

— Да. Хоккей. Можно не волноваться.

— Я и не волнуюсь.

— Идем, — сказал Дима. Снег художественно хрустел под его ногами. Мы поднялись на школьное крыльцо. Огляделись. Людей в это время почти не было. Несколько силуэтов передвигалось в глубине двора. Нас они не видели. До нас им не было дела. Дима приложил ключ к скважине. Я усердно молился, чтобы все оказалось розыгрышем (или чтобы ключ не подошел, по какой-то случайности). Мои молитвы не были услышаны. Ключ повернулся. Как громко...

— Тише! Тише! — сказал я.

— Спокойно, — сказал Дима.

— Сигнализации нет, — сказал Паша. — Только в компьютерном классе есть. А здесь — нет.

— А охранник?

— Не думай о нем.

Сделать это было практически невозможно.

Он аккуратно потянул дверь на себя, но она все равно скрипнула. Мы инстинктивно вжали головы в плечи, но ничего не происходило. Сторож с ружьем наперевес не появлялся. Вообще никто не появился.

На цыпочках мы вошли внутрь, гуськом, один за другим. Дима шел первым. Вид у него был не очень отважный, но он все равно шел первым. В конце концов, идея была его. Я замыкал цепочку. Рваться вперед мне не хотелось.

Мы знали, что окажемся под лестницей, той самой лестницей, по которой ученикам следовало подниматься. По противоположной, соответственно, было решено только спускаться. Это было железное правило, за нарушение которого следовали ругань дежурных и замечание в дневник. Наверное, у директора был какой-то бзик.

В школе было темно, но мы неплохо ориентировались на местности, да и глаза вскоре привыкли. Все казалось таинственным и ненастоящим. Я вообще себя чувствовал так, словно оказался внутри фильма. Было то ли холодно, то ли страшно. Скорее, страшно.

Я подумал, что стоило взять с собой маску. Вроде тех, какие носили персонажи фильма «На гребне волны». Хороший фильм. Но где достать маски с американскими президентами? Например, с Рейганом?

Наша школа — типовое здание в виде буквы «Н». Я пробирался по гардеробу, который никогда не был закрыт. Гардероб располагался в той самой перемычке, которая связывает левую и правую вертикальную палочки в букве. Гардероб был пуст и уныл. Мне еще никогда не приходилось видеть его таким. Лишь парочка курток висела в секции средней школы. Я еще подумал: кто мог оставить их здесь? Пошел зимой домой в одном свитере?

Кабинет географа оказался нагло закрыт.

— Ничего, — сказал Петька, — у меня отмычка есть.

Дима посмотрел на него с уважением.

— Смотрю, ты спец!

— А то!

Петя достал два крюка и стал ими орудовать, но не очень успешно. Ничего у него не выходило.

— Дай-ка я попробую, — сказал Дима и оттер его. Но у Димы тоже ничего не получилось.

— Сложный замок, — сказал он, — немецкий.

— Давайте-ка уже быстрее, — попросил я. Мне вдруг неожиданно стало понятно, в какой ужасной ситуации мы оказались. Мы ведь не просто совершаем какую-то шалость. Мы — преступники. От этой мысли волосы на голове свернулись в кудри. Мне захотелось тут же броситься прочь. Хоть в окно. Но я не мог. Я остолбенел.

— Ладно, — сказал Дима, — ругательства можно и так написать.

Он достал красный маркер и написал на двери: «Бородатый...».

— Теперь кабинет химии, — сказал Петька.

Мы прошли мимо закрытой учительской. У Димы появилась мысль написать какое-то послание и на этой двери. Я его с трудом отговорил.

Кабинет химии был тоже закрыт.

— Должно получиться, — кряхтел Петя, возясь с отмычками, — не зря ведь это все.

Прыщи на его шее пульсировали.

Я умолял его действовать быстрее и тише. Сам же прислушивался к шагам в коридоре. Охранник мог быть где угодно. Он был бестелесен. Летуч.

— Не поддается, — сказал Петька. — Надо ручку разобрать.

И он стал ковыряться с ручкой. Это продолжалось минут пять. Он сидел и отчаянно пытался. Дима пару раз говорил, что ему скучно. От нечего делать он сделал еще несколько надписей на двери кабинета химии. Он написал: «Дашь пятидневку в девятом классе!»

— Для отвода глаз, — объяснил он, — пусть думают, что мы политические...

Наконец Петька разобрался с замком. При этом уронил с грохотом на пол какую-то его часть. Звон переливался по пустым коридорам, как набат. Теперь дыбом встали даже волосы под мышками.

— Надо мотать, — сказал я.

— Ты что! — Петя встревожился. — Мы только начали!

Но Дима тоже был настороже.

— Сейчас вертухай придет — и крышка, — сказал он.

— Парни, — Петька смотрел на нас своими прозрачными глазами, — там внутри меди на пару тыщ. Делим пополам!

— Заметано, — сказал Дима.

— А что будет, — спросил я, — если нас поймают? Посадят?

— Нет, — сказал Петя, — не посадят. Мы же дети.

— Кто мы? — переспросил Дима.

— Дети.

— Мы не дети, — сказал Дима, — мы йети. Это у нас йетство такое. Чего непонятного-то?

— Все равно посадить не должны, — сказал Петя.

Это не сильно успокоило. На шухере оставили меня. Правда, что делать, если охранник все же решит проверить верхний этаж, я не представлял. Тогда нам крышка: выход из коридора только один. Оставалось молиться. Я с трудом вспоминал слова акафиста, который читал когда-то против отцовского пьянства. Что-то там было про чашу... чашу...

Наконец они вышли. Дима — злой.

— Этот придурок думал, там моток меди лежит!

Петя шел за ним.

— Ничего, — сказал он, — я колб набрал. Колбы тоже пригодятся. И микроскоп.

— Микроскоп тебе зачем?

— Продам. И еще весы.

Он держал все это в руках и глупо улыбался.

— Пора валить, — сказал я.

Дима меня поддержал.

Мы бочком стали пробираться к лестнице, ведущей на первый этаж. Но проход был закрыт на ключ.

— Сейчас я отмычками, — сказал Петька, но Дима его остановил. Это могло затянуться.

Пошли в обратную сторону.

— Пройдем через гардероб! — сказал Дима.

Спустились вниз по лестнице. Прислушались. Тишина казалась пугающей.

— Вроде нормально, — прошептал Дима. Короткими перебежками приблизились к гардеробу. Предстояло миновать его и оказаться у черного хода.

— Кто первый? — спросил Дима.

— Никто, — сказал я.

— Вот ты и иди.

— Не пойду.

— Что, здесь останешься?

Я подумал, что идти-то все равно придется, так, может, лучше сделать это первым?
— Ладно, — сказал я.

Я метнулся в коридор. Слева окна, окна. Я заметил, что над деревьями светит луна. Вообще, картинка напоминала рождественскую. Справа тянулась светло-зеленая решетка гардероба. Тут я услышал кашель. Я застыл, как соляной столб. Кашель и шаги. Шаги! Сомнений быть не могло, это шел охранник. Я оглянулся. Обратное в укрытие мне уже не успеть. Я стоял как раз посередине коридора. Так куда же? Тут я увидел, что решетка в секции семиклассников слегка отогнута. Видно, кто-то пролезал за курткой, а может, тырил что-то из карманов — кто знает? Я рванул туда и — надо же — протиснулся. На щеке осталась царапина.

Теперь я был внутри гардероба. Правда, спрятаться здесь все равно было негде. Голые стены да стойки с крюками, может, пара пакетов со сменкой. И только в углу несколько забытых кем-то курток. Эврика! Я рванул туда. Причем бежал на носочках. Со стороны, наверное, смотрелось странно. Добравшись до куртки, я подпрыгнул и схватился за деревянную перекладину, к которой крепились крючки. Куртка скрывала меня от глаз охранника. Ноги пришлось подогнуть. Я молился только о том, чтобы руки выдержали мой вес. Это единственное, что меня беспокоило. Честно.

Я слышал, как идет охранник — наверное, совершая какой-то обход. Слышал, но не видел его. Вернее, видел, но лишь частично — ботинки и вельветовые штаны.

Шел он, как нарочно, медленно. Руки стали ныть. Я почувствовал, как пальцы съезжают с перекладины. Иди же, иди! А он остановился и стал смотреть в окно. На луну и улицу. Да что там он хотел увидеть? Еще двадцать секунд, и я грохнусь... Я закрыл глаза и накрепк последние силы. «Если все кончится хорошо, буду подтягиваться каждый день. Обещаю, Боже!» — взмолился я. Подействовало. Охранник почесался и пошел дальше. Потом, насвистывая, стал подниматься по лестнице.

Фуууууф! Я тут же выбрался из укрытия, потом протиснулся между решеток и бросился к выходу. Тут вдруг я услышал сзади движение. Что делать? Я припустил со всех ног — подумал, что это охранник за мной бежит. Я так и драпал, пока не уперся в закрытую дверь. Потом повернулся, сощурив глаза. Но это был Дима.

— Ты куда, идиот?! — сказал он. — Ключ же у меня!

Петя тоже был здесь.

— Веселенькое приключение! — сказал он.

Мы выбрались наружу и понеслись, понеслись, понеслись...

Петю задержали, когда он пытался продать пятикласснику микроскоп.

Он-то и раскололся, выдал всех. Причем сказал, что идея Димы Иванова.

Так мы попали на учет в детскую комнату милиции. И раз в месяц ходили к инспектору — некрасивой тетке с розовыми губами.

Но самое неприятное то, что нам пришлось оттирать собственные надписи. Это было унижительно. Все собрались, глазели на нас и посмеивались. Подошла и Ирина Федоровна.

— Так и знала, что ты так закончишь! — сказала она, покачав головой.

Мне стало стыдно.

— Он еще не закончил, — сказал дежурный по этажу, — еще вон сколько оттирать!

Ирина Федоровна повернулась и ушла.

Было так обидно, горько и противно, что я дал слово больше не совершать противозаконных действий.

«По крайней мере, — подумал я, — в этом учебном году...»

С учета меня потом сняли. А Диму нет. Как сказала инспектор, «не дал повода».

ХУДОЖНИК

— До чего же ты плохо учишься, но твой брат тебя перешеголял! — говорила Косте учительница по русскому языку и литературе (большая поклонница Достоевского и местоимений).

Костю она всегда недолюбливала.

— Ты пишешь, будто корова языком лизнула, — говорила она. Потом, почуяв неладное, добавляла: — То есть копытом...

Костя ее не понимал и побаивался, но почерк все равно лучше не становился, а помарок из-за страха — только больше.

Но вот Пашка... Он считался чемпионом по выведению учителей из себя. Если бы существовал такой спорт, Пашка получил бы какой-нибудь разряд, а то и звание. В этом умении он выделялся во всей школе, а там хватало мастеров своего дела. Ну вот, например, Шеф однажды послал по матушке физрука, любителя лыж, и ничего ему за это не было. А Олег Прокофьев как-то довел до слез учительницу рисования, хотя она вообще часто плакала — чувствительная женщина, что с нее возьмешь.

И все же Пашка мог дать им фору. Ведь Шеф и Прокофьев учились в старших классах, а Пашка — в пятом. До пятого класса он дотянул чудом, уже в третьем классная руководительница нашла подробные эротические комиксы его авторства — разразился скандал, и матери пришлось краснеть. В четвертом Пашка бегал от разгневанных учителей по рекреации и исчезал с уроков, выбираясь через окно в туалете. Его водили к психологу, но психолог предложил поставить Пашку на учет в детскую комнату милиции.

— Поздно, — сказала мать, — он там уже состоит.

И ушла.

Костя был немного благодарен брату. Из-за Пашиных буйств его прегрешения казались мелкими неурядицами. Кого волнует случайно разбитое футбольным мячом окно детского сада, если младший брат в тот же день старался угнать машину и лишь по счастливой случайности был пойман дядей Вадиком и доставлен не в милицию, а домой.

Пашку бы отчислили из школы и, возможно, поместили бы в клетку, чтобы выставлять на всеобщее обозрение, но у него оказался неожиданный заступник — бабушка. Каким-то чудесным образом ей удавалось тушить все скандалы. Возможно, сказывался ее врожденный талант переговорщика. Когда-то она работала бухгалтером, а сейчас постоянно о чем-то хлопотала в государственных органах. Она хлопотала в ЖЭКе, в районной администрации, в санэпиднадзоре, в роно, в комиссии по благоустройству, в собесе, в столе заказов, во взрослой и детской поликлинике. Даже в почти заброшенной дворницкой она умудрялась хлопотать.

В итоге бабушка обросла странными, неочевидными, но прочными связями. Она знала всех врачей, всех медсестер, всех дворников, всех паспортисток, всех работников отдела образования. Каждое новое знакомство придавало ей вес в глазах простых обывателей. Ну и, конечно, звездный бабушкин час настал, когда в актовом зале школы на встрече с депутатом, к которому она пару лет назад приходила хлопотать по поводу квартиры, народный избранник обратился к ней по имени-отчеству. Бабушка после этого сияла, как украшения на лбу фараона.

Свое влияние она использовала и при общении с директором школы и завучем (она знала их хорошо и всегда передавала привет не только детям, но и внукам). Когда недовольство Пашкой достигало запредельного уровня, завуч, поправляя очки и вежливо улыбаясь, просила бабушку «поговорить с ним».

- Вы уж объясните, что хорошо, а что плохо.
- Пробовали, — отвечала бабушка, — не понимает...

Впрочем, когда Пашка перешел в шестой класс, учителя вздохнули с облегчением. Фуууууф! Пашка перестал ходить на уроки. Наверное, они ему просто наскучили. Его свободная, творческая душа искала чего-то нового. Он не появлялся в классе, даже когда Костя сам доводил его до дверей школы и запускал внутрь. Потом выяснилось, что братик стягивал куртку, пробирался в туалет на первом этаже, открывал окна специально припасенной ручкой (вообще ручки по какой-то причине были сняты) — и сбегал.

Наверное, снег скрипел под его ногами, когда он бежал сломя голову от осточертевшего здания школы. А может, и не бежал вовсе — спокойно шел себе и шел.

В общем, никто в школе Пашку не любил. Кроме учительницы по рисованию. На то были причины: Пашка действительно неплохо рисовал. Ну Косте-то, положим, не нравилось. Но он плохо в этом разбирался. А учительница по рисованию разбиралась хорошо. Пашка ее уроки все равно прогуливал, но как-то стеснялся, что ли, нехотя. По привычке, а не по велению сердца.

Однажды Пашка нарисовал вазу, и учительница всем эту вазу показывала. И Косте показывала. После того как он нарисовал какой-то ужасный патиссон, похожий больше на кита, чем на овощ. Учительница покопалась в своих запасах и извлекла рисунок брата.

- Смотри, как Пашка рисует, а ты... — тут она поправила очки, — как кура лапой.

«Ну хоть не корова», — подумал Костя. А еще подумал, что она не видела Пашкины эротические комиксы!

Учительница была женщина маленькая и энергичная. Холл второго этажа после ее настоятельных просьб отдали под выставку лучших рисунков. Пашины работы там занимали самые престижные места. Она даже ходила к Паше домой и уговаривала бабушку отдать внука в художественную школу.

— У вашего ребенка — талант! — говорила она, поправляя очки. Она часто пожимала плечами и странно сводила брови на переносице.

Косте было немного завидно: про него ничего такого учителя не говорили. Больших проступков он не совершал, зато и большие победы обходили его стороной. За Пашкой же чувствовался размах души.

Учительница долго беседовала с бабушкой — мамы не было дома, — а бабушка вздыхала.

- Мы бы рады. Да что толку? Отдадим его туда — он ходить не будет, вот и все. Это походило на правду.
- Вот если бы его в Суворовское училище...

Почему-то существовало поверье, что военная служба может изменить Пашку к лучшему.

- Зачем в Суворовское? — удивлялась учительница.

— Там пансион. И мимо КПП просто так не пройдешь, — объясняла бабушка, и в этих словах чувствовалась железная, твердая логика.

- В общем, не сложилось у бабушки с учительницей.

Учительница же все равно Пашку поддерживала. Она отправила какие-то его рисунки (что-то зелено-синее) на конкурс, носивший фамилию известного художника. И — бамс! — Пашка выиграл. Вернее, получил Гран-при, а это означало не полную и безоговорочную победу, а что-то вроде утешительного приза. Говорят, когда об этом узнала директор школы, охочая до грамот и дипломов, которыми потом украшали стену в приемной, то решила, что ее разыгрывают.

- Он же двоечник!

— Ван Гог тоже был двоечником! — сказала учительница по рисованию и гордо поправила очки.

— Сомневаюсь, — сказала директор.

Пашке должны были торжественно вручить грамоту. Приезжал даже заместитель начальника районного отдела образования. Директор очень нервничала и на всякий случай поменяла шторы в столовой. Пашку она долго предупреждала о том, чтобы он не забыл «хорошо одеться». Костю, кстати, тоже об этом предупредили.

— Это на твоей совести, — сказала ему директор.

— Несправедливо! — сказал Костя, но его не слушали.

Ну и, конечно, Пашка в тот день посидел на первом уроке, а на втором куда-то свалил.

Костю тут же вызвала директор.

— И где твой брат?

— Откуда я знаю...

— Иди и найди его.

— Где?

Костя хотел спросить, может, в капусте поискать, но не решился так уж откровенно дерзить.

— На бороде, — сказала директор, что с ее стороны было не очень педагогично.

Делать было нечего. Костя отыскал Пашкин класс и долго докапывался у одного его дружка по имени Гриша, где брательник может обитать. Этот Гриша — тертый калач — долго не хотел признаваться. От испуга он даже начал балакать по фене. Косте пришлось забыть про конвенцию ООН об обращении с военнопленными и вывернуть мальцу руку.

— Ладно, — сдался Гриша, — он в компьютерном клубе.

— В каком?

Гриша нехотя назвал адрес. Костя в ковбойском стиле пообещал, что если тот совра, то он вернется и разберется с ним. Тогда Гриша подумал и назвал другой адрес.

— Он там.

— Точно?

— Да я сам оттуда.

По Гришиному лицу невозможно было понять, врет он или нет — оно было хитро-непрозрачное. Но выбора не оставалось. Костя собрал вещички и почапал в клуб. Школьный охранник долго не хотел его выпускать. Пришлось обращаться к завучу. Было даже приятно. Все же особое задание!

Костя дошел до клуба. Нажал звонок. Массивная дверь открылась. Пашка сидел за одним из компьютеров и орал в микрофон: «Обходи слева! Обходи слева!»

Пусть орал и не Косте, но брат все же обошел его слева. Положил руку на плечо.

— Здравствуй, Паша.

Пашка внимательно на Костю посмотрел. Лицо у Кости было недружелюбное.

— Я все понял, — сказал Пашка, — дай только доиграть. Тут ведь команда...

Но Костя был настроен серьезно. Костя доиграть не дал, и Пашка на него обиделся. Костя вел его по кварталу, как арестованного, держась на пару шагов позади, только руки у нарушителя режима не были связаны за спиной. Один раз Пашка предпринял попытку убежать, но Костя его догнал и бухнул в пыль.

— Ты что? Не хочешь диплом получить? — кричал Костя на него.

Пашка пожал плечами.

— На фиг он мне?

Костя задумался. Действительно, на фиг?

— На стену повесишь.

— Лень, — честно ответил Пашка. — Да и гвоздей дома нет...

Дальше шли без приключений.

В школе на Костю первым делом накричали.

— Почему твой брат в таком виде?!

А выглядел он действительно неважно. Падение в пыль сказывалось.

— Не знаю, — сказал я, — сами у него спросите.

Но с Пашкой директор не разговаривала — наверное, считала это ниже своего достоинства. Его кое-как привели в порядок. Дали щетку для одежды и причесали. Пашка насупился. Причесываться он не любил.

Заместитель начальника районного отдела образования в итоге не приехал. Приехал заместитель заместителя. Грустный, усатый, он даже не обратил внимания на Пашин внешний вид. И на занавески в столовке тоже. Просто дал ему эту бумажку — и все. Даже руку не пожал. Но директор, кажется, осталась довольна.

Этот диплом Пашка порывался выбросить, но мать отобрала и повесила у себя, на самом видном месте.

Больше Пашка никаких дипломов в школе не получал.

ПЕРВЫЙ РАЗ

В девятом классе угнетает все: родители, учителя, плохие отметки, погода, отсутствие денег, собственная несостоятельность. Наконец, девственность.

Мы сбивались в небольшие компании. Пять-шесть человек, старшему из нас едва-едва исполнилось шестнадцать. Начинались разговоры о сексе. Все хвастались подвигами. Раздавались смешки, одобрительные похлопыванья по плечу. Мне сказать было нечего. Я молчал. Посмеивался вместе со всеми и стыдливо отводил глаза. Я стыдился, даже несмотря на то, что знал: большая часть рассказов — наглая ложь, выдумки. Кирилл Линкович вообще пересказывал сюжет порнофильма «Горячие встречи на пляже-7». Я тоже этот фильм видел.

Да, хвастать было нечем. В присутствии девушек я робел и терялся. Заинтересовать кого-то своей персоной не получалось. Сексуальные подвиги... дальше поцелуев дело у меня не заходило! И то... Лишь один раз.

Мы тогда прогуливали школу с Димой Ивановым. Зашли к его знакомой. Там сидели еще две девушки. Пили вино. Было десять утра, но это никого не смущало. Дима Иванов рассказывал разные истории, я напряженно молчал. Одной из девушек стало плохо, она ушла. Дима уединился в спальне с другой. Мы остались вдвоем. Девушку звали Марина. Она походила на повзрослевшую Пеппи Длинный Чулок. Курила одну за другой. Пепел стряхивала в раковину.

Мы разговорились. Вернее, говорила она. Я же слушал. Как я выяснил много позже, уметь слушать — это великое искусство. Женщинам нравится. Тогда я этого не знал и слушал просто потому, что делать больше было нечего. На румынском кухонном шкафу я увидел стикер с изображением Винни-Пуха. Обстановка дешевая, но романтичная. Один на один с девушкой, старше на два года, курящей, с губами, синими от плохого вина.

Марина говорила о тяжелых отношениях со своим бойфрендом. Я его знал, и мне он не нравился, как мне не нравились все спортсмены. В моем лице она нашла поддержку. Она говорила все тише и нежнее. В общем, в какой-то момент мы стали целоваться. Она, конечно, солировала, что уж там. Ощущения были волшебные.

По Марине я потом страдал месяц, но, конечно, все было кончено в тот же момент, как началось. Целоваться я толком не умел и смотрел на нее слишком влюбленными глазами. Холодность и бритый затылок спортсмена привлекали Марину гораздо больше. Шансов у меня не было, поэтому я даже здороваться с ней перестал.

Я страдал удаленно, молча. Взял у Линковича посмотреть основательно затертую кассету «Горячие встречи на пляже-7».

Потом настало лето, полное мучительного одиночества (все разъехались).

Осень пришла неожиданно и сдула листву с деревьев. Я ходил печальный и загадочный. Кажется, в то время я начал писать стихи. Вернее, это были не стихи, а песни. Я мечтал сколотить рок-группу. Названия у песен были захватывающие: «Отреченные», «Между небом и землей» и еще почему-то «Плакучая ива». Песни хранились в толстой красной тетрадке. Их я никому не показывал. Не было человека, который смог бы их оценить по достоинству.

Что-то изменилось в воздухе, потому что мальчишеские компании перестали быть просто мальчишескими. Мы теперь тусовались вместе с девчонками. Было чертовски приятно. Девушки попадались не из числа романтических. Они плевались сквозь зубы, курили, лузгали семечки и ругались матом. Других поблизости не было. Но мы и сами их стоили.

Мне приглянулась одна. Внешним видом она напоминала белочку. Смешная светлая челка, на которую нужно изводить полбаллона лака каждый день. Губы тонкие, как нити, а скулы, наоборот, выступавшие, круглые. Пожалуй, не красавица. Она любила смеяться и смеялась много и, главное, красиво. Стоило ее рассмешить, как взгляд у нее становился нежным, как топленое молоко. В такие минуты она была очаровательна. Она была меня на год старше.

Мы стали прогуливаться вместе. Важный ритуал! Мы держались на небольшом расстоянии друг от друга. Лились бессмысленные разговоры. Впрочем, она болтала не очень много. Я старался ее рассмешить. Ради этого каждое утро покупал в газетном ларьке свежий выпуск бюллетеня с анекдотами. Анекдоты кое-как оседали в памяти. Я не мог, конечно, соревноваться в мастерстве с Кириллом Линковичем, он знал тысячу шуток и умел выдавать их в нужный момент с единственно верной интонацией. Но кое-что у меня все же получалось. Девушка смеялась. Ее звали Лена.

Однажды я проводил ее до квартиры. Мы поднялись на последний, пятый этаж панельной хрущевки. Я попрощался, а она неожиданно привлекла меня к себе (я стоял на ступеньку ниже, и наши головы находились на одном уровне). Поцелуй не произвел на меня такого магического эффекта, как в первый раз. Целовалась она, пожалуй, хуже Марины. Но я был очень рад. Да что там, счастлив.

Мы официально стали парой. То есть могли гулять теперь, держась за руки. В компании над нами сначала немного подшучивали, потом перестали. Все-таки не в пятом классе уже.

Я стал кое-что узнавать о ней. Папа в начале девяностых уехал в Бразилию. Мама (худая, коротко стриженная, еще вполне себе симпатичная) жила с другим мужчиной (тоже худым, коротко стриженным, вполне себе симпатичным). Отчим относился к Лене хорошо. Нормально. У них двухкомнатная квартира, и это прекрасно. Не все могли похвастаться такими потрясающими условиями. Особенных мечтаний или планов у нее не было. Глубоких мыслей — тоже, музыка ей нравилась самая обыкновенная, спорт не интересовал. Мне с ней бывало хорошо.

Наши отношения омрачало присутствие бывшего. Его тень всегда нависала над нами. Я ревновал. Самое ужасное, она призналась, что однажды спала с ним. Я едва пережил эту новость. Потом, правда, выяснилось, что он у нее не первый. Третий. Я словно открывал для себя новую вселенную. О первом она говорила неохотно. «Взрослый мужчина в Москве». Второй — какой-то парень из лагеря. Ну и этот...

Она спросила меня, спал ли я с кем-то. Я сказал, с трудом скрывая смущение: нет, ни с кем. Она удивилась.

— Ну, — сказала она, — это можно исправить.

Она сказала это так, словно речь шла о поломке автомобиля. И нежно коснулась меня рукой.

- Прекрасно, — сказал я.
- Нужно только найти место.
- С этим проблемы.
- Я знаю. Если мы найдем место, тогда...

Я судорожно стал хватать ртом воздух.

К сожалению, ее мама не работала, а значит, шанс был только один: пойти ко мне. Но у меня дома — бабушка. Разрешить это противоречие невозможно. Следующие две недели я ходил грустный. Летом, думал я, можно взять одеяло, бутербродов и пойти в колхозные поля, благо недалеко. Но на земле лежал снег. Я тосковал.

Лена пожимала плечами. Как будто ей все равно. Мы продолжали прогуливаться по улицам. Но теперь я маялся и не находил себе места. Внезапно мне повезло. Бабушка обронила в телефонном разговоре, что завтра пойдет на обследование в больницу.

— Там такая морока, — говорила бабушка. — Там столько процедур! Придется провести часов пять, не меньше...

Часов пять, не меньше! Я тут же оделся и пошел к Лене. Она встретила меня холодно.

- Я с радостной новостью, — сказал я.
- Ну?

Я рассказал ей о бабушке, больнице и пяти часах. Она пожала плечами.

— Это интересно, — говорит.

Интересно? И все? Я, конечно, себе это как-то по-другому представлял.

- Ладно, — говорю, — я зайду за тобой, как только бабушка уйдет.
- А что я матери скажу?
- Скажи, тебе к третьему уроку...

Она задумалась. Очень ответственный момент. Какие же мысли крутились у нее в голове? Наконец она согласилась.

— Но не придешь до десяти, я пойду в школу, — добавила она зачем-то.

Утром я сильно нервничал. Зубы чистил остервенело, до блеска. Воспользовался оставленным отцом одеколоном. Мать собиралась на работу. Бабушка тоже ходила по коридору туда-сюда. Почему-то мигала лампочка в коридоре. Я пытался вести себя естественно.

Мы вышли из дома вдвоем с матерью и разошлись. Она пожелала мне удачи.

- Да, она мне пригодится, — сказал я.
- Сегодня контрольная?
- Что-то вроде того...

Я посмотрел, как мать сворачивает за угол, и вернулся обратно, встал за трансформаторную будку прямо напротив своего подъезда и стал наблюдать, идет бабушка или нет. Бабушка не шла. Подул ветер, стало зябко. Я ежился на холоде и переминался с ноги на ногу. В голову полезли всякие мысли. Вдруг бабушка передумала? Вдруг речь шла о среде на следующей неделе? Вдруг это все сделано специально, чтобы вывести меня на чистую воду?

Я посматривал на часы. Половина десятого, без двадцати, без десяти... Я напряженно пялился на дверь подъезда. Там кто-то размашисто написал: «Дерьмократы не пройдут».

Когда я уже готов был плюнуть на все и пойти в школу, бабушка, в сером пальто, появилась на улице. Она медленно шла к остановке. Я внимательно следил за ней. Шажки у нее были маленькие, бабушка болела. Она так долго пересекала двор, что я почувствовал какое-то щемящее чувство, мне незнакомое. Я подумал: а может, помочь ей? Но не решился. Струхнул. Да и планы другие...

Убедившись, что она ушла, я бросился к дому Лены. Я знал, у меня почти нет времени. Третий урок начинался в пять минут одиннадцатого. Мне удалось застать ее выходящей из дома.

— А вот и ты, — сказала она и вынула изо рта леденец. — Думала, не придешь.

— Я не мог такое пропустить.

Лена внимательно посмотрела на свое окно, задернутое занавеской.

— Ну пойдем, — сказала она, пожимая плечами.

Мы подошли к моему подъезду. Во рту пересохло. Нечто подобное я испытывал, когда меня вызывали отвечать по геометрии к доске. Это было похоже на прыжок со скалы в пустоту. Кроме того, я переживал, что бабушка может вернуться. Впрочем, я заготовил не очень убедительную, но единственно возможную версию отмены урока.

Я открыл ключом дверь и сказал на всякий случай: «Привет, ба!»

Но ба не было. Я расслабился.

— Раздевайся, — говорю, — до трусов.

— Смешно, — сказала Лена. Она сняла свою шубейку, сапоги и прошла на кухню.

— Хочешь чаю? — спросил я.

— Ну, давай.

— Может, надо было пиво взять?

— Зачем?

— Так...

Я поставил чайник, и он долго закипал. Мы сидели за столом и молчали. Я не знал, о чем говорить. Кроме того, не представлял, как, собственно, перейти к самому главному.

— Хочешь конфет? — спросил я.

— Можно.

Я разлил по чашкам чай, достал с верхней полки конфеты. Мы стали пить из больших керамических кружек. Я решил, что дальше молчание продолжаться не может, и стал говорить, кажется, об уроках. Учились мы оба плохо, поэтому проблем для обсуждения хватало.

Чай кончился.

— Может, еще? — спросил я.

— Нет, — сказала Лена, — пойдем.

Она встала и взяла меня за руку. «Адам и Ева», — почему-то пронеслось у меня в голове. Мы пошли в мою комнату. Это была узкая каморка, в которой помещались раскладной диван, комод и шкаф с одеждой. Кровать была не убрана.

— А другая кровать есть? — спросила Ева.

— Есть, — ответил Адам.

Я отвел ее в комнату мамы. Раньше это была комната родителей. А теперь просто — комната мамы. Там стоял сладковатый запах духов.

— Вот, — сказал я.

— Ага.

Лена села на диван и стала раздеваться. Я, подавляя смущение, тоже.

Раздевшись, она залезла под одеяло.

— Холодно, — пояснила она, — ты скоро?

— Да, сейчас.

Волнуясь, я не мог справиться с пуговицами рубашки.

Наконец все получилось, я тоже оказался под одеялом.

— Ты красивая, — сказал я.

— Ага, — сказала Лена.

Мы поцеловались. Губы у нее были холодные.

— Ну, давай, — сказала она, как тренер в физкультурном зале.

Я начал делать механические движения. Было непривычно, тесно, щекотно.

— Тебе удобно? — спросил я.

— Вполне. Рисунок на обоях интересный.

— Мать выбирала...

— А что нам по геометрии задали в прошлый раз?

— Не знаю.

Так продолжалось минут пять.

— Снег пошел, — сказал я неожиданно.

— В новостях обещали, — проглатывая некоторые гласные, сказала Лена.

— Надеюсь, похолодания не будет.

— Не должно.

Неожиданно я почувствовал что-то вроде жжения.

— Похолодания не будет, — повторяла Лена, — похолодания не будет, похолодания не...

Тут раздался звук ключа, поворачивающегося в замочной скважине. Как я его услышал? Но он звучал так громко, что, казалось, гремит набат.

— Шухер! Бабка вернулась!

Мы оба замерли. Даже дышать перестали. И пошевелиться не могли. Я вслушался. Ключ не открывал дверь, механизм беспомощно клацал. Я закрыл дверь на защелку.

Бабушка поняла, что кто-то дома, и позвонила в звонок.

Я подскочил.

— Все, — сказал я, — мы пропали, одевайся!

Я бросил ей одежду. Она стала быстро натягивать ее на себя.

— Уйдешь через окно!

Лена даже не поверила.

— Что?

— Уйдешь через окно!

— Я что — акробат?

— Ну же! Тут первый этаж... Это единственный шанс!

— Для чего?

— Спасти от бабки!

В дверь позвонили настойчивей.

— Сейчас, — крикнул я из комнаты, — у меня нога застряла!

— Где, — спросила Лена, — интересно, у тебя нога застряла?

Одевалась она как будто специально медленно.

Бабушка опять звонила и принялась стучать в дверь.

— Костя! Все в порядке?

Я прокрался в коридор, взял ее сапоги, шубу. Бросил Лене.

— Ну пожалуйста, быстрее...

— А причесаться?

Я рывком поднял ее, всучил шубу, открыл окно.

— Высоковато, — сказала Лена.

— Брось! Первый же этаж.

— Я не ковбой!

— Сделай это... Спаси нас...

— Я очень недовольна, — сказала она, пискнула и прыгнула вниз. Высота действительно была небольшая. К тому же — снег.

— Как?

— Неприятно...

— Увидимся, — сказал я и пошел открывать дверь.

Бабка была в гневе. Она смотрела на меня, как лейтенант КГБ.

— Что это еще за номера?

Я решил изображать хромоту.

— Да видишь... прилег, вскочил — нога подвернулась...

Бабка, наверное, не поверила.

— А почему ты не в школе?

— Занятия отменили.

— Почему это?

— Да опять учения с этим хлором... или аммиаком.

Бабушка походила по коридору, рассматривая обстановку. Клянусь, она принялась хивалась!

— И это аммиак? — тут она подняла с пола шапку, шарф и перчатки Лены.

Я почувствовал, что пропал.

Нужно было что-то говорить.

— Это одной знакомой. Заходила, но ушла.

— Без перчаток и шарфа?

— На улице потеплело.

Бабушка ничего не сказала. Ушла к себе.

Вечером она жаловалась на меня матери: «Ходят к нему тут всякие! Еще, не приведи Господи, по телевизору что-то такое смотрят...»

Услышав это, я успокоился.

А с Леной мы через месяц расстались.

ВСТРЕЧА

Однажды субботним днем позвонил отец. Костя подошел к телефону, хотя делал это редко — а тут мимо проходил, не отвертись. Голос отца звучал глухо, как из бочки, но не узнать его было невозможно.

— Алло, алло, это Пашка? — спросил отец.

Костя почему-то разозлился.

— Нет, это Стас.

— Какой Стас? — переспросил отец.

— Да шучу. Это Костя...

Отец прокашлялся.

— Как у вас дела?

— Потихонечку, — сквозь зубы сказал Костя. Он не видел отца почти год.

— Мама не болеет?

— Нет, на работу ходит.

— На работу? Да нет. Я имею в виду, моя мама. Твоя бабушка.

— Нет. Не болеет.

— Хорошо.

Опять кашель. А потом — молчание.

— Слушай, — сказал отец, — надо встретиться.

— Зачем? — искренне удивился Костя.

— Надо поговорить.

— Ну, давай встретимся.

— У тебя ведь день рождения скоро...

— Был пять дней назад.

— Ну, да. Ну да. Время быстро идет, а? Еще недавно ты был крошкой трехлетней, а теперь вот уже двенадцать — большой.

— Слушай, папа, — устало сказал Костя, — мне уже четырнадцать. И вообще...

Но он не договорил, хотел сказать что-то дерзкое, но духу не хватило.

— Вообще, — повторил Костя и вздохнул.

Они обговорили, где встретятся. Выбрали Александровский сад.

— В зоопаркходим, — сказал отец, Костю эта перспектива не радовала.

— Кто звонил? — спросил Пашка, когда он повесил трубку и вернулся в комнату.

— Отец.

Пашка презрительно фыркнул.

— И ты с ним разговариваешь?

— Ну да. А что?

— Терпеть его не могу! Он же настоящий предатель!

— Кто предатель?

— Да отец!

Костя разозлился.

— Сам ты предатель! Думаешь, что говоришь!

— А ты хочешь сказать, он тебя не предал, когда из дома ушел?

— Не знаю, — сказал Костя, — нет, не предал.

— А маму? Маму не предал?

Костя был готов бросить что-нибудь тяжелое в брата.

— Это не мое дело! Отстань! С кем хочешь, с тем и разговаривай! Тоже мне — защитник всех униженных и оскорбленных!

Едва не завязалась драка, но Косте нужно было уходить. Он махнул на Пашку рукой и вышел из комнаты. В дверях его задержала мать.

— Ты куда?

— Прогуляюсь.

— Хлеба купи.

— Я надолго.

— Тогда яиц еще.

— Мне деньги нужны!

— У тебя ведь сдача должна была остаться?

Костя ее давно потратил.

— Хорошо, — сказал он, а сам подумал, что отец ему наверняка подкинет денег. Все-таки день рождения — и все такое.

До «Горьковской» добрался без проблем, быстро. В школе задали «Отцы и дети». Он ехал, поглядывал в текст и периодически думал о том, какой молодец Базаров, не то что эта рохля... как его там... Впрочем, дочитать не успел.

Встал у выхода из метро. Позади надрывались десантники с гитарами. Пели что-то про авианалеты.

— Желаящие, — сказал один из них во время паузы, — могут приобрести наши аудиокассеты с автографами Розенбаума!

Отца все не было. Костя сходил к памятнику «Стерегающему», вернулся обратно, съел мороженое, прослушал три десантных песни — и только тогда из метро появился отец. Выглядел он странновато. Как будто потолстел даже, а вот голова стала совсем седая. Лицо обрюзгшее. На носу огромные солнечные очки. Песочного цвета рубашка и такого же цвета штаны. Прямо Индиана Джонс. Шел он, слегка покачиваясь. Спустился по ступенькам, стал оглядываться. Взгляд скользнул по Косте — и пошел дальше. Костя махнул рукой и выдвинулся к нему, отец заметил.

— Ну вот и ты, — сказал отец и обнял его. От него пахло перегаром и, кажется, луком.

— А вот и ты, — прохрипел Костя.

- Давно стоишь?
- Нет, — соврал Костя.
- Давай где-нибудь присядем.

Они углубились в парк. Нашли пустую скамейку. Отец закурил. Костя подумал, может, тоже достать сигаретку? Но решил не рисковать.

- В зоопарк пойдем? — спросил отец.
- Нет. Что я там не видел?
- Вот и я подумал...

Отец убрал зажигалку и вздохнул.

- Ну как там у вас?
- Да как обычно. А у тебя?
- И у меня как обычно.
- Вот и здорово.

Отец опять прокашлялся. Видимо, он так делал всегда, когда нужно было заполнить паузу.

- Мать-то что-нибудь говорит про меня?
- Сейчас нет.
- А раньше?
- Раньше говорила.
- И что?
- Я лучше не буду повторять...

Отец хлопнул себя по колену. Наверное, это означало досаду.

- Так я и думал. Она, конечно, не понимает...
- Что, — спросил Костя, — она не понимает?
- Ничего. Решительно ничего! А ведь я страдал, ты понимаешь?
- Понимаю, — сказал Костя, хотя не понимал.
- Да и сейчас страдаю! Вы ведь не знаете всей ситуации...
- Какой ситуации?
- Вы не видите всей картины. Только маленький ее кусочек.

Косте стало интересно. Отцовское лицо выражало крайнюю степень волнения. В глазах появилась влага.

- Ведь я вынужден был... Должен был уйти, скрыться...
- Скрыться?
- Конечно! Разве она не сказала вам? Меня преследовали...

Костя все не понимал, куда клонит отец.

- Кто? Кто преследовал?
- Недоброжелатели.

Костя протер глаза, в которые набежавший ветер бросил песок.

- Какие, папа, у тебя могут быть недоброжелатели?
- Обычные. Самые обыкновенные. Как и у всех.
- Бандиты?
- Конечно! Мне хотели поставить утюг на грудь. Вот сюда!

Отец два раза ткнул себя пальцем в грудь.

- Поставили?
- Нет. Не успели. Я улизнул. Все получилось не так, как планировал... Бизнес накрылся... Все пошло прахом.

Костя задумался.

- А почему нас тогда не трогали?
- Я попросил! — тут же ответил отец.

Костя внимательно смотрел на отца. Ему казалось, что он видит какого-то неловкого актера, который только исполняет роль его отца.

— Подожди. То есть получается, ты куда-то скрылся, бросив нас на произвол судьбы, а сам просто попросил каких-то людей, которые хотели поставить тебе на грудь утюг, чтобы они нас не трогали?

— Да! — сказал отец с жаром.

Костя смотрел на него внимательно.

— И ты им поверил?

Отец опять закашлялся.

— Такие люди слов на ветер не бросают, — сказал он, когда приступ подошел к концу.

— Звучит странно, — сказал Костя.

— Конечно! Я бы сам не поверил!

Отец уже закуривал новую сигарету.

— И что теперь? — спросил Костя.

— Теперь... Вот я вернулся. Думаю осмотреться, сообразить, что к чему. Оклематься... Зализать раны...

— Зализать раны?

— Ну это я образно...

Костя молчал.

— В общем, — продолжил отец, — я тут хотел тебя попросить... по телефону было бы неловко. Ты знаешь, у вас там, на шкафу, стоит инкрустированная рама от картины.

— Какая рамка?

— Инкрустированная. Ну такая зеленая, большая.

Костя вспомнил. Действительно, какая-то рамка есть.

— И что?

— Видишь ли, она моя. Мне ее тетя Тома подарила перед смертью. Ты возьми ее и мне принеси, хорошо?

Костя вдруг почувствовал себя идиотом.

— Что? Какую еще рамку тебе принести? А мама?

— Маме можешь не говорить.

Костя открыл рот от удивления. Он хотел что-то сказать отцу, но не мог подобрать нужных слов.

— Зачем тебе рамка? — наконец выпалил он.

— Нужны кое-какие средства. Жить в бегах непросто. А рамка моя, понимаешь? Моя...

— По-моему, она бабушкина.

— Нет, моя. Бабушке, кстати, тоже не говори.

Костя встал. Дотронулся до отцовского плеча.

— Пап, я не знаю, может, тебе... полечиться, что ли?

— Чего?

— Ну какие рамки, какие бега... возвращайся обратно. Живи по-человечески. Что ты устраиваешь здесь цирк или зоопарк, черт его знает...

Костя снова подумал, что, пожалуй, можно закурить. Но все же не стал.

Отец внимательно смотрел на Костю. «Еще пару лет назад он бы меня за такие слова ударил», — пронеслось в Костиной голове, но сейчас он не боялся. Знал, что отец его не тронет. Перед ним сидел немолодой и смешноватый такой человек.

— Пойдем, пап.

— Куда? — спросил отец.

— Куда-нибудь. Домой.
Отец грустно усмехнулся.
— Да меня твоя мама тут же съест.
— Не съест. Я не дам.
Отец еще раз посмотрел на Костю, а потом отвернулся.
— Ладно, — сказал он, вставая, — я-то, дурак, рассчитывал найти тут поддержку, а вместо этого...
Он встал, отряхнулся.
— Значит, не принесешь рамку?
— Нет.
— Ладно, — сказал отец, — где наша не пропадала!
Он сделал несколько шагов в сторону аллеи. Потом вернулся.
— Слушай... это... А пятидесяти рублей у тебя нет... Может, мама дала?
Костя почувствовал брезгливое раздражение. Нашупал в кармане мелочь. Двадцать восемь рублей.
— На обратную дорогу? — спросил отец.
— У меня карточка.
— Тогда я возьму. С зарплаты отдам. Это восьмого.
— Сегодня десятое.
— Вот я и говорю. Адьос. Если что — я свяжусь. Живу пока на конспиративной квартире. Маме о нашей встрече ни слова. И бабушке.
И он ушел, слегка покачиваясь то влево, то вправо, как маятник.
«Похоже, — сказал сам себе Костя, — у моего папочки поехала крыша».
Потянулся в карман, чтобы закурить. А сигарет не было...
Он вернулся домой на трамвае, но читать не получалось. Сидел, смотрел в окно. Проносились деревья, остановки. Пару раз на него накатывало. Было обидно. И как-то жалко отца.
Мать на кухне читала корректуру. Костя сделал чай.
— Купил яйца?
— Забыл, — сказал Костя, — да и денег нет.
— Как нет?
— Кончились.
Мать отложила карандаш.
— Ну сколько раз можно говорить... каждая копейка на счету...
— Извини, — сказал Костя, опустив взгляд. — Ты мне дай денег — я схожу, куплю, а потом тебе отдам.
— С первой зарплаты?
— Ну, со второй, может.
Костя быстро выпил чай и опять собрался на выход.
— Слушай, — спросил он вдруг маму, — а там рамка на шкафу, она откуда у нас?
— Твоя бабушка подарила на свадьбу.
— Тебе или отцу?
— Нам, — сказала мать, — тогда были «мы». Нам и подарила.
— Ясно. Я, кстати, видел его сегодня.
Мама неожиданно подавилась сигаретным дымом.
— Что? Кого видел? Отца?
— Ага. Мы встречались. Типа того...
— А мне почему не сказал?
— Не хотел волновать.
— А сейчас зачем говоришь?

— Не знаю. Думаю, ты должна знать.
Мама кивнула. Костя вышел в коридор. Натянул кроссовки. Взял куртку. Открыл дверь. Тут мама остановила его.
— Ну и как? Как он?
Костя пожал плечами.
— Да не очень.
— Пьет?
— Думаю, да.
— Что-нибудь говорил?
— Бред какой-то нес... Преследуют его...
— Это у него белая горячка началась. Если его кто и преследует, так это его бабы! Мама неожиданно разозлилась, прикрикнула на Костю. Он вышел за дверь.
— Я-то здесь при чем? Я в чем виноват? Вы там не можете разобраться, а я крайний? Почему? Не из-за меня же вы расстались? Ну и живите себе, не трогайте меня!
Костя почувствовал, что глаза наполняются влагой.
«Весь в отца», — подумал он про себя со злобой.
А ведь он не плакал уже давно.

ФИНИТА ЛЯ КОМЕДИЯ

Как-то вечером бабушка пошла на кухню и включила газ. Она хотела приготовить яичницу. Два белых маленьких яйца остались лежать на столе. Бабушка включила газ и упала в обморок. Обнаружили это не сразу, а минут через пять, почувствовав запах газа. Бабушке удалось упасть на удивление тихо. Ее нашел Пашка — и очень испугался. Стал звать меня, мать. Мы прибежали. Я замер от ужаса, а мать быстро сообразила, что к чему.

— Открой окно! Скорее открой окно! — кричала она.

Мы подняли бабушку и прислонили к стене. Мама искала что-то в серванте.

— Нашатырь? У нас есть нашатырь?

Нашатыря у нас не было. Только подсолнечное масло и уксус. К счастью, бабушка сама пришла в себя.

— Что случилось? — спросила мать. — Вы в порядке?

Она с ней всегда была на «вы».

Бабушка выглядела как-то странно. Ее глаза беспрерывно двигались. Казалось, это не глаза, а шарики для пинбола. Она смотрела на нас, но никого не узнавала. Вызвали «скорую». Мы перенесли бабушку в ее комнату. Она продолжала сидеть на постели и бешено вращать глазами.

Пашку отправили в его комнату. Он беспомощно и молча плакал. Лишь мать сохраняла хладнокровие, чего на самом деле я не ожидал. Он даже не курила. Только бормотала про себя: «Финита ля комедия, финита...» Не знаю, зачем она это говорила.

Приехала неприятная врачиха, похожая на бегемота. У нее был чемоданчик, наполненный прозрачными колбочками. Меня выпроводили из комнаты.

Пашка был как на иголках.

— Ну что там? Что?

— Непонятно.

— Они сделали ей укол?

— Укол? Не знаю.

— Должны. Укол ей поможет.

На самом деле укол ей не помог бы. У бабушки случился инсульт. День ото дня ей становилось хуже. Казалось, она понемногу превращается в камень. Ни руками,

ни ногами она уже не могла пошевелить. Потом она стала нас путать. Меня называла Пашкой, а Пашку — именем отца.

Однажды я пробрался к ней. Вообще в ее комнату я старался не заходить. Меня пугала тишина. Время там словно остановилось. Она лежала на диване и смотрела в потолок стеклянным взглядом. Казалось, она читает только одну ей видимую книгу.

— Бабушка, не умирай, — сказал я ей.

Бабушка молчала.

— Не умирай, слышишь?

Ее рот приоткрылся. Я думал, она скажет что-то. Но она только причмокнула пару раз.

К бабушке время от времени приходили врачи. Они делали умные лица и что-то кололи ей. Но ничего не помогало. Тогда мама пригласила еще кого-то, вроде шамана, потому что обыкновенные доктора никак не могли поставить диагноз. Один просто развел руки в стороны.

— Что вам сказать... старость.

Шаман был одет во всё черное. Самым выдающимся предметом его гардероба была старомодная шляпа. На шамана он не был похож, скорее на литератора или университетского профессора. Лицо его показалось знакомым.

— Где у вас можно помыть руки? — спросил он, и вопрос показался мне глупым.

Я проводил его. Потом он пришел к бабушке. Он находился в той комнате сорок минут. Наконец он вышел.

— Попробуйте это, я думаю, сработает, — сказал он, надел плащ, шляпу и вышел.

— Что он посоветовал? — спросил я.

Мать была готова заплакать.

— Иглоукалывание...

Мать откуда-то узнала телефон того места, где обитал отец, позвонила ему. Но он и не думал объявляться. Наверное, спал под каким-нибудь камнем.

Двадцатого декабря бабушка умерла. Это случилось вечером, и больше о том дне я ничего не помню, вообще ничего. Ну, то есть я не могу сказать, было ли холодно или относительно тепло, шел ли снег и какого он был цвета. Я не помню, что делал в тот день и что делал в тот день Пашка. Помню, что отца дома не было.

Мать была. Она сидела на кухне. Горел газ. На ее плечи была накинута вязаная кофта красного цвета. Мне кофта казалась ужасной, просто отвратительной. Мама делала что-то по работе. Иногда ей приходилось брать какие-то записи на дом. Я хорошо помню эти тексты, исчищенные простым карандашом вдоль и поперек. Некоторые выглядели почище. Редко-редко удавалось увидеть почти идеальные, девственно чистые листы, где даже моя мать, лучшая ищейка в городе, не могла найти ошибок. Она работала над такими текстами, улыбаясь.

Но в тот вечер тексты попались паршивые. Мать согнулась над ними. Карандаш в ее руке плясал.

— Как дела? — спросил я.

— Нормально.

— Помочь?

— Не надо. Спасибо. Нет-нет.

Я постоял немного и ушел к себе в комнату. К бабушке я не заходил. Пашка резался в «Контру». Я же засел за книгу. Минут через десять вошла мать, вся бледная, худая, она сама походила на смерть.

Она села на мой диван. Я сразу почувствовал, что-то случилось.

— Мальчики...

Пашка продолжал проходить сложный седьмой уровень.

— Мальчики... Надо сказать.

— Сейчас, сейчас, ма.

— Положи немедленно эту штуку!

Мать затряслась. Пашка отбросил джойстик, словно тот был раскален добела.

— Ваша бабушка умерла, — сказала она едва слышно.

Мне до этого приходилось видеть труп. Когда выносили из квартиры соседа и родители завесили тряпками зеркала. Еще помню, как рядом с детским садиком нашли чье-то тело. Дядя Вадик был поставлен за ним присматривать. Он сидел рядом с трупом и курил «Беломор». Мы, мальчишки, ошивались рядом.

— Дядь Вадик, а кто это?

Он молчал и курил.

— Дядя Вадик?

— Никто! Пошли отсюда! Нечего глазеть!

Но нам становилось только интереснее. На трупе были кожаная куртка, черные лакированные башмаки. При дневном свете поблескивали часы на левой руке.

— Бандит, — определил наметанным взглядом Линкович. — За базар отвечаю!

Труповозка забрала его только к вечеру, когда труп уже воспринимался всеми как часть пейзажа, некий интересный элемент, вроде виньетки. И ботинок на нем уже не было.

Но смотреть на мертвую бабушку — это было что-то другое. Странно было видеть человека, который вот-вот был жив, а теперь вдруг мертв. И все. Мне казалось, это не бабушка, а ее не очень удачная копия.

— Надо куда-то позвонить, — твердила мама, — надо куда-то позвонить.

Я понял, что должен взять всё в свои руки.

— Я сделаю, мама. Не переживай.

Она посмотрела на меня удивленно, но при этом с благодарностью.

Я позвонил в «скорую».

— Приезжайте... У нас бабушка умерла.

На том конце провода кто-то хрюкнул.

— Так чем мы можем помочь, если она умерла?

К счастью, подсказали какой-то телефон. Приехали санитары.

— Мертва, — сказал молодой усталый мужичок в белом халате. Потом он посмотрел на нас страдальчески. — Неудачный день сегодня. Пятый труп.

Мы пожалы плечами. Для нас это был первый, но самый важный труп.

Мама очень много плакала в тот вечер. Казалось, ее переломит пополам.

— Я ведь даже не попрощалась с ней, — твердила она, — даже не попрощалась...

Она плакала, курила и говорила, что никогда себе этого не простит. Мне все это казалось странным, ведь при жизни мама с бабушкой не очень ладили. Я бы даже сказал, что их отношения никогда не были столь хороши, как во время бабушкиной болезни. Может быть, поэтому она заливалась слезами? Страдала из-за потерянного мимолетного счастья?

Пашка тоже плакал, молча и много. Казалось, внутри его головы открыли кран с соленой водой. Я не плакал. Не потому, что старался показаться настоящим мужиком, мне просто не хотелось. Я выкурил сигарету и вспомнил, как бабушка меня застучала за этим занятием и не выдала родителям. Мне показалось, что я ее никогда не ценил. Ее никто не ценил.

Отец объявился на второй день. Как обычно, он был похож на усталую побитую собаку. Он него несло перегаром. Голову он не поднимал.

С мамой они долго разговаривали о чем-то на кухне.

— Наследство делят, — почему-то сказал Пашка. Хотя я знал, что это бред.

Он на цыпочках стал красться к двери.

— Стой! — сказал я.

— Что?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

Пашка замер в недоумении.

— Серьезно, — сказал я и добавил для убедительности поговорку про любопытную Варвару.

— Разве тебе не интересно? — обиженно спросил Пашка.

— Нет, — отрезал я.

Мне действительно было неинтересно.

— Как ты думаешь, она его выгонит? — не унимался Пашка.

— Кого? Отца? Не знаю.

— Я думаю, выгонит.

— И куда он пойдет?

— А где он был?

Я отложил книгу.

— Выгонит — не выгонит, какая разница?

— Я волнуюсь.

— А ты что хочешь?

Пашка задумался.

— Мне его жалко, — сказал он наконец. — А тебе?

— Мне — нет. Уже нет.

— А раньше?

— Раньше бывало.

— Что-то нам не везет, — сказал Пашка и больше ничего не говорил.

А отец, конечно, остался. Нам он так ничего и не сказал. Вообще. Как будто его не было не три года, а три дня. Пашка даже не здоровался с ним.

А у меня духу не хватило. Я сказал: «Здрассьте».

На следующий день были похороны. Мать все организовала. Она была молчалива, тверда, энергична. Мне даже показалось, она словно помолодела в эти дни. Может быть, всё дело в этой холодной уверенности?

Крематорий оказался похожим на санаторий. Красивый белый парк с заснеженными деревьями и в глубине двухэтажное здание, облицованное серым гранитом. У входа толпились люди, все в черном. Здесь собирались группками и смотрели листы с расписанием похорон. На каждую смерть отводилось полчаса. В некоторые графы фамилии были вписаны от руки.

Наше прощание должно было начаться ровно в два, но церемония задерживалась.

Собрались родственники. Их было не очень много. Мы коротко поздоровались. Потянулись тихие, хрупкие, как стекло, разговоры. Я подумал, что мне очень хочется есть. Очень. Без десяти три вышла женщина в темно-голубом платье и пригласила нас в зал номер два.

Мы, а нас было человек пятнадцать, молча проследовали за ней. Я испытывал любопытство, но мне казалось, что любопытство сейчас не самое благодетельное чувство, поэтому старался сделать скорбное лицо и хмурился.

Зал для прощаний показался мне довольно обычным. Кажется, нечто подобное я уже видел в каком-то фильме. А может, и нет, но в любом случае эта просторная комната с высоким потолком вполне соответствовала моим ожиданиям. В центре на возвышении стоял гроб. Крышка была открыта. Бабушка, похожая на плохую восковую копию себя самой, лежала в нем. Руки скрещены на груди, в них зажата иконка и, кажется, свеча.

Мы окружили это возвышение. Женщина, встречавшая нас, стала говорить какие-то скорбные слова. Она говорила негромким, но хорошо поставленным голосом. Слова разлетались под сводами и падали на каждого откуда-то сверху. То ли сотрудница крематория была настоящим мастером своего дела, то ли сказалась моя впечатлительность, но спустя десять, может, двадцать секунд я глотал слезы. Да и у всех глаза были на мокром месте.

Это продолжалось некоторое время. Потом женщина разрешила нам попрощаться с бабушкой. Кажется, она употребила оборот, вроде «теперь вы можете отдать последние почести», что-то в этом роде.

Мы стали подходить к телу. Я был одним из первых и немного растерялся. С одной стороны, губа у меня была прикушена, потому что я боялся разреветься, как девчонка. С другой — бабушка выглядела настолько неестественно, что у меня на пару секунд возникли подозрения: а она ли это вообще. Так или иначе, я поцеловал ее в лоб и шагнул в угол.

Ко мне подошел Пашка. Мы стояли рядом. Молчали. Пожалуй, никогда до и никогда после мы не были с ним так близки, как в эти минуты.

Потом от одной из стен отделилось несколько крупных мужчин — тоже местных сотрудников. Они взяли гроб и перенесли его на ленту, напоминая ту, что используется на разных складах. Лента заканчивалась железными створками. Я не очень понимал смысл происходящего, и лишь когда створки автоматически разъехались и я увидел сполохи пламени, все стало ясно. Бабушка отправлялась в свой последний путь, который должен был закончиться в печи. Я старался не смотреть на это.

Потом все вышли наружу. Предстояло отправиться на кладбище, где прах следовало захоронить. Все ждали автобуса, он запаздывал. Я зашел за угол, чтобы покурить. Тут стоял один из наших гостей, бабушкин племянник, мужчина лет тридцати двух, худой, но энергичный, с добрым и свежим лицом. Я видел его пару раз на общих праздниках и был о нем хорошего мнения. Что удивительно. В те времена я редко думал о ком-то хорошо.

Я не стал жеманничать, а достал сигарету и прикурил. Если родственник начнет читать нудную лекцию, пошлю его к черту, решил про себя.

— Что куришь? «Мальборо»? — спросил родственник.

— «L&M».

— Синий или красный?

— Красный.

— Хороший выбор.

Родственник мог записать еще несколько баллов в свой послужной список.

— А ты подрос.

— Ем хорошо.

— Тамара рассказывала, ты слушаешь рок.

— Слушаю. «Алису», «ДДТ».

— Здорово. А мы как-то играли у «Алисы» на разогреве.

— Да ну?

Следующие десять минут мы говорили о том, как выглядит Кинчев вблизи. Родственник охарактеризовал его как милого, свойского человека.

Дальше была поездка на кладбище. Яма уже была вырыта. Все гости долго обсуждали, как сложно копать замерзшую землю. Только я не хотел это обсуждать.

Гроб опустили в яму, причем один из рабочих едва не свалился туда, оступившись и на секунду потеряв равновесие. Наверное, если бы он упал, это было бы смешно. Наверное.

Никто уже не плакал. Все почувствовали себя лучше. Достали бутерброды, водку, морс, кутью. Происходящее стало напоминать семейную вечеринку.

Потом все отправились к нам домой. Там уже был накрыт стол. Водки к тому времени выпили столько, что многие порядком окосели. В том числе и мой отец. Он в этом плане всегда был лидером. Все разместились за длинным столом. Кто-то из тех, кто был на кладбище, уже ушел, но появились и новые люди. Соседи, например. Многие из них бабушку недолюбливали. Да и бабушка относилась к ним как к людям второго сорта. Но теперь все они были сама кротость.

— Тамара Ивановна была такая чудесная женщина.

— Очень добрая, отзывчивая.

— И почему уходят лучшие?

Мне хотелось рассмеяться им в лицо.

— Вы что, идиоты?

Но я этого не делал. Сидел себе, молчал. Когда мне этот цирк надоел, я пошел прогуляться. Уже было темно. Красиво падал снег. На всей улице горела лишь пара фонарей. Около них толпились люди. Я решил бесцельно побродить по кварталу и ни о чем не думать. Это получалось без особых проблем.

Когда я вернулся часов в девять, оказалось, что за время моего отсутствия в туалете прорвало трубу. Теперь несколько пьяных человек затыкали дыру какими-то тряпками и откачивали из туалета воду ведрами.

— Что случилось?

— Скорее, сюда!

Мне тут же дали ведро, и я стал участником этого очаровательного процесса.

Аварийная приехала только через час. К тому времени мы превратились в пиратов, терпящих кораблекрушение. Мужик посмотрел на трубу и гаечным ключом повернул какой-то кран.

— А вы сами не могли это сделать? — спросил он у взрослых.

Взрослые смотрели на него мутными глазами.

— Понятно, — сказал мужик и ушел.

Мы остались с грязью, ускользящим опьянением, похмельем.

Дядя сидел на корточках в коридоре.

— Знаете, что я вам скажу, я неудачник, да-да, неудачник.

Его стали уговаривать вести себя прилично.

— Разве я веду себя неприлично? Что в этом неприличного? — возмутился дядя. — У нас «Алиса» недавно играла на разогреве!

Потом они чуть не подрались с отцом, но поскольку оба были слишком пьяны, у них получилось лишь провести небольшой поединок в армрестлинг.

Дядю отправили на метро, уходя, он упал в коридоре, поскользнувшись на остатках луж, и уронил полку. Когда его подняли, он запел: «Думы мои — сумерки». А потом заплакал.

— Смотри, — сказал кто-то из соседей, — бедняга, как ему родственника-то жалко.

Дядя поднял глаза.

— Эх, братцы, как жалко-то жизнь свою...

За ним закрыли дверь. Все разошлись.

— Все, — сказала мама, — финита ля комедия.

Она дала нам ведра и тряпки. Предстояло убрать последствия потопа.

Отец спал на диване.

— И что теперь будет? — спросил Пашка, выжимая тряпку в ведро.

— Ничего, — ответил я. — Ничего...

Владимир КОСОГОВ

ЯНВАРЬ В НОВОМ АФОНЕ

Выходит человек и видит черный снег,
И лучше срифмовать уже нет силы.
Печаль светла, но длится целый век,
От моря тянет, словно из могилы.

Налево повернешь — сверкнет абхазский нож.
Зрачки красней мороженой рябины.
По снегу как ошпаренный идешь.
И снятся, кто мертвы, но так любимы.

И горы впереди на каменных клешнях,
Могучие, как профиль богатырский:
Спускаются с небес и гаснут на углях
У кельи монастырской.

НА ГОРЬКОМ ЯЗЫКЕ

I

Планы на первую пенсию:
Собраться без танцев, но с песнею
И двинуть на пасмурный юг
В самолете Москва—Каюк.

В иллюминаторе — облако.
Вышло всё, видишь, вона как!
Скрутило напополам,
Но буковки — не отдам.

Это мои клинки, мои станки,
Мои здоровые позвонки,
Они еще не хрустят, огнем не горят в ответ.
Буковкам сносу нет...

Владимир Николаевич Косоков родился в 1986 году в г. Железногорске Курской области. Окончил филологический факультет Курского государственного университета. Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Москва». Лауреат международного литературного Волошинского конкурса. Победитель литературного конкурса «Заблудившийся трамвай» им. Николая Гумилева. Живет в Курске.

II

И звезда не говорит со мною,
Как с другой звездой.
Кран пищит с холодной водою,
Неживой водой.

Пленники храпят на всю палату,
Сестры тоже спят.
Но ко мне относятся как к брату:
Нищий духом — свят.

Всё начну с начала, но сначала
Выиграть смертный бой,
Чтобы не испачкать покрывало
Кляксой кровавой.

Чтоб летели молнии, гремело
Небо и земля.
Чтобы обездвиженное тело
Верило в себя.

Чтобы встали пленники с кровати,
Слыша этот гром,
Летней духоты, как Благодати,
Выпить перед сном.

III

Выходишь в коридор
Побыть опять никем,
Уставишься в упор
В дурацкий манекен:

Не крутит головой,
Пластмассовой ногой
Не дергает. На кой
Остался он такой?

Покурим на двоих?
Но манекен пропал
В палате для кривых
Людей или зеркал...

IV

Ушли и свет не погасили.
Одна на всем материке
Мерцает лампочка Мессии
На оголенном проводке.

К чему метафоры такие,
Где смысла не поймает в сеть?
Раз не возьмет анестезия,
На проводочке мне висеть...

Не для того, чтоб боль в суставах
Прошла и выпрямило грудь.
А просто есть такое право —
Уйти и лампочку свернуть.

V

Раба Божия новопреставленного Николая
встречают братья Петр, Сергей, Иван.
Загробную жизнь именно так представляю —
мягкий диван,
сидят вчетвером, о прошлом талдычат сказки,
сад-огород, прочая ерунда.
Был Николай в завязке,
не помогла даже живая вода.
Душу, к Тебе отошедшую с истинной верой,
по совести упокой.
Порохом станет память, а время — серой:
задача по химии, писанная Лукой.

VI

Шершавой проведешь ладонью
мне по лицу, когда опять
из светотени заоконной
войдешь и сядешь на кровать.

Бульон из двухлитровой банки
поможешь в кружку перелить,
застынешь взглядом на каталке,
мол, что поделать — надо жить.

«Что принести тебе на утро?
Поговори со мной, сынок!»
Я головой мотаю, будто
ни слова разобрать не смог.

Ведь это же не ты со мною
заговорил на языке
предсмертной радости с любовью?
На самом горьком языке.

На нем обученный молчанью,
боюсь иссушенной гортанью
произнести в последний раз:
«Не оставляй — несчастных — нас».

Побудь со мной еще, покуда
хватает сил не звать врача.
Я скоро выпишусь отсюда,
хребет надломленный влача.

* * *

Нас токарить учили в УПК...
Станки, глотая медные «окурки»,
Выплевывали из-под резака
«Патроны» и свистульки,

Клинцы на грабли, прочий ширпотреб,
Загубленный неточною настройкой,
На дно картонной тары, точно в склеп,
Отправлены учительскою двойкой.

Хрусти, подшипник, дергайся, рычаг.
Сорвись, резьба, на десять лет к началу,
Где я еще над книгой не зачах
Очередной бракованной деталью.

Вот потому я токарем не стал,
В слепом цеху, позолоченном стружкой,
Словесный неподатливый металл
Кромсая авторучкой...

* * *

Оглянись: твоя ли это старость
Дребезжит посудой пустой?
Много ли стихов еще осталось
Записать в небесный обходной?

Узнаешь звериный этот почерк:
«В» с горбинкой, сплюснутую «К».
Успокою близких между строчек —
Это просто дернулась рука...

ОТСЧЕТ ОБРАТНО

Рассказ

1

Я живу в небе. Плыву в воздухе своих эмоций. Я боюсь нырять в глубину своих страхов и боюсь эйфории. Мне нравится спокойное существование, нравится это пространство. Я согреваю его вокруг себя, мужа, детей. Мне нравится изгиб моего позвоночника и то, что в воздухе я не могу утонуть, а значит, я свободна.

2

За окном лес. До самого горизонта. Он великолепен своей медленной изменчивостью, вослед временам года. Его медленная жизнь успокаивает.

А в небе летают птицы. Они летят на той высоте, где я живу. Птица идеально сложена. Она вытягивается в струнку. И полет становится возможен.

Лес в июне — симфония птичьих трелей с трех и до десяти утра. Сейчас начало весны, и птицы поют едва-едва.

3

Забрезжит рассвет, и нет сна от восторга. Нахлынет волной эйфория, но где есть верх, есть и низ. И я боюсь упасть на дно.

На днях мне показалось, что Нил — старший сын, подросток — с друзьями, глубокой ночью, что-то курил. Я стояла, завернувшись в детское байковое одеяльце у дверей кухни, откуда доносились шелчки, вскрикивания и возбужденные голоса подростков. Побоялась войти. Я боюсь нырять в глубину своих страхов.

Следующим днем мы с Нилом ехали в трамвае на вечернюю службу. Было уже темно. В трамваях хоть и тепло, но двери, открывающиеся на каждой остановке, впускают промозглый мартовский воздух, от чего зябко. Сын сидел ближе к окну, плакал. Я не спросила почему. Он бы все равно не ответил. Я помолилась, чтобы часть его боли перешла мне. Сын заснул. Линия губ стала совсем мягкой, по-детски пухлой.

Я ныряю в глубину своих страхов. Здесь у меня нет семьи, мужа, детей. У меня ничего нет, кроме сдаваемой квартиры, мамы, у которой я живу, и приятелей-наркоманов. Мне бесконечно одиноко в промозгом городе в конце марта. Лица прохожих безразличны, в них нет ни участия, ни поддержки.

Я кричу, что нам всем нужно любить друг друга. Я хочу, чтобы был конец августа, прогретый за лето асфальт, долгие вечера и время отпусков. Я хочу, чтобы не было того, что есть. И я молчу. Я хочу молиться, но жизнь разучила меня молиться.

Я вижу потухшие взгляды на хмурых, не ждущих ничего хорошего лицах. Чувствую холод и приближающуюся ночь. Ночь, в которой я живу. В ней нет ни света, ни спокойствия, ни тепла. Я разучилась спать. Плохо. И «плохо» возведено в третью степень.

Я на дне. Я в худшей прослойке общества. И уже не стыдно, что я — часть тусующейся, употребляющей наркотики молодежи. Нет ничего, и мы свободны.

Впрочем, нет! Есть «лед». Он в отношениях, под ногами и в душах.

Страх. У нас есть страх. Он садится мне на колени и смотрит в глаза.

Свет машин, красный, рыжий и зеленые цвета светофоров гонятся за трамваем, режут глаза.

Глаза плачут. Пелена бессильных слез смазывает картину ночного мегаполиса.

Ледяные айсберги ужаса плавятся от слез.

Когда человек плачет, его душа что-то понимает. Моей душе нечего понимать. Она на дне. Так зябко и худо в трамвае.

Мне больно, и я плачу. А сын спит. Линия губ стала совсем мягкой и по-детски пухлой.

4

Происшествие на кухне было какой-то детской шалостью. Мой сын не похож на наркомана по поведению и духу.

Я помню, когда ему было три года, мы часто ходили с ним на литургию в ближайший храм. Мы почти бежали, чтобы не опоздать. А вокруг, в потемках зимнего утра, люди спешили на работу.

Низко висящие тучи нанизаны на небольшой крест. Монстры домов окружили пятнышко жизни. Каждый день здесь служили литургию. И мы ходили каждый день, на протяжении двух с половиной месяцев. И я благодарила за каждый такой день.

Священники менялись, оставались изо дня в день только мы и одна старушка со свечами. Все иконы в храме были новые. Он весь блестел новизной, чистотой и мрамором. Это так не вязалось со старинными текстами молитв.

Потом мы медленно возвращались домой. День был светел и бел. На белом снегу черные вороны искали съедобные следы урбанизации. Их перья поблескивали синевой небес. Клювы остры и черны. Каждый маленький черный глаз жил собственной интересной и настроженной жизнью.

Во дворе — свора собак. Их держал местный сторож парковки, седой безымянный старик, с вечно немойтой головой. Собаки бросались с хриплым лаем вслед всем проходим и машинам. Казалось, что собаки — это какое-то животное продолжение или воплощение сторожа. Что они в одном возрасте и настроении, так были они похожи, сторож и его собаки.

Наши ноги оставляли на снегу никому не нужные следы. Их смывал дождь и засыпал снег. Иногда они превращались в лед. Позже, в оттепель, все те же вороны пили из них воду.

Лифт был удивительно грязен и вонюч. С разбитым зеркалом и исписан непопребщиной. Ее приходилось читать каждый день несколько раз. Своей навязчивостью она напоминала заклинание, которое хочешь не хочешь, а нужно прочесть, иначе лифт не тронется. Зато при переезде мгновенно забывалась.

В нашей квартире было пусто и тихо. Нил смотрел на меня взрослыми глазами и вел себя по-взрослому. Только спал днем и не умел читать. Мы садились обедать креветками и салатом. Мне казалось, что это вкусно. Потом он спал, а я читала что-нибудь из святых отцов. Сын просыпался, вечер сменялся ночью.

Это было не счастье, но и не несчастье. Странное времяпрепровождение двух потерявшихся маленьких людей.

5

С первой девочкой, которая ему нравилась, Нил познакомился, когда еще был в утробе. Мы дружили с ее мамой. Я назвала сына Нил. Девочка родилась тремя месяцами позже. Ее назвали Таукель. Тау, в переводе с балкарского значит «гора», а кель — «озеро». Собственно, такого имени не существует. Впрочем, теперь уже существует. И девочка с таким именем живет высоко в горах. Кожа ее бела и свежа, как снег, которым живут люди той местности. Глаза меняют цвет, как меняет его небо, в которое смотрят люди той местности. А черты настолько правильны, что даже страшно смотреть, а не смотреть невозможно. Ее красота как вздох, безукоризненна.

Когда трехлетнего сына я кормила на обед супом, то говорила, что попавшийся лавровый лист — это письмо.

— От кого же это тебе пришло письмо? — вопрошала я. — Наверное, от Таукель.

И на лице сына расцветала нежная улыбка.

Когда пятилетнего Нила спросили, есть ли у него друг, он загадочно ответил, что друг есть и зовут его Таукель.

С семи до десяти лет Нил и Таукель были очень дружны. Ходили в одну школу. А потом ее отбил у Нила сын отцовского друга, который в свое время отбил у Нилова отца невесту. Отец переживал, пошатнулось здоровье, и он вынужден был бросить институт.

А теперь я часто видела Нила, выходящего из ванны с заплаканными глазами.

— Это же как прививка, — говорила я ему. — Хорошо, что это случилось сейчас, а не как у твоего отца. Не повлияло на твою карьеру и судьбу.

Таукель удалила Нила из друзей в соцсетях, они живут далеко друг от друга и не общаются.

6

Нил из отрока превращается в красивого юношу, с правильными чертами лица и долгим взглядом из-под мягких ресниц. У него хороший вкус и много друзей. Он быстро схватывает все новое и интересное.

В самом начале переходного возраста, когда стали проявляться первые его признаки: самолюбование, дерзость, эгоистические проявления и желание отгородиться от домашних, я сказала:

— Теперь ты будешь взрослеть. Тебе часто захочется мне грубить и говорить нехорошие вещи, быть самому по себе и уйти из дома. В такие моменты ты должен помнить, что я — тот человек, который будет всегда за тебя, а тебе потом, спустя годы или десятилетия, будет стыдно за лишние слова и грубые поступки.

Сын первое время и вправду, огрызнувшись, наклонял голову, думал, потом смотрел в глаза светлым своим взором и произносил:

— Прости.

7

Я вышла замуж. Не за отца Нила. Сыну к тому времени было десять лет. Он всегда казался мне взрослым. Но теперь я смотрю на его фото и удивляюсь тому, насколько маленьким он был пять лет назад. Маленький взрослый мой старший сын. Тамада на свадьбе пустил по кругу плакат, на котором все желающие могли написать поздравления. Нил написал: «Проживите хотя бы один год». Он был не рад свадьбе. А через некоторое время мне приходилось вечером выгонять его из нашей постели, где он лежал в обнимку не со своим отцом. Теперь уже он ни с кем из домашних ни за что в одну постель не ляжет. Теперь он действительно повзрослел.

6

Прошло время, и извиняться Нил перестал. Зато начал галантно произносить:

— Благодарю.

За ужин, за поданную вещь, за внимание, за маленькие семейные радости. За фрукты на красивой тарелочке, за выполнение его бытовых обязанностей, когда он устал, — за все хорошее я слышала галантное, теплое и снисходительное подростковое «Благодарю».

5

Что происходит в их отношениях с Тау или с другой девушкой — я не знаю. Нил не посвящает меня совсем. Ему проще сделать олли и уехать вдаль.

4

Сын любит младших детей. Отправляясь в поездки, он нежно прощается с каждым из них. Обнимает их и тетёшкается.

— Митрофанчик, — говорит он. — Ты такой... — Обнимает его.

— Иди сюда, — говорит он Лиене. — Ты уже большая. — И улыбка, когда линия губ остается прямой, а улыбаются углы рта. И глаза у сына в тот момент зеленые.

— Зоя... Малышка. — Нежностью полной улыбки брат и сестра тешат друг друга.

И Нил уезжает.

Он возвращается повзрослевшим, с новым опытом и чувством собственного достоинства от его приобретения. За вечерним семейным чаем Нил рассказывает лучшие впечатления, показывает фото. Он наш семейный герой и посол в иные страны.

Мы ездим в храм каждые выходные. У нас большая машина, нас много. Мы как хорошо слаженный механизм, большая семья. Выходим из дома, садимся в авто и слушаем последование к причащению. Дети засыпают и спят до самой литургии. Их мягкие лица плавятся под действием снов. Мы ездим в Данилов монастырь. И я благодарю за это Бога. Мы выходим из машины. Двое взрослых, Нил и трое малышей-погодков. Прохожие удивляются тому, какая же большая идет семья. Пурга залетает за воротники, но за пазухой тепло-тепло. А лед под ногами страшен лишь тем, что можно поскользнуться, но от этого только веселее. В храме молитва и благолепие, чистота и дым кадила. Счастье бытия и верность Богу.

3

И я совсем не хочу верить в то, что у моих детей будет когда-нибудь в жизни свое дно, глубина своих страхов и своя эйфория. Я не знаю, в чем это будет заключаться, и молюсь, чтобы Господь сохранил их от духа безбожия, нечестия и блудодействия; сподобил их стать одесную славы Его.

2

Лес говорит, а вернее, молчит со мной, голосом Бога. В воздухе я вижу птиц. Они летят. Они летят быстрее.

1

Я снова свободна. Как будто дышу впервые. Так бывает у новорожденного и у матери после рождения ребенка.

А после причастия живешь небом. Все незавершенное соотносишь с ним, выкидывая несоотносимое. Больше нет лишних дел, все отступает на второй, третий план. Кроме него, неба.

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ПЬЕТА

Однажды
ты придешь к матери —
кто она?
ты поклонись
ей, когда тело —
сплошные бинты,
ты потянешь
сердечной мышцей
эту связь,
как любую дорогу.
Разве разница есть?!
Все от Бога.
Только мать
где-то выше —
ты не знаешь зачем.
И Бог...
Смертный пот.

БОМБЫ

В черном камне непроглядном
непрестанный каплет дождь
и свет слепой горит,

на ниточке качаясь...
Веки прикрыть от скрежета —
тоже таинство:

вдруг вещи обернулись
ко мне лицами,
и среди них — единство их.

Александр Васильевич Добровольский родился в г. Смоленске в 1985 году. Окончил Смоленский государственный институт искусств. Работает сотрудником отдела искусств Смоленской областной юношеской библиотеки. Печатался в журналах «Слово/Word», «Юность», «Журнале ПОэтов», «Микролитъ», «Новая реальность» и др., в газете «День литературы», альманахе «Ликбез». Лауреат Премии имени Анны Ахматовой. Призер Международного конкурса поэзии хайку на русском языке. Лауреат Литературной премии «Справедливой России».

Босоногий, шлепает дождь
по камням, между створок —
улитка кроваво ползет.

А на нитке —
вес бомбардировщиков, что сеют
огненный пунктир добра и зла.

И не подумает пилот,
что враг тогда лишь враг, когда
взгляд упирается в глаза.

Разве можно
быть одиноким — скажет друг —
когда птицы поют?!

Этот серпик луны
только профиль вещей
и отсутствие в них человека.

И яркие цветы
рассыпаны в ночи:
потому что весна.

Что такое реальность? —
спроси у цветов, которых
никто не видит.

НЛО

беззвучный гром...
немыслимая тяжесть
завернута в немыслимую легкость —
вместе со звуком
обнять тишину...
обогнать тишину и звук —
светом? — Свет?
— Нет, только место
для света,
только лицо.
О солнца бездонного света,
солнца бездонного света!

перья... сколько страниц —
перья, сколько перьев —
книга, а вы говорите:
дальше!.. И ваши
мелькают лица.
Все об одном.

* * *

Вышки линии электропередачи
 с лучающимися на солнце
 сравнительно огромными
 стеклянными дисковидными
 изоляторами — они
 привлекают внимание,
 как бусы на шее
 представителя редкого племени.
 Окружающий пейзаж
 как будто пребывает
 в нерешительности:
 то ли вспоминать шаги,
 то ли окончательно забыть
 об оставившем железные следы,
 но не сумевшем приручить
 человеку.
 И я задумался о нем,
 об этом человеке вообще:
 чем-то же меня привлекают
 дела его, эти с ноткой
 бутылочной зелени
 нанизанные ледяшки?
 Конструкции, демонстрируя солнцу
 то блеск, то ржавчину,
 словно потуги на независимость, —
 напоминают насекомых.
 А деревья, что пахли волей —
 пахнут сиротством.
 Бабочки сверкают, диски — поют —
 не взлетают. Человек
 оставляет в природе
 зеркало: как уходит.
 Может быть, ослепляет.
 И зеркало остается
 жить своей жизнью.

КРУГИ ПО СВЕТУ

кто-то
 бросает
 зажженную спичку
 и плачет
 бросает горящую
 спичку
 и плачет
 а спички
 плывут

Александр ЕВСЮКОВ

ЧЕРНЫЙ ОРЕЛ

Рассказ

Эта история основана на подлинных фактах биографии американского авиатора-добровольца, оказавшегося в период Зимней войны 1939–1940 годов единственным чернокожим инструктором и командиром финской эскадрильи.

1

Шум от самолетов, непрерывно садившихся и взлетающих со всех видимых полос аэродрома Дабл-Даллес, перестал гудеть в ушах у Мартина — двери Музея аэродинамики и Космических полетов сомкнулись за ним. После нескольких секунд внезапной тишины его слух настроился на привычные звуки человеческого улья: нудные голоса экскурсоводов, энергичный топот из одного зала в другой, изумленные возгласы, щелчки фотоаппаратов.

Мартин огляделся, ища нужный указатель.

И вдруг ощутил — это не так срочно, как только что казалось. Он в особом месте.

Здесь — от бетонного пола до скругленной крыши огромного ангара — отовсюду прямо к твоему широченному носу слетелась и замерла сама история. Gee!¹ Ведь на всем этом кто-то летал. No kidding...² На каждом аппарате — от вон тех неуклюжих первых планеров с нелепыми велосипедными колесами до могучего космического «шаттла». Целые эскадрильи легких самолетов — разведчиков и истребителей — подвешены наверху; более тяжелые — бомбардировщики и лайнеры — расположены на твердом основании. Где-то посреди всей этой армады должны быть и боевые машины той далекой войны, куда лучшие американцы отправлялись волонтерами, чтобы сражаться искусно и мужественно, вызывая восхищение даже у врагов.

Пропустив плотную группу тайваньцев, которые беспокойно озирались и будто пытались прикрыться своими гаджетами, как древние воины щитами, Мартин размеренно двинулся туда, где, согласно электронному гиду и стрелкам указателя, располагался тридцать девятый зал. Разумеется, ему не раз присылали фото и видеоотчеты, но это — совсем не то.

Александр Владимирович Евсюков родился в 1982 году в г. Щекино Тульской области. Выпускник Литинститута 2007 года. Публикации в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Ното Legens», «Вайнах» (Грозный), «Бельские просторы», «Звезда Востока» (Ташкент) и др. Участник Форумов молодых писателей России. Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016). Проза переведена на итальянский язык.

¹ Надо же!

² Без шуток.

Зал №39 был посвящен лучшим в истории летчикам-афроамериканцам.

На двух десятках стендов были размещены портреты и подробные военные биографии этих величайших асов прошлого. Среди них достойное место занял дед Мартина. Третий справа. Чернокожий гигант. Как-то раз он при внуке сдержанно посетовал, что ему бывало непросто уместиться в кабине, сконструированной будто бы нарочно для лилипутов; но затем благодушно добавил, что он все же как-то справлялся и даже устраивался наилучшим образом.

И улыбнулся. Так, как улыбался он один. Не только губами, но и каждой черточкой лица, каждой морщинкой вокруг глаз.

А вот и знакомое живое лицо. Начальник отдела маркетинга Дэнни Уотерс. Он же Дэнни-Белоснежка. Его дед по матери был чистокровным белым южанином и сильно «осветлил» всю их породу.

— Здорово, Дэнни! Все ок?

Дэнни был без очков и потому напряженно прищурился, а затем, узнав босса, кивнул с усталой улыбкой:

— Да. Отлично.

— Смотри-ка, а дедуля выделяется и здесь. *«Вашингтон Линкольн Дж. Грантлерой, — нараспев зачитал Мартин, — родился... Умер... В ходе Зимней войны в Финляндии сбил пятнадцать советских самолетов. Представлен к наградам. За бесспорное летное и стрелковое мастерство получил от братьев по оружию прозвище — Черный Орел»*. Да, стенд что надо! Так и чувствую причастность к славе американского оружия. И ты, наверно, тоже. Правда, сноуи?³

— Мы постарались, Март, — кивнул Дэнни, как будто не расслышав дразнящего эпитета. — Полгруппы узкоглазых простояли у стенда минут десять. А до этого шведы, немцы и еще ребята, похожие на русских.

— Это круто, — уважительно кивнул Мартин, — особенно если русские.

— Больше всех, как я заметил, интересуются женщины. Некоторые грустно так вздыхают.

— Интересно, о чем они при этом думают?

— Уж тебе ли не знать?! — оживился Дэнни. — На кого западают все бабы в округе? Моя секретарша и та как-то выдала: «Ах, мистер Март!.. О, мистер Март!»

— Ну, значит, скоро отправлю тебя на важные переговоры, — Мартин подмигнул, — а сам загляну под вечер в твою приемную. Иначе — будет невежливо.

— Пошел ты. Это моя секретарша! Она должна работать, а не...

Мартин ухмыльнулся с довольным видом.

— Новости есть? — спросил он уже всерьез.

— А-а! — Дэнни хлопнул себя по лбу и скрылся за ширмой.

Вернулся он спустя полминуты в очках и с большим серым конвертом, обклеенным множеством разноцветных марок. И вдруг замер в двух шагах, несколько раз переводя замороженный взгляд с черно-белой фотографии на физиономию босса.

— Мать вашу... — наконец выдал он. — Как я сразу не заметил? Вы же — одно лицо!

— И не только лицо, Дэн, — доверительно проговорил Мартин. — Меня хотели назвать в честь него Вашингтоном Линкольном... В самый последний момент передумали. Но дедов портрет — поменьше этого — висел у нас в гостиной. Каждый раз перед выходом я видел его, и что-то обязательно припоминалось: как он шел по улице, как возил нас с друзьями в Диснейленд, как однажды растолковал полицейскому, в чем именно тот неправ. А меня сегодня в самолете разбудил

³ Snowy («снежок») — распространенное пренебрежительное прозвище белых у чернокожих американцев.

ло радио — я проснулся от джазовой мелодии тридцатых годов. И узнал ее, представляешь? Потому что однажды он сел за пианино, сыграть после ланча. Сначала со смехом постучал по клавишам, ну так, как могли бы ты или я. А вот потом заиграл, и вдруг я понял, что в тот момент он не видел никого из нас, не видел ни комнаты, ни окна — лишь что-то далекое и прекрасное. Мы все застыли, как столбы, и слушали. А потом он отклонялся и сразу ушел... Ладно, это мелочи. Главное — дед облетел полмира, побывал в десятках стран, чуть не каждый день рисковал жизнью, но остался прямым и честным. И больше всего мне хотелось равняться на такую жизнь, как была у него.

Затем он слегка встряхнул головой:

- Так что у тебя?
- Тут конверт принесли. Как раз из Финляндии, судя по обратному адресу.
- А внутри?
- Доставили сегодня утром. Я решил подождать тебя.
- Правильно, — одобрил Мартин. Он сам вскрыл конверт и извлек оттуда сложенный вдвое лист тонкой бумаги. Развернул его, всмотрелся. Лицо его выразило озадаченность.
- Что там? — негромко спросил Дэнни, когда Мартин наконец поднял взгляд.
- Похоже на счет...
- За что?
- Какой-то непогашенный долг деда, — он протянул Дэнни зашелестевший листок. — Но я об этом никогда не слышал.
- Да, точно счет, — подтвердил Дэнни. — И что думаешь делать?
- Надо с этим разобраться. А то мне как-то не по себе.
- Ну, так зашли кого-нибудь из наших дня на три-четыре в эту финскую дыру, — пожал плечами Дэнни. — Раз это важно!

Мартин повернулся, молча подошел к стенду и ладонью коснулся дедовой груди на фотографии.

— Еще как важно!.. — в его голосе почудилось сдерживаемое рычание. — Вот что: я сам полечу в эту гребаную Финляндию. Узнаю, что там за дела. А заодно лично встречусь с теми, кто помнит, как все было на самом деле. Держись тут, дед! Я не забыл тебя.

- Значит, стенд оставляем как есть? — уточнил Дэнни.
- Само собой, — решительно подтвердил Мартин. — На ближайшую неделю ты будешь за главного. Оставляю все на тебя, мой белокожий брат!
- Слушай, Март, — Дэнни вдруг взвился, — тебе самому еще не надоело?..
- Что — зацепило, да? А, сноуи? — Мартин усмехнулся и слегка толкнул Дэна ладонью в плечо.

Тот приподнял кулаки, обозначив защитную стойку:

— Как только ты вернешься от этих своих финнов, я прямо в офис притащу такого черного парня, рядом с которым ты будешь смотреться как бледная поганка. Помяни мое слово!

— Идет. Ставлю ящик виски. Либо уволю, если не притащишь, — веско резюмировал директор компании Мартин Лютер Грантлерой и размашисто зашагал по коридору.

— Э-эй, ты серьезно? — Дэн замер на месте и только сдвинул очки на вспотевший лоб.

— Хельсинки покажет, — крикнул Мартин в ответ и, не оборачиваясь, помахал ему рукой.

2

Негромкие аплодисменты в салоне стихли. К борту подали трап.

Мартин начал поеживаться уже на верхней ступеньке. Как здесь мглисто и ветрено! Пришлось сжать зубы и поднять воротник.

— Хеле! Вы мастер Грантлерой? — до Мартина донесся голос со странным выговором привычных слов.

Он кивнул.

— Я ваш э-э... встречающий. Как был перелет?

— Нормально. Перед посадкой немного трясло. Самолет, что ли, давно не проверяли?

— Нет, это такой стиль Вилли. Он ваш пилот. Пройдемте к машине. Душ, ужин — и завтра можно отправиться прямо по адресам.

3

— Осторожно, тут ступенька... а там еще две. Теперь вот сюда. Садитесь. Подождите минутку. Оглянитесь пока — у нас самое лучшее место для стариков во всей коммуне. Сейчас я его привезу... Вам кофе? Или, может, котикалью?⁴ Да, это вещь — слежу за всем циклом, и получается на совесть.

Мартин успел не только допить котикалью, мысленно оценив ее перспективы для рынка Среднего Запада, но и раз восемь оглядеть комнату с недорогой шведской мебелью, когда из боковой двери бесшумно въехала каталка. На ней восседал старик с совершенно белыми волосами и странным водянистым взглядом. С его мундира летчика сверкали начищенный орден и три медали.

— А вот и Пентти, наш славный старик Пена. Знакомься, это мистер Грантлерой — прилетел к нам из самой Америки.

— Знакомая фамилия... — глухо пробурчал старик.

— Если правильно расспросить, Пена все вспомнит из того времени. Это нам тяжело угадать, когда ему приспичило в туалет, — вот тут ничему нельзя верить. Надуваете еще раз промочить горло — крикнете погромче, я буду недалеко.

— Так. Чего от меня надо? — безразлично взглядываясь в потолок, спросил бывший летчик.

— Я хочу узнать про моего деда. Его звали Вашингтон Линкольн, он был офицером авиации. А вы — последний ветеран из его эскадри...

Взгляд старика потемнел, будто муть поднялась вдруг со дна озера.

— Вашингтон Линкольн?.. — вдруг резко перебил он. — Это был кусок вонючего эфиопского говна, а не офицер авиации. Чего вылупился?.. Его я помню, как сейчас. Когда он появился, штабные носились с ним как с писаной торбой. Нашего прежнего командира только что отправили на вечный дембель. Возвращаясь из патруля, он влетел под огонь зениток — наших собственных зениток — и лишился обеих ног; еще и пол-лица обгорело, как головешка.

И тогда на следующее утро объявился он — Черный Орел. Так он всем представлялся. Личный друг туземного короля и главнокомандующий императорской авиацией Абиссинии. Самый героический летчик во всей Африке.

— Но так и было, — пробормотал Мартин. — Дед был настоящим асом...

— Ага. Рассказывали, что когда он прибыл в штаб, то с порога затребовал себе генеральский чин и должность на самом опасном участке. Но генералов у нас хватало.

⁴ Котикалья (Kotikalja) — финское домашнее пиво.

Хватало и полковников. Тогда кто-то умный предложил ему возглавить нашу эскадрилью и показать себя в капитанском чине.

Говорят, он оскорбился и хлопнул дверью. А потом позвонил и неожиданно дал свое согласие.

Нас тогда выстроили неподалеку от взлетки. Мы и сами не отходили от нее далеко. Шли самые тяжкие недели войны. Мы кидались в кабины по сигналу тревоги, разлепляя пальцами глаза или дожевывая на бегу свои бутерброды. Мы все были тощие и издерганные. Готовые уснуть на ходу. Мы давно забыли про победу. Главное было продержаться еще день, вернуться обратно вот с этого чертова вылета.

Его подвезли на машине. Черного с блестящими глазами. Высоченного, выше тебя, если встанешь на цыпки. Новенькая капитанская форма сидела на нем как влитая. На руках белые перчатки. Он обвел взглядом каждого из нас: летчиков и механиков. Мы же глядели на него с большим сомнением.

Он подошел к самолетам. Потрогал хвост одного, потом крыло. Это был старый «бульдог» с дырками и царапинами от осколков, кое-как замазанными краской.

Вернулся к нам.

— Does anybody speak English?⁵ — спросил он.

— I do⁶, — я шагнул из строя.

Он одобрительно хлопнул меня по плечу:

— Будешь переводить.

Я отсалютовал и повернулся к своим товарищам.

Начал он вполголоса:

— Вы все смотрите на меня, и каждый думает: зачем этот черный парень приперся к нам сюда через полсвета? В эти снега, в этот холод? На вашу войну... Что ему помешало греть бока на солнце, пить лучший виски и наслаждаться любовью жарких красоток? И никто не находит ответа. Я сам нашел ответ совсем недавно. Потому что встретил одного вашего земляка. И он рассказал мне все, что видел и знал. Я слушал его четыре часа. Он рассказал о бомбежках каждую ночь. О женщинах и детях, которые должны спастись бегом по снегу. Но никто из них не просит вас сдать. И тогда перед внутренним взором мне открылась эта маленькая обледеневшая страна — главный оплот свободного мира! И я понял: это НЕ ТОЛЬКО ВАША война, — и тут его голос стал громким, как рев трубы, и донесся, наверно, до леса. — Потому что немногие набрались бы духа, чтобы сказать «нет» сильному и наглому соседу, но вождь, сын Солнца нгусэ нэгэс⁷, — тут у нескольких человек из строя глаза округлились, а он прокашлялся, — то есть ваш президент и лидер Куости⁸, ответил решительно и твердо. Этот ответ разнесся повсюду и многие люди, и целые страны наконец вспомнили о том, что такое честь. Именно поэтому я не мог отсиживаться дома. И оказался здесь с вами еще раньше, чем подошла главная помощь. Русские орды сейчас наступают, они уже готовы торжествовать, а вам кажется, что все потеряно. Но даже с такими отчаянными мыслями вы же напрягаете все силы? И все равно сражаетесь? И вам все равно удается побеждать? Даже летая вот на этом! — он ткнул пальцем в сторону старого «бульдога». В строю согласно загудели. — Я знаю, каждый из вас — классный летчик и стрелок. Каждый будет стоять большевистской эскадрильи, если только дать ему в руки штурвал настоящей боевой машины. Меня зовут Вашингтон Линкольн, и так меня назвали не

⁵ Кто-нибудь говорит по-английски?

⁶ Я говорю.

⁷ Титул императора Эфиопии до 1975 года.

⁸ Куости Каллио (1873–1940) — финский политический деятель, в 1937–1940 годах президент Финляндии.

зря. А знаете почему?.. Потому что сегодня я привез вам надежду. Надежду на независимость и свободу. Весь мир сейчас смотрит сюда. Весь мир желает нам победы. И уже скоро, совсем скоро к нам придут новые самолеты. Они называются «брюстеры». Запомните это. Я обучу каждого из вас летать на них. А драться и побеждать вы и так умеете! — одобрительный гул все нарастал. — С ними мы заставим этих выскочек отступить так далеко, как им никогда еще не приходилось. Нас ожидает Великая Финляндия от Балтики до Урала. Все подневольные народы ждут освобождения, ждут только нас. А тем, кто не дойдет до конца этого пути, суждена слава в веках!

— Да... верно... нас... — восторженно выкрикивали из строя.

— И даже эта сомнительная метка... — тут он указал рукой на борт ближайшего самолета с синим знаком, похожим на свастику.

— Хакаристи, — подсказал я ему.

— И даже эта метка «хакаристи» обретает другой смысл, когда позволяет вам, свободным людям, узнавать в бою своих — людей, которые тоже летят драться за свободу! За Великую Финляндию! Вместе!..

Помню, как огромное облако пара вышло у него изо рта, как резко он взмахнул рукой и замолчал.

Он замолчал, но отзвуки речи носились в воздухе.

— ВЕ—ЛИ—КА—Я—А—А ФИН—ЛЯНДИЯ! — проорали мы истошным хором.

— Вашингтон!.. Командир!.. Веди нас! — неслоь отовсюду.

Тогда он поднес перчатку к правому глазу и, казалось, смахнул слезу. Затем крепко пожал каждому из нас руку и сказал одно главное слово:

— Скоро!

Тут же сделали фото с ним и с тремя нашими лучшими пилотами. Все они сидели на корточках под винтом самолета и бесстрашно глядели в объектив.

После этого Черный Орел помахал нам рукой, а потом, прямой и гордый, прошагал вдоль взлетки, сел в машину и скрылся за поворотом.

А мы, позабыв про голод и сон, возбужденно ходили взад-вперед. Мы были уверены, что теперь-то все изменится. Не может не измениться! Каждый чувствовал себя неуязвимым викингом. И каждому хотелось взлететь немедленно, безо всякой тревоги.

...Всего через день после той речи сбили моего друга Воитто. Еще через двое суток он вернулся. Добрел до нас, хромяя, — отморозил три пальца на ногах.

Мы ждали Орла — он еще не появился. И мы сражались без командира.

А потом наше неполное звено атаковало бомбардировщиков. Теперь они летали с прикрытием из нескольких И-16. Мы спикировали сверху и сцепились с ними. Я нажал на гашетку, и один истребитель, задымив, ушел вниз. Тут началась «собачья свалка»⁹. Второй сделал «бочку» и вывернулся из-под огня. Зато третий так отходил меня из пулеметов, что сам конструктор бы не узнал тот аппарат, который плюхнулся брюхом прямо в промерзшее болото. Я услышал, как мой затылок стукнул о металл, и отключился.

Меня обнаружили лыжники из Охранного корпуса.

Черный Орел не пришел проведать меня. Наверно, встречал те самые самолеты.

Через несколько дней в госпитале по всем палатам объявили, что война кончилась. Русским отдали почти все, что они хотели.

Помню, как подавленно мы тогда замолчали.

А потом я вспомнил речь Орла, и вдруг сам заговорил, и уверил всех, что это перемирие — еще не конец. Что мы вернем все потерянные земли и заберем себе много новых. После этого в одной стране с нами навсегда останутся и карелы, и вепсы,

⁹ «Собачья свалка» (сленг) — ближний воздушный бой на виражах.

и удмурты, и коми, и даже мордвины. И наша восточная граница будет прочерчена по Уральским горам. Так будет, совсем скоро!

Лица у парней повеселели. Помню, как с соседних коек мне протягивали хлеб, яйца и шоколад.

А потом меня выписали, я навестил родню и отправился в часть. Именно в этот день случилось то, чего мы так давно ждали. На наш аэродром пригнали тех самых грозных «брюстеров». И Вашингтон Линкольн должен был лично совершить испытательный полет. Только я еще не знал, каким цирком это окажется.

— Дед начинал в воздушном цирке... — неожиданно для себя вслух проговорил Мартин.

— Так он и продолжил, — согласился старик. — Только другие не знали, что это цирк.

Нас снова выстроили. Подвезли Орла. Лицо его казалось опухшим. А еще я тогда заметил, что руки у него подрагивали.

В этот раз он только невнятно кивнул нам. Пересек взлетку. Забрался на крыло, с него — в кабину.

«В порядке», — возвестил он оттуда.

Мы услышали, как заработал мотор. Минут пять самолет стоял неподвижно. И вот — накренился в одну сторону, потом повернул в другую. С трудом вырулил на полосу и стал набирать скорость. В самом конце он оторвался, но полетел слишком низко. А вблизи от полосы начинался лес. «Выше!» — надсадно заорали у меня над ухом. И самолет дернулся, но колеса шасси зацепились за сучья ближайшего дуба. «Брюстер» подпрыгнул в воздухе, кувыркнулся через капот и рухнул в самую чашу.

Мы во весь дух ринулись туда. И только штабная машина на самом финише нас опередила. Это им удалось вытащить ошалевшего Орла прежде, чем бак рванул.

Не забуду, как штабной майор достал из-под шинели круглую фляжку и собрался было к ней приложиться.

— Виски?.. Дай! — захрипел Орел и разом отхлебнул из фляжки добрую треть.

Затем, прямо перед полыхавшей дубравой, он вдруг распрямился и замахал рукой:

— Подгоните мне второй. Я взлечу! Сейчас точно взлечу!

— От пинка бы он взлетел быстрее, — сплюнул под ноги Воитто.

И только тогда я, зеленый юнец, внезапно все понял. Как будто с глаз пелена спала. Этот хренов проходимец водил нас всех за нос. Все, что он умел, — это болтать и обнадеживать. И еще жрать виски.

Второго самолета никто не подогнал. Черного Орла увели в машину. И отвезли в Хельсинки. А потом отправили куда подальше за океан.

Много позже один репортер-американец рассказал мне, что это был его коронный трюк — точно так же он расколошматил самолет в Абиссинии, и бедная Абиссиния осталась без авиации в самом начале войны. Его там собирались линчевать, и он спасся только чудом.

Старик замолчал. Потрясенный Мартин поднялся с кресла:

— Что это за байки?! Мой дед таким не был.

— Таким он и был, — упрямо проговорил старик Пентти. В его глазах читались ненависть и сознание своей правоты. Это был взгляд бойца, вызывающего врага на поединок.

Но внезапно Мартин услышал странный звук и посмотрел вниз. От ноги старого Пентти по полу растекалась лужа.

— Эй! — крикнул Мартин. — Мы закончили. И у старика небольшая проблема.

— Убирайся! — прорычал вслед ему Пентти. — И не вздумай кому сказать, что ты сейчас видел.

4

— ...Ну, и наболтал вам наш Пена с три короба! Сейчас провожу вас, и будем менять парадные брюки. С ним такое случается, когда крепко спит или с кем-то сильно заспорит. Но запеленать себя он не позволит. Никогда. А?.. Есть ли что покрепче, чем котикаля?.. Обычно, конечно, есть. С утра вот было. Но — уже все. Вам бы доехать до магазина и спросить. А лучше до гостиницы. Вот там точно нальют. И поставят отличную холодную закуску. По этой улице до перекрестка и направо, к площади. Напротив памятника маршалу¹⁰. Ну все, бывайте — пойду к нему. Как бы не застудился, бедолага!

5

— Разумеется. Все в наличии. И будет готово не дольше чем через двадцать минут. Можете проверить с секундомером. Мы — старейшее заведение в городе и дорожим своей репутацией. Итак, шотландский виски, мясо на углях и фирменный салат? Главное — виски?.. Прекрасно. Один момент.

Но всего через минуту молодой, весь в веснушках и с оттопыренными ушами, официант вернулся к столику с пустым подносом.

— Простите, у меня такое впервые, но очень просили уточнить: как ваша фамилия? Грантлерой? Гран-тле-рой. Грант-ле... Еще раз извините.

Через пять минут к столику вместе с официантом подошел представительный дородный мужчина в дорогом костюме. Виски при них снова не было.

— Прошу проявить понимание. Это предварительный счет на ваш заказ. Вынужден убедительно просить вас оплатить его вперед... Никакого черта, но такова последняя воля моего отца, также бывшего распорядителем этой гостиницы. Ваша фамилия Грантлерой, и пока не будет погашен старый долг другого Грантлероя, вы автоматически оказываетесь в «черном списке». Мы не сможем доверить вам ничего, что, хотя бы гипотетически, способно нанести нам ущерб даже на один пенни. То есть на один цент, как сказал бы отец теперь.

Спустя десять минут виски и салат все-таки появились на столе. Вслед за ними вновь подошел тот же толстяк в костюме.

— Спасибо. Да, мы проверили — ваши деньги настоящие. Не взыщите, что так получилось. Теперь ведь и вам спокойнее, правда? Конечно присяду, если угодно.

...Так это был ваш дед? Ну надо же! Вот так встреча! Лет мне немало, я давно в этом бизнесе и, честно сказать, ничему уже сильно не удивляюсь. И все-таки — да, ваш дед, несомненно, вошел в историю нашего заведения. Он — наш самый давний должник. Сколько именно? Несколько десятков тысяч марок за все время. Я могу уточнить в бухгалтерии. Да, конечно, схожу туда чуть позже. Ваше здоровье!..

...Мой отец часто вспоминал, как Грантлерой прибыл на постой в конце той военной зимы. Уже в форме нашего капитана. Он тут же снял люкс, оплатил его американскими долларами на три дня вперед, дал на чай швейцару и коридорному, чтобы они затащили наверх его чемоданы, в которых что-то позвякивало. Потом помахал у всех перед носом пачкой зеленых купюр, очень веско подтверждавших его будущую платежеспособность. И больше денег от него никто уже не видел.

Тем же вечером генерал-майор Лундквист лично заезжал за ним на служебном лимузине. Это сильно всех впечатлило.

¹⁰ Имеется в виду Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867—1951) — финский военный и государственный деятель; в 1939—1946 годах — верховный главнокомандующий армии Финляндии. В 1933 году ему было присвоено почетное воинское звание фельдмаршала Финляндии.

Должен заметить, мой покойный отец знал свою работу, умел вышколить коридорных и взыскать плату с нерадивых постояльцев, но с вашим дедом у него как-то не заладилось.

По вечерам Грантлерой, любивший рекомендоваться новым знакомым как Черный Орел, неторопливо спускался, проходил в холл за рояль, пробегался по клавишам и начинал. Говорят, когда он был в ударе, то так играл, так наяривал свои джазовые мелодии, что всем вокруг казалось: они уже не здесь, в холодной Суоми, а перенеслись куда-нибудь туда — в Луизиану — и за окном не суровая Балтика, а ласковая Миссисипи. И будто бы на фронте у нас снова все спокойно и надежно. Вот поэтому-то на него было невозможно долго сердиться.

Кроме того, при настойчивых попытках взыскать долг, который рос с каждым днем, он угощал отца отменным виски и рассказывал, что обо всем договорился и скоро его временные задолженности погасит само правительство. Чаще всего он давал обещания от имени руководства Финляндии, но время от времени ссылался и на авторитет Соединенных Штатов. А пару раз припомнил о своих прочных связях с императором Абиссинии, который уж точно отыщет возможность выручить старого друга.

...А еще были женщины. Их тянуло к нему как магнитом. Они обступали его впятером или вшестером и заворуженно слушали, как кобры — дудку факира. Потом он пропадал на всю ночь, а утром за кофе небрежно сообщал, что вылетал вчера и сбил два или три вражеских самолета. «Жаркая выдалась ночька», — неизменно добавлял он.

— Только, — тут дородный распорядитель придвинулся поближе и перешел на шепот, — отец догадывался, что он никуда не летал. И самолетами называл не совсем самолеты. Потому что он продолжал их сбивать и после того, как уже объявили о перемирии.

Бывало, к вечеру он так набирался, что начинал промахиваться мимо клавиш. Однако сюда приходили все новые девушки и слушали даже эту его какофонию так восторженно, будто перед ними выступал оркестр фон Караяна¹¹.

Пока шла война, здесь тоже слышались отзвуки бомбежек, но все-таки это — столица страны, до границы недалеко, и здешняя жизнь текла иначе.

Так прошло месяца четыре, и вот поползли упорные слухи о скорой большой войне на всем континенте. Многие американцы уже отбыли, другие торопливо собирались, то и дело заговаривая про места на заветном пароходе. И только наш постоялец Черный Орел отмахивался от подобных расспросов и продолжал свои ночные вылеты.

Но бесконечно так продолжаться не могло. Как-то вечером отец попросил расступиться девушек у рояля и задал вопрос с твердым намерением добиться точного ответа.

Грантлерой выслушал его, этак меланхолично отстукивая пальцем по одной и той же черной клавише.

«Без проблем, — вдруг сказал он. — Какова полная сумма?» Отец назвал. Услышав о таких деньгах, девушки вокруг рояля перестали шептаться и затаили дыхание. «Так когда же вы наконец сможете расплатиться?» — «Прямо сейчас, — прозвучал невозмутимый ответ, — поднимусь в номер, возьму деньги и за все расплачусь. Доллары сотенными купюрами вас устроят?»

Он и правда поднялся в номер и спустя четверть часа снова появился на лестнице. Но теперь его походка стала резкой и взвинченной. Не дойдя семь или восемь ступенек до первого этажа, он остановился, вскинул голову и обратился ко всем

¹¹ Герберт фон Караян (1908–1989) — знаменитый австрийский дирижер, на протяжении 35 лет работал с Берлинским филармоническим оркестром.

сразу: «У меня сперли ящик виски! Прямо здесь, в этом отеле, — грохотал он. — Все меня слышат?.. Кто бы это ни был, я вызываю мерзавца на дуэль: наземную либо воздушную! Я жду!» Однако других дуэлянтов за столами не нашлось.

Тогда Орел спустился и подошел к отцу. «Дайте лист гербовой бумаги. Я напишу маршалу Маннергейму. Так я этого не оставлю!» Отцовский помощник раздобыл нужный лист. Грантлерой положил его на крышку рояля и стал писать. «А долг?» — робко спросил отец, пытаясь вернуться к главной теме. «Это не просто долг — это дело чести! — стукнув по крышке кулаком, ответил ему Орел. — Все. Изложил. Я немедленно отправлю эту бумагу в штаб и останусь здесь до самого конца разбирательства. Это же Финляндия — цивилизованная страна, и никому не позволено здесь такое вытворять!»

После этого он пробыл у нас еще пять дней, за каждым завтраком и обедом неизменно разглагольствуя о том, чего именно он ожидает от скорого разбирательства.

Однако никаких обнадеживающих вестей из штаба все не поступало. Тогда отец снова забеспокоился и стал ходить кругами, набираясь духа для нового разговора с Грантлером. В этот раз они столкнулись днем. Было малоллюдно, как сейчас.

«Вашингтон, это серьезно», — начал отец. «Еще как», — грустно кивнул тот. «Я не про ваш чертов виски! Я говорю про долг перед нашей гостиницей. У вас номер люкс с отдельной сауной и...» — «Что поделать», — Орел с лицом фаталиста развел руками, — я не могу жить в других». — «Но вы не погасили ни пенни долга. И все ваши обещания — только рассказы для простофиля. Я сейчас же вызываю полицию!» — «Что ж, зовите. А я, пожалуй, пойду — меня хотят видеть в штабе».

И Грантлерой шагнул к главному выходу. Отец вцепился ему в рукав. А швейцар Руди двинулся им наперерез. Наверху, услышав шум, зашевелились коридорные.

Но вдруг только что казавшийся апатичным Вашингтон стряхнул отца со своей руки, промчался мимо Руди и вылетел за дверь.

Затем все они видели, как Орел с расстегнутым воротом и надорванным рукавом бежит наискосок через площадь и отчаянно машет руками большой черной машине с американским флажком на капоте.

Автомобиль посольства затормозил. Были слышны обрывки разговора.

«Я — американский гражданин, — возбужденно кричал Грантлерой. — Моей жизни угрожает опасность... Какие союзники? Эти дикари хотят расправы...»

Его слушали с недоумением.

«В посольство, — продолжал он. — А потом к маршалу. Есть место на заднем сиденье?»

И место в посольской машине нашлось. Грантлерой уехал с ними и больше у нас не появлялся.

Когда вошли в номер, то обнаружили, что его чемоданов там уже не было. Зато повсюду были разбросаны пустые бутылки от виски, рома и водки. Да еще несколько забытых женских подвязок валялись под кроватью.

Говорили, что сам Грантлерой отчалил в Штаты из порта Лиинахамари в Петсамо¹² на одном из последних перед войной транспортных судов.

Никакого ответа на его запрос о краже виски ни от маршала Маннергейма, ни от генерал-майора Лундквиста, ни от кого другого, разумеется, так и не пришло.

Вот, кажется, и все, что мне известно про вашего деда.

— Все?.. — рассеянно переспросил Мартин.

Распорядитель кивнул. Мартин привстал и наклонился через стол:

¹² Петсамо — историко-географическая область, принадлежавшая Финляндии с 1920-го по 1944 год. Лиинахамари — до 1944 года единственный арктический порт Финляндии, имел выход в Баренцево море; ныне поселок в Мурманской области.

— Так это вы прислали счет на выставку?.. Бухгалтер? Толковая дама? Да, очень толковая... — Он протянул толстяку визитку: — Это мой адрес в Америке. Пускай еще раз проверит счет и выставит мне на оплату.

6

— Алло, Дэн. Все ок?.. Отлично, вот пусть и занимается. Скажи, чтобы связались с департаментом, там помогут. А это подождет... Да, еще в Хельсинки. В аэропорту, скоро вылетаю. Здесь все по-другому. Холодно. И очень странно... Да, узнал, много всего. И знаешь, ты был прав: я как бледная поганка. Не звони мне. Пока.

7

Мартин тяжело опустился на сиденье в зале ожидания и замер, глядя перед собой в одну далекую точку. Где-то на другой планете объявили несколько рейсов. Сколько-то неразличимых людей проследовали к автобусам на них.

А сам он вдруг остро ощутил, что только пластиковые подлокотники еще помогают держаться на месте, иначе сквозняк так и сдует его, покатит по бетону и по заснеженной земле. Забытый стаканчик из-под кофе хрустнул в его руке.

Вдруг слева раздалось покашливание. Через минуту оно повторилось. Нехотя повернул голову. Пара сияющих голубых глаз неотрывно глядели на него снизу вверх. От этих глаз по лицу разбежались морщины. Рядом с Мартином сидела старушка с седыми волосами, в пальто и шляпке.

— П-простите, вы не родственник мистера Грантлероя? — переборов смущение, спросила она.

— Не-ет, — решительно встряхнул головой Мартин. Хватит с него здешних сюрпризов!

— Как жаль... — протяжно вздохнула старушка.

— Почему? — недоуменно выговорил он.

— Потому что жаль. Вы так на него похожи! Это удивительно. Я никак не могу отделаться от мысли, что вы — это... Но, наверно, я так его больше и не увижу, — она снова вздохнула. — Мы познакомились у входа в отель. Я стояла на самой нижней ступеньке и боялась даже приблизиться, не то что войти. Помню, как снег опускался хлопьями, а когда приоткрывалась дверь, свет люстр падал на сугроб. За дверью было какое-то волшебное и недоступное для меня место. Я стояла, запахнувшись, и ожидала непонятно чего. И тут он вышел из машины и шагнул было мимо, но потом повернулся и сказал: «Привет, я — Ваш». Так он представился. «А я Эстери», — проямлила я. «Надо согреться, Эстери», — тихо сказал он и накинул свою летнюю куртку мне на плечи. А потом мы легко прошли мимо швейцара. И Ваш, то есть мистер Грантлерой, сел за рояль. И какой это был вечер!

Мы виделись еще несколько раз. А потом ему так срочно пришлось уехать, что не было случая попрощаться. Но он успел оставить мне письмо, в котором уверял в своих чувствах и в том, что мы обязательно встретимся... Я ждала его, готовилась к этой встрече и, видите, даже сносно выучила английский.

Знаете, обычно я гуляю по площади. Смотрю и все припоминаю. Но иногда сижу здесь. Если бы случилось чудо и вы бы кем-то ему приходились, я бы не удержалась и рассказала об этом Маарике. Мистер Грантлерой точно вспомнил бы Маарику. Она была высокая и прямая, и глаза у нее были не голубые, как у всех нас,

а — зеленые. Раньше мы, бывало, встречались здесь, но сейчас ее вывозят в коляске, и она уже не та, и глаза стали непонятно какого цвета.

Потом мне рассказывали про него разные мерзости, но я знала, что это не может быть правдой.

— А вдруг может?

— Нет, он был не такой, — она убежденно покачала головой. — Мой родной брат пришел с той войны с покалеченной рукой, и с грошовой пенсией, и с невзрачной такой медалькой. Он молчал по целым суткам, а потом напивался и орал, махая своей культей, что жизнь — дерьмо, и вся наша Великая Финляндия — чушь собачья, и воевать с русскими — это как бороться с горой. Если он выходил, то его били, и мне приходилось забирать его, лежавшего в кровавой луже, переносить на себе, и перевязывать, и все это время слушать, слушать. «Ты что думаешь? — хрипел он мне на ухо. — Что мы там чуть не победили?.. Да еще неделя такой войны, и нам бы пришлось капитулировать!» А потом он снова молчал дней пять, только кряхтел в своем углу по ночам, а утром тихо — всегда очень тихо — уходил на службу.

Потом у меня появился муж, родились дети. Мы хорошо жили, и я была порядочной женой. Но только Грантлерой всегда был моим героем. Потому что таким и должен быть настоящий мужчина. Романтиком. Тем, кто всегда находит самые нужные женщине слова. Даже если знает их всего четыре десятка. Именно его я всегда вспоминала в тяжелые минуты.

И еще ту музыку, которую он играл нам тогда. До сих пор ее слышу. Целых семьдесят лет!

— Да? Слышите?.. — переспросил Мартин. Как же глупо он, наверное, сейчас выглядел!

Эстери прикрыла глаза, кивнула и задумчиво произнесла:

— Слышу.

На секунду у Грантлероя перехватило дыхание. Никакого радио поблизости не было, но он мог поклясться, что тоже услышал эхо замирающих звуков, прежде чем наклонился и благодарно прижался губами к ее морщинистой руке.

РАССКАЗЫ

В НАЧАЛЕ ЧЕТВЕРТИ

Рассказ сельского учителя

Случилось это в самом начале четверти. Буквально вчера я вернулся из города, куда ездил на время каникул, а сегодня рано поутру уже спешил привычной дорогой на работу. Весна в тот год выдалась теплая и сухая, дождей совсем немного. Над рекой и вдаль, за полем, расстился густой утренний туман. Я шел и думал о чем-то, что казалось важным в тот день — может быть, о впечатлениях от поездки, — или, напротив, строил планы на будущее, пытаюсь следить за тропинкой, чтобы не промочить ноги в высокой росистой траве, росшей у реки.

Высоко в небе — безоблачном, чистом — летели птицы, и я вдруг подумал, что за все время пребывания в городе, быть может, ни разу не взглянул на небо. Мне захотелось остановиться, прямо сейчас, здесь, но беглый взгляд на часы — и я быстрее зашагал по тропинке, пытаюсь мысленно вернуться на пару-тройку дней назад и припомнить городское небо, которое выветрилось из памяти или вовсе не попало в нее; было сложно ответить точно, видел я его или нет за все время поездки. Нужно было спешить.

Наконец я выскочил на песчаную дорогу и замедлил шаг: ноги увязали в песке. Погруженный в раздумья, я неожиданно вспомнил о намечавшемся «окне» вместо третьего урока и, к удивлению своему, быстро и так же внезапно решил в это время уйти из школы и побродить у реки, посмотреть на огромное небо, поистине безмерное, ограниченное разве что горизонтом... Эта мысль придала бодрости, и я зашагал быстрее, почти вприпрыжку, тем паче что до школы оставалось каких-то пара минут.

Из соседних дворов наперерез мне неслись мальчишки, спешившие в школу. Они что-то обсуждали на бегу, оживленно и громко, но вместе с тем как-то невпопад, отчего разобрать слова было невозможно. Несмотря на это, сами участники дискуссии, по-видимому, прекрасно понимали друг друга, потому что беседа не только не прекращалась, но, судя по интонации, лишь набирала обороты.

Еще на подходе к школе, издали, я разглядел стоявшего на крыльце директора и насторожился: в самом деле, его нечасто можно встретить за пределами кабинета, — теперь же он как-то странно ежился и глядел по сторонам, попутно отвечая на приветствия детей, явно отвлекавших его от какого-то важного дела. Увидев меня, он махнул рукой.

— Ильин! — глухо выкрикнул он, так, как если бы окликал меня со спины. — Егор Евгеньич!

Артем Геннадьевич Ершов родился в 1994 году в Санкт-Петербурге. Магистрант кафедры русской литературы филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. Победитель Третьего и Четвертого Всероссийского фестиваля литературного творчества учащихся (2010 и 2011). Первые публикации — в журнале «Творчество юных». В «Неве» опубликован рассказ «Пламя» (2016, № 7).

Я махнул в ответ, в знак того, что услышал призыв, и немного ускорил шаг. Стремительно вспорхнув на крыльцо, поравнялся с директором и пожал его руку.

— Здравствуйте, Петр Степанович.

Петр Степанович Рыжов, как вы уже поняли, директор нашей школы. Ему под пятьдесят, он одинок, лицо несколько обрюзгло от времени и оттого, что он, как бы это сказать, выпивает. Вот и сейчас чувствуется соответствующее амбре, порой не проходящее у Петра Степановича по целым неделям. Во многом поэтому он так редко выходит из кабинета, стараясь лишней раз не попадаться на глаза детям — все-таки дурной пример. Тем более настораживающим было его утреннее дежурство на школьном крыльце, у всех на виду: видимо, случилось что-то серьезное.

— Хорошо, что ты здесь, — на директоре был мятый серый пиджак, да и весь он выглядел помято. — Пойдем-ка ко мне.

Мы прошли по длинному коридору, маневрируя между детьми, отвечая на сыпавшиеся со всех сторон приветствия, и остановились у его кабинета. Петр Степанович пропустил меня вперед и медленно прикрыл за собой скрипучую дверь.

— Садись, — он указал рукой на стул, а сам прошел вглубь, открыл дверцу шкафа и зашелестел какими-то бумагами. — Ты же в город ездил?

Он достал две фаянсовые чашки и поставил на стол.

— Да, — ответил я, взглядом призывая директора задать более конкретный вопрос.

— Ну и как там в городе? — Он сел и вытащил из ящика термос. — Собор-то достроили?

— Реставрируют, — ответил я. — Леса еще стоят.

— Ну да, ну да, — вздохнул Петр Степанович, откручивая крышку термоса. — Чай горячий... с лимоном. Будешь?

Я внимательно взгляделся в его лицо: обвисшую кожу на землистого цвета щеках, мешки под глазами.

— Нет, пожалуй, не буду, — отказался я. Наши взгляды встретились. — Что-то случилось, Петр Степанович?

Он поставил термос на стол и встал.

— Да, — голос его звучал свободно, раскованно, — Кирилл не вышел на работу. У шестого «а», стало быть, математики не будет. Я тут посмотрел, — он машинально, не глядя, пошелестел бумагами на столе, — у тебя же «окно» третьим уроком, да?

Я кивнул.

— Ну, вот ты и возьмешь шестой на третьем уроке. Ладно?

— Ладно, — ответил я, но не встал с места, чувствуя, что разговор не закончен.

— Мать у него умерла, — Петр Степанович налил в чашку чай и выпил большими, звучными глотками. Стукнул чашкой о стол и продолжил, переведя дыхание. — Третьего дня... Вот отпросился. Завтра хоронят, так что...

Он замолчал, не докончив фразы, словно не знал, что должно следовать после этого «так что». Я тоже не знал. Минута прошла в молчании, затем он снова налил себе чаю и обратился ко мне:

— У тебя ж день рождения был на каникулах, нет?

Этот вопрос прозвучал как-то невпопад, в гнетущей тишине, после известия о смерти, что я не сразу нашелся, что ответить. Петр Степанович стукнул по столу пустой чашкой.

— Да, — сказал я.

В горле у меня пересохло, и я наконец попросил чаю, чем, кажется, несказанно обрадовал собеседника.

— Сколько стукнуло-то? — с какой-то беззаботной интонацией поинтересовался он, разливая по чашкам остатки чая.

— Двадцать пять.

— Четверть века, — зачем-то констатировал Петр Степанович со значительным видом.

Мы допили чай, который показался мне безвкусным, не утоляющим жажду, а только обжигающим горло, и я заторопился на урок.

Пока плелся в класс по длинному коридору, пытался сообразить, что дать детям на внезапно образовавшемся третьем уроке, но мысли путались и ускользали. Утреннее настроение испарилось, хотелось думать не о бескрайнем небе, а о чем-то злом и черном, а может быть, и вовсе ни о чем.

Шестиклассникам (их было двенадцать) сказал, что вместо математики будет русский язык, и когда один из них спросил: «Почему?» — я не сразу нашелся с ответом, в замешательстве объяснив, что Кирилл Валерьевич заболел и в ближайшие дни математики не будет. Дети радостно и взволнованно загалдели, но я прервал их, сам не до конца понимая, почему не сказал им правду...

...Странное, тяжелое настроение овладело мною, и когда подошло время третьего урока, я не смог придумать ничего лучше сочинения на тему, кто как провел каникулы и какое событие запомнил больше всего. В классе было тихо и очень тепло; лучи весеннего солнца согревали воздух, слепили глаза, дети шурились и ерзали на стульях, стараясь спрятать лица, кое-кто прикрывался ладонью свободной руки.

Я вышел из класса и, подойдя к огромному окну в коридоре, открыл его. Хотелось увидеть серое, пасмурное небо, какое бывает перед внезапным и сильным летним ливнем... Глупо. Я давно знал, что погода не меняется в связи с чьей-то смертью: будь это самый положительно прекрасный человек, природе до этого нет никакого дела; в ее обязанности не входит забота о человеке и тем более — оплакивание его. Природа беспристрастна — настолько, что нередко беспристрастность ее путают с жестокостью. К чему, бездумно перенося на нее человеческие качества, которыми не всякий и обладает, пытаться обвинять ее в черствости? Да и многие ли знают, как вести себя в подобной ситуации? Плакать? Смеяться? Делать вид, что ничего не произошло?.. А что, собственно, произошло?.. Вот был человек — и нет его. И точно так же когда-нибудь не будет меня, директора, шестиклассников, а будет только это небо: ясное, чистое и никак не реагирующее на смену поколений... Страшно? Да вроде не очень... Вот и небу не страшно. И не жалко ничуть... как рыбакам не жаль рыбы, которой вдоволь в реках, а охотникам — птиц, которых вдоволь в небе, или зверей, которых вдоволь в лесах. Ведь жаль бывает лишь тех, кому суждено исчезнуть навсегда. Уссурийских тигров жаль, потому что их немногим больше двадцати особей и любой неосторожный шаг решает их судьбу. А нас каждый день по всей Земле помирает больше, чем всех тигров, вместе взятых, — как тут не остаться равнодушным?.. И с тиграми, к слову сказать, все не так однозначно: вот морских коров, например, тоже осталось в какой-то момент двадцать... а теперь ни одной. Они просто жили, а теперь их нет. А мы есть и ведем себя не многим лучше, чем злое и равнодушное небо, на которое смотрим с завистью, зная, что, когда нас не станет, оно будет синеть на рассвете и краснеть на закате, как синело и краснело, когда нас не было... Но разве тот, кто остается жить, виноват в чем-то перед нами, когда мы умираем?..

Когда осторожный шум, доносившийся из класса, постепенно перерос в открытый галдеж, я закрыл окно и вернулся в кабинет...

...Возвращаться домой не хотелось, и я до вечера просидел в школе, проверяя сочинения. За последние пару часов заметно похолодало, и воздух должен быть поморозному свеж — наконец можно пройтись и проветриться после странного и тяжелого дня. Я собрал вещи и вышел из класса. Опустевший коридор вздрагивал от гулкого эха моих шагов.

Во дворе перед школой я снова увидел Рыжова: он сидел на толстом сухом стволе поваленного дерева, когда-то грозившего упасть прямо на детей, за что и получило суровый приговор, приведенный в исполнение не до конца: опасное дерево спилили, но так и не разрубили на дрова и не вынесли с пришкольной территории; со временем оно высохло и уже несколько месяцев служило зловещим предупреждением для всех растений, собиравшихся своевольно раскинуть крону в опасной близости к детскому образовательному учреждению... Для всех же прочих оно служило скамейкой.

Я подошел к директору и сел рядом. Какое-то время казалось, что он не замечает моего присутствия, мы оба молчали, он смотрел в землю, я — на темнеющее небо.

— Ну, как день прошел? — не поднимая головы спросил Рыжов.

— Не знаю, — сознался я. — Вроде как обычно, но ощущения те еще... Целый день сам не свой.

— Как замена?

— Неплохо... Сочинение писали. — Где-то вдалеке залаяла собака. — Корни с чередованием повторить придется...

— М-м, — директор сидел неподвижно, то и дело ковыряя носком ботинка песок. — Про что сочинение-то?

— Про самое сильное впечатление на каникулах.

— И как там?

— У Звягиных корова померла... Витька пишет... Весь дом на ушах... Всю неделю бегали, думали, что делать — целая эпопея...

— Чем кончилось?

— Телку купили... Хотя это Витька пишет, что купили, а я чувствую, выменяли на что-то, уж больно там запутанная схема какая-то...

— Н-да, — директор взъерошил волосы на голове. — У Шевцова — мать, у Звягиных — корова... Н-да...

Подобное замечание казалось неуместным, но я промолчал. Все указывало на то, что Петра Степановича охватила тяжелая дума. Я решил попытаться развеять его тоску.

— А вот Лида написала, как она с родителями на выборы ходила. Вроде в школу, а вроде и нет. Очень забавное сочинение получилось — был там один такой момент... я так не воспроизведу, сейчас найду...

Я полез в портфель за сочинением. Рыжов поднял голову и повернулся ко мне.

— А ты сам-то, Егор Евгеньич, каких политических взглядов придерживаешься?

Вопрос прозвучал с парадоксальной неожиданностью, и я замялся.

— Я?.. Да не знаю, — сказал я наконец. — Беспартийный, наверное... А вы?

— А я — социалист-утопист.

Все еще роаясь в портфеле, я решил было, что это очередная шутка, и уже готов был весело рассмеяться, поддерживая собеседника, но, взглянув в его сторону, осекся: тот был совершенно серьезен.

Вероятно, лицо мое выражало полнейшее недоумение, потому что Петр Степанович пустился в пространное объяснение своего неожиданного признания.

— Знаешь, я ведь, когда молодой был, как ты, я нарочно в городе не остался — что ты! — поехал сельскую школу поднимать — ни больше ни меньше. Мне ведь казалось: вот оно, время, — свобода, любые учебники, любые программы, индивидуальные планы... Навел тут шороху. Старики сидели тихо — вроде доживали свое — не совались никуда, а я совался... Везде совался, все хотел поменять, всех разогнать: кончилось ваше время, теперь-то все по-другому будет, по-новому. Никто мне, конечно, не мешал, но никто особо и не содействовал. Ездил в город, агитировал, зазывал — поднимать, изменять, возводить... Кое-кто поехал.

Так шло время. Нас заметили в районе. Старики ушли на покой. Я стал директором. Распределения давно уже не было — учителей, соответственно, тоже: зарплата упала, цены выросли, кое-кто уехал в город, кто-то просто уволился. Когда закрыли консервный завод, нормальной работы почти не осталось. Стали выпивать — тех же Звягиных дед, ты не знаешь, а ведь он спился тогда и помер. Многие поуезжали, кто мог. Детей забрали с собой... А нет детей — так и школа не нужна. Мне так в районе и сказали. Сколько я крови тогда оставил... Ездил в город агитировать, звал поднимать, возводить, да никто не поехал. В Елисееве школу закрыли, объединили с нашей — слава богу, что не наоборот, — хоть как-то народ пошел. Да тоже — звонят, бывало, жалуются: мол, нашему Ивашке, чем за тридевять земель в школу гонять, проще дома учиться, все одно никакому уму-разуму вы его там не научите. Они мне выволочку, а я — в район. А там что? Только плечами пожимают: распоряжения нет, и хоть ты тут расшибись к... — он выругался по матери и затих.

Я сидел рядом с ним, ошеломленный неожиданно пламенным и горьким монологом, и не знал, что ответить. За все недолгое время нашего знакомства я ни разу не поинтересовался жизнью директора, его судьбой, дальше пустого вопроса о здоровье или причинах пропущенного дня. Всегда он казался мне человеком мелким и неготовым к серьезному разговору, и, должно быть, так же к нему относились и остальные. Теперь же мне открывался совершенно другой Петр Степанович Рыжов, одинокий, с обрюзгшим лицом, в помятом сером пиджаке, небрежно брошенном на ствол дерева, но совершенно не тот, каким я видел его утром...

— Приехал, менял, разгонял, — продолжал он, — а сам — чего добился? Что смог поднять, восстановить по-настоящему?.. Знаешь, — он поглядел на меня, — что самое обидное?

Я отрицательно помотал головой.

— Ты вот не знаешь, а я знаю: ведь было же все это... Понимаешь? Было! То, за чем я ношусь тут по всему району дольше, чем ты на свете живешь, — было же оно все, я же видел его, жил в нем... а теперь? Ведь, казалось, так просто! Да только куда уж...

Рыжов повернул голову и долгим пристальным взглядом посмотрел на здание школы.

— Вот вырастут эти твои шестиклассники, — тихим голосом продолжал он, — станут здоровенными лбами, как мы с тобой... а мы, значит, сами-то станем стариками беззубыми, сам понимаешь... И придут они к нам, беззубым, и спросят: «Вы-то сами что сделали, когда могли? Что нам теперь опосля себя оставляете? Шиш с маслом?» Я, знаешь, как подумаю об этом — так страшно мне, жутко просто...

Он помолчал несколько мгновений, а затем произнес сокрушенно:

— Ничего я не сделал...

Я невольно вздрогнул, и не от поднявшегося ветра.

— Ничего не сделал, — повторил он, — но разве же я не хотел сделать? Разве не пытался?.. Только кому... кому это интересно? Молодость беспощадна, она не принимает объяснений, и когда они придут, Ильин, я не смогу им ответить...

Мысль мою уже уносило далеко, по следам впечатлений прошедшего дня, и я, неожиданно для самого себя, сказал:

— А вы расскажите им про морских коров.

Петр Степанович выпрямился и посмотрел на меня с недоумением.

— Когда-то морских коров было много, — объяснил я, — и кто-то любил их. А потом их не стало. Совсем. И это случилось в то время, когда жили те, кто не хотел, чтоб они умирали, те, кто хотел и пытался помочь... Но теперь мы привыкли бросать свой вопрос без разбора, всему поколению: мол, почему не уберегли, за что истребили несчастных?

— Да-а, — протянул Рыжов и затих.

Ветер принес столбы пыли с песчаной дороги.

Я вдруг представил, как ко мне, старому и беззубому, придут нынешние шестиклассники... придет Витька, оплакивавший корову в своем неумелом, но бесконечно искреннем сочинении, и спросит: «Егор Евгеньевич, что же вы ничего не сделали, и Петр Степанович тоже не сделал ничего, и лежите вы теперь, беззубые и старые, и наставляете нас на прощание?», а я расскажу ему про морских коров, и он не слушает меня и через много лет, глядя на ясное и чистое небо, неожиданно для себя поймет, что я имел в виду... Да, молодость беспощадна, как Природа, беспристрастна до жестокости и не собирается вслушиваться в тихие оправдания старости... Но разве тот, кто умирает, виноват в чем-то перед теми, кто остается жить?..

ЛЮДИ И АНГЕЛЫ (ИЗ ЗАПИСОК А. В. ЕГОРОВА)

Бывают в жизни встречи, о которых не можешь потом забыть до конца дней; и кажется (или только у меня так бывало?), что продолжение такой встречи ждет нас где-то там, за последней чертой, а может, наоборот, в иной, прошлой жизни было положено начало неизбежному скрещению судеб, которое навсегда запечатлевается в памяти и затем преследует нас неотступно год за годом...

Мы ехали медленно по разбитой дороге. То и дело впереди мелькали серые лужи, коварные и предательские потому, что нельзя было угадать, какой глубины ямы кроются под ними, от чего приходилось объезжать каждую. Машина виляла из стороны в сторону, Петька ворчал и перехватывал руль руками, словно штурвал корабля, попавшего в шторм. Я молча глядел в окно; мелкие капли воды дрожали на стекле и спускались по нему, оставляя после себя витиеватые следы, послушные движениям руля.

Наконец машина повернула, и на подъезде к Л-ну мое внимание привлекла странная фигура, примостившаяся под дорожным указателем с названием населенного пункта.

— Стой, — сказал я, пытаюсь разглядеть темный силуэт.

— Что? — Петька повернул голову в мою сторону и притормозил.

— Да стой, говорю, — мы остановились. — Смотри туда...

Петька нагнулся и прищурился. Погода была пасмурная, небо заволочло тучами, и сквозь тонкую завесу мелкого дождя было трудно разглядеть того, кто стоял под дорожным указателем.

Я открыл дверцу и вышел из машины. Мокрый песок сменился травой; обочина довольно резко уходила в обрыв, у самого края которого и примостился незнакомец. Приблизившись, я понял, что это не был человек.

— Ну, что там? — Петька высунулся в окно со стороны пассажирского сиденья.

— Иди сам посмотри! — позвал я вполголоса.

Машина медленно съехала на обочину, Петька заглушил мотор и вышел.

Нашему взгляду предстала странная, в человеческий рост, фигура, изображавшая, по всей видимости, существо неземное, но тем не менее напоминавшее человека. Роста оно было среднего, с изящными руками, сложенными на груди... Но главное, что привлекало в фигуре, открывалось не сразу. Скульптура — а это, без сомнения, была скульптура, призванная встречать всех въезжающих в поселок, — была установлена таким образом, что лица существа издалека было не видно: оно оставалось в тени дорожного указателя. Судя по всему, сделано это было нарочно:

в лице статуи была ее главная тайна и прелесть. Странное, одухотворенное, неземное, оно производило удивительное впечатление — жизни, мысли, сокрытой в, казалось бы, пустом и безжизненном материале. Лицо это было не лицом даже, а, скорее, ликом; человеческим, но не таким, какое мы привыкли видеть у наших знакомых или у прохожих, а пожалуй, слишком человеческим, чрезмерно человеческим — таким, каким ему следовало бы быть...

Я про себя назвал существо ангелом и попытался подойти поближе, чтобы понять, из чего сделана статуя, но неожиданно моя нога скользнула по мокрой траве, и я чуть не скатился кубарем в обрыв. Петька помог мне удержаться на ногах и сказал, что лучше тут не скакать. Мы вернулись к машине.

— Нужно найти кого-нибудь из жителей и узнать, кто поставил здесь эту фигуру, — сказал я, стяхивая с головы мелкие капли дождя. Петька вздохнул и завел двигатель. Машина тронулась, а я все всматривался в таинственного ангела, но, к несчастью, с этой стороны почти ничего не было видно.

Мы ехали долго, поворачивая наугад, пока не поравнялись с одиноким прохожим в дождевике. Я выглянул в окно:

— Простите, пожалуйста! Не могли бы вы нам помочь?

— А? Что? — хриплый голос и озорной прищур показались дружелюбными.

— Вы не знаете, кто поставил скульптуру на въезде в поселок?

— Идолище-то? — прохожий добродушно засмеялся. — Да это Митька Кривой строгаёт... Ну... Федотов, значит.

— Как? Федотов?

— Ну да...

Я спросил, где можно найти Федотова, и, узнав приблизительный маршрут, распрощался с одиноким прохожим. Путь наш лежал через весь поселок, на противоположную его окраину.

— И зачем мы едем туда, — ворчал доброй Петька, — не понимаю. Ведь тут срезать надо было, и к вечеру были бы на месте... К какому-то Кривому еще понесло...

— Да ты, наверное, не разглядел ту скульптуру хорошенько, — отвечал я. — У него лицо такое... понимаешь... Как у ангела... Разве можно такое сделать?

Петька вздохнул и прибавил скорость. Минут через двадцать перед нами раскинулся лес.

— Все, приехали. Дальше некуда.

Я поглядел по сторонам.

— Вон же, вон! Наверное, это тот дом и есть!

Мы подъехали ближе и остановились возле старого, покосившегося деревянного домишки, прислонившегося к кривому сарайчику.

Уговорив наконец Петьку пойти вместе со мной, я приблизился к развалившемуся крыльцу и увидел, что дверь, ведущая в дом, не закрыта — на ней не было ни ручки, ни какой-нибудь защелки. Я постучался и осторожно потянул ее на себя. Ответа не последовало. Тогда я постучал сильнее и заглянул внутрь.

Навстречу из темноты беззвучно вышел высокий человек в темном фартуке, вокруг шеи у него был обмотан растрепанный серый шарф, а довершали образ точно так же растрепанные светлые волосы и густая борода.

— Кто там? — спросил он тихим и ровным голосом.

— П-простите, — начал я, заикаясь от волнения. — Вы Федотов?

— Да, это я, — он вышел в прихожую, обдавая нас запахом деревянной стружки (или мне показалось?). — Да вы не стойте в дверях-то, проходите.

Хозяин дома медленно опустился на стул, а мы вошли и расположились подле него в прихожей. Федотов глядел на нас внимательно, но очень спокойно, словно

старался запомнить или, наоборот, вспомнить, где он мог видеть нас раньше. Правый глаз его поблек, должно быть, давно, был пуст и холоден, в левом же еще теплилась живая жизнь и, казалось, отражалась душа этого человека. Неожиданно для себя я осознал, что пауза затягивается и надо что-то говорить. Петька ткнул меня в бок.

— Мы увидели скульпт-туру на въезде в поселок, и нам... захотелось узнать, кто ее сделал... И нам сказали приехать сюда.

Федотов молчал, оглядывая меня и Петьку. В какой-то момент мне показалось, что сейчас он выставит нас из дома, и, пожалуй, я даже был бы не против этого, не стал бы спорить, сел бы в машину... Но тут скульптор поднялся со своего места, прокашлялся и сказал все так же тихо и спокойно:

— Ну, хорошо, проходите.

Мы с Петькой переглянулись, но выбора не было. Осторожно ступая по деревянному полу, мы прошли в глубь дома, следуя за высоким человеком в фартуке. Дойдя до противоположной стены, он отворил перед нами невысокую дверь и жестом пригласил войти. Я прошел первым, увлекая за собой сомневающегося Петьку — он всегда готов вообразить себе невесть что и никогда не полезет ни в какую любезно открытую перед ним дверь, тем более не будет стучаться в запертую... Дверь была достаточно высока для меня и вела в сарай, к которому притулился покосившийся дом; Федотову, по всей видимости, приходилось нагибаться, чтобы протиснуться сюда, однако сам сарай был просторным и высоким — приглядевшись, я понял, что весь он был заполнен скульптурами, подобными той, что мы видели около часа тому назад...

Точно живые, стояли они друг подле друга и смотрели во все стороны: сгорбленные, морщинистые старики, сильные, суровые мужчины, спокойные женщины — все они выглядели так, как могли бы выглядеть реальные люди, хотя бы жители этого самого поселка. Но среди них я не мог найти ту, что обладала прекрасным и необыкновенным лицом, которое привлекло мое внимание там, в тени под дорожным знаком. Немного поодаль примостились стол и ящик со столярными инструментами.

Побродив по сараю, я решил заговорить с Федотовым, все это время тихо стоявшим у стены.

— И давно вы делаете эти статуи?

— Давно...

— Но... почему они все у вас здесь? Только одна стоит на въезде.

Федотов закашлялся.

— Ну, а где им стоять? Так-то они не нужны никому, знаете... У меня стоят. Василий я поставил на въезде, а так... Иногда приходят люди, просят... Если, бывает, помрет кто, говорят: сделай его, на могилу поставить... И я делаю. А так не надо никому... не нравятся они им.

Мое внимание привлекла фигура очень маленького роста, стоявшая ко мне спиной. Я медленно обошел ее, присел, стараясь взглянуть в скрытое тенью лицо, и замер. На меня смотрели те самые глаза, живые, одухотворенные, ангельские... Это была статуя ребенка.

— А почему Василий? — спросил Петька.

— Василий? Да это брат мой, Василий, царствие ему небесное. Старшенький он был... а умер раньше... Собак очень любил, они ходили к нему... Мы всё кормили их... И дети соседские ходили... А теперь не ходят... Дети. Он им свистульки делал такие, знаете... Свистульки... Любили его. А потом... машина сбила... там, на въезде... Он теперь всегда стоит там. Я его поставил там и... хожу к нему иногда. А дети не хо-

дят больше... им родители не дают. И ко мне никто не ходит... разве только если помрет кто, то на могилку... поставить...

Мы молча смотрели на Федотова, тонкая фигура которого возвышалась над нами и над всеми статуями, столпившимися в старом кривом сарайчике.

— А откуда вы берете материал?

— Что?

— Ну, дерево... откуда...

— А... так это мы с братом еще закупили на зиму, а что-то сам по дороге найду... Тут зима холодная выдалась, а я и забыл, отвлекся и, как начались морозы, гляжу — нет дров никаких, все колоды ушли... А их, — широким жестом он обвел свои творения, — в печь я не смог... не решился.

Тут он закашлялся и затынул потуже шарф. Ошеломленный, я подошел к Федотову и сказал:

— Но ведь это — искусство, понимаете? Ведь это монументы, вы могли бы их показать людям...

— Ой, да какое там искусство, — вздохнул он. — Всего этого и так много везде и всюду... А нужно что-то такое... такое, — он сделал неопределенный жест и замолк.

Подождав немного и как бы собираясь с мыслями, он наконец продолжил тихим голосом:

— Если вы спросите меня, какого памятника нам не хватает в мире, я скажу, что нужно поставить памятник непонятой доброте... Знаете, я думал долго о том, каким он должен быть... о том, как можно отобразить... И наконец понял. Это — большая композиция: один человек, худощавый, в простой одежде, развеваемой ветром, кормит с рук потрепанную собаку, у которой нет задней лапы... а вокруг них, на разном расстоянии, другие люди, самые разные — одни одеты богато, другие бедно, разные волосы, разный возраст — и вот все они показывают пальцем на человека, кормящего собаку, и кто-то смеется, кто-то будто обращается к соседу, словно говоря: «Вот дает, дурачина-то!», кто-то смотрит с презрением... И среди всех этих людей — их довольно много, вот как здесь — есть женщина, которая держит за руку ребенка... и... знаете, этот ребенок — единственный, кто не тычет пальцем, а очень непосредственным, таким детским внимательным взглядом глядит на человека с собакой, — на этих словах Федотов остановился, и в сарае воцарилась тишина. — Вот такой монументальной композиции не хватает миру. Она должна бы располагаться на площади, где много места, все фигуры в человеческий рост... знаете, в натуральную величину... чтобы можно было ходить среди них и заглядывать в лица тех, кто не понял чужой доброты... А это все, — он снова указал на обитателей сарайчика, — так, никому не нужно... просто... мои люди... и всё.

Мы стояли молча, не в силах сдвинуться с места. Лицо Федотова было спокойно, он уже не рассматривал нас, а глядел куда-то вдаль, быть может, прозревая новый замысел или в который раз представляя композицию, столь необходимую миру.

Мысли роились в голове, но наконец стало совершенно ясно, что делать дальше. Сомнений не было. Я сказал:

— Давайте поедем в город. Отвезем ваши скульптуры, покажем людям... Они оценят, они должны увидеть... Вы сможете рассказать им о своем замысле, о монументальной композиции... Ну же, решайтесь!

Федотов медленно перевел на меня взгляд, ни один мускул не дрогнул в его лице.

— Я не могу, — сказал он тихо и спокойно. — Я должен быть здесь, с ними, а они со мной. Они, кроме меня, не нужны никому...

— Но...

— Пусть все будет так, как есть.

Он закашлялся и вышел, согнувшись. Через минуту за стенкой что-то загремело. Заглянув в дом, я увидел, как Федотов выносит небольшую железную кастрюлю. Где-то вдалеке раздался собачий лай... Петька стоял, прислонившись к стене, и молча глядел на обитателей сарая.

Не знаю, должен ли я был попытаться уговорить Федотова еще раз или еще множество раз, но, вспомнив о нашем недавнем желании спокойно уйти из этого дома, я напомнил о нем Петьке, и через пять минут мы стояли перед старым покосившимся домишком, глядя на спокойного и невозмутимого скульптора-одиночку. Он попрощался с нами молча, кивком; дождь усилился, и Федотов зашел в дом, а мы сели в машину и двинулись в обратный путь.

Дорогой я долго смотрел в окно, но не видел ничего, кроме несуществующей скульптурной композиции с двумя ангельскими лицами: Василия, кормящего с рук собаку, и ребенка, в маленькую ручонку которого вцепилась мать.

СРЕДИ МОГИЛ

В воскресный день вагон был переполнен, и Петр вышел в тамбур. Он снял большой зеленый рюкзак и, положив его на пол, прислонился к стене. Поезд медленно тронулся, пассажиры еще какое-то время шумно перемещались по вагону, но вскоре все более или менее успокоилось, и Петр перевел взгляд на сосновый бор за окном. Из двадцати восьми лет своей жизни семнадцать он провел в деревне, а после школы перебрался в город для продолжения учебы. С тех пор в родных краях был лишь однажды — на похоронах отца. Это случилось шесть лет назад: тогда Петра срочно вызвали телеграммой прямо во время зимней сессии и, вырвавшись всего на один день, он простился с отцом и уехал обратно в город на долгие годы... Сегодня, в единственный выходной, Петр оказался в поезде по настоянию жены, которая сильно переживала, что муж ни разу не посетил могилу отца. Много раз он находил всевозможные отговорки, ссылаясь на загруженность, один раз даже съездил на вокзал, но вернулся, сказав, что расписание электричек изменилось. А вчера возмущенная жена заявила:

— Завтра ты едешь на кладбище. Никаких отговорок. Собирай инструменты.

— Какие инструменты? — глухо отозвался Петр.

— Такие инструменты, — передразнила жена. — Сколько лет ты не был у него? Пять? Там все заросло, наверное, бог знает как! Еще поди найди...

...Сосновый бор за окном кончился, открылась бескрайняя равнина с редкими холмиками стогов. Поезд набирал скорость, дребезжали в рюкзаке инструменты. Он понимал, что давно должен был выбраться на кладбище, но в то же время не хотел туда ехать. Тем более один. Почему жена не поехала с ним? Ну, конечно, а кто останется с Дашенькой?.. Да... Ладно. В конце концов, это его долг если не перед отцом, то хоть перед его памятью. Вспоминал ли он об отце после похорон? Изменилось ли что-то в жизни с его уходом? Петр не видел его пять лет до смерти... И вот теперь прошло шесть лет после похорон, и он совсем не думал, не вспоминал о нем... Страшно. Петр вздрогнул, так, словно кто-то задел его, но в тамбуре никого не было.

Где-то вдалеке послышался мотив, отдаленно напоминавший песню, — это в вагоне занимался привычным делом бородатый мужик с аккордеоном. Разудалой походкой пробираясь через забитый пассажирами проход, он скоро перебирал пальцами по клавишам, потряхивая мелочью в железной банке, висевшей у него на поясе. Петр посмотрел в окно. Огромное, вполтину больше полоски земли, небо отчетливо разделилось пополам: слева оно было ясным и безоблачным, а справа, по

направлению движения поезда, сгущались темные сине-серые тучи. Открылась дверь, и бородатый мужик вышел в тамбур, прислонился к противоположной стене и аккуратно опустил на пол свой инструмент. В следующее мгновение в руке у него блеснуло что-то металлическое; приглядевшись, Петр понял, что это фляга. Хлебнув из нее, мужик крикнул, спрятал емкость за пазуху, осторожно поднял аккордеон и, накинув ремни на плечи, прошел все той же разудалой походкой в следующий вагон. Двери закрылись, и из соседнего вагона донесся тот же знакомый мотив, наконец сложившийся в песню, — подобrevший после посещения тамбура мужик решил подкрепить музыку словами, — но вскоре голос его постепенно затих. На окне выскочили первые маленькие капельки дождя. Железная дорога шла по насыпи, словно приближая поезд к затянутому тучами небу. Петр посмотрел на часы — бóльшая половина пути была позади.

Дождь заметно усилился. Выйдя из вагона и схватив рюкзак в охапку, Петр в несколько прыжков пересек перрон и скрылся в чайной. Начался самый настоящий ливень, и, садясь за стол у окна, Петр еще раз посмотрел на часы, пытаясь предугадать, насколько он может затянуться. Времени оставалось мало. Через четыре часа обратный поезд, а до кладбища путь неблизкий — если опоздаешь, следующий поезд только вечером.

В чайной было тихо и безлюдно, за окном проносились вагоны, вечно то-ропящиеся люди с большими зонтами натыкались друг на друга, какой-то человек забыл на перроне чемодан, и до него пытались докричаться — под проливным дождем, держа потерю обеими руками, он горячо благодарил равнодушных свидетелей его рассеянности. Петр пил горячий чай и нервно стучал пальцами по столу, то и дело поглядывая на часы и на лужи за окном.

«Как я вообще отыщу то место? — думал он. — Прошло шесть лет, и кладбище наверняка разрослось, а я тогда не очень-то запоминал расположение... Болван... Весь день придется бродить по кладбищу... Хотя, — его посетила внезапная мысль, — мне ведь надо искать лишь среди заросших могил... а их там должно быть не так много». Петр на мгновение обрадовался, но тут же горько усмехнулся своей радости. Конечно, отцу уже все равно, но немного стыдно перед ним, перед собой. Почему все случилось именно так?..

— Эгхм... Брат, подкинь червонец, а? На чаек не хватает... а?

Напротив Петра примостился помятый человек с растрепанными волосами и большими ушами. Он криво улыбался какой-то заискивающей улыбкой, придававшей его невыразительному лицу, покрытому жесткой неравномерной щетиной, выражение некоторого стеснения, от чего он своим видом напоминал провинившегося школьника, пытающегося уговорить строгого учителя не вписывать замечание в дневник.

— На чаек, говоришь? — спросил Петр, засовывая руку в карман куртки.

— На чаек, братец, на чаек... Если подкинешь, можно и вместе, — новый знакомец посмотрел на Петра уже приглашающим взглядом, почти бессознательно изображая правой рукой жест, в известных кругах обозначающий бутылку. Петр вытащил пару купюр и передал незнакомцу.

— Витя, — выпалил тот, с благодарностью принимая деньги одной рукой и протягивая своему благодетелю другую.

— Петя, — слегка усмехнувшись не то над собой, не то над ситуацией, ответил Петр, пожимая протянутую руку.

— Айн момент, — бросил Витя и исчез. Петр посмотрел на часы. Затем — за окно. Дождь лил по-прежнему. Петр громко стучал пальцами по столу: провести ближайшие полчаса (а может быть, и больше) в обществе стеснительного алкоголика Вити

не входило в его планы. Вся эта непредвиденная и странная ситуация грозила затянуться надолго; а в самом худшем случае — до самого вечера.

— А вот и я, — Витя вернулся с бутылкой красного крепленого вина и двумя стаканами.

Петр криво улыбнулся и стал смотреть в окно на проходящий поезд, пока его новый знакомец возился с пробкой, вытащив из кармана перочинный нож. Наконец преграда была сломлена, и Витя с торжествующей улыбкой налил каждому по полстакана. — Ну что, — произнес он, потирая руки, — твое здоровье, братец.

Звякнули стаканы: Витя осушил свой, а Петр лишь пригубил и снова полугорько усмехнулся тому, что здоровье его обмыто теперь только наполовину. Подобревший Витя налил себе еще полстакана. Петр посмотрел на часы. Дождь не утихал.

— Следующий тост твой, — напомнил знакомец.

Петр задумался. Ему очень хотелось избавиться от назойливого человека с бутылкой, но по всему было видно, что это не так-то просто. Да и дождь. Нельзя просто уйти. А демонстративно пересесть и отвернуться, пожалуй, уже поздно. И почему он сразу не отказался?

— Эхе-е-ей, — Витя потряс перед Петром стаканом.

— Ну, — Петр судорожно перебирал в голове разные глупости, которые он слышал во время застолий. — За мир во всем мире, что ли...

— О! Молоток! — прохрипел Витя и осушил второй стакан, звонко хлопнув им о стол и зачем-то потеряв свои огромные уши... Было в этом человеке что-то, что не давало Петру покоя — отвлекало от размышлений о кладбище, о доме, о прошлом, о нескончаемом дожде. Мимолетный жест помог неясному чувству обрести четкие формы: да, это был он, лопухий Витька, круглый отличник из параллельного класса... Чуть больше десяти лет назад они оба стояли на торжественной линейке по случаю окончания школы. Это был последний раз, когда они виделись... до сегодняшнего дня, как оказалось. Помятый человек, доливавший остатки вина в стакан, был так не похож на юного, подающего надежды будущего инженера из «а»-класса... Присмотревшись внимательней, Петр признал его окончательно. Да, его глаза, нос, да и уши ни с чем не спутаешь... и это его движение... Раньше он делал так, решая сложную задачу по алгебре, а теперь...

— За чудесные школьные годы, — выпалил Петр выжидающе смотревшему на него собутыльнику. Тот на мгновение замер, затем криво улыбнулся, кивнул и выпил содержимое своего стакана, резко запрокинув голову.

«Узнал ли? — думал Петр. — А если узнал, отчего не подает виду?.. Хотя понятно... Да и потом... Отчего-то я и сам не подаю виду, что узнал его... Но это действительно он... А если не узнал? Сказать ему? Зачем? Чтобы смутился еще больше?.. Едва ли его устраивает такая жизнь... Господи, что же с ним произошло?..»

Витя пробормотал что-то неразборчивое, а затем вновь обратился за материальной помощью. Петр пошарил в карманах и дал ему еще денег; проводив рассыпающегося в благодарностях Витю взглядом, он мельком глянул в окно и совершенно неожиданно обнаружил, что дождь кончился. Петр посмотрел на часы: еще можно успеть до обратного дневного поезда. Быстро одевшись и закинув рюкзак за спину, он бросил последний взгляд на школьного товарища.

— Хозяюшка, — негромко говорил тот, — еще бутылочку...

Петр выскочил из чайной и, перепрыгивая через лужи, стремительно зашагал к шоссе. Пару раз он хотел обернуться, но отчего-то не сделал этого. Нужно было спешить. Нужно было спешить...

...Всю дорогу Петра преследовали воспоминания о детстве, проведенном в деревне. Чудесные годы, полные солнца, тепла, пения птиц, запаха хвои, хрустящего

снега, шумного речного потока... Где это все? Проходя по знакомым местам, Петр не узнавал их и несколько раз останавливался, охваченный мимолетным чувством, что вот на этом пустыре когда-то стоял дом, куда они ходили в гости к двоюродному дядьке, а здесь, на месте обрыва, был большой деревянный мост, скрипевший так страшно, что, проходя по нему, ребята проверяли свою отвагу. Разбитая шоссейная дорога, когда-то проложенная прямо через поселок, словно перечеркнула все раз и навсегда. Возвращаясь в прекрасный цветущий сад, Петр попадал на выжженную землю; видя себя в кругу родных и друзей, он словно бродил среди могил.

Размышления о судьбе лопухого Витьки заслонили прежние мысли об отце и о предстоящей «встрече» с ним на кладбище.

— Как же это могло случиться? — вслух бормотал Петр, шагая по серому, растрескавшемуся асфальту.

«Нужно будет найти его... на обратном пути... Спросить адрес, приехать на будущей неделе... Он наверняка сидит еще в чайной и просидит там до вечера... Если управиться и все сделать быстро, — Петр нервно взглянул на часы, — то можно успеть...»

...Кладбище располагалось на повороте большой дороги, по сути, посреди леса. Постепенно расширяясь, оно уходило далеко в глубь соснового бора, разрастаясь во все стороны. Заметив первые одинокие надгробия, Петр свернул с дороги и осторожно спустился вниз, пробираясь через сухие кусты к чуть различимой дорожке. Ближайшие часы не сулили ничего хорошего: долгие изнурительные поиски, необходимые «садовые работы», гнетущая атмосфера — все это не то чтобы пугало Петра, но вызывало какое-то темное и тревожное чувство. Проходя по дорожке, сворачивая в произвольных местах, он выискивал самые заросшие могилы, стараясь не вглядываться в фотографии на надгробиях.

Вдруг он заметил какое-то движение. Петр остановился, приложил ко лбу сложенную козырьком ладонь и пригляделся. Вдалеке виднелась человеческая фигура. Сердце забило сильнее, и Петр направился к тому месту. Приблизившись, он увидел пожилого человека, очищавшего могилу от веток кустарника и мелких корней.

— Бог помощь! — произнес Петр, подходя к незнакомцу.

Старик повернулся, и глаза его заблестели нечаянной радостью.

— Здравствуй, милоч, — сказал он, локтем отирая пот со лба.

— Трудитесь? — осведомился Петр, указывая на могилу. — Давайте помогу?..

Старик не отказался, но посетовал, что у него только один нож, на что Петр торжественно раскрыл рюкзак и извлек новенький блестящий секатор. Работа пошла быстрее.

— Страшно, — начал вдруг Петр, — как кладбище разрастается... Скоро уж и леса не хватит...

— А чего же сделаешь? — глухо отвечал старик, переламывая засохшие ветки.

— То-то и оно, что ничего... Оттого и страшно...

— Да разве ж страшно? — старик посмотрел на Петра. — Что закон — то не страшно, того изменить никак нельзя; чего тогда его бояться?.. Каждому свой срок положен, чтобы пройти по жизни, посмотреть, что к чему, поучиться, потрудиться... да там и на покой сойти... Сколько лет на том весь свет стоит, а ты — страшно!..

Несколько минут работали молча, затем старик произнес:

— Это нам с тобой здесь может быть страшно, а им там небось не страшно уж боле. Ты, когда на свет божий народиться должен был, небось тоже боялся, только не помнишь... А там... Там тоже не вспомнишь, как тут боялся...

— И что же, совсем ничего не вспомню?

— А то одному Богу известно, вспомнишь или нет... Но бояться будет нечего. Мы ведь отчего боимся-то? Оттого только, что не знаем, как там все устроено, —

старик посмотрел на небо и отер пот со лба. — Мы и здесь-то ой как не всё понимаем, зачем да почему так устроено. Оттого и здесь порой страшно... Здесь-то, говорю, не страшно тебе?

Петр вспомнил свою случайную встречу с лопухим Витькой и ответил:

— Страшно... Не понимаю, как так все происходит...

— Эх, пойдем ли когда, — вздохнул старик. — Разве что там... Тогда и успокоимся.

Наконец могила была освобождена от веток и мелкой травы. Двое живых в царстве мертвых — молодой и старый — отдышались, присев на пень.

— Кто это? — спросил Петр, указывая на надгробие, покрытое пылью и грязью настолько, что нельзя было разобрать надписи.

— Сейчас узнаем, — все так же глухо отвечал старик, доставая из мешка какую-то рваную тряпку и полупустую бутылку с водой. Он смочил ткань и принялся осторожно, но при этом с силой оттирать грязь с надгробия. По спине Петра пробежал легкий холодок.

— Вы... вы... не знаете?..

— Не, — отвечал старик, не оборачиваясь.

— Но... почему?..

— Я на этом свете, милоч, давно живу... Много перевидал, многое нажил да и потерял много... Никого у меня не осталось, все здесь, родные мои, жинка, все тут теперь. Хожу я к ним часто, проведать... А есть могилки, знаешь, заросшие, старые, неухоженные, потому что у них никого здесь не осталось. Понимаешь? Вот я помру, лягу здесь, со всеми рядом, и кто останется? Никого. И у них так же, — он снова смочил тряпку водой из бутылки. — А я и подумал: пусть вот у них я буду... Чем они виноваты, что одни остались? — Петр взглянул на старика. — Ничем. Вот я и стал ходить, помогать им, значит... Да...

Наконец старик закончил, и в луче солнца блеснула бледная эмаль фотографии.

— Иванова Марфа Федоровна, — прочитал Петр.

— Да, как же, помню, — пробормотал старик, еще раз бережно протирая надгробие.

...Спустя полчаса Петр нашел могилу отца. С чистого, бережно вымытого деревянного креста, возвышавшегося над очищенной от кустарника могилой, на него смотрела надпись: «Наумов Сергей Викторович. 1960—2008».

Елизавета ИОФФ

* * *

давай напишем наши имена на стенах,
на тусклом терракоте кирпичей,
на вспухших от жары гранитных венах
по траектории сбегающих лучей.

давай останемся недалеко от края,
на грани понимания вещей,
и будем прятаться от ливня, замирая
под капюшонами поношенных плащей.

давай откажемся от посторонних мнений,
закроем дверь. и слушать тишину
мы будем через призму упрощений,
через длину секунд и часа ширину.

* * *

Забирай все мое бесстрашие,
Расхищай мой порочный разум,
Опустошай раз за разом
Мое все еще не уставшее,

Но в эти морозы замерзшее,
Осмысленное дыхание.
Выкради мироздание
Из глубин моего же прошлого.

Отними у меня все пошлые
Непристойные постулаты,
Перепиши их в догматы.
До крика моего истошного

Разоряй меня, сумасшедшую,
Раздавай беднякам по мысли,
Тогда потерявшим смысл
Будет чем наградить нашедшего.

Елизавета Ильинична Иофф родилась в 1989 году в Ленинграде. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Публиковалась в 2016 году в журнале «Звезда».

* * *

он сидел напротив меня.
он пожимал плечами
и долго мне объяснял,
что меж жертвами и палачами
может случаться война.

я сидела сама не своя.
от холода ныли руки,
от усталости выли веки.
шли по счету двухсотые сутки,
как началась война.

он сидел напротив меня.
я сидела ему напротив.
он-то думал, что я умерла,
а я думала — он не заметил.
вот такая у нас война.

* * *

Ты теперь мне (опять) мерещишься,
езде, отовсюду кажешься.
Перед зеркалом стоишь, крестишься.
Через левое ты не отважишься
сплюнуть все, что в башке не вяжется.
Я теперь ведь (опять) оглядываюсь,
надрываюсь под тяжестью, балуюсь,
отползаю от твоего подножия.
Ты гляди, до чего мы дожили,
что теперь мы (опять), может быть,
над собой только да издеваемся,
умом догола раздеваемся,
извиняемся, извиваемся
у стены противоположенной.
Пусть теперь ты (опять) вертишься
под своим одеялом, бесишься,
все равно мне с трудом верится,
что ты срубишь с плеча и откажешься
от своих поводков; ты останешься;
ты же знаешь, на ноль не делятся.
И теперь мы (опять) покажемся
друг другу спиной, уляжемся
по разные стороны, спрячемся.
Не один, так другой хватится
второго искать — да попятится.

* * *

перед тем, как сбежать,
подожми под себя хвост.
а то знаешь, бывает,
ты вот только под свой рост
выберешь платье —
а он уже сдал пост.

ты смотри, осторожней,
грабли-то те же, эй!
ну куда ж ты, упрямая,
лезешь! вот с ней
только за смертью,
а казалась куда умней.

ты послушай меня,
у меня-то совет простой:
от него лучше дальше.
остановись! стой!
ты совсем ошалела?
в сторонке вот здесь постой,

присмотрись как следует,
где он и как живет.
а то знаешь, бывает,
он с короб тебе наврет,
ты напялишь платье —
а он не тебя ждет.

* * *

не так спокойна гладь Невы,
как вам покажется, увы.
увы, но мне милы не вы,
кто в полночь рвет в саду цветы
и чертит ими про любовь
под окнами советскими.
не ты, кто не читал «Мантиссу»,
кто мяту путает с мелиссой —
не от тебя я не дышу.
кто меня держит, если я спешу,
кто отвернется, если согрешу,
кто не смеется, если я шучу,
кто рот зажмет мне, если закричу —
кто ты, чтобы любить меня?

Инеcса ЗДОРОВЦОВА

ГРАФИНЯ ЗАДУНАЙСКАЯ

Рассказ

Программу бала мне вручил респектабельный молодой человек в синем галстуке. Беглый ее просмотр подтвердил: культурный сей документ кардинально отличается от аналогичных девятнадцатого века. Помимо череды вальсов публику будут развлекать катанием на дирижабле, дуэлью представителей разных сословий, а монахиня некоего прославленного женского заведения прочитает стихотворения романтического характера. Однако мне не до развлечений, первоочередная задача — разыскать графиню Задунайскую.

В холле никого, гости уже приступили к увеселениям. С почетным вниманием Синий Галстук сопровождает по коридору, темному и безликому. Только у подножия лестницы полумрак рассеялся. Сквозь витражное окно лучи заходящего солнца падают на стеклянные, с перламутровым отливом, ступени и перила. Кубики оконной мозаики и лестница играют светом, будто мячом, пасуя друг другу. И если витраж, например, подает красный мяч, то одна из ступеней возвращает его уже другим, смягченного розового оттенка. Синий Галстук, удовлетворенный моим восторгом, пятясь, удаляется на свое место, к гигантским дубовым дверям. Вопреки ожиданиям, первая ступенька не трескается под тяжестью тела, более того, по ней не бегут паутинки, предвещающие немедленное разрушение. С максимальной скоростью и на цыпочках (мало ли что!) преодолеваю два пролета. И вот первая преграда: опрятный дворецкий, который наверняка будет выпытывать мое имя, чтобы, лихо стукнув палкой, провозгласить его собравшимся в зале. Во-первых, этот бал — первый в моей жизни. Как ни прискорбно, не посещал подобные мероприятия на протяжении всех тридцати четырех лет. Ну и, во-вторых, просто-напросто не знаю, какую фамилию выбрать, чтоб не выделяться среди гостей.

— God kveld! Kodeord? — приподняв кустистые черные брови и намекнув губами на улыбку, обратился ко мне дворецкий.

Это был один из языков, которых я не знал: может быть, шведский, но, скорее, датский. Поэтому сказал то, что помнил по-старорусски:

— Гой еси! Хороши хоромы, чело — живот — выдюжить.

Дворецкий еле заметно закатил глаза и пробубнил на современном русском:

— Добрый вечер! Пароль?!

Вслед за мной в замешательство пришел и задавший вопрос. Он с виноватым видом порывлся в карманах широких зеленых штанов, предварительно прислонив палку к стене, и выудил смятый в комок черный лист. На бережно распрямленной бумаге, непонятно по какой причине, начали проступать белые столбцы чисел. Дворецкий следил за каждой вновь появлявшейся цифрой, пока на листе не замигало число

Инеcса Александровна Здоровцова родилась в 1990 году в Ленинграде. Окончила факультет журналистики СПбГУ (кафедра визуальной журналистики и дизайна периодических изданий).

четырееста, выделенное красным цветом. Он, с усталостью лошадей, тащивших дрова не один километр, правой рукой прикрыл глаза. Затем отер пот со лба и обратился ко мне:

— Премного прошу извинять. Поскольку императрица ожидается на бал, каждый четырехсотый гость проходит без иметь титул, знать пароль и нести благотворительность. Вы как раз и есть тот четырехсотый, прошу. — И дворецкий мелкими шажками подбежал к изумрудному покрывалу, которое могло запросто остановить непрошенных гостей.

Передо мной предстала карусель. Не из пластмассовых ярмарочных лошадок, а образованная кружащимися под Штрауса парами танцоров. Выдохнув и выпрямив спину, я вошел в сияющий серебром зал и чуть не был унесен потоком. Танцующие с оглушительной скоростью пронеслись мимо. Они двигались не как принято в вальсе, плавно, по кругу, а какими-то вихрями, образуя несколько водоворотов. Кто-то уверенно, но вместе с тем бережно оттянул меня к стене. Спасителем оказался круглолицый мужчина маленького роста, в синей шляпе, напоминающей котелок Чарли Чаплина, и тренировочном костюме — сером и мешковатом. Одной рукой он схватил меня под локоть, а другой бережно придерживал миску с клюквой, присыпанной сахаром.

— Из-за этой чертовой императрицы все так и норовят покончить с собой под ногами плясунов! — вздорно и одновременно добродушно воскликнул старикашка.

— Я не собирался... кончать с собой... Все равно спасибо! — озадаченно ответил я.

— Ох, да вы говорите по-русски! — и собеседник похлопал пухлыми пальцами по краю миски, изображая аплодисменты. — Как приятно, как приятно! Позвольте и извольте — проведем процедуру представления. Герцог Карлсен-Волынский, не родственник мигранта Волынского, а почетный дворянин, представитель, как сейчас говорят, смеси норвежской и русской кровей.

Смирившись, что сейчас придется врать, я слегка, краешком лба поклонился новому знакомому. По доброй традиции — ложь искать на потолке — хотел, дабы оттянуть время, притвориться, что залюбовался. Верхняя часть зала было покрыта кружевом из серебра. Нити тонких гирлянд того же металла со встроенными в них маленькими лампочками спускались вниз на полметра. И в этот миг последние лучи заходящего солнца, лившиеся из огромных окон западной стены, погасли, и множество кружевных нитей засияли сиреневыми, бледно-розовыми и голубыми огоньками. Никто, кроме меня, не обратил внимания на перемену.

— Уважаемый герцог, имя мое вряд ли известно в ваших краях. Называют меня просто — виконт Алеша Огоньковский. — На самом деле фамилия моя была еще какая дворянская — Волконский, однако называть ее не стал: мало ли что предки мои могли натворить почти за сто лет. — Не подскажите, где мне найти графиню Задунайскую, очень в ней нуждаюсь.

— Вы Огоньковский?! — герцог в попытке всплеснуть руками разбросал клюкву в радиусе полуметра. — Вы хотите пообщаться с графиней?! Я не позволю! Только-только появилась надежда, а вы хотите все испортить? Не бывать.

— Что испортить?

— Что ж вы думаете, я ничего не понимаю. Подсунут вам пару тысяч, десятков тысяч или даже миллион крон, и вся планируемая операция медвежьему павиану под хвост! Шапочники, трубочисты, прачки, да что там — банкиры из года в год драматизировали, рефлексировали и депрессировали. И что же, они это зря? Ну нет, не позволю народное горе пустить по ветру, лягу поперек вашей дорожки. Не пущу!! — Тут взгляд герцога скользнул по рукаву пиджака и свежему растекающемуся пятну размякшей клюквы с сахаром на нем. — Извините, надо почиститься. —

И, дружелюбно улыбнувшись, почетный дворянин норвежских и русских кровей удалился.

Растерянный, я посмотрел направо, налево и прямо, оборачиваться не стал — сзади была стена. Сплошной белый шум, рябь перед глазами. Пришлось напрячь зрение, чтобы выхватить из круговерти одну из танцующих пар. Мужчина облачен во все белое, девушка — в серое. Следующие «плясуны» черное-серые, еще одни — сплошь серые. Да и прочие гости не отличались: те же три цвета — скучные до безнадежности. В чем же подвох? Где разноцветная лошадиная карусель, виденная мною в первые секунды? Не могли же они за трехминутную беседу с мистером Клюквой все разом переодеться. Змеям под силу, зацепившись за бревно или камень, сбросить кожу за считанные секунды, но где видано, чтобы так умели дворяне. Еще ведь и одеться надо. Статичная персона подсказала ответ: парики! С разными прическами, но непременно яркие: пурпурные и зеленые, сизо-перламутровые и цвета погибающего клена, бурно-оранжевые и бесстрастно-голубые. Сам Бакст позавидовал бы. Примечательно, что бойкот парикам объявили именно лысые мужчины. Все: от молодых, окаймленных от уха до уха рядком волос, до матерых, испытанных временем, — их лысины были покрыты не краской, а скорее, штукатуркой, не уступающей по своей красочности парикам. Тем временем резвоногий вальс продолжался. Высмотреть в толпе графиню Задунайскую было невозможно. Пройдя немного вдоль стены, в противоположной стороне от окон я увидел выход на террасу. Было самое время освежиться и перевести первые впечатления в мысли, а далее в алгоритм поведения на незнакомой территории. И как же все-таки странно знать титул искомого человека, но не иметь даже догадок относительно имени. На пути к бесконечно далеким, увитым плющом дверям я пытался придумать, как могли звать Задунайскую.

Вниз от террасы бежали пушистые кусты, обогнав их, на отдых расположилась полянка, которая боком оперлась о гранит, не дающий Неве растерять на бегу свои воды. Вдали, за рекой, виднелся дирижабль. Влюбленная парочка шагах в двадцати от меня любовалась звездами. На другой стороне террасы, облокотившись на широкие, красного дерева, перила, стояла дама, она мгновенно обернулась на звук моих шагов. Оглядев с головы до ног, попыталась веером скрыть улыбку:

- Ваша рубашка, случаем, не накрахмалена? — обратилось ко мне чарующее сопрано.
- Ну что вы, я не так старомоден.
- Значит, одевались с расчетом на выступление в цирке?

Шпильки, отпущенные в мой адрес ангельским голосом, по ощущениям были схожи с покалыванием тополиного пуха. В то же время она была права: отутюженные коричневый костюм и белая рубашка неприлично выделялись на фоне мышинной серости.

— Почему не танцуете? Вы бы бросались в глаза в толпе, — ее шелковое платье, в пол, цвета шампань, завораживало.

- На службе не полагается.
- Вы смотритель террасы?

Слегка склонив голову на бок, она пронзила меня ироничным взглядом.

— Сага Столсен, журнал «Балы Петербурга», приятно познакомиться. Только не спрашивайте, как я оцениваю качество напитков или блеск паркета. Сегодня дело серьезное. Вы ведь не шпион? Хотя шпион так не вырядился бы. До излияний мо-нашки все равно ничего не случится, не составите мне компанию? — И журналистка решительно отбросила за спину щекочущие плечо, искрящиеся золотом локоны.

Мы подошли к перилам и начали наблюдать за суетящимися вокруг дирижабля рабочими. В кустах неподалеку происходило движение. Сага предположила,

что это один из опоссумов, которых разводит хозяйка дома — Задунайская. Я же склонялся к мысли о парочке, наскучившей звездами и переместившейся в кусты.

— Вот и настал вечер, который изменит мою жизнь. Вы не представляете, как я устала быть рабом.

— Рабом?!

— Рабочий — раб, какая разница. По сути, хозяин журнала — дворянин — использует нас, как крепостных крестьян. Пиши про балы, а что земли разбазариваются, ерунда! Вот накануне, в честь четырехсотлетия Дома Романовых, наша любимая императрица подарила Японии Сахалин. Про Москву и Мурманск я уже не говорю: прибрали к рукам украинцы и финны.

— Кто бы мог подумать?

— Что вы имеете в виду? Конечно, об этом СМИ не сообщают, но ведь, по слухам, все знают...

— Да-да, конечно, просто уезжал надолго.

Девушка с подозрением уставилась на меня.

— Ну все понятно. Вы считаете, раз у меня норвежское имя, то я Россию любить не могу. Так вы неправы! Я родилась в этой стране и сочувствую от всей души Романовым. Если бы революция 1917 года удалась, то наследник Николая Второго не женился бы на норвежской принцессе и не покатило бы все в тартарары.

На поляну мимо нас хлынула серая толпа. Разгоряченные танцами господа непрерывно опускали кончики пальцев в стаканы с водой и окропляли лицо. Дамы, озираясь, не видит ли кто, приподнимали подола платьев — для проветривания. Над поляной зажглись прожекторы.

— Пошли посмотреть на дуэль, — со скучающим видом констатировала Сага.

— А вы не хотите?

— Ох нет, увольте, эти болваны только в краске извозятся...

— То есть?

— Что же, вы никогда не бывали на дуэлях? Зеленой и красной краской зарядят два пейнтбольных пистолета, промахнутся раз десять — только березы испачкают, потом-таки один попадет... К псевдораненому дуэлянту подскочит медсестра в огромных хирургических перчатках, подует, он оживет. Если хотите, идите без меня, — журналистка равнодушно пожала плечами.

— А герцогиня Задунайская там будет?

— Что вы! Конечно, нет. Она обхаживает в задних комнатах нашу козочку.

Мои застывшие глаза и открытый рот заставили Сагу воскликнуть:

— Вам все нужно пояснять! Имя императрицы — Хейдрун — в скандинавской мифологии означает козочку, которая щиплет траву с крыши и своим молоком питает эйнхериев.

С последним словом я решил самостоятельно разобраться, с помощью энциклопедии, поэтому с напускным равнодушием спросил о том, чего там точно не найти:

— Какие еще перемены в последнее время?

— Да всё раздувают скандал с учителями... Наверняка вы ничего не слышали, — Сага лукаво улыбнулась. — Так вот, с начала: дворяне негодуют, почему учителя получают огромные зарплаты, в то время как им самим приходится владеть жалкое существование в разваливающихся дворцах. Действительно, учителя у нас в чести, зарабатывают прилично. А дворяне, пожалуй, ради смеха или для отвода глаз встают. Еще: кухонная техника вновь в дефиците. С тех пор как граф Орловский занялся ресторанным бизнесом и наоткрывал заведений по всей России — теперь не такой уж и бескрайней, — холодильников, тостеров и посудомоек стало не хватать. А все потому, что мы отказались от услуг Голландии и Германии, все делаем сами.

Машины отличные получаются, а с чайниками пока не справляемся. Из светского: дамы опять заворчали, не нравится им, видите ли, что мода уже десятый год не меняется.

Над поляной прокатилась стрельба, а в кустах зашуршали еще сильнее. Новости Саги меня потрясли. Однако времени оставалось немного, необходимо разыскать графиню. С вопросом, как это сделать, я обратился к Саге, а также поинтересовался, знакома ли она с герцогом Карлсен-Волынским, чтобы понять, представляют ли его угрозы опасность для жизни. Вот что она с подозрением (а девушка была очень подозрительной, осмотрительной и очаровательной) мне скороговоркой ответила:

— Зачем вы разыскиваете Задунайскую? Неужели вы один из прохвостов Козочки? Наш малыш Карлсон оппозиционер, еще тот плут, могу это спокойно сообщить, поскольку не боюсь доносов. Герцог не опасен, он борется ЗА свой идеальный мир, но не ПРОТИВ окружающих... Да какая мне разница, будьте вы хоть опоссумом засахаренным, расскажу вам, где найти Задунайскую.

И журналистка, перегнувшись через перила, указала рукой на дверь недалеко от террасы. Там был виден коридор, который выведет в малую королевскую потайную гостиную. Мы перебросились еще несколькими фразами, одна из которых была хмыком Саги на мое упоминание «прекрасной Задунайской». Я и моя информаторша отправились на поиски: она — бокала акевита с соком, я — загадочной двери со сломанным амбарным замком.

На полпути кусты затрепетали. Меня схватили и затащили в зеленую гущу. Земля была сырая: вероятно, недавно прошел дождь. Над головой смыкались ветви. Тишина. Только краска хлюпала, падая на березу.

— Это не он, точно вам говорю! — возбужденно зашептала голова усача, склонившаяся надо мной.

— Как так?! Представился Огоньковским, — был ответ любителя носиться с миской ягод на балах.

— Мистер, может, вы уже встанете, а то неудобно рассматривать лежащего, — буркнул кто-то у моих ног.

— Бить не начнете? А то, может, полежу?

Карлсон и усач подхватили меня и подняли. И тут же стукнули по голове: нечего башке торчать над кустами. На корточках мы продолжили зародившуюся беседу.

— Кто вы? — массируя виски, спросил собеседник, ранее располагавшийся у моих ног. Это был импозантный блондин с благородными чертами лица. На его коленях покоился парик пурпурного конского волоса.

— Друг, — прошептал я.

— Чей? — суровость не сходила с лица блондина.

— Ваш.

— Ладно. Где Огоньковский?

— Перед вами.

— Послушайте, господа, — не утерпел Карлсон, — не тот это! Ошибочка вышла, надо отпускать.

Блондин глазами указал куда-то вбок. А мне рявкнул:

— Ждите.

Согнувшись пополам, все трое проследовали по протоптанной тропинке. Мне было не страшно, даже весело, поэтому решил дожидаться. Насчитал три попадания краски в березу и одно, кажется, в землю. Заговорщики продолжали копошиться в кустах. А вот толпа взревела — попал! Я высунулся из кустов. Как и обещала Сага, к раненому семенила рыжеволосая медсестра, семенила надменно и вдумчиво. Опять стукнули по голове — пришлось присесть.

— Мы не знаем, кто вы, почему так одеты, для чего представились не своим именем. Но! Выбора нет, России вы нужны. Для проведения операции необходимы четверо. Огоньковский не явился. Его замените вы, — твердо отпартовал уже надевший свой пурпурный парик мужчина.

— Зачем? Чего вы хотите добиться?

— Хотим избавиться от норвежки, хотим равенства сословий и полов, хотим вернуть Ленина!

— Он же умер?

— Как умер? Когда?

— Ну, возможно, во время прошлого восстания или потом, прожив долгую счастливую жизнь в бегах.

— Эх ты, не Владимира Ильича. Нашего — Дмитрия. Арманд и Ленин бежали в Германию, где вырастили сына Александра Стеффена. Так вот, этот Сашка потом вернулся в Россию, и его правнук — наш Ленин.

— Черт возьми! Но вчетвером — это безумие!

— Ты слышал, что исход Второй мировой войны решили всего одиннадцать диверсантов? Они провернули операцию «Ганнерсайд» и лишили Германию возможности первой заполучить ядерное оружие. Пробрались с большим трудом, зимой, на электростанцию Веморк и взорвали ее со всеми запасами тяжелой воды. У нас задача проще. И план есть. Поможешь? Ты, кстати, кто?

Пришел на бал, как подобает кавалеру, всего одним глазком взглянуть на возлюбленную — и вот втянули в заговор, в революцию.

— А крови много будет? Я Алексей Волконский, долго отсутствовал, про предков своих и вовсе ничего не знаю.

Мы сели в круг. Мужчины, перебивая друг друга, поведали мне бескровный план спасения России от норвежской захватчицы. Их методы я оценил как мягкие, простые и легкие в реализации. Что ж, если провидению все-таки надо, чтобы Ленина обожали дети и он верховодил, не мне, случайному гостю, мешать прогрессу. Единственное мое условие заключалось в безоговорочной безопасности — физической и психологической — графини Задунайской. Заговорщики удивились, но слово дали. По имеющейся у них информации, по окончании дуэли Козочка должна ожидать возвращающихся гостей на троне в бальном зале. Мешкать было нельзя. Усатый собеседник, как оказалось, граф и несусветный богач, протянул мне парик, предназначенный для Орловского, коричневый и потрепанный. На мой костюм было решено закрыть глаза и плюнуть.

Бальный зал преобразился в концертный. Стулья, уже занятые зрителями, составили круг. Посередине круга, на импровизированной сцене, установили пюпитр. Удивительной красоты монахиня с кипой бумаг в руках ловко пробиралась между рядами к месту выступления.

Мне следовало немедленно переместиться к окнам у западной стены. Пробегая за спинами сидящих и выплевывая волосы парика, я так заслушался стихами, что несколько раз споткнулся о ножки стульев.

Блажь торопится мимо уныло,
Обгоня молитвы и дни.
Под крестом я сажу кропотливо
И терзаю несчастные думы свои.

Монашка бойко чеканила слова, с усилием нажимая на каждое, как дятел, стучащий в консервную банку, призывая себе подобных птиц.

С места, указанного для ожидания команды, открывался отличный вид на трон, размещенный у северной стены, и можно было спокойно рассмотреть императрицу.

Эта сорокалетняя женщина поражала своей демократичностью. Из украшений — только диадема с небольшими голубыми камнями, напоминавшими ларимары, не очень дорогие минералы, добываемые в недрах вулканов. Бордовое перкалевое платье с длинными рукавами и струящейся юбкой было украшено голубой вышивкой. В нечто подобное оделась для школьного выпускного скромница-дочь моего близкого друга. На этом сходство не заканчивалось. Искристо-голубые глаза и веснушки украшали лица обеих. И чем только норвежка-блондинка не угодила им? Стало как-то жаль выбивать из-под нее трон. Да еще какая сердечная: на третьем четверостишии монахини пролила слезы в платочек, поданный, по всей видимости, фрейлиной. Женщин, окружающих императрицу, было много. Одни сидели у ног, другие стояли позади трона. Однако все ревностно следили за реакцией своего божества и старались подражать. Одеты во все серое, они напоминали множество теней одного человека. Но вот одна отделилась, проплыла к потаенной двери в стене и вернулась с бокалом для императрицы. Знак мне был подан, когда королевский бокал опустел.

— Супсёрферы, супсёрферы! — именно это слово было велено кричать во всю глотку. Его значение я узнал полчаса назад, в кустах.

Одновременно клич подхватили соратники. Толпа начала всматриваться в распахнутые двери террасы. По команде императрицы, роняя стулья, толкая монахиню, расплескивая напитки, все помчались к Неве. В давке я натолкнулся на Сагу. Девушка радостно шепнула мне: «Начинается» — и сверкнула зелеными глазами колдуньи. На реке мы увидели мужчин, которые, стоя на гладильных досках, гребли метлами. Сага объяснила, что мужчины — спортсмены, с веслами и на досках. Все происходящее я воспринимал как шутку, розыгрыш соседа по комнате в общежитии. Единственное беспокоило: ни у трона, ни среди зрителей не удалось найти Задунайскую. Этот вечер был единственным шансом поговорить с ней, а может, и сделать предложение — тут уж надо было действовать по обстоятельствам.

Между тем пришла пора приступать к следующей фазе — отвлечению внимания. На мои плечи легла забота о фрейлинах императрицы. Сага смотрела во все глаза. Чтобы помочь написать хорошую статью, решил сделать ее соучастницей. Ненавязчивые, веселые, мы уверенно завели беседу с дамами о степени накаченности икр спортсменов, сравнивая одну проплывающую пару ног с другой. Мистер Клюква, в свою очередь, угощал охранников императрицы, четверых мастеров карате, свежими ягодами из карманов. Здесь-то и наступила самая опасная фаза заговора. Блондин улыбнулся императрице, потом подмигнул, потом откинул прядь волос. Обменявшись парой фраз, они вышли из толпы и вдвоем стали удаляться в лес. Служители безопасности агрессивно встрепенулись, словно китайцы, которых обозвали японцами. Хотя они и примирились с неожиданными переменами в протоколе, но работать не привыкли, а тут была явная угроза: императрица не подала сигнала оставить ее в покое. Клюква полетела в траву, Карлсон оставлен в одиночестве. И только вальяжный знак рукой хозяйки спас этих располневших на службе борцов от необходимости пробежаться. Грациозно и благодушно герцог Карлсон известил участников бала, что настал час переправляться на лодках через реку для катания на дирижабле.

— Вот и все, дело сделано, — почему-то мне стало грустно, и эти я слова произнес скорее для себя, чем для Саги. Мы, не торопясь и сторонясь царедворцев, прогуливались вдоль Невы.

— Как сделано? Что сделано? — журналистка испугалась, что она что-то упустила, ведь не было ни солдат или рабочих с ружьями, не лилась кровь, не топтали грубыми ботинками символы монархии.

— Я вам все расскажу в обмен на услугу помочь найти Задунайскую.

— Ну что ж такое, вы будете меня просвещать! Ладно, по рукам.

— План построен на слабостях правительницы. Всем известно, как сообщили мне заговорщики, что императрица только на балах позволяет себе вкушать крепкий, тонизирующий напиток викингов. Поэтому, а также потому, что особняк Задунайской находится в пригороде, почти в лесу, и порешили провернуть захват здесь. Приглушив сознание женщины, ее выманили на открытое пространство, в толпу подданных, другим пристрастием — любовью наблюдать за пловцами. Ну, Нева сейчас не так чиста, пришлось заменить на супсёрферов. Далее вы все видели.

— Подождите, я все равно не понимаю. Почему она ушла с незнакомцем, оставив охрану развлекаться? Почему не вернулась?

Под теплыми лучами прожекторов, под шум уносящегося к Каспию потока было на удивление приятно говорить о смене власти, которая повлечет за собой массу горестей. Нет, я не сумасшедший и никакого удовольствия не испытываю от боли человечества. Скорее атмосфера, близость понимающей тебя персоны напомнили солнечные прогулки по Елагину острову с коллегой за обсуждением свежих институтских сплетен. Ни на секунду не забывая о Задунайской, я старался продлить свой рассказ. У нас с Сагой было какое-то сходство. Мы, казалось, духовно близки; без примеси желания обладать ее телом или стремления поработить ее личность, сделав своей супругой. Как два одуванчика, которые растут рядом и тянутся к солнцу, не обращая внимания друг на друга. Прежде подобное единство я ощущал лишь раз, со школьным другом. В начальных классах мы взахлеб засматривались фильмом «Назад в будущее», в средних — мастерили машины для путешествия во времени. Было суждено, чтобы наша связь разорвалась, жестокий огонь поглотил его. И все-таки я иногда видел друга.

— Сага-Сага, а еще меня корите. Блондин, который увел императрицу, ее влюбленный. Им удавалось ловко скрывать свои чувства. Уже несколько лет единственной мечтой Козочки, как вы жестоко ее обозвали, было сбежать в деревню у фьорда, осесть в оранжево-красном домике с белой черепицей и вместе с блондином пасти голоногих овец. Лидерских качеств, тщеславия, желания обладать властью у нее никогда не было. После смерти супруга — Константина Романова — ее и вовсе здесь ничего не держало. Бывшая императрица России сейчас мчится к трапу самолета на машине, которую для влюбленных тайком в лес подогнал усач-богач. И наверно, в эти минуты счастливой женщине сообщают о ее похищении.

Сага была в восторге, вот материал-то получится, авось возьмут в «Негоциант», серьезную, деловую, бескомпромиссную газету. Полил дождь, девушка выставила козырьком руку над глазами. Что такое укрытие может спасти от косых капель — я не понял. На другом берегу слышались взвизгивания, катание на дирижабле расстроилось.

— Новоявленный революционер, пойдете на поиски вашей барышни, — и Сага захохотала. Ее поведение показалось мне бестактным и возмутило. — Ну скорей же! Сейчас бывшие дворяне начнут возвращаться. Задунайская в особняке, она редко выходит.

Внутри стоял мрак. Может, пробки выбило, а может, экономят. Сага уверенно вела меня по коридорам и залам, лестницам и гостиным. Мы побывали в домовый церкви и музее чучел опоссумов, в кухне и парнике, на крыльце и боковой веранде. Графини не было нигде. После пятого падения в темноте девушка взяла меня за руку. Мы устремились в последнее место — на чердак, где, по сведениям журналистки, Задунайская любила уединяться и любоваться звездами. Скрипнув дверью и убедившись, что графиня там, Сага покинула меня, сделав напоследок глубокий реверанс.

Уже после аудиенции у графини я встретил Сагу еще раз. Участники бала, как мотыльки, рассеялись между двумя источниками света: залом, заполненным разноцветными лучиками огня, и тонущей в резкой, навязчивой белизне поляной. Терраса была затемнена и потому почти пустынна, только Сага, на этот раз прислонившись спиной к перилам, усердно водила пальцем по черному листу, на котором проявлялись белые строки. При виде меня зеленые глаза девушки засияли и осыпали с макушки до плеч золотыми искорками. От мысли, что она рада меня видеть, резко сжалось сердце. Изящно взмахнув рукой, мой белокурый ангел воскликнул:

— Наконец-то можно писать статью на русском!

— Кроме преимуществ, будут недостатки, и очень много, — меланхолично отозвался я. — Монархия — прекрасная сказка. Может быть, все в стране шло не так гладко, но, поверьте, лучше не будет, уйдет только волшебство. Провидению было угодно лишить вас этой сказки, мне так жаль.

— А мне — ничуть. Вот этот репортаж, — и девушка потрясла в воздухе черно-белым листом, — подтвердит мое личное участие в перевороте. Новые власти будут на руках носить!

Она была счастлива, и я ушел.

Теперь расскажу о встрече с госпожой моего сердца Задунайской. О, как долго я ее ждал! Впервые образ обожаемой Задунайской пришел ко мне во сне. Тогда ее лицо еще не имело четких очертаний. Лет через пять я станцевал победоносный танец викингов в Русском музее, потому что на одной из картин узнал ее. Брюнетка с глазами павлина и маленькими мочками ушек, писанная в середине девятнадцатого века, оказалась супругой графа Леокадия Задунайского. После революции единственная правнучка Задунайских отбыла в Индию, где род прервала эпидемия неизвестной болезни. Но надежда была: мир, где 1917 год не выделяется отдельной главой в учебниках по истории. Согласно моим подсчетам, восьмая правнучка Задунайской должна быть совсем юной в 2013 году.

После ухода Саги с чердака я постоял, немного поволновался. Потом заглянул в щель между дверью и косяком: на столике в углу горит синим пламенем свеча, высокая спинка стула загораживает графиню, только подол кружевного платья выдаст ее присутствие. Застегнув пиджак, вытерев о брюки пот с ладоней, я протянул руку, распахнул дверь, сделал два решительных шага и повернулся к сидевшей. Некто выглянул из-за стула. Да простят мне все женщины мира такое сравнение! Возникшее передо мною лицо было похоже на смятое мокрое полотенце; ему было не менее девяноста лет.

— Милок, да ты молодец! Мужчине, не отводящему глаз при встрече с дамой взглядом, следует грамоту давать.

Я оцепенел, словно тысячи маленьких паучков набросились и скрутили тело крепкой паутиной, рыбаки взяли по пойманной рыбе и воткнули мечерылых мне в ступни, будто слесари тисками сдавили череп, а веки мягкими лапками удерживали светлячки. Только рот был на свободе:

— Вы... вы... графиня Задунайская? — неожиданно на губы набросилась стая ос.

— Красавчик, пусть меня засунут в дирижабль и бултыхают в небе тысяча чертей, влюбившихся в ангелов и негодующих в связи с этим, если я не Задунайская, — прокаркала она.

Все кончено, подсчеты оказались неверны. Оковы пауков и одержимости пали. Пора уходить. Уже у дверей я развернулся и задал вопрос, мучивший меня столько лет:

— Графиня Задунайская, не подскажите ваше имя?

— Елена...

Александр РЫБИН

НЕНУЖНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

ПЕРЕМИРИЕ БЕЗ КОНЦА И КРАЯ (НАГОРНЫЙ КАРАБАХ)

Ботинки у меня были новые и дорожные — хотя это не главное. Главное, что они были очень модные. Поэтому я действительно беспокоился, чтобы их не запачкать — ведь с майором Араратом и капитаном Гегамом мы ехали на передовую. Нашу «ниву» потряхивало на разбитой дороге. Слева на склоне зелено-коричневого лысого холма лежал изувеченный попаданиями и ржавчиной корпус БМП-1. «Тут наш полигон, — пояснил майор Арарат, — тренируемся в непосредственной близости от передовой. В незначительном отрыве от производства, так сказать».

В Нагорный Карабах, на территорию никем не признанной Нагорно-Карабахской Республики я въехал за два дня до этого. Конец марта — весна здесь только-только начиналась. На вершинах гор продолжало снегопадать. В долинах и ущельях снег стоял совсем недавно. Пробилась сочно-зеленая трава, распускались первые, оттого крохотные, цветы. Земля выдыхала сырые запахи новой жизни.

Попутка, на которой я ехал из Армении, из утопленного в сугробах городка Горис высадила меня в Шуше. Шуша, Шуши — даже названия этого города у карабахских армян и их врагов азербайджанцев разные. Когда-то он был процветающим и очень даже жизнерадостным, был административной и культурной столицей Нагорного Карабаха. На русских картах его называли на азербайджанский манер — Шуша. С 1805 года город входил в состав Российской империи. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона приводил такие данные по этническому составу населения Шуши за 1883 год. Всего жителей — 25 656 человек «обоих полов». Из них 56,5 % «азербайджанских татар» и 43,2 % армян, остальные — русские и евреи. Важна даже не доля азербайджанцев и армян среди жителей города, важно то, что они жили вместе — вполне мирно и по-соседски.

В мае 1918 года азербайджанские националисты-мусаватисты объявили о создании Азербайджанской демократической республики. Руководство новой республики заявило, что она включает в себя в том числе территорию Нагорного Карабаха. Но карабахские армяне не согласились. 22 июля того же года местные армяне, собравшись на съезде в Шуше, первый раз провозгласили независимость Нагорного

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фриланс-журналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

Карабаха. Однако уже в сентябре город заняли объединенные азербайджано-турецкие войска. В марте 1920-го армяне попытались устроить вооруженное восстание в Шуше и двух других карабахских городах — Аскеране и Ханкенди. Азербайджанские солдаты оборонялись целую ночь, а утром перешли в наступление. В Шуше произошел погром армянского населения — в нем приняли участие, кроме азербайджанцев военных, азербайджанцы из числа гражданских. Из города и окрестных сел бежали около 25 тысяч армян. Подошедшая 11-я Красная армия разгромила националистические движения как азербайджанцев, так и армян. В советское время националистические поползновения жестко подавлялись. Но с началом перестройки центральная власть ослабила хватку. Снова армяно-азербайджанский конфликт в Закавказье вспыхнул незадолго до развала Советского Союза, в 1987-м — эпидемия различных национализмов снова гуляла по стране. В 1991 году карабахские армяне объявили о создании Нагорно-Карабахской республики — это произошло 2 сентября (на три недели раньше провозглашения независимости Армении и на полтора месяца раньше провозглашения независимого Азербайджана). Столицей новой республики стал Степанакерт (бывший Ханкенди).

Населенная преимущественно азербайджанцами Шуша оказалась в осаде армянских вооруженных формирований. Зимой 1991—1992 годов установки «град» и «алазань» долбили оттуда по Степанакерту. В начале мая 1992-го армяне провели дерзкий штурм Шуши («Когда азербайджанский министр обороны узнал, что наши подобрались к городу по неприступному склону, он заплакал», — рассказывал по дороге к передовой майор Арарат). По ходу боя были разрушены многие дома и здания в городе. Когда я приехал в Шушу, казалось, что штурм был буквально вчера, в крайнем случае несколько дней назад — лишь пожарища успели остыть.

Асфальтирована в городе только одна улица — центральная. Выпавший два дня назад снег кое-где подтаял. На дорогах скользкая липкая грязь. Дома без крыш, без окон, без дверей, с проломами в стенах. Особенно сильно пострадали в 1992-м дома в старой части города — именно там были азербайджанские кварталы. Через ржавые остовы легковых автомобилей проросли деревца. Заросшие травой и кустарниками узкие улочки «старого города» — но они были живописны, присыпанные сказочно белым снегом. Заброшенные, частью руинированные панельные пятиэтажки «хрущевки» — черные вытянутые следы то ли военной, то ли послевоенной копоты. Редкие звуки гулко разносились по пустым улицам.

До войны в Шуше насчитывалось порядка 20 тысяч жителей. В настоящее время — не более 4 тысяч, официально. На глаз — гораздо меньше 4 тысяч. Проблемы со светом, с отоплением (на балконах некоторых «хрущевок» поленицы дров!). Даже с магазинами проблема — пока гулял, я увидел всего два магазина. Обитают в городе беженцы-армяне из Азербайджана и других районов Нагорного Карабаха. В центре города — напротив знаменитой Верхней мечети — я встретил подростка. Разговорились. Выяснилось, что он родом из Тюмени, приехал с отцом «поторговать картохой». Указывая на ветхий киоск из фанеры и старых досок, он рассказал про «бабушку Нину», которая днем в этом киоске торгует хлебом собственной выпечки. «Бабушка Нина» переехала в Шушу три недели назад из Мартунинского района, потому что возле ее села «слишком близко стали летать снаряды».

Вслушав истории пацана, я пошел осматривать Верхнюю мечеть. Ее строили больше ста лет — с 1768-го по 1885-й. Что бы там ни говорили армяне, но это один из самых известных архитектурных объектов Карабаха. А известной мечеть стала благодаря русскому художнику Василию Верещагину. Верещагин провел два месяца в городе. Рисовал быт местных жителей. Среди лучших его работ — рисунок Верхней мечети.

По ходу боевых действий у обоих минаретов сбили маковки — те самые огороженные площадки с крышами, с которых муэдзин должен распевать азан. Они походили на обычные трубы котельных с геометрическими узорами. Перед входом покосившийся фонтан — его тоже рисовал Верещагин, — замшелые светло-серые камни. На фронтоне надпись из длинных червячков арабской вязи. Попасть внутрь невозможно: входы наглухо закрыты металлическими решетками. Возле мечети, у боковой стены старинные мусульманские надгробия. Лишь одно надгробие повалено — не факт, что людьми, может, от времени. Никаких других намеков на осквернения. И это при том, что азербайджанцы в начале 1990-х разнесли по камешкам старинное армянское кладбище в Шуше. Больше всего меня впечатлила табличка на двух металлических ножках — герб НКР, надпись на армянском и английском о том, что Верхняя мечеть находится под охраной государства.

Пройдя через руины и заброшки «старого города» (на дверях некоторых заброшек надписи «занято» или «дом занят»), я добрался до Нижней мечети. Тут все было гораздо проще. Хотя присутствовала такая же табличка, что «объект охраняется государством», отсутствовали железные решетки. Скинув свой походный рюкзак в пыльном углу мечети, я полез на минарет. Маковка его была деревянная. По отсутствию следов на снегу было ясно, что, кроме меня, сюда еще никто не забирался. Маковку соседнего минарета (их всего два) разобрали, видимо, на дрова — на фотографиях десятилетней давности она была в целом состоянии. Внизу идеально круглые купола мечети. Между ними уже проросли дикие кустарники, кирпичи, из которых сложены купола, выщербленные, замшелые и, что особенно усиливало ощущение заброшенности, забвения, припорошены снегом. Ниже по склону горы кварталы «старого города»: заброшенные сады, дома с провалившимися крышами, у горизонта волнистые линии сине-белых гор.

В долине под Шушей расположена столица Нагорно-Карабахской Республики — Степанакерт. Шуша находится на высоте 1380 метров над уровнем моря. 11 километров горного серпантина отделяет ее от Степанакерта. Столица НКР расположена на высоте 813 метров над уровнем моря. Тут не было ни единого следа снега. На деревьях уже показались листочки. На клумбах перед резиденцией президента распустились яркие цветы. Ухоженный чистый город с современными вывесками, с новостройками, развитым общественным транспортом, указателями на армянском, русском и английском. Он выглядел на порядок солиднее и зажиточнее, чем любой провинциальный город Армении. Специфическая черта местных многоэтажек — белье сушат на веревках, натянутых между балконами и ближайшими деревьями.

Стоящие друг напротив друга, один над другим Шуша и Степанакерт представляли разительный контраст. Разложившийся труп Шушы с немногочисленными сомнамбулически двигающимися жителями-инфузориями — наряды у них были тусклые, бедные, изношенные. И бодрый, полный жизни, мигающий в ночи тысячами разноцветных огней, разговаривающий десятками тысяч голосов днем Степанакерт.

Центральная улица столицы — Азатамартикнери. На ней располагался двухэтажный особняк Министерства иностранных дел, где я получил аккредитацию журналиста на территории НКР, и Генеральный штаб, откуда вышел капитан Гегам Григорян, чтобы сопроводить меня на передовую. Должность у Гегамы — помощник пресс-секретаря Министерства обороны НКР.

Так как других ботинок у меня не было (я надеялся купить походную обувь в Ереване, но не срослось), то на передовую пришлось ехать в моднейших, купленных неделю назад в Москве ботинках. Я полагал, что на передовой грязнее, чем в Шуше, поэтому ботинки цвета светлых джинсов на белой подошве, конечно, не для

таких мест. Оказалось, нет — траншеи и оборонительные сооружения ухожены не меньше улиц Степанакерта. Передовая застыла почти 22 года назад. 12 мая 1994-го вступило в силу соглашение между Азербайджаном и Нагорным Карабахом о перемирии. С тех пор перемирие многократно нарушалось с использованием разных вооружений, однако продолжало формально действовать.

Бетонные либо укрепленные бревнами лабиринты окопов, монолитные железобетонные ячейки наблюдательных постов и стрелковых позиций. В сторону противника — ряды колючей проволоки (заржавевшая колючая проволока и позеленевшие, замшелые деревянные столбы). Чтобы добраться до передовой линии окопов, мы пару километров ехали по дороге-рву. «Раньше ездили к передовой по обычной дороге, — пояснял майор Арарат (если Гегам — офицер штабной, то Арарат — фронтовой, это на его машине мы ехали к линии фронта), — но пару лет назад, во время очередного „обострения“, азеры стали обстреливать наш транспорт. Пришлось копать ров». От рва, как от центрального проспекта, ответвлялись бетонированные окопы — как улицы и переулки. Собаки, хитро установленные мины и примитивная сигнализация из консервных банок (на банках тоже ржавчина) — защита от диверсионных групп противника. С началом перемирия война приобрела характер соревнований диверсантов и снайперов. На Карабахском фронте без позиционных перемен, но с регулярными жертвами. «В последние два-три года обстрелы стали регулярными. Противник кроме стрелкового оружия использует минометы 60-го и 82-го калибров. Эпизодически подключает тяжелую артиллерию», — рассказал мне полковник Тадевосян, командующий силами на том участке передовой, куда мы приехали.

Наблюдательный пост. Через узкие наклонные щели видны насыпи позиций азербайджанцев. До их позиций метров двести. В нейтральной полосе — высокие сухие бурьяны, накренившиеся столбы с сетями колючей проволоки. И мины, десятки, сотни мин, установленных различными способами. «Справа они новый дот оборудуют», — указал майор Арарат. Были различимы автомобильные покрышки, металлические листы и бревна, из которых выложили внешнюю стену дота. Левее наблюдательного поста в нейтральной полосе корпуса танка Т-72 и БТР. Их подбили во время последней танковой атаки азербайджанцев — в начале 1994-го. «Двадцать танков азеры пустили на наши окопы, — рассказывал майор Арарат, говорил он нервно, торопливо, поэтому то и дело в его речи проскакивало армянское слово-паразит „асма“. — Половина осталась на поле, остальные успели отступить. Тогда же ночью мы вытащили технику, которую смогли. Подлатали у себя на ремонтной базе, теперь она служит нам», — у Арарата хорошее лицо, как у офицеров в советских фильмах: умное, аскетичное, загорелое, очень живые и улыбчивые глаза. Я сожалел, что фотографировать его нельзя. Зато можно было фотографировать болотного цвета, неподвижный более 20 лет корпус танка. Он являл собой очень точный памятник этого застарелого, но никак не заканчивающегося конфликта. Мира не получается — азербайджанцы не откажутся от своих претензий на Карабах, армяне не откажутся от своего Карабаха.

Для армян Нагорно-Карабахская Республика — это лишь временный статус Карабаха, до юридического перехода в состав Армении. Они просто пока не могут договориться с Азербайджаном и, что гораздо важнее, с европейскими державами и Россией об этом переходе. Армяне даже готовы отказаться от некоторых районов НКР, отдать их Азербайджану. Азербайджанцы не хотят — требуют весь Карабах. Поэтому армяне вынуждены поддерживать существование не очень-то им нужного формата непризнанной НКР.

У армян и азербайджанцев разные языки, разные религии, они настолько отличаются друг от друга, что им проще продолжить конфликт, чем помириться. Пол-

ноценной войны не получается, потому что за 20 лет противники выстроили линии глубоко эшелонированной обороны. Остается перемирие без конца и края, когда и пострелять можно, и отдохнуть, если боеприпасы закончились.

Через неделю, после того, как я уехал из НКР, 2 апреля произошло очередное «обострение» — на этот раз самое масштабное с 1994 года. В дело пошли танки, крупнокалиберная артиллерия, ракетные установки, вертолеты. Потеряв десятки солдат и офицеров убитыми, через четыре дня интенсивных позиционных боев, армяне и азербайджанцы снова договорились о прекращении огня. Перемирие продолжилось.

СЕПАРАТИЗМ СЕПАРАТИЗМА (КОСОВО)

Летом 1999 года сербская армия ушла из автономного края Косово. Власть в крае перешла к международным силам под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) — формально. Де-факто — к вооруженным формированиям албанцев. Сербское государство проиграло войну за Косово албанским сепаратистам. Из края начался отток неалбанского населения: сербов, черногорцев, горанцев и цыган. Не менее 250 тысяч человек вынуждены были покинуть регион, опасаясь этнических чисток со стороны албанцев.

В первых числах мая 2003-го президент Владимир Путин принял решение, что российский батальон, дислоцированный в крае, необходимо вывести: «ситуация достаточно стабилизировалась». По сути, российские военные были единственными из всего международного миротворческого контингента ООН в Косово, кто занимался защитой сербского населения. Они обеспечивали безопасность в районах, где компактно проживали оставшиеся сербы. В конце июля того же года последние 78 российских офицеров вылетели из Приштины в Москву. Главную роль в регионе, в качестве миротворцев, стали играть военные из НАТО.

Не прошло и года — в крае произошли масштабные погромы сербских поселений и сербских православных церквей — март 2004-го. Албанцы во время погромов использовали стрелковое оружие и взрывчатые вещества. В 2008-м вопреки международным договоренностям албанское правительство Косова провозгласило независимость. И тут же новое государство столкнулось с собственным сепаратизмом: оставшиеся в регионе сербы, населяющие самые северные районы (по-сербски — «општини», совокупность этих општин старожилы называют Ибарский Колашин), объявили, что они не признают албанские власти и не подчиняются им. Они хотят жить в составе Сербии. Были созданы собственные органы власти — Скупщина объединенных општин автономного края Косово и Метохия. Скупщина включала в себя также сербские и горанские анклав. Но это номинально. Анклавам проще было согласиться на интеграцию в республику Косово на предварительно оговоренных условиях — ведь вокруг них албанские поселения.

Исторически општини на севере Косова населяли почти исключительно сербы. С лета 1999-го туда переехали тысячи сербов и прочих неалбанцев из других районов края. К 2008-му население Ибарского Колашина составило порядка 70 тысяч жителей. В качестве законодательства там использовали законы и Конституцию Республики Сербия. В действительности эти районы не подчинялись не только албанскому правительству в Приштине, но и сербскому в Белграде — этому препятствовало давление ООН, НАТО и Европейского союза на белградское правительство. Процветала контрабанда — этнические противоречия в данном случае не имели никакого значе-

ния. «Србима заедно с шиптарами овде шварцуют (сербы вместе с албанцами здесь занимаются контрабандой)», — рассказывали мне сербы в северной части Косовской Митровицы, столице непризнающих албанской власти општин. С 1999 года город оказался разделен по этническому принципу: в южной — албанцы, в северной — сербы. Друг от друга их отделяла река Ибар и военные из НАТО, дежурившие на мостах через эту реку. Если граница Косова охранялась иностранными миротворцами, то границу општин Ибарского Колашина с областями Центральной Сербии никто не контролировал, не охранял. Албанцы из своих районов через посредников в општинах переправляли наркотики, оружие, сигареты, алкоголь и тому подобные контрабандные грузы дальше в Сербию, оттуда в Европейский союз.

Правительство независимой Республики Косово многократно заявляло, что оно всячески будет поддерживать единство своей территории (границы в соответствии с границами сербского автономного края Косово) и не допустит отделения каких-либо районов. Действующие в сербских општинах власти албанцы называли незаконными. В 2010-м премьер-министр Косова Хашим Тачи рассказал журналистам, что правительство разрабатывает стратегию с целью укрепления территориальной целостности страны. А 2010 год он назвал «годом косовской консолидации».

В июле следующего года албанские власти попытались-таки взять под свой контроль границу сепарирующихся општин с Сербией. Произошли перестрелки — один из бойцов албанских сил специального назначения был убит. Вмешались военные из НАТО — они перекрыли обе автодороги, соединяющие општины с Центральной Сербией. Тогда сербы построили в своих селах и северной части Косовской Митровицы баррикады, чтобы блокировать движение конвоев албанской полиции и натовцев. К концу сентября все општины оцетинились баррикадами. Их пытались сносить натовцы, сербы их защищали — раненые были с обеих сторон.

Проезд из Центральной Сербии в општины был организован через альтернативные автодороги. По одной из таких автодорог в ноябре 2011-го я попал в бунтующие сербские районы. До противостояния она использовалась в качестве лесовозной — возили дрова из дремучих лесов окрестных гор. Найти ее было просто — достаточно было спросить у водителей-дальнобойщиков в Сербии, и они показывали на карте место, где необходимо свернуть. Словно маяк, на нужном повороте стоял пост сербской полиции. Полицейские вяло досматривали проезжающие автомобили: чаще грузовые, чем легковые. Дорога петляла между горами — живописная и неспешная. В конце ноября хозяйственные сербы начали ее асфальтировать и за пару недель половину уже заасфальтировали.

В Косовской Митровице на главном мосту через Ибар сербы построили четырехметровую баррикаду из щебня, бревен и бетонных блоков. На албанской стороне моста стояли два джипа косовской полиции и броневик НАТО (возле него крутились ленивые и веселые итальянские солдаты). Двигатели у машин постоянно работали, их не глушили 24 часа в сутки. С сербской стороны перед баррикадой стоял контейнер, с окнами, жилой. Еще киоск и армейская палатка. В киоске посменно дежурили заведующие охраной баррикады. В палатке — местные жители и добровольцы. Тоже посменно, по восемь часов. В контейнер ходили спать или греться.

Главная проблема косовских сербов в том, что правительство в Белграде гораздо сильнее хотело и по-прежнему хочет интегрироваться в Европейский союз, чем сохранить территориальную целостность страны. Причем неважна партийная принадлежность этих правительств. Либералов сменили центристы с патриотическими речами, но и они, как либералы, готовы выполнять любые условия, лишь бы стать частью ЕС, частью «общиноевропейской элиты». Главное условие интеграции — признание независимости Косова. Разумеется, в административных границах авто-

номного края Косово. Поэтому белградское правительство не стало заступаться за бунтующие сербские општини. Но приступило к переговорам с албанским правительством Косово, ЕС и НАТО о стабилизации ситуации. В декабре 2011-го чиновники из Белграда и Приштины договорились, что на северных границах Косова, на двух основных автомагистралях, будут установлены совместные сербско-албанские контрольно-пропускные пункты.

В июне следующего года солдаты НАТО перекрыли альтернативную автодорогу, шедшую в обход КПП «Брняк». Местные сербы устроили беспорядки, пытались вытеснить солдат. Военные стреляли резиновыми пулями, двое сербов были ранены. Белград снова не поддержал бунтовщиков. Белградские чиновники продолжали переговоры с приштинскими, соглашались на новые уступки. В апреле 2013-го договорились, что сербские општини на севере Косова будут интегрированы в Республику Косово. Местные органы власти будут формироваться из сербов, но подчиняться будут албанскому правительству в Приштине. У сербов будет своя полиция, состоящая из сербов, но подчиняющаяся Министерству внутренних дел в Приштине. И самый важный для Белграда пункт в соглашении: Республика Косово в случае выполнения указанных пунктов не будет мешать Сербии интегрироваться в ЕС. Запротестовали уже албанские националисты в Приштине. Они требовали отмены соглашений и силой взять северные општини под контроль. Албанская полиция разгоняла албанских националистов в Приштине, применяя слезоточивый газ. Сербь в Ибарском Колашине тоже не подчинились соглашению и в июле 2013-го организовали новые органы власти — временную Скупщину Косова и Метохии. Председателем избрали местного жителя Славко Стефановича. «Только демократическая и экономически сильная Сербия сможет помочь сербскому народу в Косове и Метохии, но мы не можем принять то, чтобы ценой вступления Сербии в ЕС была потеря территории и насильственная интеграция в институты непризнанного государства», — заявил Стефанович после избрания. В Декларации временной Скупщины Косова и Метохии указывается, что Скупщина является представительским органом граждан Сербии в крае, уважающих Конституцию и законы Сербии. На учредительное заседание не явился ни один представитель белградского правительства.

Баррикада через Ибар простояла до июня 2014-го (она уже обросла травой). Мэр сербской части Косовской Митровицы Горан Ракич принял решение, что она больше не актуальна и ее можно снести. 17 июня на ее месте, поперек моста, поставили кадки с цветами. Ракич пообещал, что в перспективе на мосту создадут «Парк мира». Несколькоими месяцами раньше баррикады разобрали в селах општин. Смысла в них уже не было. Косовская полиция больше не пыталась установить контроль в општинах силой (правительство в Приштине должно изображать из себя «цивилизованную и демократичную власть», поэтому от применения силы пришлось отказаться). КПП на автомагистралях в Центральную Сербию функционируют под контролем Белграда и Приштины (сербь разрешают проблемы с сербами, албанцы — с албанцами).

Тем не менее по-прежнему сербь на севере Косова не выполняют договоренностей белградских и приштинских чиновников от 2013 года. У них продолжают действовать свои органы самоуправления. Законы Республики Косово не работают на территории општин. Эпизодически происходят стычки между сербами и албанцами в Косовской Митровице.

Чиновники из ЕС периодически напоминают правительству Сербии, что надо бы выполнить договоренности 2013 года, иначе евроинтеграции не получится. Сербское правительство дежурно обещает их выполнить. В декабре 2015-го официальная делегация из Белграда на встрече с чиновниками из ЕС (обсуждались детали

принятия Сербии в ЕС) в очередной раз подтвердила: выполнение данных соглашений является «неотъемлемой частью в процессе евроинтеграции страны».

На внеочередных выборах в парламент Сербии 24 апреля 2016-го победила Сербская прогрессивная партия. За нее проголосовали 48 % избирателей. Ключевой пункт предвыборной программы «прогрессистов»: страна должна вступить в ЕС. После оглашения результатов Александр Вучич, действующий премьер-министр и лидер победившей партии, назвал результат выборов «историческим» и подтвердил, что страна должна выполнить условия, необходимые для принятия в Евро-союз. Условия должны быть выполнены к 2020 году.

УСТАЛОСТЬ ОТ 26 ЛЕТ (ПРИДНЕСТРОВЬЕ)

Вместе с кишиневцем Павлом я прогуливаюсь по старинному Армянскому кладбищу Кишинева. Армянским кладбище названо не потому, что здесь хоронили исключительно армян. Оно находится в начале улицы, которую когда-то, во времена царской России, населяли армяне. А на кладбище хоронили и продолжают хоронить людей разной этнической принадлежности. Во времена до Октябрьской революции — всех подряд, даже самоубийц. В независимой Республике Молдова оно стало «самым элитным» в стране. Здесь могилы национальных героев, крупных бизнесменов, заслуженных деятелей культуры и военнослужащих национальной армии, погибших в Приднестровском конфликте.

Мы подходим к надгробию — черный мрамор, портрет молодого человека в военной форме. Это — Зудин Сергей Александрович. Написано по-русски. Был награжден высшей военной наградой Молдавии — орденом Штефана чел Маре (Святого Стефана). Он погиб 19 июня 1992 года. Он воевал против Приднестровья. Ровно напротив могильная плита другого солдата, тоже награжденного орденом Штефана чел Маре — Кулацкий Сергей Богданович. Ему шел 23-й год, когда его убили в бою защитники Приднестровья 20 июня 1992 года.

Город Сороки. Его еще называют «цыганской столицей» Молдавии. Здесь две основные достопримечательности. Первая — цыганский поселок на вершине горы над центром города, где стоят двух- и трехэтажные дворцы (никаких преувеличений — действительно дворцы) цыган. Вторая — круглая гемузская крепость на берегу Днестра. Все местные свадьбы обязательно приезжают фотографироваться внутри и на фоне крепости. Девушки в пышных белых платьях, мужчины в черных фраках, торжественно разодетые друзья? подруги и родственники — фотографы командуют ими, кому и куда встать, как и что изобразить. Метрах в ста от крепости воинский мемориал. Портреты и даты жизни 11 местных жителей, погибших в приднестровской войне. Они все воевали на стороне независимой Молдавии. У троих из погибших характерные славянские фамилии. У остальных — молдавские или цыганские.

Славяне в рядах молдавской армии и полиции в боях против Приднестровья были редкостью. По версии приднестровцев, это были в основном люди, заинтересованные в карьере в армии или полиции нового государства, поэтому их национальность для них самих никакого значения не имела. Большая часть силовиков были этническими молдаванами и румынами. Война вдоль Днестра в начале 1990-х — это война националистической, антикоммунистической Молдавии против интернационального, пытавшегося защитить советские ценности Приднестровья.

Конфликт был спровоцирован в августе 1989 года. Тогда Верховный Совет Советской, еще Социалистической Республики Молдавия, националистически настроенные депутаты-молдаване, приняли закон: перевести молдавский язык с кириллицы на латиницу и ограничить использование русского языка. Националисты также заявляли о намерении объединиться с Румынией. В апреле 1990-го в качестве государственного флага был принят румынский с добавлением герба, предложенного местным художником Георге Врабие.

Для многонациональной республики, где почти треть населения составляли русские, украинцы и белорусы, проживали значительные общины гагаузов, болгар, евреев и цыган, русский язык был основным языком межнационального общения, одним из символов интернационализма. Покушение на русский было воспринято как покушение на советские ценности вообще. Крупнейшие промышленные предприятия компактно располагались в городах на левом берегу Днестра — в Приднестровье. Рабочие этих предприятий, тот самый пролетариат, стали оплотом борьбы против националистической Молдавии, особенно в городах Дубоссары, Тирасполь, Рыбницы и Бендеры (единственный приднестровский город на правом берегу Днестра). 2 сентября 1990-го была провозглашена Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) в составе СССР — то есть в качестве 16-й республики Союза.

Кульминацией конфликта стали боевые действия весной—летом 1992 года (Молдавия и ПМР стали уже независимыми государствами). За полтора месяца погибли свыше тысячи человек, ранены 4500 человек. В июне молдавские силы попытались взять штурмом Бендеры. Военная техника, пехотные подразделения и отряды полиции особого назначения (ОПОН) несколько дней накапливались в окрестностях. 19 июня они зашли в город с двух направлений. За пару часов разгромили слабые блокпосты приднестровских ополченцев. В городе осталось несколько очагов сопротивления: типография, здания почты, милиции и Горисполкома, которые защищали местные ополченцы, казаки и добровольцы из России и Украины. К вечеру 20-го числа в Бендеры смогли прорваться подкрепления приднестровских гвардейцев и казаков — почти сутки они с помощью бронетехники выбивали молдаван, блокировавших мост через Днестр и таким образом отрезавших Бендеры от остальной части ПМР. Следующие три дня продолжались уличные бои. Именно в Бендерах погибли два героя Молдавии — Сергей Зудин и Сергей Кулацкий.

Приднестровцы вытеснили подразделения противника на окраины города. В дело вмешалась российская армия: в качестве миротворцев российские солдаты встали между враждующими сторонами. В конце июля 1992 года в Москве между президентом Молдавии Мирчу Снегуром и президентом России Борисом Ельциным в присутствии главы ПМР Игоря Смирнова было подписано соглашение об урегулировании конфликта. Боевые действия с тех пор больше не велись, но политическая напряженность сохраняется.

26 лет спустя после провозглашения Приднестровья его независимость признают лишь Южная Осетия, Абхазия и Нагорный Карабах. Ни одно из государств-членов ООН его не признало.

Сегодня ПМР — это страна школьников и пенсионеров. Из 740 тысяч человек, населявших ее перед войной, в настоящее время, по словам местных жителей, остается не более 350 тысяч. Как уверяют официальные органы ПМР, в непризнанной республике живут полмиллиона человек. Гражданами, может быть, действительно числятся полмиллиона человек, но значительная часть взрослого трудоспособного населения вынуждена уезжать на заработки в ту же Молдавию, в России либо в Евросоюз.

Как государство Приднестровье, безусловно, состоялось. Функционируют все необходимые госорганы, страна способна защищать свой суверенитет, де-факто она яв-

ляется полноценным субъектом международных отношений, партнером, с которым приходится считаться соседним государствам.

Что же касается идеологии — то сегодня в ПМР ее нет. Нет самодостаточной государственной идеологии. Хотя в начале 1990-х, во время вооруженного конфликта против Молдавии, идейный потенциал был очень высок. Республика стала тогда оплотом советских ценностей. Когда в остальных частях бывшего СССР местные власти активно провозглашали отказ от этих ценностей, дискредитировали их и вытравливали, ПМР их сохраняла и отстаивала с оружием в руках. Поэтому в республику на Днестре ехали бывшие граждане СССР вне зависимости от этнической принадлежности. Для них было важно, что они советские. И защита русских ценностей на тот момент представлялась как защита советских ценностей. Борьба молдавских националистов против советского прошлого сопровождалась истеричной русофобией. Таким образом, русскость и советскость сплелись воедино по ходу приднестровского конфликта.

Есть довольно известная фотография (она имеется даже в экспозиции Музея армии в Кишиневе): на мосту через Днестр возле Дубоссар стоит бронетранспортер-амфибия под флагом Молдавской ССР и с надписью на борту: «ПМР — оплот интернационализма».

Став в какой-то момент последней республикой СССР, Приднестровье могло бы стать первой республикой нового Советского Союза. Потенциал был, очень мощный. Об этом говорят многие, кто был свидетелем или участником событий 1989—1992 годов.

Решительности не хватило у тогдашнего руководства непризнанной республики — у Игоря Смирнова и его окружения. Они должны были задать вектор дальнейшего движения. Их выбрали жители Приднестровья, у них был заслуженный авторитет, они руководили республикой во время боевых действий. Но тут сыграло свою негативную роль то, что изначально ПМР ориентировалась на Москву. В 1989-м, 1990-м и 1991-м Москва была столицей СССР. В ней приднестровцы видели противовес националистическому Кишиневу. А после того, как Москва, распахав остальные советские республики, сама отказалась от СССР в декабре 1991-го, в ПМР не хватило решимости отцепиться от нее. Надо было провозгласить тогда Тирасполь столицей Советского Союза, нового Советского Союза. Но в ПМР после окончания войны была принята другая официальная доктрина — на объединение с Россией. С той самой Россией, которая занималась борьбой с «советским наследием» не менее активно, чем националистическая Молдавия.

Последующие годы — это становление государства, которому собственная независимость не нужна, не имеет идейного обоснования. ПМР, как бедный отверженный родственник, стоит перед дверями раньше ельцинской, теперь путинской России и ждет, когда ее впустят. Хотя даже кондукторы в троллейбусах Бендер и Тирасполя сегодня понимают: никто вас в России при ее нынешней власти забирать не собирается. Это элементарная вещь.

И все же... 17 сентября 2006-го в ПМР состоялся референдум о присоединении к России. Вопрос был сформулирован так: «Поддерживаете ли вы курс на независимость ПМР и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации?» 97 % проголосовали «за». Это было при президенте Игоре Смирнове. Сменивший его в 2011-м Евгений Шевчук многократно публично заявлял, что верен итогам референдума. Республике сейчас 26 лет. И она внешне выглядит глупее, чем человек в ее возрасте.

Государственные структуры проповедуют карго-культ России. Если уж Россия не берет к себе, то будем делать то же, что делают там. Поэтому вопреки советским цен-

ностям, за которые убивали и гибли сами защитники Приднестровья в 1992-м, в Бендерах, например, появляются мемориальные таблички на зданиях, которые в 1916-м посещал Николай Второй. В Тирасполе мемориальные таблички установлены на месте разрушенных часовен и церквей с подписями вроде «пострадали в годы советских репрессий». На центральных улицах крупных городов баннеры с изображением российского президента Владимира Путина и символикой «Единой России». Копируются современные российские праздники, борьба с коммунистическим наследием (не слишком громогласно, чтобы не вызывать серьезного раздражения у населения, но достаточно последовательно) и экономические реформы. В итоге от бывшей советскости в нынешнем ПМР мало что осталось. В плане символики что-то сохраняется. В плане моральных ценностей, воспитания детей, ответственности государства перед гражданами — ничего. Непризнанная республика не соответствует ярлыку, прилепленному ей европейскими и американскими медиа — «Живой музей СССР». Она гораздо больше похожа на бедную и запущенную провинцию современной России.

У приднестровских граждан фантомная боль: они продолжают ощущать себя частью чего-то гораздо большего, чем их узкая полоска земли вдоль великолепно-тихого Днестра. Даже молодежь, выросшая после провозглашения независимости, говорит о каких-то глобальных, соизмеримых с мировой державой проектах. Им тесно в своей непризнанной независимости. Точно так же, как и приднестровской элите, которая хотела бы стать частью российской. И получается, что несколько сотен тысяч человек живут в условиях независимости, которая им самим совершенно не нужна.

ЭЛИТА ПРОТИВ НАРОДА (МОЛДАВИЯ)

В Кишиневе на улице Матеевича есть здание, построенное больше ста лет назад. Оно строилось под учебное заведение, и до революции 1917 года там располагалась Третья мужская гимназия. В 1918-м в его стенах произошло событие, которое не дает покоя нынешней суверенной Молдавии.

В декабре 1917-го была провозглашена Молдавская демократическая республика (позже переименованная в «народную»), ее правящим органом стал Сфатул цэрий (Совет края), сформированный тремя неделями ранее. Заседал Сфатул цэрий в здании бывшей Третьей мужской гимназии. Своей территорией республика объявила всю Бессарабскую губернию бывшей Российской империи, а столицей Кишинев. Местные большевики планировали в будущем присоединить МДР к Советской России. Но большинство членов Сфатул цэрий (они представляли оппозиционные большевикам партии и организации: Молдавскую национальную партию, эсеров, меньшевиков, бундовцев, недовольных большевиками армейских офицеров) были другого мнения. Подчиняться Советской России они не собирались, поэтому позвали на помощь румынские войска.

Во многих работах, критически оценивающих период существования МДР, членов Сфатул цэрий называют «депутаты» (именно в кавычках), потому что они не были избраны ни по технологии европейских парламентов, ни по советской технологии. Состав этого органа определило специально созданное местной националистически настроенной аристократией и помещиками бюро. В итоге, например, национальные меньшинства (не-молдаване), которые составляли половину населения Бессарабской губернии, получили несоразмерную квоту в 25 % мандатов.

Официально ввод иностранных войск оправдывался необходимостью борьбы с бандитизмом и охраной продовольственных складов, чтобы в республике не возник

голод. В январе 1918-го, меньше чем за неделю, румыны разбили большевистские отряды и оккупировали Кишинев. Вместе с румынами на МДР наступали белогвардейские части под командованием генерала Щербачева и гайдамацкие полки украинской Центральной рады.

Но у королевства Румыния были планы намного шире, чем просто оказание помощи соседям. Королевские чиновники проводили переговоры с руководством Сфатул цэрий — в частности, с его председателем И. Инкульцем и премьер-министром МДР (официально этот пост именовался председателем Совета генеральных директоров) Д. Чугуряну — о вхождении республики в состав Румынии на правах автономии. Присоединение, по задумке королевского правительства, должно было происходить не в форме всенародного референдума (что даже по тем временам считалось нормальной процедурой), а лишь в результате голосования «депутатов» Сфатул цэрий. Однако в правящем органе МДР были сильны настроения против присоединения. Многие (сегодня трудно оценить, сколько именно) выступали за суверенный статус в будущем.

Голосование проходило 9 апреля 1918-го при закрытых дверях. Здание бывшей Третьей мужской гимназии по периметру охраняли 250 румынских солдат. На крыльце и крышах этого и соседних зданий были установлены пулеметы. В зал заседания под видом «почетного караула» ввели роту вооруженных румынских солдат. Чтобы добиться необходимого результата, кого-то из членов Сфатул цэрий королевские чиновники запугивали физической расправой, кого-то подкупали, кто-то действительно был идейным румынофилом. Сын генерала Щербачева в своих воспоминаниях впоследствии писал, что на подкуп 47 «депутатов» румынское правительство потратило 7 миллионов лей. Тем не менее из 162 членов Сфатул цэрий за присоединение к Румынии проголосовали 86 человек. 38 воздержались, 3 голосовали «против», 35 предпочли покинуть зал во время голосования. Для принятия решения необходимо было простое большинство. Подавляющая часть населения МДР выступала против присоединения к Румынии. Одно за другим в последующие годы происходили восстания против королевского правительства. Так 10 июля 1918-го префект Сорокского уезда докладывал начальству: «Хотя большинство руководителей волостных земств являются молдаванами, но они пропитаны революционным русским социализмом и превратили эти учреждения в рассадник агитации, стараясь посеять и среди крестьян недоверие к румынской власти». Корреспондент канадской газеты «Toronto Star weekly», не ставший еще всемирно известным писателем Эрнест Хемингуэй писал 15 сентября 1923 года: «...теперь Румыния вынуждена содержать самую большую в Европе постоянную армию, чтобы подавлять восстания своих новоиспеченных румын, которые желают одного — перестать быть румынами». Румынские солдаты относились к молдаванам как к «гражданам второго сорта» — это признавали даже молдавские националисты, заседавшие в парламенте королевства.

В сентябре 1924 года произошло крупное крестьянское восстание на юге Бессарабии (ныне Одесская область). Первым восстало село Татарбунары, его поддержали несколько соседних сел. Повстанцы провозгласили создание советской власти на освобожденной территории. Этнический состав повстанческих отрядов был разнообразен: русские, молдаване, гагаузы, немцы, евреи, украинцы, болгары, то есть все национальности, проживавшие тогда в Бессарабии. Против 6 тысяч восставших королевское правительство направило пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки, силы военно-морского флота. Румыны использовали отравляющие газы в борьбе с повстанцами. После трех дней ожесточенных боев половина «татарбунарцев» была убита. В плен попали 500 человек. Их заключили в кишиневской тюрьме

«Кузнечка» — сейчас там расположено СИЗО № 13, сохранились здания и камеры, в которых содержались повстанцы. Судебный процесс по «делу 500» продолжался до 1929-го. В защиту подсудимых публично выступали Максим Горький, Анри Барбюс, Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Теодор Драйзер, Ромен Роллан, Томас Манн и Луи Арагон. В итоге суд оправдал большинство подсудимых, так как не была доказана их связь с Советским Союзом.

26 июня 1940-го Вячеслав Молотов, советский нарком иностранных дел, передал румынскому послу в Москве Георге Давидеску ноту с требованием вернуть Бессарабию СССР. «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть территории — Бессарабию — и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской Советской Республикой. Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии... Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу».

На следующий день коронный совет Румынии и король Кароль II приняли решение выполнить все требования СССР. Румынские войска добровольно покинули территорию Бессарабии.

Когда в конце 1980-х в советской Молдавии появился националистический Народный фронт, стала муссироваться тема о необходимости объединения с Румынией. Уже после провозглашения независимости, пока страной управляло националистическое правительство, тема объединения была одной из государственных идей. С 2000-го по 2009-й, когда власть принадлежала партии коммунистов, эта тема ушла далеко на задний план.

После массовых антиправительственных беспорядков 7 апреля 2009-го власть в Молдавии захватила коалиция либерал-националистов (обязательным пунктом для них была русофобская и антикоммунистическая риторика). Чиновники самого высокого ранга снова заговорили об «униря» (объединения с Румынией).

Исполнявший обязанности президента с сентября 2009-го по декабрь 2010-го, лидер Либеральной партии Михай Гимпу — один из самых яростных сторонников «униря». На всех выборах (парламентских и президентских) объединение с Румынией он ставит главным пунктом своей программы. О том, какова его поддержка в молдавском обществе, можно судить по результатам президентских выборов, прошедших 30 октября 2016-го. Гимпу получил 1,8 % голосов. Если выразаться конкретнее — за него проголосовали 25 490 граждан из почти трех миллионов. Партии и политики, представляющие либерально-националистические силы, обычно на выборах, если они рассчитывают на серьезную поддержку избирателей, тему «униря» оставляют в стороне, не акцентируют на ней внимание. Так поступила Майя Санду на тех же президентских выборах — 2016. Только после своего поражения (она заняла второе место) она снова публично заговорила, что стратегической целью Молдавии является «воссоединение» с Румынией. Так же повел себя Андрей Нэстасе — он снял свою кандидатуру по ходу предвыборной гонки в пользу Санду. По мнению Нэстасе, 40–45 % молдаван хотят жить в общем государстве с румынами. Бывший президент Румынии Траян Бэсеску во время своего визита в Молдавию в ноябре 2016-го сказал, что 48 % молдаван желают объединения (с его же слов, среди румын этого желают 78 % граждан).

Социологические опросы на тему, сколько граждан Молдавии за «униря», а сколько против, как правило, ангажированы. Жонглирование процентами поддержки —

пропагандистские ходы. Если судить субъективно, то подавляющее число молдаван критически смотрят на перспективу объединения с Румынией. За две недели объездил почти всю страну и не встретил ни одного человека, кто бы положительно отозвался об объединении. Даже среди активистов либеральных организаций, настроенных на евроинтеграцию. Виктор Шорник, один из них, рассказал мне, что румыны высокомерно относятся к молдаванам. Он знает, о чем говорит: почти каждую неделю ездит в румынский город Яссы, где учится его дочь.

Румыния же с согласия нынешнего молдавского правительства создает на будущее «человеческий капитал» для объединения. Например, привлекает в свои университеты молдавских студентов. В 2016-м таких студентов насчитывалось порядка 20 тысяч. Причем они не платят за учебу. Наоборот, Румыния им платит ежемесячную стипендию в размере 65 евро (средняя зарплата в Молдавии составляет 120 евро). Для молдаван облегчена процедура получения румынского гражданства. Плюс различные медийные и культурные проекты, пропагандирующие «братство румын и молдаван».

Однако до сих пор либерально-националистическое правительство в Кишиневе не решилось на самый главный шаг — провести референдум по объединению. Противники «униря», особенно активны по этой части левые и пророссийские организации, сами призывают провести референдум. «Правительство знает, что народ проголосует против объединения, — рассказывал мне кишиневский журналист и левый активист, в недавнем прошлом политзаключенный Павел Григорчук. — Они могут присоединить нас к румынам только таким же образом, как это сделал в 1918-м Сфатул цэрий».

Примечательно, что политики в Румынии и представители молдавской власти действительно называют 2018 год как дату возможного слияния государств. Правда, в каком это будет происходить формате, они четкого ответа не дают.

УСКОЛЬЗАЯ ОТ САМИХ СЕБЯ

Трудно сохранять равнодушие по отношению к проблемам, с недавних пор ставшим едва ли не важнейшими пунктами постсоветской общественной и политической повестки дня. Непростые и тревожные метаморфозы, наблюдающиеся в российско-украинских отношениях; пугающее превращение Украины, имевшей, казалось бы, все шансы стать благополучным, процветающим государством, в *территорию-рану*, беззащитно кровоточащую на глазах растерянной Европы, — эти и другие обстоятельства порождают целый ряд неизбежных вопросов.

Почему, отчего все повернулось так, а не иначе? Что послужило толчком именно к такому, предельно опасному повороту?

Думается, что существенную, если не основную роль сыграли в этой ситуации киевские события 2013—2014 годов. В стране, регионы которой имеют и разную историю, и разные насущные потребности, верх в тот момент взяли силы, ориентированные не на поиск плодотворного идеологического консенсуса, но — на жесткое продвижение единой националистической системы ценностей. Причин, обусловивших подобный расклад, было немало. К ним по праву можно отнести и особенности конкретных политических партий, движений современной Украины; и характер социальных противоречий, накалявшихся в стране на протяжении более двух десятилетий; и специфику идейных установок, методично внедрявшихся все эти годы в сознание украинского населения различными влиятельными кругами и структурами.

Ощутимое влияние на ход и итоги рассматриваемых событий оказали настроения, господствовавшие на тот момент у нас, в Киеве. Думается, что в связи с этим имеет смысл с особой пристальностью всмотреться в весьма специфическое общественное явление, показательное для здешней атмосферы и основательно укоренившееся за постсоветские годы. Речь идет о феномене, который условно можно было бы обозначить как *киевский русский оранжизм*.

Упомянутое явление носит характер причудливый. Порою кажется, что при каком-нибудь ином историческом раскладе наша среда оранжистов вполне могла бы служить проводником отнюдь не изоляционистских, но (страшно сказать!) имперских идей. Уже сам по себе пестрый этнический состав среды складывается в типично имперскую картинку: наряду с русскими — евреи, поляки, армяне и даже украинцы. А язык родной (и притом никем не навязанный, впитанный с молоком матери) у всех один. Русский. Да и фундамент духовной самоидентификации у них общий — русская культура. О людях малообразованных и закостенело просоветских, пусть и русскоязычных, мы ведь сейчас не говорим. К рассматриваемой среде они отно-

Ефим Леонидович Гофман родился в 1964 году в Киеве. В 1986 году окончил Горьковскую (Нижегородскую) государственную консерваторию им. М. И. Глинки. Занимается литературной критикой, эссеистикой, публицистикой, преподаванием. Печатается в российских и русскоязычных периодических изданиях с 2000 года. С 2016 года — член Всемирной организации писателей International PEN club (Русский ПЕН-центр). Живет в Киеве.

шения не имеют. Состоит же среда, напротив, из людей в большей или меньшей степени просвещенных: эмэнэсов и итээров, доцентов и профессоров, писателей и режиссеров, художников и музыкантов.

В большинстве своем все эти интеллектуалы прекрасно осознавали провинциализм киевской жизни советских времен. На протяжении десятилетий «застойной» эпохи основными окнами в большой мир (учитывая к тому же, что контакт с дальним зарубежьем был затруднен) для них неизбежно являлись российские «толстые» журналы, фильмы Тарковского, песни Высоцкого, поездки в Москву и Ленинград, где можно было попасть на Таганку и в БДТ, на концерт Рихтера в Большом зале консерватории и выставку «Москва–Париж» в Пушкинском музее. Приоритетным самиздатовско-тамиздатовским чтением для них (так же, как и для интеллектуалов Москвы, Саратова или Новосибирска) была отнюдь не украиноязычная поэзия и публицистика (имевшая хождение по преимуществу в националистически ориентированной среде), но Бродский и Солженицын, «Доктор Живаго» и воспоминания Надежды Мандельштам. Впрочем, отнюдь не все из них так уж рвались к запретному чтиву. Многие люди этого слоя были ориентированы на добропорядочно-успешное продвижение по служебной лестнице и весьма равнодушно реагировали даже на позорные явления, имевшие место совсем рядом (что называется — под боком!), на драматичные повороты судеб своих замечательных земляков: будь то арест кинорежиссера Сергея Параджанова или выталкивание из страны писателя Виктора Некрасова.

Продолжим, однако, разговор о той части среды, которая была восприимчива к оппозиционно-вольнодумным настроениям. Некоторые ее представители, сочувствовавшие украинской национальной идее, были каплей в море. Допустим, циркулировали временами в этом социуме туманно-елейные разговоры о будущей свободной суверенной стране, в которой русским будет лучше, чем в России, а евреям лучше, чем в Израиле (памятная фраза из мифотворческого арсенала начала 90-х вполне под стать отвлеченному идеализму тех настроений). Превалировало все же другое. Русскоязычные киевляне, критически относившиеся к советской власти, конечно же, сочувствовали трудностям и обидам украиноязычного населения, но рассматривали их по преимуществу в одном пакете с другими ограничениями прав и свобод, характерными для тогдашнего строя. Никакой личной вины перед украинцами эти люди не ощущали. Да и не имели. Учет к тому же, что общие установки на запретительство, исходившие в своей основе от тоталитарно-бюрократического Центра, с удвоенным рвением проводились в жизнь на местах бесчисленным множеством сугубо украинских начальников и начальничков. Подобные «поддержка и энтузиазм миллионов» проявлялись в полном соответствии с расхожим афоризмом: «Если в России ногти стригут, то на Украине пальцы рубят». Между прочим, собирательный образ запретителя, как правило, рисовался русскоязычно-киевскому «коллективному бессознательному» не в виде таинственного пришельца с далекой планеты Лубянка, но в облике укорененного в местной почве угрюмого и хитрого мужичка, методично твердящего нечто вроде: «Щоб ніяких *Шніток* в програмі не було!» (эту фразу устное городское творчество приписывало одному из тогдашних директоров Киевской филармонии).

Почему же в эпоху перестройки люди рассматриваемой среды вдруг стали такими яркими поборниками проукраинских настроений?

Тому, на наш взгляд, есть несколько причин.

Во-первых, к этому времени контингент киевлян существенно изменился. Благодаря исходу многих даровитых нонконформистов все в те же Москву и Питер, а также — еврейской эмиграции (на самом деле — не только еврейской, если учесть, что с помощью иного «паровоза»-Шапиро покидало страну немало примкнувших Шепило-

вых и Шепиленко) освободилось пространство, заполнившееся совсем иными людьми. Впрочем, освободилось оно не только в Киеве, но и в Харькове, и в Донецке, и в Днепропетровске. Какой смысл, однако, был энергичным карьеристам с амбициями хозяев положения стремиться в города, не имевшие столичного статуса? Вот и ехали предприимчивые, целеустремленные выходцы из западноукраинских городов и восточноукраинских сел в Киев. А по мере того, как укреплялись их вес и влияние в столичной среде, многие коренные киевляне (вынужденные контактировать с ними хотя бы по работе) постепенно приобщались к их образу мыслей, их системе ценностей. К концу 80-х годов статистическое соотношение коренных киевлян и приезжих было достаточным для благоприятствования таким процессам.

Во-вторых, существенной предпосылкой «украинизации» сознания киевлян явилась проблема Чернобыля. К панике, охватившей тогда, в 1986 году, городских жителей, относиться иронически невозможно. Тревоги по поводу киевской экологической ситуации имели (да и сейчас имеют) серьезные основания. Понятно, что взбудораженное испугом массовое сознание ищет в такой ситуации палочку-выручалочку. Для многих в то время такой спасительной зацепкой оказалась идея, формулировавшаяся примерно так: все беды — от чрезмерного диктата Политбюро и КГБ; если разрушить империю, то этот диктат будет автоматически ликвидирован; соответственно, и различные опасности (в том числе экологические) сойдут на нет. Надо сказать, что теперь, когда мы лицом к лицу соприкоснулись с новой, не имперской, суверенной властью, сильно поубавились даже надежды на недопущение ею нового Чернобыля. Суетливая безответственность, преобладающая в среде здешнего руководства на протяжении всех лет, прошедших со времени распада Союза, не позволяет видеть в этой власти нового образца надежную защиту от техногенных катастроф.

И — самое главное, в-третьих. На рубеже 80-х и 90-х годов с внушительной силой проявили себя глобальные, общемировые идейные поветрия. Альтернативой «совку» для большинства граждан разлагающейся империи явилась неправильно понятая либеральная идея.

Раньше всегда казалось: либерализм — система воззрений, предполагающая, что важнейшей общечеловеческой ценностью является *свобода*, а первостепенной общественной задачей — защита прав человека. Понятие «либерализм» ощущалось родственным таким понятиям, как «плюрализм», «толерантность». Не случайно прилагательное «либеральный» в быту ассоциируется с проявлениями мягкости, терпимости. Именно такое понимание либерализма является, в частности, основой убеждений и идеалов автора этой статьи.

Совсем иным выглядит либерализм в нынешней интерпретации, произвольно вычленивающей из всей совокупности прав человека одно-единственное, расцениваемое в качестве *главного*. Речь идет о праве на частную собственность и ее неприкосновенность. Гарантией его соблюдения является стабильный режим рыночной экономики.

Что же до остальных прав, то их новоявленные «либералы» отменять не собираются, но как бы выразиться поточнее... Такое ощущение, что логически-понятийный аппарат людей, стоящих на подобных позициях, работает, как ни странно, в режиме ненавистного им марксистского образа мыслей. Точнее, не марксистского (если иметь в виду подлинный марксизм, во многом — утопическое, но не беспросветно-вредоносное учение), а мышления в духе схем из советско-вузовского казарменного курса общественных дисциплин. Говоря конкретнее, новые «либералы» полагают, что есть базис — рыночная экономика, а есть надстройка — все остальное. Если будет установлен стабильный рынок, то остальные свободы-права автоматически придут в действие.

Есть у «либералов» и конкретный пример, долженствующий подтверждать их правоту: государство, успешно реализовавшее упомянутые базисно-надстроечные принципы. Что же это за страна? Для догадки трех попыток не надо. Ну конечно же — Соединенные Штаты Америки! Соответственно, как полагают «либералы», право Америки на статус единственной сверхдержавы, диктующей всему миру, как ему надо жить, не подлежит даже и обсуждению.

Совершенно понятно, что значительная часть приверженцев подобных идей руководствуется устремлениями попросту меркантильного толка; что не последнюю роль играют в этой ситуации даже сугубо private обстоятельства (так диагноз около-майданной истерии в кругах иных русскоязычных киевлян был порою весьма нехитрым: наличие близких родственников в США; впрочем, заметим для объективности, что и анти-оранжевые настроения иных недалеких восточно-украинских обывателей нередко обусловлены всего лишь наличием родственников в России). И все же немалое число людей, ориентированных на подобный «либерализм», не преследует при этом никаких личных выгод, не относится к категории преуспевающих. В среде киевских оранжистов вполне хватает бескорыстных фанатиков. К сомнениям, к скептическому пересмотру взглядов и оценок такие люди не склонны. Казалось бы, с 1991 года до настоящего времени немало воды утекло, к тому же — существенно облегчился доступ к разнообразным информационным источникам. Вместе с тем никак не отрезвили этих киевлян ни результаты — будем откровенны, невдохновляющие — российского ельцинско-гайдаровского эксперимента 90-х годов, ни судьбы многих стран «третьего мира», уже веками пребывающих во *временной*, по «либеральному» мнению, стадии «дикого капитализма».

Вернемся между тем к 1991 году. Распад Союза будущие оранжисты без обдумывания воспринимали как неизбежное и необходимое условие внедрения «либеральной» панацеи. Тем более что такого же мнения придерживались не только модные тогда московские депутаты-межрегионалы, но и другая (как мы уже выяснили) авторитетная для «либералов» инстанция — руководство США. В итоге подобные настроения волей-неволей толкали таких киевлян в объятия *украинской идеи*.

СССР рухнул. Началась эпоха «незалежности». Тут-то и проявились в полной мере три существенные и выразительные социально-психологические особенности русскоязычного Киева, ключевые (на наш взгляд) для атмосферы будущего оранжизма:

1) Готовность к отказу от изначальных духовных и культурных устоев в угоду сиюминутной политической целесообразности.

Во второй половине 90-х годов тот факт, что украинская власть взяла твердый курс на национализм, сомнения ни у кого не вызывал (президентом страны, между прочим, тогда был как раз Кучма, позднее столь ненавистный оранжистам). В определенных кругах киевской общественности возникла потребность сформировать альтернативу настораживающим тенденциям, выразить иную точку зрения на животрепещущие для страны проблемы. С этими целями и пытался политолог и правозащитник Владимир Малинкович вместе с группой единомышленников создать Клуб творческой интеллигенции. Под эгидой этого клуба предполагалось проведение различных дискуссий, тематических вечеров и других интересных интеллектуальных акций. Учредительное заседание клуба состоялось в июне 1997 года.

Актовый зал Киевского академического института математики был заполнен до отказа. Аудитория пестрила выразительными, живыми лицами записных книжечек, концертно-вернисажных завсегдатаев, очкариков и неформалов. Ожидалось, что именно такие люди будут склонны поддержать новое сообщество.

В своих выступлениях члены клуба говорили о наболевшем. О том, что своими действиями власть хоронит подлинно демократический проект мультикультурной Украины, способной обеспечить равенство возможностей для украинско- и русскоязычного населения. О том, что новое законодательство, препятствующее получению образования на русском языке, перекрывает тем самым путь к профессиональной, творческой, духовной реализации для значительной части граждан страны. Особо запомнился рассказ историка и искусствоведа Сергея Мамаева (безвременно скончавшегося в 2007 году) о борьбе за открытие в Киеве музея А. С. Пушкина; о том, как подвижническое стремление людей культуры представить киевлянам уникальную экспозицию, состоящую из подлинных вещей, документов и книг пушкинской эпохи, наталкивается на симптоматичный чиновнический ответ: «Ще скажіть, щоб вам в Україні влаштували музей Гомера» («Еще скажите, чтобы вам в Украине устроили музей Гомера»).

Что же представлял из себя отклик на эти выступления? Расплывчатые, витиеватые монологи украинских интеллектуальных мэтров, уклонившихся от оценок непростой ситуации. А также — две провокационные «домашние заготовки»: поднявшийся с места ангажированный журналист горделиво заявил, что, хотя он — человек русскоязычный, во всех социологических опросах тем не менее сознательно пишет, что его родной язык — украинский (то есть — лжет!); вышедший на трибуну подросток ледяным самоуверенным тоном сообщил аудитории, что ему безразлично, в какой школе учиться — русской или украинской, поскольку он готов идти навстречу интересам руководства страны (!).

Как же реагировали на происходящее упомянутые выше умники-очкарики, книгочеи-завсегдатаи? Да никак. Не проронили ни единого звука. Лишь после того, как заседание окончилось, они подали голос, обрушившись со шквалом упреков и недовольства в адрес... инициаторов создания клуба. Будущие оранжисты обвиняли их в политическом экстремизме, в большевистской непримиримости.

Разумеется, в подобной атмосфере клуб смог протянуть немногим более полугода. Даже формальной регистрации своего детища активисты добиться не смогли.

Итак, как мы видим, склонности и интереса к обсуждению острых проблем «либеральные» киевляне не проявили. Зато все более явственно просматривалась в этих кругах совсем иная тенденция —

2) Воля к сотворению кумиров.

В конце 90-х годов будущие киевские оранжисты дружными рядами ринулись на лекции московского мыслителя и теоретика культуры А. «А. — это пророк!» — подобные экзальтированные характеристики активно ходили в тот период по городу, передаваясь из уст в уста.

Беспорен тот факт, что А. был одной из значительнейших фигур тогдашней российской интеллектуальной жизни. *Одной из*, но не единственной. Немало было и других, не менее крупных мыслителей. Существенно и то, что многие из них были далеко не во всем согласны с А. (равно как и друг с другом). Казалось бы, вполне здоровое для культуры положение вещей.

Новоявленным киевским поклонникам А. все это было, однако, невдомек. За годы «незалежности» живое ощущение московско-питерского культурного контекста в их среде изрядно поубавилось (так и не получив, между прочим, какой-либо адекватной компенсации). Да и тяги к подобной живой вовлеченности у них не было. А вот *имитировать* подобную тягу, убеждая не только окружающих, но и самих себя в том, что по-прежнему держат руку на пульсе современных интеллектуальных процессов, этим людям очень даже хотелось. Отчетливо проявлявшееся в выступлениях А. проповедническое начало, доходящее временами до откровен-

ной дидактики, лишь способствовало их успеху у киевской аудитории. Смирненно внимать назиданиям, не затрачивая никаких усилий на индивидуальное осмысление проблем, — для людей определенного толка ситуация вполне комфортная. Не служили помехой для восторгов аудитории даже совсем уж оторванные от современной реальности (и от конкретных устремлений многих будущих оранжистов) разговоры А. о нравственной пользе патриархальной семьи, пуританского образа жизни.

Вместе с тем всякая агиография имеет свой краеугольный камень. Имя харизматической фигуры непременно должно быть связано в массовом сознании с *чудом*. Или если не с чудом, то хотя бы с каким-либо событием, находящимся по ту сторону здравого смысла. Именно такое событие и стало ключевым для киевского триумфа А.

Киево-Могилянская академия присвоила московскому мыслителю степень почетного профессора. В связи с этим встал вопрос: на каком языке А. смог бы прочесть инаугурационную речь? Известно ведь, что выступления на русском в стенах этого учебного заведения запрещены. Украинским А. не владел. В качестве выхода из создавшейся ситуации организаторы предложили почетному гостю... выступить на языке, неизвестном большинству аудитории. В результате А. прочел свою речь на *английском языке*.

Хотя выступление А. и сопровождалось переводом на украинский (то есть все же было таким хитроумным путем доведено до сведения слушателей), трудно, вспоминая эту историю, отделаться от ощущения натужной неестественности. Мотивы, побудившие А. принять предложение организаторов церемонии, обсуждать и оценивать не будем — хотя бы потому, что они нам доподлинно неизвестны. Гораздо существеннее другое. Аудитория сделала для себя в этой ситуации вполне определенные выводы: вот что значит поступок настоящего русского интеллигента, испытывающего чувство вины перед несчастной, многострадальной украинской нацией.

Так организаторам церемонии (в будущем — активным вдохновителям обоих киевских Майданов) удалось случайно (!) впарить в сознание русскоязычных киевлян установки, изрядно усилившие податливость этих людей к дальнейшим идеологическим манипуляциям вполне намеренного свойства.

История с культом А. интересна, однако, не только сама по себе. Точно с таким же энтузиазмом будущие киевские оранжисты искали и политического Мессию, способного осуществить вождельные рыночные реформы. Кандидатуры на эту роль время от времени менялись: в начале «незалежности» подобные надежды возлагались на Вячеслава Чорновила, затем — на Владимира Ланового, позднее сконцентрировались на фигуре Виктора Ющенко.

Вернемся, впрочем, к теме нравственности. Показательным феноменом выглядит тот факт, что люди, охотно слушавшие благочестивые проповеди А., в серьезных общественных ситуациях демонстрировали поразительную

3) Терпимость к человеконенавистническим умонастроениям.

В январе 2004 года Шевченковский районный суд города Киева вынес решение о прекращении выпуска газеты «Сільські вісті». Основанием для позиции суда послужил факт публикации на страницах газеты зоологически-антисемитских измышлений, никак не опровергнутых редакцией.

Казалось бы, подобное судебное решение имело основания снискать поддержку в прогрессивных городских кругах. Не тут-то было. Хлынул поток негодований, причины которого просты: наказанная газета была органом Социалистической партии Украины, ставшей в скором времени одной из ведущих оранжевых сил (первый Майдан ведь был уже не за горами).

Что ж, даже и при таких обстоятельствах «либеральные» интеллектуалы вполне могли бы прореагировать по-иному:

- призвать лидеров тогдашней антикучмистской оппозиции к отмежеванию от идейной линии газеты (что могло бы, между прочим, пойти на пользу красивому имиджу оппозиции);

- констатировать факт недостаточности наказания одной газеты при условии, что имеются в стране и другие органы печати, пропагандирующие ксенофобию.

Вместо этого среда будущих оранжистов разразилась заявлениями, ставящими на одну нравственную доску воинствующее человеконенавистничество и попытки ему противодействовать (пусть не самые последовательные и эффективные). Действия инстанций, наказавших газету, в упомянутых заявлениях были (ау, изложенная выше история с клубом!) квалифицированы как экстремистские.

Самое прискорбное, что среди озвучивавших подобную позицию были и евреи, в большинстве своем всегда являвшиеся частью *русскоязычного* Киева. Один из представителей подобной среды, ветеран правозащитного движения, выступая в те же дни на открытом заседании комитета «Бабий Яр», объяснил подъем антисемитских настроений в современном украинском социуме следующим образом: все дело, дескать, в том, что евреи составляли внушительный процент сотрудников украинского НКВД 30-х годов. Споры нет, диссидент-ветеран — фигура авторитетная. Тем более опасны неадекватные оценки, исходящие из уст подобной персоны, поскольку их воздействие на общественную жизнь может быть непредсказуемым. Увы, выступление почтенного правозащитника не вызвало никаких возражений со стороны его коллег по комитету. Демонстративно-протестный выход из зала двух возмущенных представителей независимой аудитории не нарушил Версаля, царившего на заседании...

Итак, мы видим, что предпосылок для процветания оранжистских настроений в среде русскоязычных киевлян накопилось достаточно. Неудивительно, что подобного рода тенденции, длительное время носившие рассредоточенный характер, к концу 2004 года обрели вполне отчетливые, концентрированные очертания. Громадная масса русскоязычных киевлян проявила тогда поразительную, беспрецедентную готовность суесться вокруг Майдана, бездумно скандируя «Ю-щен-ко! Ю-щен-ко!». Готовность верить, что установка на идеи хуторяно-провинциалистского толка — это и есть путь в Европу. Наконец, готовность принимать в качестве допустимой нормы общественного сознания развязные оскорбления вроде «язык попсы и блатняка» (так характеризовался русский язык в тогдашнем предвыборно-агитационном письме группы известных украинских литераторов), а позднее — и безапелляционные напутствия вроде «Думай по-українськи!» (эти слова, произнесенные Виктором Ющенко уже в период его президентства, долгое время транслировались украинскими СМИ в качестве слогана).

Пришедший к власти на волне тогдашней оранжевой революции Ющенко пробыл на президентском посту свои пять лет. К концу срока он, однако, утратил популярность, поскольку не сотворил чаемого массами «экономического чуда». Означало ли это, что в русскоязычной киевской среде произошла и переоценка идеологических ценностей? Отнюдь. Все свелось лишь к... появлению у оранжистско ориентированной среды новых кумиров, ведущих ту же самую националистическую линию. А порой даже и переводящих ее в такое радикальное русло, что деятельность Ющенко и его власти на этом фоне воспринимается как цветочки.

Взять хотя бы Олега Тягнибока и его партию «Свобода», представляющую собой политическую силу неприкрытой ксенофобской направленности: антирусской,

антисемитской. Мрачной сенсацией стало прохождение этой партии в украинский парламент на выборах 2012 года.

Что же представлял собой тогдашний киевский электорат «Свободы»? Значительную часть его составляли отнюдь не какие-либо малообразованные, недалекие люди. Среди отдавших свои голоса за партию Тягнибока немало оказалось все тех же русских оранжистов.

Набросаем несколько блиц-портретов людей, открыто говоривших в частных беседах, что поддерживают «Свободу». Почтенный профессор-искусствовед, специалист по авангарду начала XX века с лучезарной улыбкой и тихим голосом. Элегантная светская львица, поклонница Ахмадулиной, с характерными ахмадулинскими подвываниями читающая на разных посиделках стихи самой Беллы Ахатовны и свои стилизации под нее. Респектабельный программист еврейского происхождения, работающий — и, соответственно, проводящий значительную часть времени в Америке.

Аргументы, выдвигавшиеся людьми подобного толка в обоснование своей позиции, были разными. Кто-то попросту толкал пламенные речи о своей нелюбви к Януковичу и Путину и давал понять, что в пику этим неугодным политикам готов поддерживать любых экстремистов. Кто-то говорил о том, что «Свобода» — наименее коррумпированная из оранжевых партий. А кто-то предавался... хитроумным математическим подсчетам: если я, дескать, проголосовал бы за «Батьківщину» или «УДАР», то увеличил бы присутствие оранжевых сил в парламенте всего на один голос, а вот если я голосую за «Свободу», то увеличу на целых 5 процентов.

В результате партия «Свобода», ранее не проходившая пятипроцентный барьер, набрала гораздо больше, чем 5 процентов голосов. А по Киеву даже целых 17 процентов. То есть третье место!

Представляется показательным, что происходило это в кратковременный период, когда высшее руководство страны было не оранжевым. Казалось бы, конформистский дух, царящий в среде русских оранжистов, мог бы при таком раскладе побудить эти круги хотя бы к частичной перемене настроений. Помним ведь мы формулу из старого анекдота, метко характеризовавшую технологию приспособленчества привычно советского образца: *колебаться вместе с линией партии*.

В том-то, однако, и состоит весь фокус, что конформизм нашего времени строится на несколько иных принципах. Создается ощущение, что значительно важнее позиции власти для нынешнего либерально-конформистского сознания идейные установки элитных тусовочных кругов. А установки влиятельных украинских тусовок оставались все теми же: оранжевыми, националистическими.

Массу серьезных претензий — политических, нравственных — можно предъявлять к украинской власти формации 2010—2013 годов. Ради объективности признаем, однако, что серьезных посягательств на свободу слова в этот период как-то не наблюдалось. Ведущие электронные украинские СМИ (и телевидение, и радио!) — точно так же, как и при правлении Ющенко — не были государственными. И, соответственно, отражали (по преимуществу) точку зрения оранжево-националистической среды. Иначе говоря, точку зрения... тогдашней политической оппозиции (а отнюдь не власти!). То же самое касалось и большинства украинских газет. И ряда заметных издательских, лекционно-просветительских, фестивальных проектов, упорно продолжавших задавать тон в атмосфере киевской жизни.

Знаковый для того времени характер носили, к примеру, выступления известного киевского кинорежиссера Романа Балаяна, охотно дававшего интервью различным украинским массмедиа. Помнится, что ряд заметных работ этого мастера был сделан на «Мосфильме». Доводилось Балаяну работать с известнейшими рос-

сийскими актерами, заниматься экранизациями русской классики. Казалось бы, именно такой человек должен был бы проявить особое внимание к проблемам русскоязычных граждан Украины. Вместе с тем в телевизионных ток-шоу Балаян упорно заявлял, что никаких проблем с русским языком в стране не существует. А в интервью для одной из киевских газет и вовсе договорился до того, что потребность в русском языке испытывают лишь украинские граждане старше 40 лет, которые «не могут прочесть инструкции к лекарствам, к налоговым платежкам, счета коммунальных услуг» («2000», № 33 (617) 17–23.08.12).

Таким образом, процессы целенаправленной пропагандистской накачки в среде русскоязычных киевлян носили характер основательный и неуклонный.

Майдан 2013–2014 годов русско-оранжистская среда поддержала ничуть не менее рьяно, чем первый. Казалось бы, общественную дискуссию по поводу подписания-неподписания торгового соглашения (которым, по сути, является ассоциация Украины с ЕС) имело смысл проводить в ином, значительно более спокойном режиме. Оранжевистские круги, однако, проявляли явную заинтересованность именно в *политизации* этой темы, в искусственном нагнетании страстей вокруг проблем, не влиявших в тот период ни на общий статус, ни на перспективы развития страны. Истерично взвинчивая киевское население, равно как и самих себя, оранжевисты активно внедряли в общественное сознание установку на то, что в сложившейся ситуации Майдан и аврально досрочная смена власти — единственно возможный и правильный путь (несмотря на то, что в стране до законных президентских выборов оставался всего один год).

Абсолютно не смутило киевских оранжевистов то, что одним из трех равноправных лидеров Майдана стал упомянутый выше Олег Тягнибок. Не смутило и то, что силы Майдана позволяли себе действия незаконные, противоречившие цивилизованным международным правовым нормам и провоцировавшие трансформацию политического конфликта в вооруженное противостояние.

В результате политический переворот, получивший в среде его сторонников название «революция достоинства», был осуществлен. Что же до русских оранжевистов, то своими экзальтированными проявлениями безоговорочной солидарности с Майданом они внесли чрезвычайно весомую лепту в дело *легитимизации радикализма*.

Упорно отказываясь от пересмотра своей системы ценностей, уклоняется тем самым русско-оранжистская среда от признания доли своей ответственности за чудовищные процессы, являющиеся следствием произошедшего в феврале 2014 года. За расправы с инакомыслящими, самым трагическим проявлением которых стало убийство киевского журналиста и писателя Олеса Бузины. За боевые действия в Донбассе, повлекшие за собой огромные жертвы и поставившие под вопрос саму по себе возможность сохранения целостности Украины (а ведь, казалось бы, Украина — одна из немногих стран бывшего Советского Союза, сберегавшая спокойствие в раскаленной до предела атмосфере межнациональных войн конца 80-х — 90-х годов).

Остановиться, оглянуться, задуматься... Устремлений подобного толка в кругах русских оранжевистов и сегодня явно не ощущается. Точно так же не наблюдается в оранжевистской среде и проявлений сочувствия рядовым людям, ставшим заложниками бессмысленных политических разборок. Что же до лидеров этой среды, то нынешнюю ситуацию они явно воспринимают как *звездный час*, дающий им возможность еще более активно привлекать к своим персонам общественное внимание, предаваться неутомимому витийству на украинских телевизионных экранах и подмостках престижных аудиторий.

Не будем, однако, заикливаться исключительно на ситуации сегодняшнего дня. Остается ощущение, что подоплека феномена киевского русского оранжизма не

исчерпывается ни теми или иными нынешними идейными тенденциями, глобальными и локальными, ни теми или иными конкретными обстоятельствами и фактами. Явно присутствует здесь и некая таинственная, иррациональная составляющая.

Воистину заколдованное место — Киев. Меняются эпохи, происходят грандиозные исторические потрясения, на авансцену выдвигаются различные (подчас не связанные между собой) социальные и этнические слои, различные (подчас взаимоисключающие) политические силы, но все они почему-то упорно воспроизводят одну и ту же неизменную атмосферу городской жизни. С поразительной стабильностью тон в городе задают обширные сообщества людей, не склонных к рефлексии, охотно поддающихся внушению, предпочитающих индивидуальному выбору, самостоятельной мысли бездумное хождение в стаде.

Кто знает: может быть, позорное, чудовищное дело Бейлиса случилось почти век назад именно в Киеве оттого, что было в этом месте немало людей, способных верить дремучим наветам и мифам, подверженных *стадному мракобесию*. Может быть, советский Киев 60—70-х годов был по-особому неуютным для людей ярких и талантливых, круче других регионов страны расправлялся с инакомыслящими оттого, что многочисленный городской обыватель воспринимал происходящее со *стадным безразличием* (не стоит, возможно, преувеличивать в этих случаях роль страха; времена на дворе были уже не сталинские). И конечно же, явно весомую роль в современных киевских событиях сыграло наличие несметного количества горожан, готовых с большой охотой предаваться *стадной эйфории*.

Еще более иррациональна, однако, природа человека как такового. Роль этого фактора в рассматриваемой нами проблеме весьма значительна.

Вернемся на время к исходному пункту наших наблюдений. Никаких вопросов не возникало бы, если бы люди рассматриваемой среды — вне зависимости от своего этнического происхождения — сознательно решили бы себя позиционировать в качестве украинцев с подростковых или юношеских лет. Каждый человек в этом смысле имеет право на собственный выбор. Но речь в данном случае идет о людях, чей внутренний мир сформировался достаточно давно. Чье сознание, повторимся еще раз, всю жизнь работает на *русском языке*. Чей путь к восприятию общечеловеческих ценностей (пусть степень основательности подобного восприятия и вызывает у нас порой вопросы) в свое время естественным образом опирался на *русскую культуру*.

Но вот внезапно, на наших глазах, люди эти дружными рядами стали записываться в число приверженцев национальной идеи, не имевшей никакого отношения к их существованию. А к тому же проявили поразительную готовность в угоду привнесенным извне идеологическим установкам отринуть багаж изначальных своих ценностей. Иными словами, они оказались готовы жить в режиме *ускользания от самих себя*.

На первый взгляд нелепость. Да к тому же как подобный режим соотносится с либеральными идеями, которые эта среда декларирует? Для либерализма ведь, казалось бы, уважение к личности, индивидуальности — принципы непреложные. И вполне было бы органичным для людей либеральной ориентации стремиться именно к самостоятельности суждений, независимости позиции. Но, как убедились мы ранее, либеральным принципам рассматриваемая среда на деле следует весьма избирательно.

Личность, индивидуальность... Для сохранения ее внутреннего стержня требуются, как показывает жизнь, серьезнейшие усилия, не гарантирующие к тому же *экзистенциальной защиты* (этот термин введен писателем Александром Мелиховым и подробно разъясняется в его книге «Броня из облака» (СПб.: Лимбус Пресс, 2012)). На протяжении 60—80-х годов подобную защиту давали оба мировоззрения, пребывавшие тогда друг с другом в непримиримой конфронтации: и «советское», и «антисоветское». Выбирая для себя любое из них, человек, во-первых, ощущал,

что он не одинок, что он — частица относительного (большого или меньшего) сообщества людей, настроенных точно так же. А во-вторых, и у одного, и у другого массового течения присутствовали воодушевляющие цели, выразившиеся либо в воцарении коммунистического «рая», либо в избавлении от тоталитарного «ада».

Совсем иная ситуация образовалась после 1991 года. Как бы ни относиться к постсоветскому раскладу, образовавшемуся на руинах бывшего Союза, одно представляется очевидным. Новая реальность изрядно выбила почву из-под ног любой «черно»-«белой» картины мира.

Что делать в таком положении? Для человека, нуждающегося в экзистенциальной защите, ответ очевиден: искать суррогат подобной картины.

Многие, соответственно, и ищут, иступленно плывя по течению, культивируя новые идеологические мифы, фантомы, химеры. И — активно навязывая их современному социуму.

Юлия ЩЕРБИНИНА

БОГИНЯ ДЕТАЛЕЙ

Критика как мифология и мифотворчество

Литературная коммуникация предполагает взаимную мифологию.

Робер Эскарпи

Во все времена, возможно, уже с начала оформления литературы в отдельную область культуры, литературные критики творили мифы о писателях, произведениях и... о самих себе. Критика по природе своей призвана создавать мифы в обоих значениях этого понятия — как особые *формы мировоззрения* и как заблуждения, *неадекватные представления*. Причем критик — одновременно и мифотворец, и мифолог (дешифратор), и герой мифа. Так, критика позапрошлого столетия подарила нам яркие мифы о Пушкине и о Белинском, а критика нынешнего века — мифы о «новом реализме» и о «новой критике».

Мифологизм русской литературной критики во многом обусловлен и ее культурно-исторической спецификой. Практически с самого начала она, по сути, была философской эстетикой (или эстетической философией) — а значит, носила «окололитературный» характер. Мережковский сотворил миф о Лермонтове, Андрей Белый — о Федоре Сологубе, позднесоветская и постсоветская критика — об эмигрантской и диссидентской литературе. Книги о знаменитых прозаиках и поэтах из серии «Жизнь замечательных людей» представляют собой особый корпус текстов, так или иначе мифологизирующих фигуру Писателя.

При этом литературное мифотворчество, как и всякое другое, бессубъектно и внеперсонально. Мифы одинаково производятся и сторонниками, и противниками того или иного понятия, явления, течения, как это происходит, в частности, с тем же «новым реализмом». И здесь в одном ряду стоят с одной стороны Сергей Шаргунов, Роман Сенчин, Андрей Рудалев; а с другой — Сергей Чередниченко, Наталья Рубанова, Дарья Маркова...

А еще критика — богиня *деталей* как структурных составляющих литературного произведения и *деталей* как всевозможных частных, подробностей, нюансов литературного творчества. Критик раскладывает произведение на составные элементы, выявляет в творчестве писателя типическое и индивидуальное, а затем конструирует оценочные суждения о конкретном тексте и литературе в целом. Фактически точно так же создается и миф: его основу составляют наиболее заметные, яркие черты предмета или явления. Критика и мифология единоприродны и неразрывно связаны.

Юлия Владимировна Щербинина — филолог, доктор педагогических наук, специалист в области книговедения и коммуникативных дисциплин. Автор ряда научных, научно-популярных, учебных книг и многочисленных статей в журнальной периодике. Лауреат премий журнала «Нева» (2014), журнала «Октябрь» (2015).

В современных условиях критика творит новую мифологию. Условно-обобщенно в ней можно выделить три смысловых блока: мифы, связанные непосредственно с литературой (творческие), связанные с фигурой критика (персонажные) и связанные с критическим высказыванием (текстовые). Выделим десять наиболее заметных и актуальных сегодня литературно-критических мифов и рассмотрим их содержательное наполнение.

Творческие мифы

Прежде всего, пожалуй, здесь актуален миф *сепаратистский*, с которым соотносится утвердившийся сегодня «нишевый» подход к литературе. Произведения сортируются по форматам, жанрам, направлениям; писатели делятся на «культурных» и «мейнстримовых», «интеллектуалов» и «беллетристов». Для сортировки достаточно выразительной детали, какого-то одного характерного свойства. Скажем, едва ли не всякое произведение с элементами фантастики легко ставят на полку фантастической литературы, зачастую не различая жанр и прием.

С этим же мифом связан также каталогизаторский подход — замещение анализа литературного процесса упоминанием многих и многих писательских имен и событий литературной жизни. Особо показательны популярные нынче «литературные итоги года», где аналитические суждения, обобщения, выводы зачастую подменяются обширными списками авторов и механическим перечислением текстов. В результате создаются стройные классификации, но выхолащиваются смыслы. Для маркетинга такой подход адекватен, для анализа — губителен.

Парадоксально, что в современных условиях рефлексия самой литературной критики продуктивна в русле того же самого подхода: каталоги, кластеры, классификации. Что, собственно, делается и в настоящей статье. Отсекая и редуцируя многие смыслы, «каталогизаторство» позволяет собрать и зафиксировать какие-то значимые *детали* — и получить некую общую картину критического диалога. Таким образом, исходный принцип сохраняется — меняются только внешние обстоятельства.

Другой миф — *жанрово-методологический*: нынешняя критика претендует то на открытие, а то и вовсе на изобретение новых жанровых форм и художественных методов в литературе. Яркий пример — все тот же «новый реализм». Аналогичным мифом, порожденным критикой XIX века, была идея бессознательного и бесцельного «чистого искусства».

В отсутствие полноценной коммуникации участников современного литпроцесса, серьезного публичного диалога «новый реализм» не получил серьезного теоретического обоснования, исказился во множестве субъективных трактовок, сделался термином-штампом и произвольно применяется к абсолютно разноплановым произведениям. Дискуссии о «новом реализме» выродились в бесплодный «спор о словах» (читай, все тех же *деталей*). Параллельно наплодились всякие квази-, турбо-, гипер-, фото-, пост- и прочие реализмы, суть которых темна и туманна.

На этом, однако, энергия данного мифа не иссякла — появилась масса других квазижанровых наименований: роман-конструктор, роман-аттракцион, роман-квест, роман-сон, роман-пунктир, роман-путеводитель, роман-селфи, роман-болеро, роман-возмездие, гей-роман, комикс-поэма... Фактически это понятия-пустышки, применимые к чему угодно. Например, «аттракционом» в разных публикациях названы не имеющие между собой ничего общего произведения Владимира Сорокина, Сергея Носова, Олега Радзинского. Литературное пространство искусственно раздробилось на множество псевдолокусов, не подлежащих уже никакому критическому анализу.

Еще один миф — **премиальный**: дескать, хорошие произведения — те, что получают премии. Понятно, что данный миф культивируется больше литературной журналистикой, чем толстожурнальной критикой, но сути это не меняет. Фактически сегодняшний премиальный миф — реконструкция античного мифа poeta laureatus, награждение лавровым венком лучшего поэта. Претерпев множество процедурных и смысловых трансформаций, этот миф сейчас закрепился в качестве распространенного заблуждения. Тогда как понятно же, что есть не имеющие никаких премий талантливые писатели и полно увенчанных лаврами слабых авторов. Наличие либо отсутствие премий — еще одна *деталь* мифа о Современном Писателе.

И даже если отдельно взятый критик свободен от этого заблуждения, в сознании массового читателя уже прочно укоренилось представление о том, что литературная премия если даже не гарантия эстетической ценности произведения, то уж точно показатель общественного признания писателя. Потому что на всех значимых мероприятиях, в телевизоре, на приеме у президента, в жюри тех же конкурсов — сплошь большекнижники, букероносцы, нацбестовцы да яснополянцы, а «просто хорошие авторы» никому не видны и не слышны. Это, собственно, и является лишним доказательством того, что литпремии — не маркер социокультурной легитимности писателя, а средство управления публичными мнениями и общественными процессами.

При этом практика бесплатного доступа к номинированным произведениям в интернет-голосовании дискредитирует институт копирайта. Казалось бы, внешне все абсолютно логично и этично: читатель не может отдать свой голос за «кота в мешке», надо вначале ознакомиться с выдвинутыми на премию текстами, а затем уже определиться с предпочтениями. Однако то, что избирательно является благом, в системе становится злом. Звание лауреата оказывается ценнее статуса автора.

По сути, здесь сталкиваются сразу три мифа: о свободе, о собственности и об авторстве. В результате их деконструкции формируется еще один миф: обладание премией более значимо, чем правообладание текстом. Опять же, всего лишь один нюанс, частная *деталь*: ввести систему читательской оплаты, пусть чисто символической, — и вот она, демонстрация ритуального (а иного тут и не надо) уважения к копирайту. Но идея свободы доступа к информации куда как привлекательнее, популярнее, наконец, проще. Выложить произведения в открытый сетевой доступ — и продемонстрировать «лояльность к читателю».

Следующий миф похож на заклятие: **книга плохо продается**. Похожая ритуальная фраза: **автор теряет популярность**. Выступая экспертами едва ли не по всем, в том числе и коммерческим вопросам, критики прогнозируют книгам не только читательскую судьбу, но и финансовый успех. Их слова, как мантры, повторяют издатели, журналисты, продавцы книжных магазинов и даже порой маркетологи, которым — опять же — проще зацепиться за чью-то цитату и влиться в общий хор, чем корпеть над всякими там расчетами-прогнозами. Возможен и обратный вариант: кто-то из редакторов первым произносит фразу-заклятие, а дальше ее дружно подхватывают критики.

Однако, кажется, нигде точно и четко не сформулировано, какие показатели продаваемости нынче следует считать хорошими. Причем не по отдельности, а в системе и соотношении разных параметров: сроки реализации тиражей, динамика потребительского спроса, разнообразие ассортимента, насыщаемость книжного рынка, допечатные и полиграфические затраты на издание, размер получаемой прибыли и др. Единственное, что можно почерпнуть из отчетов открытого доступа и даже из документации внутреннего оборота, это изъятые из общего контекста проценты снижения книгопродаж. Формальные и всерьез ни о чем не говорящие. Но такой подход парадоксально устраивает всех, потому что легко объясняет и почему «книж-

ки такие дорогие», и почему «люди стали так мало читать». Миф всегда обладает большим объяснительным потенциалом.

Следующий очень распространенный миф — **конспирологический**: уверенность критиков (а с их подачи и многих читателей) в наличии каких-то тайных причин и скрытых механизмов того или иного литературного факта, явления, события. Например, очень популярно гадать, за кого из писателей вкальвают литературные негры, в чьих произведениях присутствует скрытая реклама (продакт-плейсмент), кто у кого украл сюжет или идею, кто скрывается за тем или иным псевдонимом, благодаря кому роман «протащили» в ведущее издательство и наградили престижной премией...

И вновь здесь становится значимой какая-то частность, снова доминирует некая *деталь*, формирующая либо дополняющая образ Современного Писателя. Иной раз к этому целиком сводится критическое высказывание о том или ином произведении. И не только потому, что все внелитературное интереснее публике, чем собственно литература, но и потому что конспирология — прекрасный способ для самовыражения критика, присвоения сверхзнаний и суперкомпетенций.

С этим мифом тесно связан также **параноидальный** — охота на литературных ведьм. Определение жестковатое, но суть ясна: пристрастно выискивать и до тошно допытываться, что-кто нынче угрожает благополучию литературы. Например, отсутствие господдержки. Или пиратство. Или малооплачиваемость писательского труда, о чем не так давно была дискуссия в интернет-журнале «Литература»¹. Но вот что делать со всеми этими угрозами и трудностями — решительно непонятно. В итоге уходим от подлинной проблематизации, концентрируемся на частностях и побочных моментах. Поговорили и разошлись...

Персонажные мифы

В этой группе мифов — связанных с фигурой самого Критика — главенствует **имиджевый**. Современный литературный критик позиционируется то как социально значимый и востребованный медиаперсонаж, то — прямо противоположно — как никому не нужный, отживший свой век или сугубо второстепенный участник литпроцесса. Самое забавное, что оба суждения легко сочетаются в одном публичном высказывании: допустим, в интервью критик расписывает себя по первому трафарету, а коллег по цеху — по второму.

Имиджевый миф, в свою очередь, порождает различные мании и фобии. Есть, например, фобия засветиться на страницах недружественного либо конкурирующего издания. И здесь, как у Грибоедова, «что скажет Марья Алексевна».

Есть фобия утраты авторитета и, соответственно, аксиологическая мания: стремление судить и оценивать едва ли не всякое явление литературной жизни. Авторитетный, мол, критик обязан разбираться и в прозе, и в поэзии, и в драматургии, ориентироваться в «интеллектуальной» и в жанровой литературе, анализировать оригиналы и переводы, знать ситуацию на книжном рынке и в премиальном процессе. Реальность же часто расходится с идеалом — и в погоне за «масштабом» возникают досаднейшие, а порой и абсурдные ошибки, из которых путаница фамилий авторов и названий произведений еще далеко не самые страшные.

Есть фобия невостребованности и, соответственно, мания публикации: отрецензировать чуть ли не все книжные новинки, выступить на всех литературных площадках, участвовать в массе радиопрограмм, телепередач, интернет-дискуссий. Иные кри-

¹ Творец должен быть голодным: факт или миф? // Литература. 2014. 29 сентября.

тики ради этого делают перепосты и републикации, объем которых в разы превышает все прежние показатели.

Есть так называемый «комплекс недостатчи»: критик начинает или завершает разбор произведения популярнейшей нынче фразой «В этом романе мне не хватило...» ...Драйва ...динамики ...предыстории героев ...нормальной концовки ...ружья на стене ...фирменного послевкуся ...детской наивности, стеснения, а потом страсти (реальные примеры из рецензий). Убедительный и объективный оценочный критерий, что уж говорить! И вновь тут принцип детальности-детализации, акцент на частностях.

Сюда же отнесем также миф *эгоцентрический*: уверенность критика в том, что его мнение интересно и значимо большой аудитории. Критик апеллирует к иллюзорным «широким кругам», тогда как при желании и даже не слишком больших усилиях можно набрать кучу «лайков» и перепостов в соцсетях. При этом критик часто сам оказывается во власти заблуждений относительно своего влияния на рыночные процессы. Например, свято и наивно верит в то, что его рецензии заметно влияют на книгопродажи. Аналогично и писатели плодят да плодят персональные профили в соцсетях, полагая, что анонсирование новой книги в «Фейсбуке» активно способствует реализации тиража.

На поверку же нередко выходит иначе. Читатель впечатляется анонсами-обзорами-рецензиями, но приобретать книжку отнюдь не торопится. А зачем, если ее можно скачать с пиратского торрента или просто попросить в подарок у автора на «френдовых» правах?

Текстовые мифы

В этой группе мифов — связанных непосредственно с критическим текстом — наиболее заметен *стилевой*: экспериментирование с формами литературной критики, зачастую бездумное и бесплодное. Здесь и избыточное словесное украшательство, и имитация художественной речи в критическом высказывании («критик играет в писателя»), и нарочитая разговорность («критик маскируется в своего-в-доскупарня»). Якобы все это стимулирует читательский интерес и расширяет аудиторию.

«Легкая, как дымок „Герцеговины Флор“, история отроческой страсти в интерпретации Аствацатурова непоправимо заплыла словесным салом и превратилась в роман нравоучительный и чинный, отменно длинный, длинный, длинный...» — вот так нынче пишутся аналитические очерки. Скоро, глядишь, станут изъясняться гекзаметром или заботаю по фене. Гибрид глянца и нуара.

Иной раз вообще непонятна сама позиция пишущего: ругает он книгу или хвалит? И рецензия, согласно ее жанровым законам, предполагающая четкость всех формулировок и ясность выражения позиции критика, вырождается в двусмысленность, а порой и в бессмыслицу.

«Это симпатичный и по-своему трогательный извод экзистенциальной линии, который, тем не менее, ограничиваясь частностями, в них и тонет по причине нерешительной мечтательности как автора, так и его героев: впрочем, похоже, так и было задумано» (Наталия Курчатова о романе Глеба Шульпякова «Музей имени Данте»).

«Несмотря на толщину и огромное количество разнохарактерных персонажей, в ней трудно разглядеть паутинные стяжки, которые оплетают романное действо» (Екатерина Смирнова о книге Алексея Иванова «Ёбург»).

«Окромя частного волнения писатель подает пример из жизненных заметок, встречаемых в обыденном антураже общественного транспорта. Уж где, если не

там, удачней можно наблюдать за поступательным развитием литературного наследия читающей страны» (Алексей Зырянов о романе Михаила Липскерова «Мясо снегиря»).

Критики то и дело пеняют друг другу на «филологичность», сложность изложения, жонглиж терминами, но при этом ничего не меняется, окромя частного волнения. По-прежнему инертные читатели ленятся уже не только читать рецензии, но даже участвовать в премиальных интернет-голосованиях. В былые годы лауреаты «Большой книги» набирали тысячи читательских голосов, а в последний сезон — какие-то жалкие сотни, даже несмотря на возможность бесплатного чтения текстов.

Интуитивно ощущая истинное положение вещей, сообразительные критики уходят в блогосферу и соцсети, где стилистические упражнения аутентичны заданному формату и хотя бы немного позволяют вообразить себя писателем. В Интернете критика превращается в изолированную виртуальную надстройку над литпроцессом. Здесь имеется профессиональное алиби: «Я сказал только то-то и то-то — остальное досочинили френды и подписчики». Так цех критиков из сообщества профессионалов-специалистов превращается в сетевое комьюнити, а фигура Критика встраивается в один ряд с киберпанком, копимистом, «падонком» и прочими субкультурными персонажами.

Здесь же еще выделяется **коммуникативный** миф: уверенность критика в том, будто его высказывания не просто понятны, доступны, интересны читающей публике, но «созвучны времени» и включены в культурный контекст как символический обмен словесными знаками. Сложилось мифологическое представление о том, что цифровая эпоха небывало увеличила и усовершенствовала коммуникационные возможности.

Однако стоит взглянуть объективнее — и становится ясно: это лишь формальная истина, на деле же любые слова стремительно тонут в общем информационном потоке, игнорируются и просто теряются электронные письма, находятся идеальные оправдания искажениям и ошибкам. Это «Почту России» легко сделать козлом отпущения, поскольку там есть система отслеживания отправок, а у интернет-пользователей есть очередное — коммуникативное — алиби: невозможность уследить за информацией. «Письмо попало в спам», «электронка зависла», «пароль забылся», «сеть отрубилась»...

Точно так же литературный критик может сколько угодно тешиться иллюзией контекстной включенности его текстов, размещая и перепечатывая их тут и там, увлеченно подсчитывая «лайки» и читая комменты. Но не выйти за пределы литературной тусовки, локальной и замкнутой, разве что собрать и выпустить критические статьи в виде книги (см., например, серию «Лидеры мнений» в издательстве «Рипол»). Да и тогда есть шанс реализовать от силы экземпляров триста-пятьсот. И вот как это нынче понимать: плохо продается книжка или хорошо?

В той же связи весьма показательны легендирование фигуры Принципиального Критика и демонизация Критика-зоила. Помнится, Вадим Левенталь настаивал на том, что «фигура хама оформляет и упорядочивает аморфный литературный быт и позволяет ему быть»², а Михаил Бойко утверждал, будто бы «нам нужны десятки, много десятков Бурениных»³. И что же?

Ушел великий и ужасный Виктор Топоров — и ничего не изменилось, лишь недолго повздыхали немногие, кого он хвалил, и выдохнули с облегчением все обруганные. Другая ситуация — переход из стана критиков в круг писателей, чем автоматически выдирается язвительное жало. Так случилось, например, с Сергеем Беляковым, который еще несколько лет назад лихо свеживал и разделявал писателей,

² Левенталь В. Право на хамство // Прочтение. 2008. 9 августа.

³ Бойко М. Если бы я был Виктором Топоровым // НГ – Exlibris. 2010. 18 февраля.

а теперь сам стал писателем и, естественно, потерял охоту размахивать словесной саблей. Его коллега по «Уралу» Василий Ширяев куда-то временно (?) самоустранился, а оставшийся едва ли не в гордом одиночестве Александр Кузьменков из грозного хулителя превратился в (за)штатного зоила, декоративную фигуру ведущего рубрики «Черная метка».

Вот вам и все неистовые виссарионы наших дней.

Наконец, в основе своей мифологично сложившееся представление о том, что едва ли не все откровенно ругательные и слишком хвалебные публикации носят «заказной» характер, сочиняются в интересах определенных лиц. Подозрение в ангажированности — очередная *деталь*, задающая систему координат литературного творчества. Внушенная многими критиками, эта идея была легко подхвачена издателями, а затем и читателями. Во многом она проистекает из-за показательной схожести рецензий, тиражирования одних и тех же формулировок, повтора одинаковых оценок.

Что в итоге? Сегодня критик по-прежнему мифотворец, но уже не миротворец — не хранитель культурного очага. Он кладовщик, учетчик, оценщик. Бог деталей. Критик взвешивает и расфасовывает литературный товар и декорирует своими высказываниями книжные обложки. Но в современности у него, наверное, и не может быть иной роли.

(Пост)критика

В последние годы формируется новая генерация литературных критиков, к которой, возможно, наиболее применимо пусть не очень точное, но в целом понятное определение *буржуазные интеллектуалы*, а к производимым ими текстам подходит определение *(пост)критика*. По сути, это очередной миф (в обоих значениях) и еще одно слово-полупустышка, просто дающее возможность инициировать какой-никакой публичный диалог.

В отдельных проявлениях посткритики мифотворчество как способ рецепции социального смысла писательства и культурного статуса писателя продолжает идти давно сложившимся, традиционным путем. Скажем, в книге Алексея Колобродова «Захар», выпущенной к сорокалетнему (!) юбилею писателя, так или иначе создается миф о Прилепине. Предел мифологизации — полное отождествление писателя и биографического персонажа — в литературных произведениях, например, посвященных Эдуарду Лимонову: в пьесе Владимира Максимова «Там вдали за бугром» (герой Анасанов), в романах Дэвида Гуревича «Путешествия с Дубинским и Клайвом» (герой Апельсинов), Эмманюэля Каррера «Limonov».

Мифологична во многих своих проявлениях критика творчества Пелевина и Коэльо — писателей абсолютно разноплановых, но заметно схожих в области литературно-критических построений. Причем тут наблюдается взаимонаправленное движение: с одной стороны, легендирование писательского образа в критических текстах; с другой стороны, создание образов критика-антигероя, издателя-врага в произведениях и автокомментариях самих писателей⁴. Вспомнить хотя бы знаменитых пелевинских Недотыкомзера и Ослика Семь Центов.

Наконец, посткритика — хотим мы того или нет — заметно интегрируется с филологией, интуитивно стремясь к преодолению культурной инерции, освобождению от оценочных стереотипов, наращиванию аналитического инструментария. Многие активно пишущие сегодня критики являются одновременно учеными и/или вузовскими преподавателями. В области мифотворчества у критика-ученого имеется и относительно новый инструмент — конференции.

⁴ См., например: Ариас Х. Пауло Коэльо: Исповедь паломника. К.; М.; СПб.: София, 2003.

Совмещая выступления в соцсетях и газетно-журнальной периодике с научной деятельностью, критик инициирует диалог о писателе как часть академического дискурса, стремясь вывести частные суждения на уровень коллективных рефлексий. Яркие примеры — международный симпозиум по творчеству Владимира Сорокина в Мангейме (1997), конференции «Языки Сорокина: медиальность, межкультурность, перевод» (2012) и «Знаковые имена современной русской литературы» по произведениям Михаила Шишкина (2016), планируемая в 2017 году конференция по прозе Евгения Водолазкина.

Результат? «В России его называют „русским Умберто Эко“, в Америке — после выхода „Лавра“ на английском — “русским Маркесом“...» — читаем на обложке последнего романа Водолазкина «Авиатор». Обложку украшает также рисунок самого Михаила Шемякина, сделанный специально для этого издания. Из того же ряда: Прилепин — новый Горький, Козлов — русский Ирвин Уэлш, Иванов — современный Мамин-Сибиряк... Сравнение с классиками — очередная характерная *деталь* как инструмент литературно-критического мифотворчества. «Просто писатель» превращается в легендарную фигуру, обретает культовый статус.

Параллельно посткритика творит новую мифологию, порождая собственные модели анализа и стратегии восприятия литературы. Одну из них можно условно обозначить как *критическое высказывание 3D-формата*: синтез собственно критического разбора с лингвистическим, философским, искусствоведческим, культурологическим. Анализ художественного произведения в политическом, экономическом, педагогическом, религиозном, медицинском и множестве других контекстов. При этом критик обращается не к узкому кругу профильных специалистов (как было прежде), а к аудитории таких же интеллектуалов.

Такой подход органично встраивается в систему актуального искусства с его полистилистикой и многофактурностью. В художественных галереях экспонируются инсталляции, соединяющие кирпичи с волосами, макароны с гинекологическими инструментами, томики Шекспира с собачьими испражнениями. Аналогично в литературно-критической периодике публикуются рассуждения об отражении актуальных экономических процессов и рекламных приемов в романах Пелевина, аллюзиях на Джармуша в повестях Осокина, психиатрических перверсиях в творчестве Елизарова...

Книга становится поводом и предлогом для разговора не о самой себе, а о *чем-то другом*. Литература воспринимается не как система художественных текстов, а как набор социальных посланий. И для разговора о ней теперь требуются не только профильные компетенции, но также фоновые, контекстные знания: о бизнесе, моде, кулинарии, постструктурализме, дауншифтинге, финансовой политике, компьютерных программах, черных дырах, оранжевых революциях... Надо разбираться в лингвистической теории Хомского, смотреть фильмы Годара, знать концепцию чтения Бурдьё, иметь мнение об идеях Делеза... Короче, быть в курсе всего, что относится к «брендам» и «трендам». В кавычках и без кавычек.

Книга превращается в метапредмет, а литературная критика становится метаязыком для описания всего и вся, реального (действительного) и выдуманного (сочиненного). Нынешняя критика творит *расширенную мифологию*: сферой мифотворчества оказывается не только и уже не столько Литература, а фактически все покрываемое понятием Культура. При этом у критики появляется еще одно безупречное — социальное — алиби (ср. значение самого слова: лат. *alibi* — «где-либо в другом месте»). Находясь уже *вне* литературы, все более удаляясь за ее пределы, она автоматически снимает с себя ответственность за любую оценку, за каждое суждение, за всякую интерпретацию.

Разрушаясь в своей первооснове (как одна из институций), критика начинает описывать вообще всю жизнь, используя литературу одновременно в качестве инструмента и в качестве материала. Раньше критика обслуживала литературу — теперь литература обслуживает критику. И сегодня к посткритике, как никогда прежде, применимо определение «игра», а основные ее форматы соотносимы с типами компьютерных игр: аркада — игра на координацию, логику, пространственное мышление; квест — решение логических и коммуникативных задач в ходе развертывания игрового сюжета; шутер — «стрелялка».

В первом случае критик демонстрирует свою общую осведомленность, начитанность, познания в различных областях. Текст литературного произведения становится IQ-тестом. Эта линия более всего соотносится с *персонажными* мифами.

Во втором случае критик красуется словесными мускулами, применяет экспериментальные приемы анализа произведения, часто наделяя его новыми, модными, но изначально не заложенными в нем смыслами. Это направление чаще всего корреспондирует с *творческими* мифами.

В третьем случае критик сыплет дробью витиеватых терминов, чеканит звонкие метафоры, расклеивает словесные ярлыки, превращая анализируемый текст в тир, набор смысловых мишеней. Это направление связано преимущественно с *текстовыми* мифами.

Во всех трех случаях литературное произведение утрачивает исходный набор оценочных параметров, становится объектом для решения каких-то побочных либо прикладных задач. Сюжетные коллизии, художественные образы, тропы и фигуры становятся для критика его подручными и поверенными; литературные персонажи превращаются в обслуживающий персонал для выражения идей критика. Аналогично лингвисты берутся за художественную литературу с целью извлечь из нее какие-нибудь лексические единицы и грамматические конструкции, школьные учителя извлекают из книг тексты для изложений и диктантов, социологи и культурологи — доказательства и иллюстрации своих концепций.

Крайней формой воплощения такого подхода становятся неуклюжие, а иной раз и вовсе нелепейшие проекции литературных сюжетов в реальную действительность (а не наоборот!), ревизия *фактов* с помощью *фикшна*. Недавний ярчайший образчик — статья Дмитрия Губина, из которой следует, что «писатель Алексей Иванов виноват в гибели детишек в Карелии в не меньшей степени, чем читатели и почитатели его романа»⁵ «Географ глобус пропил». Почему? Да потому, дескать, что в этом произведении «неподготовленный учитель чуть не угробил детей в походе», однако, несмотря на это, герой изображен так, что вызывает симпатию у читателя, «место возмездия занимает сочувствие». Грубо проецируя романский сюжет (к тому же двадцатилетней давности) на реальный случай, автор публикации ссылается еще и на Дмитрия Быкова, который где-то «сказал, что „Мастер и Маргарита“ — скверный роман, оправдывающий сделку мастера с дьяволом» (цитата из той же статьи). Ну, право слово, тут и возразить нечего — остается только руками развести...

Критика традиционная была призвана производить *смыслы* — посткритика заточена на производство *впечатлений*. Дискурс факта сменился дискурсом эффекта. Последним звеном в мнемонической цепочке у читателя остается текст критика (обозревателя, журналиста), а не текст писателя. Не сам роман, а рецензия о романе. В этом проявляется еще одно исходное свойство всякого мифа — производство эффектов при неявленности, затемненности содержания, символическая маскировка смысла.

⁵ Губин Д. Об умерших детях и живых взрослых // Росбалт. 2016. 28 июня.

Собственно *информирование* сегодня замещается *информационным воздействием*. И здесь миф становится уже не только элементом социальной магии и продуктом самовыражения критика как медиаперсоны. Миф превращается в информационный товар, заключаемый в красивые литературные упаковки вроде «писатель-бренд», «роман-бестселлер», «книга года», «литературное открытие сезона»...

Сближаясь с актуальным искусством, а в лучших образцах становясь его разновидностью, посткритика рассматривает литературное произведение не в системе существующих *традиций*, а в ряду актуальных *тенденций*.

На первый взгляд эта критика агендерна (вне гендера), поскольку образ говорящего-пишущего оказывается здесь предельно обобщенным и универсальным. Литературным критиком нынче может быть кто угодно, и критик может говорить решительно обо всем. Однако на поверку посткритика оказывается преимущественно маскулинной, потому что прерогатива Знания — априори мужская. Доступ к знаниям, производство знаний и обладание знаниями — мужские по самой своей природе. Причем в посткритике гендер еще и фактически накладывается на биологический пол — происходит совмещение этих понятий.

Выходя за пределы литературы сначала в сопредельные, а затем вообще в другие области, критика автоматически «омужествляется». Аналогично женщина-литературовед воспринимается вполне естественно, а женщина-философ вызывает настороженность. Много вы видели женщин-философов? Особенно в нашей стране, и притом имеющих статус признанных авторитетов. Вопрос риторический. Даром что сами слова «ученый», «философ», «мыслитель» — мужского рода, не имеют равноценного женского эквивалента. Грамматика определяется онтологией.

Гендер — очередная системообразующая *деталь*, выводящая литературную критику на новый виток мифотворчества. Что в результате? И писатели, и коллеги по цеху воспринимаются одинаково: «критикесса», «авторша», «поэтка», использование уменьшительных имен («в последнем романе Димы Быкова...»). В традиционной ругательной критике подобные наименования выполняют обличительную функцию, в посткритике они выполняют функцию охранительную — становятся средствами присвоения «права речи», поддержания публичной власти.

И рецензия в сегодняшней «Литературной газете» вполне может начинаться так: «Алиса Ганиева — воплощение всех женских добродетелей: активистка, спортсменка и просто красавица»⁶. Аналогично и полемическую статью о критике в «Свободной прессе» можно озаглавить «Особенности женского недовольства»⁷ и свести все претензии к поло-ролевым, именуя коллег по цеху исключительно по гендеру («известная дама», «две разъяренные барышни») и фамильярно переходя на личности («Все лишние претензии к Боре Кутенкову: он мастер выезжать на обезличенных словах и терминах в своих статьях»).

В пределе своего воплощения гендерный комплекс опускает литературно-критический диалог «ниже пояса», сводит к «телесному низу» и просто к банальному хамству. «Критикессы наши, как и подобает девочкам, сделаны из пирожных и сладостей всевозможных — и потому украсили обвинительный вердикт изюмом и цукатами»⁸.

Так вновь замыкается круг, происходит возврат к примитивным формам критического высказывания. Но примитив не тождествен архаике, как неравнозначны заборная надпись и надпись на античной вазе. И опять не понятно, куда нынче входит литературная критика — не то в штопор, не то в ступор, не то в новый фарватер.

⁶ Кузьменков А. Алиса из Зазеркалья // Литературная газета. 2014. 19 ноября. № 46 (6487).

⁷ Зырянов А. Особенности женского недовольства // Свободная пресса. 2014. 16 июня

⁸ Кузьменков А. Указ. соч.

Когда в метро «Площадь Александра Невского» читаешь что-то вроде «Эдука-центр», то «Вижен сервис» начинает казаться брильянтом, кои адмирал Шишков именовал сверкальцами. Эдука!..

Но разве в России так не было с первых дней Петровых? Еще в начале прошлого века парикмахер Пупкин покрикивал на подмастерьев: «Эй, малшик, шипси! Да шевелись, дьявол!» Лакей, знавший пяток ломаных французских слов, притворялся парижанином, а аристократ, изъяснявшийся не хуже парижанина, гордился российской родовитостью. Пушкин носил в лице кличку Француз и наполнял свой прославленный словарь как чужеземными, так и истинно русскими выражениями, вплоть до матерных. И неизменно демонстрировал, что и соленое слово хорошо на своем месте. Что хорошо в казарме, неуместно в салоне, что хорошо в окопе, нелепо на семинаре. А смешение всего в одной кастрюле есть не обогащение, но обеднение языка: слова утрачивают краски породившей их среды: матросской, шоферской, научной, купеческой....

Язык вырождается не может, вырождаются только люди. Дай душевно развитому человеку самый примитивный словарь, и он из него сделает роскошный язык, превращая буквальные выражения в иносказательные, создавая новые словосочетания и проч. И дай какому-нибудь нынешнему лицеисту не из самых умных хотя бы тот же пушкинский словарь — и он извлечет из него десяток существительных, пару глаголов, да так и поселится среди великолепного дворца в шалаше из блин, как бы, в кайф, фишка, прикольно...

Но случись всемирный потоп, после которого уцелеет лишь обиженная Богом и языком парочка новых Адама и Евы, — и через тысячу лет их убогий сленг превратится в высокий язык, на котором будут писать гениальные стихи: высокие чувства наполнят убогие слова высоким смыслом и тем самым превратят их тоже в сколь угодно высокие.

Любое новое слово, новое выражение только обогащает язык — если в публичную, литературную, «высокую» речь они проникают лишь через фильтр культурной аристократии, которая метит их или одобрением, или насмешкой, или брезгливостью, или штампом «ограниченно годен для узкопрофессионального использования», всегда отчетливо различая в словах образ мыслей и чувствований породившей их социальной группы и ее функции: канцелярские, военные, извозчицьи, церковные, научные, уголовные...

И главная опасность сегодняшнего языкового разгула не в нем самом, а в отсутствии аристократической инстанции вкуса, которая бы ставила языковые новообразования да и старообразования на должное место. Без этой сортировки слова и обороты, вполне уместные в языке программистов, моряков, пожарных, врачей, лакеев, уголовников, грузчиков, утрачивают стилистическое воспоминание о породившей их среде, тогда как именно в порождаемых ими ассоциациях с предками и заключается едва ли не главная их ценность. Именно поэтому к широкому проникновению мата в литературу я отношусь точно так же, как к инфляции — как к массовому выпуску ассигнаций, не обеспеченных золотом: их ценность быстро падает до нуля, и выигрывает только тот, кто пускает их в ход первым. Сильные выражения лишь до тех пор и остаются сильными, пока их употребляют в исключительных ситуациях, когда они воспринимаются выплеском страсти, не сумевшей удержаться в социальных берегах. Но если исчезнут сами берега, исчезнет норма, то исчезнет и ощущение ее нарушения.

А заодно и роскошная культура намеков, иносказаний, шуток — тонкости и ухищрения ни к чему там, где все можно сказать прямо.

Иными словами, примитивизация языка лишь следствие примитивизации общества, следствие неспособности культурной элиты выполнять свою извечную обязанность — отделять высокое от низкого, остроумное от вульгарного, утонченное от хамского. Перемешиванию «культурных» и «некультурных» слов всегда предшествует перемешивание культурных и некультурных слоев. А потому лечение языка нужно начинать с лечения общества. С возрождения национальной аристократии, то есть общественного слоя, одновременно культурного и влиятельного.

Культурных людей у нас вполне достаточно, однако они не составляют никакой организованной социальной силы. Так не объединиться ли им в Аристократическую партию? И тогда в борьбе за язык им очень пригодится знание анатомии слов, так интересно разобранных в «Русском тезаурусе» известного культуролога Владимира Елистратова.

Александр МЕЛИХОВ

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

НЕОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Тезаурус — значит сокровищница. В русском языке есть «слова-сокровища», то есть главные слова, «слова-архетипы», «слова-архиконцепты».

Слова, они — как люди. Болеют, выздоравливают, опять болеют, снова выздоравливают, некоторые умирают. Это, конечно, метафора, а никакой не «биологический детерминизм».

Владимир Станиславович Елистратов родился в Москве в 1965 году. Окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова в 1987 году. Защитил кандидатскую диссертацию по филологии в 1993 году, докторскую диссертацию по культурологии в 1997-м. Заслуженный профессор МГУ. Преподает риторику, семиотику, историю литературы, современный русский язык, культуру речи, лексикографию. Лауреат премии имени Шувалова I степени. Автор книг «Арго и культура» (1995), «Трактат про таракана» (1996), «Словарь русского арга» (1994, 2000), «Язык старой Москвы» (1997, 2004), «Словарь крылатых фраз российского кино» (1999, 2010), «Словарь языка Василия Шукшина» (2001), «Толковый словарь русского сленга» (2010), «Нейминг: искусство называть» (2013, совм. с П. А. Пименовым), «Словарь жаргона русского капитализма начала XXI века» (2013) и др. Автор более 700 публикаций. Работы переведены на немецкий, венгерский, болгарский, английский языки. Переводчик, поэт, прозаик, эссеист, публицист. Автор сборника юмористических рассказов «Тю! или рассказы российского туриста» (2008), поэтических сборников «Московский Водолей» (2002), «По эту сторону Стикса» (2005), «Духи мест» (2007). Печатается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Поляна», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «АиФ — путешествия», «Аэрофлот» и др., постоянный автор газеты «Моя семья». Живет в Москве.

И можно, выходит дело, заниматься *диагностикой заболевших слов*. Это нормально. Хотя «выписывать рецепты» гораздо сложнее, чем «диагностировать».

Мне бы хотелось предложить вашему вниманию серию коротких эссе о таких словах, которые мы с коллегами-лингвистами несколько лет назад «диагностировали» в рамках одного очень-очень солидного лингвистического проекта.

Кончено, эссе эти выполнены мною в несколько облегченном популяризованном варианте. Не только и не столько для лингвистов, сколько для всех людей, интересующихся судьбой родного языка. Тема-то, согласитесь, более чем серьезная.

Ведь мы говорим о Главных Словах нашего языка. Без которых у нас нет будущего. Что такое «лечение» слов?

Лечатся, конечно, не сами слова, а люди, которые их употребляют. «Отче наш» лингвистов — это констатация того факта, что «язык» и «речь» — это разные субстанции. Язык — это система. Речь — реализация системы, болеет не язык, а речь людей, которые языком пользуются. Для сравнения: есть математика с ее незыблемым знанием, а есть ошибки в исчислении. Причем массовые. Так же и с языком — речью.

Предлагаемые вашему вниманию эссе, например, в адаптированном для детей виде давались школьникам как тренировочные тексты к ЕГЭ. Реакция была прекрасная. Дети явно полюбили эти слова. Увидели их как бы заново, открыли для себя вновь.

Далее начинается «игра в языковую политику». Удастся нам внедрить эти «диагностированные» слова в общегосударственный обиход — хорошо, нет — плохо.

Список слов:

АРТЕЛЬ

БЛАГО, БОГ и БОГАТСТВО, БОЛЕЗНЬ

ВЕРА, ВЛАСТЬ, ВОЛЯ, ВРАГ

АРТЕЛЬ

Артель, которой более тысячи лет и которая до появления этого слова в русском языке называлась на Руси *ватагой*, — одна из древнейших форм русской общественно-экономической самоорганизации. Артели могли быть самые разные. Охотничьи, ремесленные, рыболовные и т. д. В принципе артель отличается от других объединений своими конкретными хозяйственными, экономическими целями. Основные условия создания артели: добровольность, взаимодоверие, равноправие и круговая порука.

Интересно, что Запад практически не знал института артели. Аналоги нашей «ватаги-артели» начинают возникать на Западе только в последние десятилетия.

Артель — это своего рода минимальная единица анархической (в исконном, платоновском смысле этого слова) экономики. Так сказать, антитеза «картеля». И вообще любой цеховой «корпоративности».

Это самоорганизация самая что ни на есть «демократическая». Любой может войти в артель и выйти из нее. Любой может избирать главу артели и быть избранным: «рядником», «усердником», «артельщиком», «кормщиком» и т. д.

Артель — это союз по «благодати» (на доверии, на честном слове), а не по «закону» (праву, юриспруденции). Политико-административный аналог артели — совет. Не случайно эти два слова взяли на вооружение большевики.

Артель и *совет*, а также отчасти в значительной степени крестьянская *община* — основные русские антиглобалистские институты, которые необходимо всячески развивать. В сакральной сфере «артели-общине-совету» соответствует «собор», «соборность». Артель в промышленности, община в сельском хозяйстве, совет в общественной жизни, собор в религии. И их полная взаимозаменяемость при необходимости. «Соборная артель». «Общинный совет». И т. д.

Этимология слова «артель», по всей видимости, уже никогда не будет выяснена до конца. Но при всей своей замутненности она очень показательна. Этимологи уже давно спорят об этом слове. И символично, что это глубоко евразийское слово как раз интерпретируется либо «по-европейски», либо «по-азиатски».

По одной версии, «артель» восходит к итальянскому «artiere» — ремесленник — и, следовательно, к латинскому «ars» — искусство. По другой — к тюркскому корню «orta» («urta»), который концентрирует в себе идеи «общий», «середина», «пополам», «товарищ», «участвовать», «пай» и т. п. Официально фиксируется слово «артель» в русском языке с XVII века.

Как оно могло попасть к нам из итальянского? Вполне возможно, через итальянских зодчих и других ремесленников, которых выписывали цари и императоры.

Как оно могло прийти из тюркских языков? Легко. Ватаги-артели всегда были интернациональными. Откуда взялись тюркские «айда», «амбар» и т. п.? Отсюда же и «артель».

Так или иначе, уже из русского языка слово стало заимствоваться и на Западе, и на Востоке. В польском, чешском или болгарском оно является русизмом. А многочисленные евразийские тюрки (и не только) заимствовали «артель» из русского вторично. Оно присутствует практически во всех языках России и бывшего СССР. Чукчи охотятся за тюленями по артельному принципу, по этому же принципу разводят лошадей калмыки. Только на Евразийском субконтиненте, то есть в России, могла быть создана артель, объединяющая в себе такие концепты, как «вера» («доверие»), «воля» и «добро» (свобода объединения, «добровольность»), «мастерство», «искусство» («ars»), «равенство» и «право», «правота» («равноправие»).

Артель — это своего рода матрица самоорганизации людей, свободная от социально-экономических и юридических сиюминутных условностей, «патриц» средневекового цеха или современного офисно-корпоративного объединения.

Артель — чистый архетип, форма объединения будущего. Нечто «артельное» («ватажное») намечается, «мерцает» в социальных сетях и в Интернете в целом.

А Россия пришла к артели более тысячи лет назад: на своих степных, лесостепных и лесных «интернет-пространствах». Идея артели всегда была жива в России, хотя периодически подавлялась. Она была настолько сильна, что идеи артельности-ватажности мы умильно приписывали даже любимым западным персонажам (например, мушкетерам Дюма с их «Один за всех и все за одного»).

Пора наконец все расставить по местам. Артель — чисто российский концепт, который может и должен принадлежать мировому сообществу. Это такое же русское изобретение, как ракета или периодическая таблица химических элементов Д. И. Менделеева. Только созданная не отдельной личностью, а коллективно всеми народами России.

То есть опять же — артельно.

БОГ и БОГАТСТВО

Ясно, что «Бог» («божество», «божественный» и т. д.) и «богатство» («богатый», «разбогатеть» и т. д.) в русском языке этимологически родственные, по сути — однокоренные слова.

Очень трудно сказать, какое из них «первично». Значительная часть исследователей считает, что слово «Бог» в славянских языках (в общеславянском) первоначально означало именно «наделенный богатством». Отсюда упоминание этого корня в сочетании с именами языческих богов («Даждь-бог» и пр.).

Бог исконно мыслится как активное, динамическое начало, как та сила, которая «дает», «наделяет», «раздает», «распределяет». Это очень важно: «Бог» в индоевропейском корне *bhag* — это по сути глагол, действие, «акт» («наделять», «раздавать»), восходящий, в свою очередь, к древнеиндийскому сакральному звукосочетанию *bha* — «придыхательному выдоху», символизирующему сотворение Бытия.

Здесь произошло удивительное совпадение с библейским «В начале было Слово (=глагол!), и это Слово было Бог».

«Бог» — это мистический «Первовыдох» (ср. еврейское «Роах Элохим» — «Дуновение Бога», соответствующее греческому «Логос» в Евангелии от Иоанна), «Глагол» («Слово») и «Наделение» («обогащение мира»). Бог — это Мысль, Слово и Дело в одном лице.

Считается, что в славянские языки этот корень попал через иранские языки (скифские, сарматские и др.), как иранское *bağa* («*baγa*») со значениями «бог», «господин», «участь», «судьба». В индийском *bhaga* было осмыслено как «счастье», «благосостояние». В греческом (*baγos*) — как «ломоть» (хлеба), «владыка», «царь».

Иначе говоря, во всех индоевропейских «исполнениях» этого корня Бог — это активное первоначало Бытия, которое наделяет — судьбой, счастьем, благосостоянием, властью, пищей...

В русском языке словообразовательное гнездо корня «бог» феноменально «богатое», вплоть до слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («боженята», «боженька» и др.), что практически не имеет аналогов в других языках, разве что в латиноамериканских вариантах испанского («*diosito mio*» — «боженька мой»).

У русских «Бог» — чрезвычайно интимная тема. Русский человек, если внимательно проанализировать русский словесный материал с этим корнем, словно бы состоит в близких, даже отчасти «панибратских» отношениях с Ним: «Бог не Тимошка, видит немножко», «взять Бога за бороду» (а то и еще за что-нибудь...) и т. п. Практически никакой метафизической дистанции! «Русский бог добр».

Это качество необходимо, на наш взгляд, всячески культивировать, пропагандируя соответствующую идиоматику (см., например, у Даля) и фольклор. При этом надо иметь в виду, что богохульство на Руси (то есть непосредственное ругательство в адрес Бога), по сравнению с западным карнавалом, было практически неведомо. Русская культура, можно сказать, не знает богохульства. Оно ей всегда было чуждо и остается чуждым.

Идея же «богатства» как «обилия материальных ценностей, денег» (С. Ожегов) в русском языковом материале находит весьма скромную поддержку. Идею материального богатства русские предпочитают выражать иначе, по сути — эвфемически, через корень «добр» («И стали они жить-поживать да добра наживать»).

«Богатый» (в значении зажиточный), «богатеть», «богач», «богатея», «обогащаться» и т. д. — всю эту «материальную тему» никак нельзя назвать однозначно положи-

тельной. Это — слова «с душком». Иначе говоря — оценочно амбивалентные слова. В отличие, например, от китайского соответствующего концепта «фу», который сто процентно положительно окрашен. Так же, как и в языковых культурах, где доминирует протестантская этика, поскольку богатство там — прямое свидетельство «любви Бога» к его (богатства) обладателю.

В современном русском языке по-прежнему отчетлив рефлекс православного отношения к богатству. Богатство как деньги и имущество — двусмысленно. «Богатый» же в значении обильный, содержащий в себе много ценного, ценных качеств («богатый урожай», «богатая коллекция книг», «богатый голос» и т. п.) в русском языке — позитивное семантическое поле, «обогащенное» к тому же различной идиоматикой («Русский солдат правдой богат» и т. п.).

На наш взгляд, язык в данном случае идет по классическому пути «смысловой саморегуляции». Язык «не спешит», он мудр и консервативен. Слово «богатый» как обладающий большими средствами, зажиточный, пока еще, при всем прагматизме нашего времени, не стало «китайско-протестантским». Наши статистические исследования говорят о том, что не более 10 % молодых людей (от 18 до 23 лет) считают, что «материальное богатство» «определяет» смысл дальнейшей жизни.

БОЛЕЗНЬ

Корень «боль» тысячу лет назад в древнерусском языке означал «больной», несколько позже стал означать «болезнь». Само же слово «болезнь» появилось еще позже. Точная дата его появления неизвестна, но слово это относительно молодое.

Можно сказать, что развитию слова «болезнь» «тон» задали сначала медики, а потом, уже в XIX веке, а особенно — в XX — политики, социологи, экономисты.

Наши далекие предки, ничего не знавшие о медицине, говорили «хворь», «хвороба», «недуг», «болесть», «боля». Насчет болезни они выражались вроде бы общо, но вместе с тем метко: «Болезнь и поросенка не красит», «Не всякая болезнь к смерти» и т. п.

«Боль» и «болезнь» всегда мыслились и как физическое нездоровье, и как нравственный недуг, и как некая беда, напасть («В нашей волости лихие болести» — беды, например, неурожай, падеж скота).

Если рассматривать древнейшую этимологию этого корня, то мы увидим, что в целом «боль» («bal», «bol», «bel») в индоевропейских языках есть по сути синоним зла. «Боль» — это бедствие, пагуба, злость, несчастье, мучение, ехидство, гибель, уничтожение, вред. И все это касается и человеческого тела, и человеческой души, и общества, и природы, и мира в целом.

Слова «боль», «болеть», «болезнь» — очень синтетические (вернее, синкретические, то есть выступающие в первоначальном, исконном единстве, неразрывной связи) и мудрые. Они говорят нам о теснейшей взаимосвязи физического и духовного, личного и общественного, единичного и общего, «микрокосма» и «макркосма». А еще, как это ни странно, слова эти очень оптимистичны. Ведь болезни лечатся: «Не всякая болезнь к смерти».

В XIX веке в моде были естественные науки, прежде всего — биология, физиология, затем — психология, и люди стали говорить о физических болезнях и нашли их тысячи и тысячи. И были найдены тысячи и тысячи способов излечить болезни. Но почему-то чем успешнее лечились болезни, тем больше их возникало.

И тогда же, в XIX веке, особенно во второй его половине, стали активно развиваться социальные науки. И люди активно заговорили о социально-экономических

болезнях, которые необходимо лечить. Но лечить их оказалось очень трудно, пожалуй, еще труднее, чем физические.

И на протяжении всей истории человечества настойчиво звучала мысль о том, что корень зла — нравственные, духовные болезни. И шли бесконечные философские и религиозные диспуты и бесконечные идеологические и религиозные войны. А общества продолжали быть духовно больными.

Получается, что медики, психологи, социологи, экономисты, богословы, философы и т. д. и т. п. понимают слово «болезнь» по-разному. И каждый лечит свое.

А может быть, это синкретично-мудро-оптимистичное слово уже само по себе — универсальное лекарство и панацея от всех болезней? Надо только правильно его прочитать...

ВЕРА

Мы все знаем, что у Софии (Мудрости или Премудрости) было три дочери — Вера, Надежда и Любовь. Это — женские имена, имена святых мучениц и наименования трех главных христианских добродетелей.

Согласно легенде, три сестры-христианки были казнены во II веке н. э. по приказу императора-язычника Адриана. Старшей сестрой была Вера. Когда ее казнили, ей было всего 12 лет.

Такова легенда.

Вера — важнейшая христианская добродетель. Надо сказать, и не только христианская. Любая религия в конечном счете зиждется на вере. Но вера — это и в целом основа любой человеческой жизни вне зависимости от того, религиозен ли человек или нет.

И о том, что *вера* — это очень и очень важное слово языка (а может быть, и самое важное), говорит его значение.

Что такое *вера*? Толковые словари отвечают на этот вопрос так.

Во-первых, это готовность что-либо признать, поверить во что-либо. Иначе говоря — желание, предрасположенность, внутренняя потребность «подружиться» с миром.

Во-вторых, это твердая надежда на эту «дружбу».

В-третьих, это убежденность, уверенность, отсутствие сомнений в том, что это желание осуществится, то есть вера, близкая к религиозной или собственно религия.

Получается: 1) человек хочет верить, 2) человек на это надеется, 3) человек окончательно верит.

Перед нами словно бы три этапа «уверования» человека во что-либо, его внутреннего пути к вере, которая в конечном счете представляет собой не что иное, как своего рода договор человека с миром, с жизнью.

Мы часто говорим: «нужно во что-то верить». Это можно перевести так: «человеку нужна какая-то твердая связь, скрепа с миром, мостик, соединяющий человека с его жизнью».

Мы говорим: «нужно поверить в себя». Все правильно: человек должен быть в ладу, в гармонии с самим собой.

И не случайно прилагательное от существительного *вера* — *верный*, то есть надежный, преданный, правильный, истинный, стойкий, прочный, иначе говоря, исполненный веры и вызывающий веру, *доверие*.

Если задуматься, то *вера* — это и надежда, и любовь, и мудрость. Все эти слова, в свою очередь, включают в себя значения друг друга. Они — своего рода «глубинные синонимы».

Очень важно, что вера — не абстракция, не «взгляд и нечто», что легко можно в любой момент радикально поменять или «подкорректировать». К сожалению, в современном речевом обиходе, если говорить о светской, а не о церковной речи, данный корень стал более легковесным, он заметно «девальвировал».

В жаргоне появились всевозможные *верняки*. Стал активно тиражироваться уголовно-бандитский «слоган» *не верь, не бойся, не проси*. Еще в восьмидесятые годы американский президент Рональд Рейган на удивление всем советским людям произнес по-русски русскую же пословицу *доверяй, но проверяй* (trust, but verify). С тех пор ее постоянно вспоминают и проверяют. Пословица, конечно, правильная и точная, но отражающая лишь чисто прагматическую, если угодно — американскую, грань концепта веры.

На самом же деле — *веру переменить — не рубаху сменить*. Все значительно серьезнее.

В древнерусском языке слово *вера* имело, помимо других значений, одно чрезвычайно важное: присяга, клятва, обещание.

Вопрос наших предков *в чем твоя вера?* на нашем современном языке звучал бы примерно как *что ты обещаешь делать, присягу кому и на что ты принял, кому и в чем ты поклялся?*

Кстати, тот же корень у древних германцев означал правду, истину, дружбу, обещание, договор.

Вера — это прежде всего обещание действовать (*вера без дел мертва*).

Это активное, действенное, творческое значение корня *вера* лишь теплится в нашей повседневной речи. Даже сочетание *супружеская верность* воспринимается в наши дни как стилистически возвышенное, отчасти даже напыщенное. Вместо *хранить супружескую верность* современные люди предпочитают сказать *не изменять*. Какое уж тут *но я другому отдана, и буду век ему верна...*

Даже наречие *наверное* в значении «верно, точно, несомненно» почти ушло из нашей речи. И уступило место вводному слову *наверное* — «может быть, вероятно, возможно».

Мы уже не говорим: *я это наверное знаю*. Мы говорим: *это, наверное, так...*

Какую же *веру* мы выбираем? Которая *наверное вера* или *вера, наверное?*..

Давайте определяться.

ВЛАСТЬ

В русской речи XX — начала XXI века слово «власть» употребляется в подавляющем большинстве случаев в очень специфическом значении. Причем значении очень «лукавом», «мерцающем», «подмигивающем», можно сказать, мистико-конспирологическом.

Дело тут в следующем.

Если говорить самым общим образом, это слово имеет три значения: 1) право и возможность распоряжаться, подчинять («жена находится под властью мужа»); 2) политическое господство, органы государственного управления («потерять власть в стране»); 3) люди, которые наделены соответствующими полномочиями («власти Калмыкии»). Строго говоря, в третьем значении слово должно употребляться во множественном числе.

В наше время слово «власть» часто обозначает некую безликую стихийную силу, как правило, злую. Вместе с тем эта сила в различных контекстах упрямо олицетворяется: «Власти нет дела до народа», «Власть не хочет вступать в диалог с людьми» и т. п.

С одной стороны, считается, что люди, «попадающие во власть» (синоним — «обойма»), как бы перестают быть людьми, они становятся автоматами-«нелюдями», отформатированными гуманоидами, бездушными аппаратными деталями. С другой — СМИ постоянно показывают живых представителей власти, «вполне себе» человекоподобных, хотя и изрядно надоевших.

В советском XX веке «власть» в массовом сознании мыслилась идеологически как мощная стихийно-олицетворенная сила. «Положительная» или «отрицательная», но — сила. Все три значения слова выступали в резонирующем синтезе.

В XXI веке практически «отпало» первое значение, то есть у власти, в общем-то, нет «права и возможности» подчинять своей воле народ. По сути слово «власть» сейчас имеет то же значение, что и слово «тирания» у древних греков (по-гречески «тиран» — это не «нехороший», тоталитарный диктатор, а тот, кто пришел к власти незаконным путем, хитростью или силой «хапнул власть» и по своим духовным качествам абсолютно не достоин быть «властью»). Подтекст «тиран» «присоседилось» к слову «олигарх», одной из самых расхожих лексем современной русской речи.

«Власть» в русском языке сейчас — это примелькавшийся «клан шустрых тиранчиков-олигархов», связанных круговой порукой, ворующих, тянущих к власти своих родственников, но при этом — постоянно ссорящихся, скандалящих, обижающихся друг на друга и т. п. Все идет к сужению семантики слова до третьего значения, причем еще более специфического: это некий спектакль с участием лиц, облеченных властными полномочиями.

История слова «власть» в русском языке в значительной мере трагична.

Вообще-то слово восходит к общеиндоевропейскому корню, имевшему значение «сила», «сильный», «быть сильным». Однокоренные слова в разных индоевропейских языках могли означать храбрость, здоровье, героизм, обоснованность, вескость (ср., например, английские слова «valiant», «valid» и др.)

Русским словам «володеть», «волость» никак не меньше тысячи лет. «Волость» значило 1) власть, 2) право (возможность, воля), 3) государство и 4) страна (позже — часть страны, округ). Если попытаться дать синтетическое определение русского слова «волость», а затем церковнославянского «власть», то получится примерно так: «право государства на власть в стране» или «страна, имеющая право на государственную власть».

Сейчас компонент значения «страна» вообще растворился. (Сравните, к примеру, в чешском языке «vlast» — это родина, отечество, а «vlada» — правительство.) Но по большому счету это несправедливо. «Власть», «волость» — это и есть Родина, и «малая» и «большая».

Все реже в русском языке слово власть употребляется в значении право, возможность («под властью чувств», «Господи, твоя власть!» и т. п.). В данном случае в слове «власть» заложена очень мощная идея. Власть — это волевое, космическое начало (в противовес хаосу), подавляющее эмоциональную неразбериху, анархию, «бардак». Не случайно в Небесной Иерархии Дионисия Ареопагита Власть (наряду с Господствами и Силами) отвечает за управление чувствами человека. Происходит подмена идеи власти как исконно присущей человеку внутренней потребности к вселенскому порядку идеей власти как потребности «пролезть наверх» и «приобрести власть» («властолюбие»). А тут еще и Ницше со своей «волей к власти»!

С XIX века в русском языке, во многом из-за либерально-демократической риторики, слово «власть» («власти») становится фактическим антонимом слова «народ». Калька «народовластие» (от греческого «демократия») парадоксальным образом лишь усугубила эту оппозицию: народовластие как задача (ср. зафиксированный

неологизм «народодержавный») — это априори антоним существующей «власти». Власть — это что-то «плохое наверху», а народ — «хорошее внизу», и их конфликт неизбежен (ленинское «верхи не могут, низы не хотят»). Власть нужно «контролировать», необходима «ротация» власти и проч. То есть слово «уходит» в утилитарно-политическую, кадрово-управленческую зону.

Необходимо всячески избегать употребления этого слова в утилитарно-технологическом контексте. Нужна ротация не «власти», а «управленческого аппарата». Не надо говорить о «людях власти», «властных структурах» или утверждать, что «власть считает, что...». Пусть речь идет о руководителях, управленцах, начальниках, высокопоставленных лицах такого-то эшелона.

По всей видимости, стратегически очень верной была бы постановка вопроса о реанимации термина «волость», возможно, в качестве обозначения административно-территориальной единицы или в качестве наименования некоего местного общественного органа самоуправления, вроде совета.

Вообще необходимо воздержаться от употребления слова «власть» в негативном контексте. Не надо «ругать власть» — не потому, что ее «управленцев» не за что ругать и критиковать, а потому, что это семантически бессмысленно и совершенно неконструктивно (это все равно что ругать землю, которая ни в чем не виновата, или критиковать желание любого нормального человека навести порядок). И кроме того: употребляя это слово в негативных или утилитарных контекстах, мы не добьемся ничего, кроме его дальнейшего выхолащивания.

ВОЙНА см. МИР и ВОЙНА

ВОЛЯ

В лингвокультурологии неоднократно и настойчиво поднимался вопрос о соотношении слов «свобода» и «воля» (эту проблему обсуждали Бердяев, Франк и др.). И всячески подчеркивалось, что «воля» является специфически русским концептом.

Этимологически слово «воля» достаточно прозрачно и имеет массу прекрасных аналогов в индоевропейских и, особенно, в славянских языках.

Практически все этимологи отмечают родство данного слова со словами «велеть» и «довлеть».

По сути, речь идет о некой «внутренней» и «внешней» императивности, об их гармоничном существовании.

«Воля» — это двухвекторная свобода: с одной стороны, человек-микрокосм «хочет» быть свободным перед внешним миром (так называемая внутренняя свобода), с другой — внешний макрокосм «разрешает» человеку-микрокосму осуществлять свою свободу (так называемая внешняя свобода).

В современных словарях концепт «воля» представлен расколотым на два омонима. При этом данный «раскол» представляется мне довольно искусственным.

Первый омоним имеет четыре значения:

способность осуществлять желание,

сознательное стремление к этому осуществлению,

пожелание, требование,

возможность распоряжаться, власть.

Второй омоним двухзначен. Это: свобода проявления (в проявлении чего-либо), свободное состояние в разомкнутом, свободном, вольном пространстве (не взаперти, не в тюрьме, не в лагере и т. п.).

Первый омоним говорит о том, что человек 1. способен, 2. хочет, 3. открыто выражает свое желание и в результате 4. потенциально властен над миром.

«Я могу, хочу, требую и добиваюсь этого».

Второй омоним говорит о том, что человек 1. проявляет свое желание «на деле» и 2. осуществляет желание в открытом пространстве макрокосма.

С точки зрения русской доктрины, эти омонимы необходимо объединить в многозначное синкретическое единство: человек может («сила воли»), хочет («воля к победе»), артикулирует желание («последняя воля»), тем самым становясь потенциальным победителем («это в его воле»), поступает согласно своему желанию («взял волю делать что-либо») и достигает размыкания макрокосма («выпустить на волю»).

Мы видим полный цикл взаимодействия микрокосма и макрокосма, а также, что особенно важно, — взаимодействия мезокосма («народ») и макрокосма («народная воля», «воля народа»).

ВРАГ

Слово «враг» заимствовано в русский язык из церковнославянского. Исконно же, по-древнерусски, оно звучит как «ворог».

Ясно, что слово «враг» — антоним слова «друг» (враг — это «не́друг»). И если корень «друг» и все его производные несут в себе идею объединения, взаимности, сплочения, добра и любви, то «враг» — это разъединение, ненависть и весь спектр отрицательных значений.

Первоначально слово «враг» («ворог»), по сути дела, было антонимом слова «Бог». Потому что враг — это прежде всего черт, дьявол, сатана, «нечистый». Враг — это Антибог, богоборец и все, что он несет с собой.

Этот корень есть во многих индоевропейских языках, и значения у него самые разнообразные: *черт, дьявол, нужда, злой, беда, гнать, преследовать, раб, теснить, болезненный, чахнуть, убийца, проклинать* и множество других. Если собрать их, получится впечатляющий перечень всего плохого, что может произойти с отдельным человеком, с людьми, с миром в целом.

Но если попытаться проникнуть в, так сказать, этимологическое основание этого слова, то мы увидим, что, как ни странно, оно совсем даже не безоговорочно отрицательное. В ряде языков этот корень связан с идеей *любви и работы*.

Сейчас в нашем так называемом объединенном сознании мы не вкладываем в слова «любовь» и «работа» какого-то особенного глубинно-семантического смысла. Ну, полюбил, разлюбил, пошел на работу, пришел с работы... Наши древние предки, в отличие от нас, понимали работу и любовь именно магически.

Идея любви (в язычестве, конечно, а не в христианстве) напрямую связана с идеей колдовства. По-русски «любить-колдовать» — значит «ворожить», то есть «очаровывать», «наводить чары». Получается, что враг (ворог) — тот, кто «чарует», «завораживает», то есть колдует. Уже потом, в христианскую эпоху, «ворог» стал у русских чертом, дьяволом, то есть, в общем-то, «нехорошим язычником».

Колдовать можно и по-злему, и по-доброму. Например, у словенцев ворожить — это вредить колдовством, наводить порчу. У поляков же — предвещать, бро-

сать жребий (бросать жребий — это тоже отчасти колдовать, то есть полагаться на высшие силы, на судьбу, провидение). Вполне нейтральное значение.

Вместе с тем у немцев или греков этот корень связан с идеей работы, труда, делания. А что такое работать опять же с точки зрения древней магии? Работать — значит производить некие культовые действия. Ведь, к примеру, пахать для крестьянина — это не просто пахать. Это — вступать в магическую связь с Духом Земли. Но и черт тоже работает, вредя людям.

Мы видим, что корень «враг», если взглядеться в него повнимательней, далеко не столь одномерен. Он — «мостик» между добром и злом, любовью и ненавистью. И далеко не только. Есть и более узкие, локальные, бытовые смыслы. Например, в диалектах русского языка этот корень может быть связан с идеей болезни («вражеское» — тяжелая болезнь, так называемая падучая) и с идеей лечения («вражеский» — знахарь).

Странно, но в исконной этимологии этого вроде бы резко отрицательно окрашенного слова издревле заложена та идея, которую мы сейчас так активно обсуждаем, — идея терпимости, толерантности. Если угодно, идея христианской любви ко всем, даже, и это особенно важно, к врагам.

История человечества, конечно, жестока. И XX век особенно ожесточил людей. Кто-то был, как в характеристиках нацистов из «Семнадцати мгновений весны», «беспощаден к врагам рейха», кто-то, а именно «великий пролетарский писатель», «буревестник революции» Максим Горький, призывал: «Если враг не сдается, его уничтожают». Досталось и «врагам демократии», и «неверным» врагам.

Казалось бы: все просто: мир делится на «друзей» и «врагов».

Но выясняется, что все гораздо сложнее и вместе с тем все-таки радостнее и более обнадеживающе.

Помните эпиграф к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» из «Фауста» Гёте: «Я часть той силы, — говорит Дьявол Мефистофелю, — что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

А ведь это говорит не кто иной, как Враг. Это словно бы говорит само слово.

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Наталья УСАНОВА

ТОЛКАЕТ МАЛЕНЬКИЙ СИЗИФ ПО ГОРЛУ КАМЕННОЕ СЛОВО

*Комаров К. Невеселая личность: Книга стихов /
К. Комаров — Екатеринбург; Москва: Кабинетный
ученый, 2016. — 106 с.*

Лирические стихотворения о доле поэта...

«Знаю я эту историю, — скажет искушенный читатель, — Сначала поэт изводит тысячи тонн словесной руды единого слова ради, потом обнаруживает, что мысль изреченная есть ложь, наконец, с горя напивается до состояния, в котором впору обнимать березки».

Константин Комаров — не только стихотворец, но еще филолог и вдумчивый литературный критик. Наследие классиков для него — святая святых. Он понимает: тема творческих страданий давно разработана, но все же упрямо обращается к ней. Более того, Константин берет подчеркнуто традиционную форму — катрены АВАВ, гладкие рифмы.

При беглом прочтении кажется, что индивидуальность его текстов сводится к оригинальной декоративной отделке — щедро рассыпанным метафорам да пестрой лексике.

Однако вряд ли стоит листать «Невеселую личность» с той скоростью, с которой просматривают новости в Интернете. Если уделить книге должное внимание, содержание раскроется и засияет неожиданной новизной.

Наталья Валериевна Усанова родилась в 1987 году. До 2013 года жила в Вологде, сейчас живет в Калининградской области. Поэт, автор литературно-критических статей и эссе, член Союза российских писателей. Работы по критике публиковались в альманахе «Илья», вологодских журналах «Пятницкий бульвар» и «Автограф».

От первого лица

Стихотворения в сборнике Константина по большей части написаны либо от первого лица, либо как обращения к самому себе.

Лирического героя и автора предлагается уравнивать.

Константин Комаров неспроста вывел на обложку свою фотографию — обыденную, житейскую. Парень сидит на скамеечке в пустом парке и о чем-то сосредоточенно размышляет.

Автор даже считает уместным упомянуть в тексте собственное имя:

вот кома для тебя, вот ров,
чтоб не кидался словесами,
а вот твой дьявол, Комаров,
в зеркальной глади зависает.

Константин обозначает позицию: я не играю, я всерьез. Сопереживать можно.

Перед читателем раскрывает душу человек, который осознает себя в настоящем времени. Об этом сообщают многочисленные семантические маркеры. Собеседник читателя — представитель мира, где «постами чавкают соцсети», а «сорри» звучит столь же привычно, как «извини».

Четко определено, что призвание лирического героя-автора — работа со словом: «ненаписанные, виснут слова на мне».

Поэзия для него — средство от смерти и оправдание жизни:

Наплевать, что слова наплывают
друг на друга в усталом мозгу.
Обо мне ничего не узнают,
Если я рассказать не смогу.

Но не в этом ирония злая
задыхания строк на бегу:
о тебе ничего не узнают,
если я рассказать не смогу.

Снова рифмы морскими узлами
я в бессонные строфы вяжу.
Ни о чем — ничего — не узнают,
если я — обо всем — не скажу.

«Шизнь» и творчество

Константин часто и охотно подчеркивает свое восхищение литературой прошлого — делает отсылки к текстам из школьной программы («Послушайте!» Владимира Маяковского, «Не позволяй душе лениться!» Николая Заболоцкого).

Он упоминает имена Блока, Тютчева и Боратынского, ищет образы в греческой мифологии, которая питала поэзию Золотого и Серебряного века.

Пытаясь принять эстафету, поэт полностью вживается в язык. Языковые единицы становятся для него более материальными, чем реальность.

Автор постоянно придает филологическим сущностям телесные черты — он отыскивает «буквенную перхоть» на голове «немытого стиха» и родимые пятнышки на метафорах, у него «реплики воняют кровью и монолог висит соплей», «небритые страницы» стремятся «самоустраниться»....

Слово необязательно приобретает людские черты. Оно лишь делается весомым, грубым, зримым: «толкает маленький Сизиф по горлу *каменное слово*», «слова твердеют, чтоб выстелить тебе *асфальт*».

Реальность же, которая должна быть материальной, видится лирику в лучшем случае абстракцией («засыпаны незримыми песками хорошенькие улочки Москвы», «и за толпой мне чудится пустыня», «и на пустынный мир распахнуто окно»), в худшем — адом («за окнами царит агония и снег лежит почти покойником»). Жизнь за пределами сферы духа «гиблая», суматошная и бессмысленная. «Шизнь», как говорится в одном из стихотворений.

Выбирая между двумя реальностями, поэт невольно тянется к яви слов. Самого себя он свободно отождествляет или сравнивает с понятиями из учебника русского языка:

Устать без кавычек, без точек,
глаза, словно скобки, закрыть...

Если автор рассматривает себя как физически бытующего человека, его одолевает брезгливость: «тело величаво садится пьяное в такси», «залегаю спать, икая», «а я шагаю и боюсь».

Тоска по обычному чуду

Теперь — самое интересное. Поэт, который мог бы глубже и глубже уходить в язык под аплодисменты друзей-филологов, цепляется за настоящую жизнь. Он жаждет «воплотиться», написать так, «чтоб дерево сквозь слово „дерево“ обычным чудом проросло».

При всем благоговении перед языком Константин Комаров решает, что продолжение поэзии концептов — сизифов труд. Пришла пора «собирать камень».

С детской интонацией Константин объясняет самому себе:

Это — я, а это — сигарета.
Это — губы, а вот это — дым.
Это — лето...

В книге есть стихотворения, которые указывают на готовность «невеселой личности» принять действительность (композиционно они предваряют финал сборника).

Таковы, в частности, тексты о любви. В них органично возникает образ человека во плоти — «родной, теплой» девушки.

У нее настоящие, а не метафорические волосы, плечи, губы. Пространство вокруг девушки имеет мало общего с пустыней — благодаря ей поэт перестает смотреть сквозь траву и трамваи.

В одном из стихотворений автор делает прорыв без опоры на живительную любовную тему. Смотрите, как ловко он совмещает спорящие реальности — словесную и предметную:

Три звездочки на небе в ряд,
как будто над стихом.
Под ними неохота врать
и думать о плохом.

Под ними правильной молчать,
и бережно дышать,
и ночи вечную печать,
как пульс, в себе держать.

И молча говорить прости
кому-то никому,
и тихо над собой рати
в божественную тьму.

Вожденная материальность слова сохраняется, но речь уже идет о библейском Слове, которое было в начале всего. Мир — целостное великое стихотворение.

Готового рецепта актуальной поэзии в книге Константина Комарова нет, но — не беда. В самом факте честного художественного обращения к больной теме больше новаторства, чем в десятках попыток молодых авторов вывести пост-постмодернизм посредством формальных экспериментов.

Наступило время собирать разбросанные камни и вспоминать, что новое — хорошо забытое старое, хотя бы отчасти.

Увы, обитатель филологических закоулков обрекает себя на творчество для тесного круга интеллектуалов. Читатель, далекий от лингвистики, ждет не игры, а задушевного разговора с поэтом на понятные темы. Уже сформировалась прослойка вполне культурных людей, сознательно игнорирующих современную поэзию. Они боятся незнакомых имен, зато охотно покупают томики классиков: Есенина, Цветаевой, Пастернака. Разрыв между читателями и поэтами растет, и глупо винить в нем одну только публику — дескать, ленива, нелюбопытна...

Прямое лирическое высказывание дается Константину легко. Его любимая тема узкоспециальна, но ведь он пишет не только о муке слова. Константин Комаров показывает переживания поэта через лупу чувств, понятных каждому — через одиночество, нежность, страх, отчаянную веселость. Есть у него и бытийные тексты — пока, правда, не слишком убедительные из-за чересчур свойского отношения к Богу...

Все сказанное позволяет подытожить: глядя на портретную фотообложку «Невеселой личности», мы видим лицо своеговременного, нужного автора.

Константин Комаров родился в 1988 году в Свердловске. Живет и работает в Екатеринбурге. Поэт, литературовед, критик. Автор нескольких книг стихов. Стихи и критические статьи публиковались в журналах «Нева», «Звезда», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы» и др.

Владимир КОСОГОВ

НЕЖИВАЯ ВОДА И ЖИВАЯ МУЗЫКА

*Андрей Болдырев. Моря нет. — М.: Воймега,
2016. — 40 с.*

Дебютная книга Андрея Болдырева получилась водонепроницаемой. Поэт боится моря, опасается водной глади, даже спокойной, без волн. Вода — это метафора смерти и конечной точки биографии, не литературной, но личностной. Там, где автор говорит о воде, — везде очищение гибелью, заглядывание в бездну, рефлексия об утраченном и понимание безысходности.

В глубокой тьме и в звездной пыли,
в открытом космосе вдвоем
за горизонт событий плыли,
за наших жизнью окоем,

за ту черту, где берег виден
и лодка старая, — туда,
где из воды сухими выйдем
иль в воду канем — навсегда.

(«Ночное купание»)

Вода как метафора существует в поэтике Болдырева во всех проявлениях и временах: это и призрак счастливого прошлого, и отражение тупикового настоящего, и намек на предрешированное трагическое будущее.

прерывисто и осторожно
дыхание ветерка
мельчает уже безнадежно
поросшая ряской река

ни тени былого величья
большой судоходной реки
лишь изредка пение птичьё
послышится скрипнут мостки

Владимир Николаевич Косоков родился в 1986 году в г. Железногорске Курской области. Окончил филологический факультет Курского государственного Университета. Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Москва». Лауреат международного литературного Волошинского конкурса. Победитель литературного конкурса «Заблудившийся трамвай» им. Николая Гумилева. Живет в Курске.

трава шевелится другая
другие плывут облака
и я наклонясь не узнаю
в воде своего двойника

в воде на одно лишь мгновенье
лицо с фотоснимка мелькнет
где сильное било течение
и старая лодка гниет

(«Прерывисто и осторожно...»)

Несмотря на всю трагичность морской стихии, автор лишь однажды, вскользь упоминает о желании встретиться с большой водой. При этом это путешествие он воспринимает как финишный рывок в своем существовании. Море — конечная точка маршрута в поэтическом навигаторе. Здесь путь автора обрывается не столько географически, сколько метафизически.

...Найти бы только средства
и навсегда с долгами рассчитаться,
на берег моря я замыслил бегство,
чтоб там остаться.

И так, в одну уставившийся точку,
иду. А моря нет, как не бывало.

(«Жизнь по-мещански грезит о высоком...»)

Здесь же читателя ожидает глубокий финал. Житейские чувства автор, на первый взгляд, сравнивает именно с волнами. Впрочем, поэт не спешит говорить об этом напрямую: Болдырев боится отождествлять море, к которому спешит, и жизнь, от которой бежит. Вместо волны в финале стихотворения появляются дети. Это уместная и очевидная метафора наследия: если вода все забирает с собой, не оставляя следов, то дети — и есть те самые следы, которые смоеет уже совершенно другое море. Применив такой оборот, поэт отскакивает от шипящей пенной волны и возвращается в уютную квартирку на окраине Курска (к слову, географических меток в книге предостаточно: автор не скрывает свое местоположение).

И смутное подсказывает чувство,
что все нормально,

что счастье быть не может без трагедий,
что мы его не замечаем сами,
что радости и горести, как дети,
растут с годами.

(«Жизнь по-мещански грезит о высоком...»)

Море как таковое, как природный ландшафт, появляется только в одном стихотворении. Но это показательный пример, так как в нем максимально сгущены поэти-

ческие краски, отсутствуют полутона, а метафизика жизни и смерти, обрамленная хлесткими метафорами, выбирается наружу из черноморской пучины как неведомое чудовище. Стихия воды здесь такая же необъятная и смертельно опасная, как и у Гомера в «Одиссее»: «Море такое большое, что к нам даже птицы оттуда / В год прилететь не смогли бы, — так страшно оно и огромно».

Обрывается волнообразная речь,
выползает на берег безлюдная ночь.
От ошибок нас некому предостеречь,
от безумия нашего нам не помочь.
Не пойми что за год, не пойми что за век:
вдоль по набережной мы бродили с тобой,
где на фоне угасших во тьме дискотек
вечно царствует палеозой.

(«К фотографии»)

Болдырев принимает трагический финал без отвращения, но с пренебрежением. Отрицание, которое отразилось в заглавии книги, — это скорее прием, нежели лозунг. Море есть. Но не сейчас и не здесь. В действительности поэт пока гуляет по набережной, изредка оглядываясь на журчание воды, перерастающее в гул. И здесь кроется еще один метафизический козырь в поэтике автора — отрицание тишины многоголосьем.

Музыка, в отличие от волны, — это фактор созидающий, соединяющий живое и мертвое. Музыка для автора — слишком личная вещь.

О, если бы мне что-то помешало
прийти туда и если б не свела
судьба нас, ты бы музыкою стала,
не той, что целый вечер нам играла, —
той, что всегда со мной была.

(«Я помню, как исчезли все с танцпола...»)

Именно это принятие музыкального начала, верховенство звука над материей и роднит некоторые поэтические высказывания Болдырева с Борисом Рыжим («Музыка жила во мне, / никогда не умирала...»). На этом сходство двух поэтов заканчиваются, но со страниц книги продолжают литься звуки, порой безжалостные, порой — исцеляющие.

Там, где в провалах памяти поставлен жирный крест,
в душе играет маленький мой духовой оркестр.

В какой-то неожиданный доходит вдруг момент:
в руках чужих и опытных я просто инструмент.

(«Слова все будут сказаны, и навсегда со мной...»)

Но автор понимает, что эта музыка никому не нужна, она тяготит окружающих лишними воспоминаниями. Подчас музыку не разобрать: отчетливые слова ста-

ринной песни тонут в полифонии и какофонии. И это тоже приговор: закончится последний куплет — и поэт выйдет из электрички у самого моря, навстречу неминуемой смерти.

И в вагоне, оглошшем от многоголосья,
не поверил никто этой песне всерьез.
«Снегопад, снегопад... Если женщина просит...» —
отвернувшись, себе бормотал я под нос.

(«Электричка»)

Поэтому Болдырев заявляет не свойственный поэту лозунг: лучше — тишина! Но это самообман: автор просит для себя не тишины. Он просит, чтобы его внутреннюю мелодию не обрывали на полужуке. Он поставил мелодию на «реверс», и она начинается заново, не успев окончиться.

Веселятся и пьют да по темным углам
прижимают ребята девиц,
ну а те — верещать. И долбит по ушам
«Руки вверх» из колонок: дыц-дыц.

То ли юность моя так прошла, то ли мне
и осталось, что эта попса,
только хочется быть одному, в тишине,
чтоб не слышать ничьи голоса.

(«Нараспашку „девятка“ стоит под окном...»)

Синтез моря и тишины — редкий поэтический сплав. По сути, это оксюморон, на который решится только лирик, уставший от громкой жизни. Так, у Георгия Иванова есть стихотворение, которое во многом характеризует поэтику Андрея Болдырева:

Не было измены. Только тишина.
Вечная любовь, вечная весна.

Только колыханье синеватых бус,
Только поцелуя солоноватый вкус.

И шумело только о любви моей
Голубое море, словно соловей.

Глубокое море у этих детских ног,
И не было измены — видит Бог.

Только грусть и нежность, нежность вся до дна,
Вечная любовь, вечная весна!

(Г. Иванов. «Не было измены. Только тишина...».)

Болдырев вслед за Ивановым проговаривает и манифест молчания.

Иванов:

Только тишина,
Только синий лед,
И навеки дна
Не достанет лот.
Самый зоркий глаз
Не увидит дна,
Самый чуткий слух
Не услышит час —
Где летит судьба,
Тишина, весна
Одного из двух,
Одного из нас.

(«В комнате твоей...»)

Болдырев:

Те времена прошли — и слава богу.
Теперь все, что захочешь, я могу
сказать тебе с последней прямоюю.
Но посидим тихонько — ни гу-гу —
и насладимся этой тишиною.

(«Душа, как просто мне заговорить...»)

Немотой, невозможностью, а главное — ненужностью слов и заканчивается книга. Автор решил: раз нет Моря (читай — смерти), то нет и Слова (читай — жизни). Поэтому вся книга — попытка соединить стихию звука и природы, примирить погибель и наследие. Главное, чтобы путь до конечной остановки оказался длинным.

РЕЦЕНЗИИ

Женский род: имя собственное

Героиня одной из нижеследующих рецензий отказывается разделять прозу «по гендерному принципу». Однако — вот парадокс — ее книга вышла в издательской серии «Женский род». Избранный магистрантами/магистрантками на этот раз (это уже шестая студенческая публикация в молодежном номере) ракурс ничем не хуже других. Он позволил собрать под одной шапкой серьезную прозу и типичные женские романы, оригинальные тексты и переводы, беллетристику и научные исследования. Картинка получилась пестрой, но насыщенной. И читать/не читать можно вовсе не по гендерному признаку, а потому, что книга хорошая (или плохая).

Игорь СУХИХ

«...И СЛОВО ЭТО НАМ НАПЕЛИ»

Абгарян Н. Ю. Зулали. М.: АСТ, 2016. 315 с.

С первой же изданной книгой Наринэ Абгарян ворвалась в литературный мир страны. Именно ворвалась, потому что произошло это стремительно и совершенно неожиданно — как для читающей публики, так и для самой писательницы.

Начиналось все очень тихо. Лет десять назад Абгарян завела страничку в «Живом журнале» (желая отвлечься от «трагических бухгалтерских будней», как гласит история, опубликованная на портале премии «Аврора»), где делилась с читателями смешными рассказами о детстве. Через некоторое время ее блог привлек внимание редактора издательства «АСТ». Поступило предложение опубликовать книгу, было дано согласие, появилась автобиографическая повесть «Манюня» (2010) — и в одночасье из никому не известного бухгалтера Наринэ Абгарян превратилась в популярного детского писателя. Впрочем, полюбили ее и взрослые: все, о чем пишет Наринэ Абгарян — о своем детстве, о случайных встречах, о людях, которые могли бы существовать в реальном мире и, хочется верить, действительно существуют, — получается по-детски искренним и по-взрослому ироничным. Перед таким сочетанием сложно устоять.

Книга «Зулали», изданная в июне 2016 года, стала для Наринэ Абгарян девятой (но не последней — десятая если еще не вышла, то уже на полпути к читателю). Сборник включает в себя, по словам автора, «две повести и десяток рассказов». Повести вычисляются сразу — рассказами в строгом смысле слова можно назвать не всё: «Люди нашего двора» представляет собой ряд лирических зарисовок, коротеньких ностальгических эссе, а «Взрослое и не очень» — подборку комических новелл.

В большинстве произведений центром, вокруг которого развивается действие, оказываются сильные женские характеры. «Бабья доля во все времена была горше полыни...» — думает Мамида, и, наверное, она права. Волевые, тянущие на себе тяготы быта, видевшие много горя или встретившие его впервые жительницы маленьких деревушек в стране, где еще сильны древние патриархальные порядки. Они отстаивают право жить так, как им хочется, и с тем, с кем хочется, борются за свое счастье, учатся любить и принимать себя.

Впрочем, «Зулали» — это книга не столько о женщинах, сколько о людях вообще, их отношениях друг с другом, с миром, с судьбой. Можно сказать, единственное, что в действительности интересует автора, — это люди. Сложные, порой жестокие, упрямые, увязшие в традициях и суевериях, способные выжить из дома тех, кто не соответствует испокон веков существующему укладу. Люди на фоне природы и в гармонии с ней — люди на фоне незатейливого, но хитро обустроенного быта. Деятельные, всегда чем-то занятые, не знающие усталости, не помнящие возраста. Довольно симпатичные, нечуждые смирения и прощения — кто-то больше, кто-то меньше, — и каждого можно понять. В общем, все как в жизни.

Книга получилась густонаселенной, и каждый персонаж, даже намеченный пунктиром, заключает в себе целый мир, из которого автор ловко выхватывает несколько, казалось бы, незначительных деталей. Но и по этим деталям можно восстановить историю пастуха, гонящего стадо мимо салона «Пери», или соседа, позаимствовавшего у Ованеса Бочканц его любимый колун, или Олинки Макаранц, встреченной на рассвете у калитки. «...По большому счету, каждому из нас выпадают одни и те же испытания, и истории у всех одинаковые. Истории одинаковые,

а смысл у каждой свой». Смыслы, может, и разные, но цель точно одна, ведь всегда выходит так, что самое большое счастье в жизни человека — это дети, чьи голоса, пусть даже фоном, звучат в каждом рассказе и повести. Брак без любви, тяжкий труд, разлука, измены, обиды, одиночество и смерть — все можно вытерпеть ради ребенка. Даже чужого.

И порой в вечерней тишине звучат древние легенды и сказки, которые рассказывают взрослые своим детям, в надежде передать им и сохранить в них то наивное и светлое представление о мире, которое отчасти утратили сами и которое очень хотели бы вернуть. Оттого можно сказать, что «Зулали» — это книга о детстве. Как отвлеченном понятии, но весьма конкретном состоянии души — состоянии полной нравственной чистоты, которую сохраняют или к которой стремятся. Когда смотришь вокруг восхищенными глазами, ловишь ртом снежинки, ждешь новогоднего чуда и даже в самые черные дни точно знаешь: завтра новый день. «Зулали», к слову, переводится с армянского как «пречистая». Так зовут героиню одноименного произведения, так называется весь сборник — сборник о чистых сердцем людях. И неважно, кто они, сколько им лет, какова их судьба. Может быть, поэтому в главной повести с читателем говорят сразу три разных персонажа: Назарос, мальчик лет восьми, Мамида, женщина без возраста (и вне времени), и сама Зулали — ребенок, запертый в теле взрослого человека.

Произведения, вошедшие в книгу, можно условно разбить на три неравных по объему части, где первая — о жизни армянских деревушек и городков, вторая — о жизни в мегаполисе (Москве? Ереване? В сущности, не так уж и важно), третья — о жизни самой Наринэ Абгарян. И поскольку почти все мысли и воспоминания автора неизбежно тянутся к родной Армении, третья, автобиографическая часть получается тесно связанной с первой.

В это сложное эмоционально-тематическое единство вторгается, разрезая его, череда историй о злоключениях Анны («Тифлинг») и Татьяны («Дама с собачкой»), трогательной любви Максима Григорьевича к его покойной жене («Бегония»). Не то чтобы упомянутые рассказы были неудачными — просто они не из этого сборника. Эта вставка иной, насквозь урбанистической жизни разрушает стройную лирическую линию книги. Не лишённые обаяния и с искренней симпатией выписанные персонажи, конечно, соответствуют концепции книги «о горьком и смешном мире людей, которые живут, не замечая времени», но они, кажется, внедрены в нее искусственно. И, как все искусственное, сильно выделяются на фоне природного, естественного, выросшего на почве переживаний и радостей, испытанных в детстве, услышанных в колыбельных, подсмотренных за соседским забором.

В трех названных рассказах нет той щемящей нежности, с которой автор пишет о родном Берде или о какой-нибудь крохотной деревне Салори. Им недостает искренности, живости и ностальгического выдоха, с которым читаешь остальные произведения. По тональности они ближе роману «Понаехавшая», вышедшему пять лет назад, но никак не настоящим на свежести горного воздуха сборникам «Люди, которые всегда со мной» (2014) и «С неба упали три яблока» (2015), органичным (и логичным) продолжением которых стала бы книга «Зулали», если бы... Впрочем, все же стала, ведь после этой сбивки на иноходь книга выравнивает шаг, возвращая утраченный ритм, и заканчивается автобиографическими зарисовками, пронзительными в своей простоте.

По прошествии времени, когда первое впечатление от книги превращается в мнение о ней, становится понятно, что можно примириться с рваной линией ее содержания: даже выбившиеся из общего строя рассказы словно пропитываются общим очарованием. Единственное, что никак не дает покоя, — это присутствие в сборнике

ке «Ключника Ганса». Зачем он здесь? К чему его жена, отличающаяся особо тонкой душевной организацией?

Вероятно, это был своеобразный эксперимент, попытка выбраться из «зоны комфорта» и создать что-то совершенно отличное от того, что писала Наринэ Абгарян ранее и благодаря чему она приобрела известность. Но, говоря откровенно, «Ганс» — самое слабое произведение из всех собранных в книге. Оно напоминает комедию характеров, запутавшуюся в исторических декорациях и явно не доведенную до ума. Гипертрофированность характеров и принципиальная нелепость героев чужды этой книге полутонов. С одной стороны. С другой — если именно так и задумывала автор, то почему она не сделала окончательный шаг в сторону гротеска, не привела к тому самому «трэшу», которого не хватает Гансу в его маленьком раю?

Неубедительно выглядит и попытка автора описать происходящее с точки зрения мужчины, что особенно заметно в главке «Сублимация убийства. Истинно мужской рассказ»: получилось что-то невнятное, в духе «я думаю, что мужчина именно в этом случае подумал бы именно так, именно такими словами». О степени сходства получившегося с реальным ходом мыслей судить не берусь, пусть читатель (для чистоты эксперимента — мужчина) сам решит, если, конечно, возьмется за эту книгу.

Как бы то ни было, Наринэ Абгарян можно простить даже «Ключника Ганса» (которому впору остаться в ЖЖ) — сложно не поддаться обаянию ее прозы, этому сплаву ребяческого смеха, грустных улыбок, горькой слезы и светлых надежд. Принято считать, запоминается последнее, а потому «Зулали» сохраняется в памяти последними строками, которые, по счастью, созвучны настроению этой книги: «Что остается, кроме запахов-вкусов-цветов, что, бережно храня, передают нам матери-прародительницы? Только колыбельные. Вначале было слово, и слово это нам напели».

Екатерина ЗУЕВА

ОТ «КРАСНОГО ЦВЕТКА» ДО ЦАРЯ НАРОДА

Богатырева И. С. Кадын. М.: Э, 2015. 544 с.

В 2016 году в лонг-лист премии «Русский Букер» наряду с произведениями Евгения Водолазкина, Людмилы Улицкой, Александра Мелихова и многих других широко известных авторов вошел роман «Кадын» Ирины Богатыревой, стремительно набирающей популярность писательницы родом из Казани. За свою карьеру, начавшуюся сравнительно недавно (первый рассказ был опубликован в 2003 году), она успела побывать финалистом премии «Дебют», дипломантом премии «Эврика!», лауреатом «Ильи-Премии», премии журнала «Октябрь» и многих других. В копилке Ирины Богатыревой несколько рассказов, роман «АвтоSTOP» о влюбленной в дорогу молодежи, а также повести «Товарищ Анна» и «Луноликой матери девы». Последняя вышла в конце 2012 года и посвящена, по словам автора, скифам Алтая. Предполагалось, что «Луноликой матери девы» станет первой частью большой трилогии. Так и произошло: в конце 2015 года в издательстве «Эксмо» вышел роман «Кадын», собирающий под одной обложкой три главы: «Воины Луноликой», «Имена войны» и «Царь».

Само имя Кадын отсылает нас к значимой находке археологов, сделанной в 1993 году, когда в пределах Республики Алтай была обнаружена мумия прин-

цессы Ак-Кадын (Белая Госпожа), которая, согласно верованиям, охраняла людей от вторжения зла из низших миров. Очевидно, что именно эта принцесса и была прототипом Кадын из романа Богатыревой. Смелая защитница своего народа, готовая принести себя в жертву, готовая до последнего вздоха сражаться за племя, имеющая силы вести людей за собой. В последней главе романа она действительно стоит на границе обычного и «низшего» миров и пытается общаться с древними духами, требуя свободы для своего народа.

Роман «Кадын» — это смесь этнического фэнтези, сказания и языческой мифологии с обилием деталей, для описания которых автору пришлось прибегнуть к своим явно глубоким знаниям фольклора и этнографии. Роман отсылает нас к древним временам, когда люди жили кочевыми племенами, охотились, верили в духов, сжигали на костре павших воинов, чтобы их мог забрать в свое царство Бело-Синий (так они называли своего бога). Это мир, где люди приветствуют друг друга фразами «Легко ли ветер?», носят шапки с узорами в виде зверей, обозначающими их принадлежность к определенному роду. Где болезнь объясняется алчными духами, вселившимися в человека, где время измеряется лунами, а не днями, закат называют «рогами солнечного оленя», а каждый человек, прошедший посвящение, приобретает собственного духа-помощника (они называли их «ээ»). Автор не раскрывает нам всех карт сразу, повествование течет медленно, детали жизни героев мы узнаем по ходу действия, с каждым шагом приближаясь к пониманию этих людей и их верований. Не будучи этнологами и археологами, сложно понять, какой временной отрезок описан в романе. Лишь в последней главе в стане оказывается пленник Эвмей, который рассказывает о своих родных местах, где растут оливки, едят только рыбу, поклоняются множеству богов и устраивают большие игры раз в четыре года. Только тогда становится понятно, что действие происходит за несколько столетий до нашей эры.

Но центром повествования все равно остается одна-единственная девушка-воин Ал-Аштара (что означает «красный цветок»), ставшая затем царицей Кадын. Ал-Аштара проходила посвящение у старой шаманки Камки. Она мечтала стать Луноликой матери девой, отдать себя служению народу, быть великим воином, равным сотне мужчин. Ее не пугали даже правила, запрещающие девам-воинам Луноликой иметь семью. Ал-Аштара жаждет этого пути, она знает, что ей это предначертано, несмотря на то, что после всех испытаний и обрядов ей так и не удастся попасть в чертог дев Луноликой. Она не отчаивается и понимает, что выбор уже сделан и нет ей другого пути, кроме как служить людям, а воином она и так уже стала. Вскоре Ал-Аштара развязывает войну с соседями из степи. Много людей пало на той битве, но степские проиграли, а Ал-Аштара стала новым царем — вслед за своим отцом, который лишился на войне наследников. И стали называть ее Кадын...

Героиня взрослеет у нас на глазах, проходит путь от посвящения до смерти. От маленькой девочки до суровой и властной повелительницы, сражающейся бок о бок с мужчинами. Все девушки-воины в романе очень задиристы, уверены в себе, спорят с остальными воинами, считают семейное счастье чем-то постыдным и позорным, но у каждой из них есть слабость к мужчинам, с которой им приходится справляться. Иначе не стать воином Луноликой.

В мире, созданном автором, живут бесплотные духи ээ. Каждому человеку, прошедшему посвящение, присваивается свой добрый дух-помощник, который поддерживает их в трудных испытаниях, но бывают и алчные, злые духи (ээ-борзы), которых нужно остерегаться или пытаться приручить. Больших трудов стоит научиться общаться с такими духами, и к этому сильнее всех стремится Очи, подруга Ал-Аштары, с которой они вместе проходили посвящение. Очи — дева, выросшая в лесу,

чуждая жизни в стане. Она очень смелая, дикая, неуловимая, упрямая. Ничто не может ее остановить, даже если она решит отправиться к злым древним духам Чу, которых все боятся. Именно она становится новой Камкой, повелительницей духов, умеющей оборачиваться то мужчиной, то женщиной. Она так же сильна, как и Кадын, и вместе они правят: одна миром людей, другая миром духов. Но рано или поздно они все равно уходят в небытие и оставляют свой народ, когда понимают, что люди, которыми они правят, уже не те, что были раньше. Народ под влиянием бурых лэмо (загадочных существ, не являющихся ни людьми, ни духами) перестал сжигать мертвых родственников на костре, отправляя души на пастбище Бело-Синего, как было принято раньше. Теперь они закапывают их в землю вместе со всем скарбом, который якобы может понадобиться им в счастливом загробном мире. Народ больше не хочет кочевать, теперь они предпочитают оседлую жизнь на земле, где похоронены их родные. Кадын понимает, что это уже не ее народ, это люди, которые измельчали душой, которыми она не может больше править и не имеет права зваться их царем.

Несмотря на то, что роман погружает читателя в очень насыщенный, фантастический мир языческой мифологии, древних традиций и сказаний, он все равно остается очень женским и даже немного сентиментальным. Проблема выбора между Предназначением и плотскими желаниями, тяжелая доля — быть сильным и жестким царем своего народа, скрывая чувства и слабости, все испытания, которые встают на пути у девы-воина, — в какой-то степени все это актуально и сейчас, в эпоху равноправия полов. Получается, фэнтези для Ирины Богатыревой — это не просто искусное сотворение мифических и загадочных миров, это способ заявить о женских правах во весь голос, рассказать о силе характера и воплотить эту безумную силу в великой царице Кадын. «В женском гнезде больше силы копится, чем гора может в себя вобрать», — говорит Камка юным девам во время посвящения.

«Быть царем — тяжкая доля. Над всяким есть царь, и тот спокойно живет, зная над собой власть и совесть. А над царем ее нет: ты должен сам стать царем над собой» — так говорит Кадын своему преемнику перед уходом и именно так подводит итог своей жизни. Таким образом, Ирине Богатыревой удастся создать довольно злободневный роман о сильной духом женщине-властительнице. К сожалению, популярность жанра этнического фэнтези не настолько высока, чтобы пророчить автору небывалый успех, но среди других представителей современной женской прозы Богатырева с романом «Кадын» по праву занимает далеко не последнее место.

Александра БОТОВА

«ВСЕ ХОРОШИЕ. ВСЕХ ЖАЛКО»

Степнова М. Л. Где-то под Гроссето: Рассказы. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016. 282 с.

В 2016 году вышел сборник рассказов Марины Степновой, известной читателям благодаря романам «Хирург», «Женщины Лазаря», «Безбожный переулочок». Некоторые произведения, вошедшие в книгу, написаны больше десяти лет назад, некоторые совсем новые. Так, например, «Романс» был напечатан в журнале «Наша улица» в 2003 году, рассказ «Где-то под Гроссето», давший название всему сборнику, опубликовал «Сноб» в 2011-м, а шесть из тринадцати рассказов еще ни разу

не были представлены на суд публики. Публика эта, кстати, как всегда, весьма критична и остра на язык. Многие любители романов Степновой отказывают ей в умении творить в малых жанрах, дескать, роман — это единственное, что у нее получается. «Слабенькие, очень слабенькие рассказы», — укоризненно пишет такой читатель. Что же такого слабенького в них? Интересно разобраться.

В аннотации к сборнику отмечается, что книга «о людях, которых не принято замечать, да и они сами, кажется, делают все, чтобы остаться невидимками». Являются ли герои этих рассказов маргиналами или тотальными неудачниками? Вовсе нет. Это обычные люди: дети, студенты, молодые мамы, старики, молодожены, вдовы и т. д. Пытаюсь вспомнить профессии героев и почему-то не могу. Был один юрист, редактор, продюсер... может быть, и другие появлялись в рассказах, но это не так важно. Точнее, абсолютно неважно. Автору интересна личность вне профессии.

Почти в каждом рассказе читатель так или иначе узнает о семье персонажа, о том, кто был рядом с ним в детстве и в период взросления, какая атмосфера царила в доме. Атмосфера любви или нелюбви — вот что принципиально. Любовь — это вообще ключевое в каждом рассказе Степновой. Отсутствие этого чувства в жизни человека — причина всех несчастий, присутствие — главный дар. Именно любовь — странная, дикая, необъяснимая, тихая, всепрощающая, неземная — является главной в этом сборнике рассказов. Так называемый переходящий герой, который связывает отдельные произведения в единую цепь.

В рассказе «Старая сука» отсутствие любви к кому бы то ни было передавалось в семье главной героини по наследству. «Мама, Джульетта Васильевна, Таня. Одинокие, ледяные, волглые. Никто никогда не любил. Никто не любит. Никто никогда не будет любить». Какая ирония — назвать главную героиню Джульеттой. Именем девушки, которая сама по себе любовь. А любовь Копотова в рассказе «Покорми, пожалуйста, Гитлера» не просто присутствует в жизни героя, а руководит им. Не раз кажется, что он освободился от ее влияния, но нет — взбалмошная, глупая, беззащитная — его любимая снова бесцеремонно заявлялась в Санину жизнь и на некоторое время забирала парня без остатка, хотя он так до конца и не смог себе в этом признаться.

То, что все рассказы о любви, не делает их радостными. Наоборот, они полны человеческими трагедиями, маленькими и большими. От истории к истории у читателя нарастает чувство тоски, разочарования, безысходности, отчаяния. Как же так? Почему столько ненависти в нас? Откуда эта злость? Почему мужа бросают жен? Почему родители не любят своих детей, а дети — родителей? Почему мы делаем себя и всех вокруг несчастными?

Однако автор все же всегда, в каждой, даже самой драматичной истории оставляет свет в конце тоннеля. По мнению одного недовольного читателя, Степнова обожает открытые финалы, после которых остаешься в недоумении: как все-таки все закончилось, хорошо или плохо? На мой взгляд, если такой вопрос возникает, значит, читатель просто зря потерял время — ничего из рассказа он не понял... Например, в истории «Дядя-цирк», рассказывающей о молодом человеке, внезапно пожелавшем заняться благотворительностью, конец вроде как несчастливый: вдохновленный будущим добрым делом парень уже был готов стать отцом маленькой девочке со смертельным диагнозом и мужем ее красавице маме, однако при встрече оказалось, что мама девочки «чурка», да и папа у них есть — «тоже чурка, только очень красивый». Конечно, сказать, что герой был разочарован, значит, ничего не сказать. Но дело же не в этом. Смысл-то в проснувшейся настоящей любви в ничемном и, казалось бы, бесчувственном мужчине, в желании делать добрые дела, помогать нуждающимся, совершать поступки, о которых невлюбленный человек бы даже не подумал!

Помимо надежды, которая так или иначе присутствует во всех рассказах и делает их чуть менее трагичными, Степнова наполняет произведения юмором. Настолько легким и прозрачным, как воздух, что кто-то его может даже не заметить. Прыскать от смеха вы не будете, разве что пару раз. Тем не менее именно такой ненавязчивый юмор не позволяет ни писателю, ни читателям погибнуть в пропасти безнадежности и уныния.

Автор любовно описывает всех недолюбленных героев. Они это заслужили. Пусть они обыкновенные, даже посредственные, пусть жалкие или мерзкие, все равно достойны любви. Как говорила одна героиня: «Все хорошие. Всех жалко». Все до единого персонажи уникальны, со своими необыкновенными историями, полными побед и неудач, холодного рассудка и глубоких чувств, личных выборов и предопределенностей судьбы, против которых бессильна человеческая воля.

Каждое произведение писательницы получилось особенным в том числе и благодаря характеру повествования. Рассказы от первого лица, как и положено, привлекают своей психологичностью, большой степенью доверительности. Мы читаем мысли героя, проникаем в его голову, он уже не может ничего скрыть от нас. Рассказ «Там, внутри» напоминает поток сознания, героиня говорит вслух и про себя в реальном времени, и ты просто не можешь не чувствовать свою сопричастность. Возможно, именно поэтому от рассказа по телу бегут мурашки.

Такие истории, от первого лица, напоминают интервью, когда важно даже не то, что говорит человек, а как он говорит, как выражает свою мысль. Речевая характеристика человека играет важную роль в создании образа. На мой взгляд, Степновой удалось показать характеры героев почти во всех таких главах, за исключением одной — «Боярышник». Повествование там ведется от лица четырехлетней девочки. Малышка однозначно вундеркинд: научилась читать сама, без посторонней помощи, тщательнейшим образом освоила втайне от всех тома Горького и Чехова. Пусть так. Хотя это, конечно, фантастика. Речь девочки очень неравномерна: то откровенно детская — какая она и должна быть, то очень взрослая, причем принадлежащая не любому взрослому, а писателю. Например, так девочка характеризует соседку по дому: «сухенькая, востроносая, шустрая». А так описывает март: «окна еще не заклеены, но ликующее воробьиное чириканье уже прорывается сквозь двойные рамы, стянутые лейкопластырем». Литературности в этих словах хоть отбавляй. Слишком неправдоподобно вышло, даже с учетом того, что ребенок необычный. Потому и чувства от рассказа смешанные.

Однако в целом про стиль Степновой даже писать неудобно, потому что хочется лишь неумеренно много хвалить. Читается легко. А пишется? Сама она признается, что писать не любит абсолютно — ей это дается с мучениями и никакого удовольствия не приносит. Но раз Бог дал дар — нельзя его терять, надо работать. Привлекает и завораживает в рассказах Степновой, конечно, не легкость чтения, а язык — богатый, живой, эмоциональный. Приятно филологам, да и не только им замечать в тексте отсылки к классической литературе или даже к обычным урокам русского языка («К списку упреков, и без того длинному, как список гомеровских кораблей, прибавился еще один». «На дворе колом стоял 1952 — ничего личного, просто Джульетта Васильевна предпочла бы другие обстоятельства времени, места, образа действия, причины, цели да и степени заодно»).

Секрет убедительности произведений Степновой часто кроется в биографичности. Любимое место автора — Тоскана — появляется не только в рассказе «Где-то под Гроссето», но и в «Варенье из каки». Город детства и юности показан в рассказе «Тудой» — таком колоритном и ностальгическом. Мир медицины фигурирует то в одном, то в другом рассказе — очевидное влияние мамы-врача.

На мой взгляд, рассказы Степновой при всем желании никак нельзя назвать слабенькими. Ничего в них не хромает — ни идея, ни исполнение. Они пробуждают чувства, которые, возможно, затаились где-то на дне души, они заставляют задуматься о том, достаточно ли мы добры друг к другу, достаточно ли любим и если нет, то что мешает? Книга Степновой пробуждает лучшее в человеке, и это лучшее не стоит прятать обратно вглубь себя, нужно позволить ему жить!

Ксения ГОРЯЧЕВСКАЯ

УВИДЕТЬ СВОЙ ПАРИЖ

Матвеева А. А. Лолотта и другие парижские истории. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016. 443 с. — (Проза: женский род).

Умереть, не побывав в Париже,
Не такая уж беда.
Можно выбрать что-нибудь поближе.
Есть другие города.

О новом цикле (именно цикле, не просто сборнике!) рассказов Анны Матвеевой очень хочется сказать что-то вроде «это стопроцентная женская проза». Вышел он в рамках серии под говорящим названием «Проза: женский род», практически все центральные персонажи рассказов — женщины... Да и сама атмосфера книги напоминает о рассказах Виктории Токаревой — писательницы очень и очень «женской». В этой связи интересно мнение самой Анны Матвеевой, которая свои книги «женской прозой» не считает, да и вообще разделение текстов на «мужские» и «женские» отвергает: «Я делю прозу не по гендерному признаку — мужская и женская, а на хорошую и плохую».

Проза Анны Матвеевой, безусловно, хороша. Видно, что каждый текст написан с любовью, и эта любовь передается и читателю, погружает его в мир рассказа, позволяет ему проживать историю вместе с персонажами... Судьбы героев не всегда оказываются счастливыми, однако явственно ощущается симпатия автора к каждому персонажу, ощущается, что каждый из них ей по-своему близок.

Близки персонажи и друг другу, неслучайно их истории оказались под одной обложкой. Всего историй девять (число, судя по всему, значимое или, по крайней мере, симпатичное Анне Матвеевой, вспомним ее предыдущие работы «Девять девяностых», «Перевал Дятлова, или Тайна девяти»), и истории эти не простые, а парижские. Париж — первое, что объединяет героев книги, как говорится в микрорецензии на ее обороте: «У каждого Париж свой: тот, о котором они мечтали, но чаще тот, которого они заслуживают». Не знаю, насколько справедливо последнее замечание про «заслуженный Париж» (чем заслужила, к примеру, свою пародию на Париж героиня повести «Шубка?»), но Парижей в сборнике действительно много, на любой вкус: помимо столицы Франции, есть еще одноименное село в Челябинской области, жилой комплекс, кафе (про этот ассортимент, конечно, сказали все, кто хоть что-нибудь говорил о сборнике, но так трудно удержаться и тоже не сказать). Различаются не только «Парижи», но и роли, которые они играют: для кого-то город являет собой незнакомое, чужое, даже немного враждебное про-

странство («Красный директор»), кому-то он стал лучшим другом («Мой город»), кто-то оставил свой Париж в прошлом («Рыба в воде»), а у кого-то есть целых два Парижа: реальный, безрадостный и воображаемый, несбывшийся («Шубка»).

Второй объединяющий героев фактор — это то, кем они, собственно, являются. Начнем с их профессий: редактор журнала, учительница французского, художница, психолог, журналист... Немного разбавляют этот стройный ряд выпускников гуманитарных факультетов банковский юрист («Рыба в воде») и бывший директор завода («Красный директор»), но все равно тенденция чувствуется, не правда ли? Автор выбирает себе в герои людей, которые похожи на нее саму: герои эрудированны, образованны, многие из них увлекаются искусством, в особенности изобразительным. Кстати, из биографии писательницы становится понятно, что такие персонажи, как банковские служащие и директора, вовсе не исключения, подтверждающие правило, а вполне себе закономерный выбор: ведь Анна Матвеева занимается не только написанием книг, литературным редактированием и журналистикой (писательница окончила факультет журналистики в Уральском государственном университете им. Горького), но и работает пресс-секретарем в банке, так что эта тема ей тоже знакома.

Однако социальное положение и род деятельности — не главное, что связывает разочарованную во всем, кроме своей работы, Викторию («Вздохнули львы»), меланхоличную Татьяну («Рыба в воде»), несчастную Елену («Шубка»), любителя женщин Леню Яковлева («Минус футбол») и других. Пол персонажей тоже не так уж существен — да, почти все они женщины, но это вполне закономерно, раз уж мы решили, что автор пишет о тех, кто ей понятнее. На мой взгляд, основное связующее звено — это чувство недостатка. Присутствует оно абсолютно у всех, хоть и в разных формах. Не хватает любви, денег, возможности заниматься любимым делом... Героиня рассказа «Рыба в воде» хочет детей, а у Павла Петровича из «Красного директора» дети есть, но он говорит с ними на разных языках (с одной из дочерей даже буквально на разных). В самом деле, на всю книгу нет ни одного счастливого человека! Никого, кто бы мог сказать «у меня все в порядке». Если герой женщина — то обязательно с трудной судьбой (нет личного счастья, нет детей, есть какая-то болезнь и пр.) Если в центре повествования мужчина — то он ни в коем случае не сильный и уверенный, но пожилой и несправедливо обиженный жизнью, или многократно разведенный, или вовсе недовольный своей половой принадлежностью (это последнее относится к рассказу «Минус футбол», ведь там история вовсе не о рассказчике, а о Лене Яковлеве). Некоторым, конечно, везет больше, и они «заслуживают» (?) Париж, который так хотели (так происходит в повести «Рыба в воде», там все заканчивается абсолютнейшим хеппи-эндом), но в большинстве случаев рассказы и повести все же не превращаются в сказки, и герои так и остаются в «состоянии недостатка».

Вряд ли стоит винить автора в чрезмерной депрессивности, ведь изображение многочисленных жизненных проблем героев — это всего лишь попытка показать жизнь без прикрас, «такой, какая она есть» (или, скорее, «такой, какой она видится автору»). Хотя нет особых причин с автором не соглашаться, трудности и неудачи — это вообще то, что объединяет, наверно, всех людей, причем неважно, в какое время они живут. Эта мысль прекрасно проиллюстрирована в заглавной повести сборника, в «Лолотте».

Повесть эта опять-таки про людей похожих. И не просто похожих, а о двойниках: пациентка психолога Михаила видит картину Амедео Модильяни и начинает считать себя реинкарнацией его модели, Лолотты. Михаил этой идеей заражается и вот уже сам видит в себе новую версию Модильяни. В повествование

о современных героях вплетаются рассказы о жизнях знаменитого художника и его натурщицы. Тема двойничества уже не в первый раз встречается у Анны Матвеевой, и происходящее в «Лолотте» напоминает о предыдущем романе автора «Завидное чувство Веры Стениной», в котором также выстраиваются своеобразные отношения между героиней и ее портретом. Согласно словам самой писательницы, сказанным в одном из интервью, у каждого из нас есть двойник, по крайней мере в искусстве. Эта мысль красной нитью проходит сквозь несколько текстов Анны Матвеевой.

Так, заключительная повесть цикла объединяет в себе мотивы, которые уже встречались нам в других текстах автора: двойники, изобразительное искусство, профессия героя, даже образ Модильяни — художник упоминается и в предшествующем «Лолотте» рассказе «Немолодой и некрасивый», и в «Завидном чувстве Веры Стениной». Ну и, конечно, Париж.

«Лолотта», наверно, самая парижская история из всех. Милые подробности, описывающие жизнь Парижа на рубеже XIX и XX веков (Модильяни, охлаждающий бутылки вина в Сене, прачечные и пекарни Монмартра, строительные леса, окружающие будущую базилику Сакре-Кёр...), выстраиваются в общее изображение, но не статичное, а живое, подвижное. Чувство такое, что Париж — это тоже герой книги. У него есть своя история, свой характер; он может по-разному относиться к своим обитателям: бывает к ним добр, но бывает и жесток. Видно, что любит его автор не меньше, чем всех остальных. А может, даже больше.

Елена ФИЛАТОВА

МЕДОВЫЙ ПАРИЖ, ИЛИ АЛЛЕРГИЯ НА СЛАДКОЕ

Мойес Д. Две встречи в Париже / Пер. с англ. О. Александровой.

М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. 256 с.

Карьера Джозефа Мойес (1969 г. р.) как романистки началась в 2002 году, когда в свет вышел ее первый роман «Счастливые шаги под дождем». С тех пор список книг Мойес регулярно пополняется: к 2016 году были изданы 13 романов, один из которых — «До встречи с тобой» — уже успели экранизировать. Мойес дважды удостоивалась премии Ассоциации романтических новеллистов, которая ежегодно выбирает победителя в номинации «Лучший любовный роман года».

В романтических пассажах Мойес и правда знает толк, ведь это основной инструмент автора любовных романов, ключ, открывающий дверь в страну любовных грез и переживаний. Неожиданная встреча, неловкость разговоров, доверчивый, сияющий взгляд — и вот уже в плену авторской фантазии очередная читательница, без оглядки влюбленная в главного героя. Взрослые женщины и юные девушки спешат оказаться на месте его избранницы, которая (несложно догадаться) является главной героиней романа, и вот уже, перелетая от одной строчки к другой, над страницами романа порхает не какая-нибудь эфемерная Жаклин, Анжелика или Анна-Мари, но вполне земная Маша, Алена, а может, даже и Ольга Степановна. Один из значимых постулатов любовного романа — это «эмоционально удовлетворительный и оптимистичный финал», и читательницы в своем стремлении поскорее добраться до священного «и жили они долго и счастливо» напрочь теряются в сюжетном лабиринте, где каждый новый поворот кажется подозрительно похожим на предыдущий. Но когда речь заходит о борьбе за великое чувство, возражать бессмысленно, и если нашелся в этом мире человек, который пишет о любви так, как мечтает о ней женщина, лучше позволить этой женщине спрятаться за сентиментальной картин-

кой на обложке книги, которую написала Джоджо Мойес. Однако здесь может таиться другая ловушка...

Дело в том, что фантазия Джоджо Мойес — вещь весьма сомнительного характера. С одной стороны, в книге ее явный переизбыток, потому что сюжет обеих повестей, из которых складывается книга «Две встречи в Париже», является, по сути, сказкой чистой воды. В первой части, именуемой «Медовым месяцем в Париже» (какая неожиданная локация для такого события, не правда ли?), автор повествует о двух парах, чьи судьбы разделены практически целым столетием, но так похожи друг на друга. Софи и Эдуард живут в 1912 году, он талантливый художник, она его натурщица. Он писал портреты многих женщин, он был щедр на внимание к каждой из них, но как только в его жизни появилась Софи, Эдуард понял, какой из портретов станет его любимым на всю оставшуюся жизнь... Идиллия их только еще зародившейся семейной жизни будет несколько нарушена происками предыдущей пассии любвеобильного художника, но разве это препятствие для настоящей любви?

Минует столетие, и читатель, успешно пережив невероятный скачок во времени, знакомится с другой парой — Лив и Дэвид. Лив увлечена супругом, Дэвид тоже отвечает ей взаимностью, но работа... Работа — это его всепоглощающая страсть, во имя которой он будет жертвовать их с Лив медовым месяцем. Мультимиллиардеры, которые могут помочь Дэвиду воплотить в жизнь архитектурный проект его мечты, находятся здесь, в Париже, в те же сроки, что и он со своей новоиспеченной женой... Дэвид почти жертвует своим медовым месяцем и отношениями с Лив, но тут случается волшебное, и все разрешается в пользу долгой и счастливой супружеской жизни.

Итак, казалось бы, в чем же тут авторская фантазия? Конфликты только что образовавшихся семейных пар — так это предельно жизненно, поведение мужской и женской стороны тоже не отличается особой выдумкой. Но каким же все-таки удивительным образом разрешаются эти самые конфликты, когда мужчины решительно изменяют своей натуре. Нелепыми на этом фоне оказываются и разочарованные своими мужьями женщины, у которых якобы спадает пелена с глаз. Что Софи, что Лив уже практически решают распрощаться со своими любовями, ведь разве так они представляли брак с любимым мужчиной? Но в итоге все решается в пользу любви (а может ли быть иначе в любовном романе?), все счастливы, раздор забыт. И это все — не более чем сказка, потому что нельзя так обманывать читательниц притворным счастливым концом, потому что слишком показательно поведение женщин и слишком легко прощаются со своими жизненными приоритетами мужчины — что карьерист Дэвид, что ловелас Эдуард. Потому что грешно застилать взор обычной женщины, надевая ей на глаза громоздкие шоры и заставляя ждать, что мужчины будут вести себя так в реальной жизни и любовь сможет изменить ее избранника.

Вторая повесть книги называется «Одна в Париже» и рассказывает о парижских выходных Нелл Симмонс, которые она должна была провести в компании своего парня Пита, а проводит в компании начинающего писателя Фабиана: он и официант в ресторане, в котором Нелл так стесняется обедать одна, и экскурсовод по городу, и тот, кто будит в скромной англичанке бескомпромиссную француженку... Какие невероятные метаморфозы, и все это происходит за один вечер, чудеса, да и только. А если еще вспомнить, как удачно им удалось не разминуться возле одного из баров, куда Нелл отправилась на поиски своего нового знакомого, то можно увидеть, как по ночному городу стайками летят феи верхом на бабочках.

Люди часто удивляются сами себе после каких-либо произошедших с ними событий, и вполне вероятно, что это как раз случай Нелл с ее внезапной безбашен-

ностью, но ее удивительную везучесть этим не оправдаешь, снова в игру вступает фантазия госпожи Мойес. С какой же легкостью героини справляются с препятствиями, возникшими на их пути, все настолько благоволит их действиям, что невольно — хотя, что скрывать, очень даже вольно и целенаправленно — хочется воскликнуть: да разбавьте уже шепоткой драмы всю эту идиллию! Или навяжите побольше сюжетных узлов, чтобы дорога до станции «Хеппи-энд» была не просто прямой линией, делящей надвое поле из ромашек. Все слишком предсказуемо и банально, и вот в этом-то и заключается основная проблема фантазии Джоджо Мойес — в ее отсутствии. Никто не требует фантазий уровня параллельных миров от автора любовных романов, но и сюжет, который легко предугадать, не делает ему большой чести. Быть может, кто-то захочет возразить и скажет, что все эти завышенные требования к развитию сюжетной линии — веяния современности, где каждый своей задумкой стремится перещегоолять другого... Но даже если это и так, то нужно соответствовать времени.

Книга Джоджо Мойес удивительна в своем маскарадном костюме. Вот она, иллюзия жизнеподобия: и медовый месяц-то может быть не идеальным, и супружеская жизнь может начаться с упреков и обид, и Париж — вовсе не залог того, что выходные подарят массу незабываемых впечатлений... Или все-таки залог? Реальное отображение действительности отходит на второй план, картонные фигурки еле шевелятся на фоне кукольных домиков. Здесь все настолько замкнуто, что никакой легчайший порыв ветра не сдует шапки с головы героини, не заставит ее обернуться и посмотреть на окружающую обстановку под другим углом. Не будет этой возможности и у читательницы, которая, захлопнув книжку после прочтения, воскликнет: «Почему в моей жизни нет такой же любви, такого же мужчины, который изменится ради меня, ради нашей любви!» Журнал «Marie Claire» — если верить обложке книги — назвал творение Мойес «задевающей за живое, смешной и грустной книгой», и если автор этого высказывания в чем-то прав, так это в том, что становится до грустного смешно, когда любовный роман задает стереотипы поведения, воплощения которых женщина ждет от своего мужчины. Но жизнь не похожа на любовный роман, воплотить свои фантазии в жизнь редко удается, разочарованная женщина снова возвращается к книге, задается вопросом, почему в ее жизни все не так, вздыхает по очередному Жану или Диэго и не понимает, что дотронься она до своих кумиров, на пальцах останется лишь позолота.

Кто-то сказал, что наши представления о том, как все должно быть, мешают нам наслаждаться тем, как все есть, и эта фраза должна быть эпиграфом к каждому любовному роману. Может быть, стоит поменять жанровое определение, и все сразу станет на свои места? «Две встречи в Париже» — сказка. Но и тут все не так просто, потому что «сказка — ложь, да в ней намек, «добрым молодцам урок», а в этой книге нет никаких намеков, да и добрые молодцы не прочитают это произведение. Просто автор книги преследовал другую цель, возразит знаток литературной концепции Джоджо Мойес, но в чем же она тогда заключается? Дело в том, что несчастным в любви женщинам эту книгу читать противопоказано, а счастливым — незачем, но именно первая категория чаще всего является основной читательской аудиторией таких вещей. Какой же тогда литературный девиз должен быть у Мойес — толкни падающего, добей лежащего? Или, быть может, все эти книги изначально были предназначены для мужчин как руководство по обращению с женщинами? Тогда бы это многое объясняло.

Это написано красиво, это написано с душой влюбленной женщины. «Медовый месяц в Париже» — это еще и предыстория к событиям, которые разворачиваются в книге Мойес «Девушка, которую ты покинул». Быть может, в этом произведении

и расцветет пышным цветом все то, чему не удалось пустить корни в парижской истории, но стремления проверить свое предположение отчего-то нет.

Елизавета ПАПУТКОВА

GIRL POWER: АНТИГЕРОИНЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

**Хилтон Л. Маэстра / Пер. с англ. Н. Пресс. М.: Азбука-Аттикус,
2016. 334 с.**

Осенью 2016 года вышел роман «Маэстра» Лизы Хилтон: история Джудит Рашли, которая работает самым младшим сотрудником аукционного дома и, стремясь получить повышение по службе, старается уберечь руководителя от покупки неверно атрибутированного полотна Стаббса, но в итоге и вовсе теряет работу. Бойкая девушка недолго горюет и в качестве очаровательного эскорта отправляется путешествовать по фешенебельным курортам с богачами разных мастей. И дальше на ее пути будут только убийства и лучшие мировые бренды одежды...

Лиза Хилтон известна читателю прежде всего как автор исторических романов и сборников новелл о нашумевших фигурах мировой истории: первая ее книга, вышедшая в 2002 году, была посвящена графине де Монтеспам и вызвала большой резонанс, поскольку проводила параллели между жизнью фаворитки Людовика XIV и судьбой Камиллы Паркер-Боулз — второй жены Чарльза, принца Уэльского. Не менее обсуждаемыми были и следующие книги Хилтон: биография Ланвинии Фентон — куртизанки, ставшей знаменитой британской актрисой XVIII века и женой третьего герцога Болтона; история отношений британской писательницы Нэнси Митфорд и Гастрона Палевски; роман о Елизавете I, представленной в качестве выдающегося деятеля эпохи Ренессанса. Хотя критики отмечали неточности в изложении фактов, в целом книги были приняты положительно.

Конечно, читателей удивил тот факт, что Лиза Хилтон неожиданно изменила жанру исторической беллетристики и написала эротический триллер в лучших традициях массовой литературы. Дело в том, что долгие годы Хилтон пишет статьи для журналов и газет, в том числе и для британского «Vogue». Поэтому вовсе не удивительно, что автор с подачи собственного агента обращается к стилистике глянцевого журнала в попытке создать захватывающий триллер, ориентированный на женскую аудиторию. Джудит Рашли в первой части романа напоминает it-girl, смотрящую на читателя, будто с фотографий из популярного Instagram: она мечтает — привет, стереотипы — о престижной работе, но еще больше о платье от французского бренда; ей хочется путешествовать и нравиться мужчинам. Для того чтобы достичь желаемого, героине приходится втереться в доверие к олигарху, влезть в аферу с поддельной картиной, обмануть мафию и — неоднократно — полицию.

Но при всем многообразии перипетий жизни героини сюжет романа порой все же провисает: на полпути брошенные сюжетные линии Карлотты и Генри, иногда до наивного примитивные диалоги, многостраничные и необоснованные описания нарядов героини и окружающей обстановки, вяло выписанная история с чудесным похищением ценной информации от мафиозо Баленски существенно тормозят развитие действия. А эротические сцены монотонно повторяются, и создается впечатление, что автор расставляет их на пути героини невпопад и лишь для того, чтобы оставить-

ся в рамках заявленного жанра. К тому же вызывает много вопросов неправдоподобное умение героини не оставлять следов на месте преступления и бездействие полиции в отношении подозреваемой девушки.

Автор романа умудрилась довольно быстро снискать славу: права на перевод книги проданы уже в сорок стран, а Sony Pictures уже представляет, как выпустит в мировой прокат коммерчески успешный блокбастер. К слову, родной для Хилтон «Vogue» в минувшем июне объявил ее писательницей года. Что любопытно, предшественницей Хилтон — лучшей писательницей 2015-го — была Пола Хокинс с романом «Девушка в поезде», главная героиня которого — пьяница из пригорода, страдающая от одиночества и непонимания со стороны бывшего мужа и его жены, матери и стражей закона. Награждение этой книги, вероятно, справедливо, хотя запущенный алкоголизм вряд ли котируется в гламурной среде даже после эпохи героинового шика.

После выхода книги обозреватели крупнейших англоязычных изданий в один голос твердили, что роман продолжает новейшую традицию «Пятидесяти оттенков серого» Э.-Л. Джеймс. Хилтон в эссе для «The Guardian» выразила разочарование по поводу такого подхода: «Героиня может быть многоплановой, но если на странице упоминается секс, видимо, возможность обсуждать что-либо еще исключается». Устав выслушивать бесконечные сравнения романа с трилогией Э.-Л. Джеймс, Хилтон дала издателям разрешение поместить на форзац книги упоминание, что «Маэстра» не оставит равнодушными почитателей „Исчезнувшей“ Гилян Флинн и „Девушки в поезде“ Полы Хокинс». Получается, с точки зрения автора, ее роман ближе к женской прозе, для которой характерно исследование судьбы сильной и неоднозначной героини: «Мой роман не содержит феминистской полемики — я просто попыталась создать образ современной женщины, непримиримой в своем стремлении получить желаемое, не чувствуя стыда и не видящей противоречий в том, что она пытается совершить».

На первый взгляд вышеупомянутые романы мало чем похожи. Если Хокинс создала до известной степени типичный британский детективный триллер с ненадежным рассказчиком, то в «Маэстре» интрига таинственной аферы с предметами искусства оборачивается всего лишь удачным для героини договором купли-продажи. Если в «Исчезнувшей» одной из главных загадок становится воспаленный разум главной героини Эмили Данн, то Джудит вовсе не утруждает себя саморефлексией: любые ее слова звучат как заранее заученная идеологическая программа — для саспенса этого все же мало. Может быть, в этом свете лучшая сцена романа — убийство полицейского: под музыку Моцарта и мысли об исследовании серийных убийц-женщин героиня методично делает надрезы на теле бывшего партнера, ломает ему шею, спускает в ванну восемь литров крови и заворачивает в целлофан части тела, вызывающие у нее гастрономическую ассоциацию с сэндвичем с ветчиной. Несмотря на то, что эстетствующий психопат стал общим местом в массовой культуре последнего десятилетия, эта сцена все равно интересна для читателя: перед нами новая, по сравнению с началом романа, Джудит Рашли — девушка, которая убивает не за идею, а потому, что это позволяет в кратчайшие сроки достигнуть желаемого: заработать на отдых, купить новую сумочку или даже картину Уле Андерсона. На украденные деньги девушка преспокойно обустраивает свою уютную квартиру в пятом округе Парижа, ведет праздный образ жизни и чувствует себя абсолютно счастливой, ведь ее путь к мечте оказался успешным — теперь она желаемый гость любого аукциона и вращается в кругах сильных мира сего.

Вот что действительно объединяет вышеупомянутые романы, так это образы антигероинь, захвативших литературу последнего пятилетия. Рейчел Уотсон из

«Девушки в поезде» Полы Хокинс — героиня на грани нервного срыва, Эмили Данн из «Исчезнувшей» Гилиан Флинн — социопат под маской добродетельной жены, а Джудит Рашли из «Маэстры» Лизы Хилтон — хищница, идущая на все ради своей цели. И Хокинс, и Флинн, и Хилтон старательно выводят персонажей, которых сложно представить в качестве жен, корпящих в фартуках над наваристым борщом, и еще сложнее представить в обнимку с милыми пухлыми младенцами: эти девушки в принципе не встраиваются в парадигму семьи. Героини не станут возглавлять родительский комитет или помогать прокаженным, потому что заняты совсем иными делами.

Рейчел Уотсон любит выпить и страдает депрессией со всеми вытекающими последствиями: каждый день она ездит в электричке (которая фактически идет до станции Юстон, но на самом деле везет героиню в ее личное никуда) и изображает, будто спешит на работу, а на самом придумывает истории счастливой жизни пассажиров, брезгливо отворачивающихся при одном взгляде на нее. Самооценка Рейчел стремительно приблизилась к нулю. В прошлой счастливой жизни она была уверена, что предназначение женщины состоит в том, чтобы быть а) красивой; б) матерью. Красивой девушка себя уже давно не считает: ее фигура, ранее столь привлекательная, теперь существенно заплыла жирком. И все попытки завести ребенка оказались тщетными из-за обнаруженного бесплодия. Из-за собственного несоответствия как социальной роли, так и современным стандартом женской привлекательности, навязыванием которых занимаются все вокруг, Рэйчел начинает пить. Мужчина всей ее жизни Том не намерен это терпеть и через некоторое время изменяет ей, а потом и вовсе бросает ради любовницы Анны. Теперь каждый раз, изрядно перебрав, Рейчел отправляется к дому бывшего и его семьи, чтобы повнимательнее рассмотреть то, в чем сама участие вряд ли примет, а именно — пресловутое счастливое воплощение социальной модели. В мире стереотипов и горизонта ожиданий, увы, для Рейчел места нет, и она ломается под гнетом этого обстоятельства.

Пола Хокинс осознанно поднимает проблемы, которые обычно принято умалчивать и переживать за закрытыми дверьми: женский алкоголизм, домашнее насилие, бесплодие, маниакальная депрессия и так далее. Книга от того и становится хитом, что в центре, наконец, не герой в прямом значении этого слова, а девушка, чья судьба по всем стандартам этого мира не удалась.

Эмили Данн — причина главного сюжетного поворота романа Флинн: ровно в середине повествования мы узнаем, что «примерную» жену никто не убивал. Она инсценировала свое исчезновение, чтобы подставить мужа и благодаря закону о смертной казни в Миссури жестоко наказать за измену. Эмили, в чьей жизни тоже все не так, как ей хотелось бы, в отличие от бесхарактерной и слабой Рейчел, начинает мстить своему обидчику. Она — умная и привлекательная женщина, которая по совместительству оказывается убийцей, социопатом и главным злодеем романа. Это бесконечно сильный персонаж, готовый убивать других и калечить себя, доказывая свою правоту и независимость. «Несгибаемая Эми» — одновременно красавица и чудовище, рожденные современной эпохой, в которой одинаково присутствуют и сексизм, и феминизм. Ее центральный монолог о стремлении женщин соответствовать мужским фантазиям редкое феминистское издание обошло стороной: после выхода романа появился ряд англоязычных статей, вдохновленных речью Эмили. Как призналась сама Флинн, она не разделяет этой шумихи, поскольку всего лишь хотела наглядно продемонстрировать, что отрицательный женский образ тоже может быть сильным и убедительным.

Роман Флинн, конечно, в первую очередь сатира на брак и современное общество. Если у Рейчел по объективным причинам не получилось соответствовать своей

социальной роли жены, то Эми в определенный момент просто перестало это интересовать. Когда она с мужем Ником жила в Нью-Йорке, где каждый имел свой круг знакомых и творческую, но стабильную работу, — все шло прекрасно. Когда из-за кризиса и болезни матери Ника пара перебралась в глубинку штата Миссури, где мужья сидят в барах, а жены целыми днями заняты домом и семьей, — отношения резко изменились. Эми, окончившей Гарвард и привыкшей к светской жизни, мягко говоря, скучно сидеть дома, пока ее муж начинает свой собственный бизнес. Если посмотреть на ситуацию только глазами героини, то получается, Ник, основав бар на деньги жены, равнодушно топит недосказанность этого брака в бурбоне, кувыркается с молоденькой любовницей, пока Эми брошена одна дома и изо всех сил старается соответствовать роли провинциальной домохозяйки. Подобными мыслями героиня и доводит себя до состояния ненависти ко всем и вся.

Джудит — своеобразная реинкарнация Эми, та же героиня версии 2.0. Она не страдает зависимостями и болезнями Рейчел, поэтому, безусловно, может найти милого парня своего круга, стать прилежной женой и заботливой матерью. В отличие от героини «Исчезнувшей», ее не обижал муж — мужа у нее не было вовсе. Потому что все упомянутое — не ценности Джудит. Ей чуждо чувство любви или привязанности к мужчинам — она лишь предоставляет свое тело в пользование тем, кто смотрит на нее, «точно бегемот в брачный период», а потом берет высокую плату. Секс для нее не цель, а рекламная пауза, предусмотренная во время трансляции интереснейшего фильма. Иногда вынужденная остановка при просмотре становится даже назойливой — такой, как затянувшаяся бессмысленная ночь с Маттео.

Джудит доказывает, что она сильная девушка и куда интереснее, чем младший сотрудник, бесконечно приносящий кофе и вынуждаемый начальником лечь в постель с выгодным клиентом ради заключения нужного контракта. Она не хочет быть использованной миром мужчин и играет с ним в рамках товарно-рыночных отношений: в обмен на секс или другую небольшую помощь мужчины открывают для Джудит счета в швейцарских банках, делают поддельные документы и многое другое. И в этом большое отличие Джудит от Рейчел и Эми: она не позволит себя унизить или использовать. Если персонажи, созданные Хокинг и Флинн, пострадали от мужчин, то Джудит пришла отомстить за девушек: пусть во благо ее счастья страдают другие.

Ася МОРОЗОВА

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Мориарти Л. Последний шанс / Пер. с англ. И. Иванченко. М.: Азбука-Аттикус, 2016. 420 с.

Современная женская проза как отдельное литературное явление появилась сравнительно недавно, но тем не менее сейчас это направление стремительно набирает популярность. Конечно, женщины-писательницы существовали всегда, и так называемые «женские темы» находили отражение в творчестве авторов обоих полов. Вот только рамки этих самых «женских тем» долгое время оставались размытыми и неточными, вплоть до того, что поднимался вопрос: а целесообразно ли вообще выделять женскую прозу в самостоятельную область литературы?

С одной стороны, большинство исследователей не признает существования «женской манеры письма», считая, что любое художественное произведение соответствует общим траекториям литературного процесса вне зависимости от пола

автора. С другой, более категоричной точки зрения, женскую прозу можно рассматривать как отдельный социально-культурный феномен, возникший в ходе феминистского движения и борьбы за гендерное равенство. Пожалуй, при таком подходе даже недавнее вручение Нобелевской премии американскому певцу Бобу Дилану могло вызвать споры не столько о характере его профессиональной деятельности, сколько о том, что «опять мужчина!».

В любом случае прошли времена Джордж Элиот и Шарлотты Бронте, когда писательницам приходилось публиковаться под мужскими псевдонимами, чтобы быть воспринятыми всерьез. Современная женская проза — утвердившийся факт как на Западе, так и в России. Ее основные характеристики в целом понятны: автором является женщина; повествование концентрируется тоже вокруг женского персонажа; язык произведения экспрессивный, эмоциональный; главная героиня борется за свое счастье, вступая в конфликт с общественностью/судьбой/семьей; проблематика затрагивает темы детства, материнства, положения женщины и т. д. Данные рамки могут либо расширяться, становясь почти условными, либо сужаться, и тогда речь идет о специализированной психологической или публицистической феминистской литературе.

В данном контексте мы обращаемся к писательнице, чье творчество с самого начала было ориентировано исключительно на женскую аудиторию. Лиана Мориарти родилась и живет в Австралии. Современному читателю она уже известна своими бестселлерами «Тайна моего мужа», «Что забыла Алиса», «Последняя любовь гипнотизера». Уже по названиям можно определить, что пишет Мориарти именно в жанре женского, любовного романа (как бы ни хотелось подумать обратное, глядя на фамилию писательницы). Ее героини, прямое отражение целевой аудитории, женщины около тридцати-тридцати пяти лет, «в расцвете сил», с устоявшейся жизнью, по большей части семейные. Софи из «Последнего шанса» — исключение из правила, ведь она слишком много времени уделяла работе и внезапно обнаружила, что в 39 лет у нее нет ни мужа, ни детей и «пора бы начать задумываться над этим». Конечно, здесь отражен современный американский уклад жизни, при котором считается нормальным сначала построить карьеру, и только потом создавать семью. Софи чувствует давление общества, но вовсе не считает, что в 40 лет уже все потеряно, как не считает и автор, что говорит о ее радикальных, типично американских взглядах на положение женщины в обществе.

Неприятие традиционной женской доли сквозит на протяжении всего романа, хотя и не является основной темой. Чего стоит только определение семейной жизни одной из героинь: «Очень похоже на работу по дому, которой конца-краю не видно. Приходится, стиснув зубы, тянуть ляжку, и так день за днем. Разумеется, мужчины стараются значительно меньше нашего, но на то ведь они и мужчины, верно?» В свою очередь, Софи злится на экс-бойфренда, когда он назначает ей встречу недалеко от ее работы, якобы чтобы она не заблудилась. Вердикт: «настоящий сексист». А в самом начале героиня рассказывает о своих фобиях, первая из которых, как и положено типичной женщине, — пауки, а вот вторая — деторождение. Заявление достаточно смелое даже для XXI века, особенно если принять во внимание современную тенденцию, когда борьба за права женщин странным образом соседствует со все возрастающим негативным отношением к абортам. В книге аспекту материнства посвящена одна из нитей сюжета: Грейс страдает от послеродовой депрессии, отдаляется от мужа и не испытывает никаких теплых чувств к новорожденному сыну.

Что касается сюжета, то общий сценарий данного жанра таков: героиня живет себе, горя не зная, как вдруг в дом стучится беда, и весь привычный уклад рушится на глазах. В жизни Софи тоже происходит событие, которое заставляет ее пересмо-

треть свои взгляды. Завязкой служит внезапное завещание главной героине дома на острове, который является местной достопримечательностью, так как много лет назад там нашли оставленного младенца, чьи родители как будто исчезли. Ребенка приняли в семью, которая и по сей день живет в тех краях, и Софи предстоит влиться в их разнородную компанию. Детективный элемент, который по замыслу автора должен присутствовать в романе, складывается вокруг этого таинственного исчезновения родителей младенца. Но само событие не описано с должной тщательностью. Автор как будто упоминает об этом вскользь, как о чем-то само собой разумеющемся. Безусловно, это нисколько не способствует формированию атмосферы саспенса, но, напротив, вызывает лишь недоумение. К развязке этой тайны не ведет никакая причинно-следственная связь. И хотя открывшаяся правда соотносится опять-таки с положением женщины в довоенном обществе, сама ситуация представляется довольно банальной.

Романы, создаваемые Лианой Мориарти, можно сравнить с работами популярного американского писателя Николаса Спаркса. В центре его произведений всегда лежит трагическая история любви. Спаркс пишет о судьбе, о человеческих отношениях, о христианских идеалах. Все эти темы близки сюжетам Лианы Мориарти. Даже по стилю повествования работы двух авторов похожи. Впрочем, у Лианы Мориарти действие протекает более заторможенно, некоторые части романа совершенно «пустые», а некоторые наполнены ненужными деталями, не представляющими важности для сюжета, как, например, упоминание о том, что Софи постоянно краснеет, когда злится. У Спаркса лучше получается работать с композицией романа, его сюжеты оригинальнее, вот почему в Голливуде наперебой стремятся экранизировать каждую его книгу (вспомним нашумевшие романтические фильмы «Спеши любить» 2002 г., «Дневник памяти» 2004 г., «Счастливчик» 2012 г.).

Решающее сходство с творчеством Спаркса в том, что «Последний шанс», хоть и написан австралийкой, представляет собой типичное произведение американской поп-культуры. Книги Лианы Мориарти становятся бестселлерами не благодаря высокой художественной ценности, но потому, что написаны по беспроигрышному шаблону, ориентированному на массового читателя. Мы видели, что в «Последнем шансе» намечалось несколько весьма интересных идей феминистского толка, но эти линии поблекли так же быстро, как появились, а потому вполне могут носить неосмысленный, случайный характер. Так, в конце книги одиночка Софи обретает спутника жизни, а в Грейс вдруг просыпается горячая любовь к своему ребенку. А жаль. Ведь нестандартные ходы и оригинальные идеи — это *последний шанс* для рядового популярного романа подняться на одну литературную ступень выше.

Любовь БУХВАЛ

НЕВЕДОМА ЗВЕРУШКА

Нордберг Д. Подпольные девочки Кабула. История афганок, которые живут в мужском обличе / Пер. с англ. Э. Мельник. М.: Э, 2016. 432 с. (Проект TRUESTORY. Вокруг планеты за 80 книг).

«Я хотела бы быть кем угодно на свете — // Только б не женщиной // <...> не афганкой». С этих строчек кабульской поэтессы Ройи начинается своя книга Дженни Нордберг — шведская журналистка, живущая в Нью-Йорке. Осторожно не определяем пока жанр произведения, остановившись на нейтральном «книга»: этот

вопрос требует отдельного рассмотрения. Так вот, книга Нордберг, лауреата Пулитцеровской премии 2005 года, по признанию автора, составлена «по репортажам из Афганистана, Швеции и Соединенных Штатов в период между 2009 и 2014 годами». Посвящена она не какой-то особой афганской касте или диверсионной группе, как может показаться по названию. Хотя, если разобраться, бача пош — героини книги — в определенном смысле занимаются именно подрывной деятельностью, потихоньку, своими слабыми силами изменяя глубоко закоренелый патриархатный (sic!) уклад жизни афганского общества. По крайней мере, Дженни Нордберг очень хочет нас в этом убедить.

Бача пош — своего рода «неведома зверушка»: и не сын, и не дочь, и даже не третий пол... некая промежуточная фигура. С дари, одного из официальных языков Афганистана, выражение переводится «одетый как мальчик». Автор книги столкнулась со столь необычным явлением во время командировки в эту восточную страну, где она работала над репортажами для журнала *Time*. Нордберг жила в кабульской семье, с первого взгляда примечательной лишь тем, что мать в ней занималась не только поддержанием очага, но и политикой. Уже интересно. Даже если вы совсем ничего не знаете об Афганистане — об исламских традициях и о том, что женщина у мусульман, мягко говоря, далека от публичности, вам должно быть известно наверняка. Афганистан — одно из самых строгих исламских государств, где женщина давно и прочно спрятана за спину мужчины. Однако в 1980-е годы, во времена советского влияния, афганское общество приобрело светские черты. Конечно, не по всей стране, а только там, где базировались советские войска. Именно тогда стало в принципе возможным появление женщины в политике. Так что пример Азиты, главной героини книги, конечно, необычен, но не выходит за рамки афганской нормы. А вот история одной из ее дочерей — выходит. Кажется. Дело в том, что младшая дочь Азиты, Мехран, выглядит как мальчик. Ее наряжают в мужскую одежду, коротко стригут и не заставляют носить головной платок. И вообще о том, что это девочка, знают далеко не все. Удивительное явление возбудило журналистское любопытство Дженни Нордберг и заставило ее провести собственное расследование, эксклюзивными результатами которого она сначала поделилась в серии репортажей для американской прессы, а затем оформила их в полноценную книгу.

В ходе поисков Нордберг выяснилось, что история Мехран вовсе не случайность, а часть многовековой традиции. Таких мальчишко-девочек полно по всему Афганистану. Они есть и в столице, и в глубокой провинции. Знакомая с этим феноменом, автор предлагает нам галерею девичьих и женских судеб. Вот та самая Мехран — семилетняя девочка... точнее, мальчик, которой (-ому) очень нравится бегать и шуметь с друзьями на улице, а носить платок на голове и прилежно учиться — не особо. Вот 15-летняя Захра, отчаянно борющаяся с взрослением и вызывающе разгуливающая в мужском костюме. Вот 35-летняя Шукрия, дожившая в мужском теле до двадцати и духовно сломленная вынужденным превращением в жену и мать. А вот и совсем взрослые бача пош, Надер и Шахед (-а), одна из которых в свои тридцать водит машину и работает тренером тхэквондо, а вторая служит в полиции.

Если бы перед нами был роман настоящего писателя, в этой галерее мы бы увидели красочные портреты каждой из женщин. Так как мы имеем дело с журналистом, приходится довольствоваться карандашными набросками. При этом линии прорисованы тем четче, чем больше материала оказалось в распоряжении Нордберг. Едва ли дело в особом замысле.

Шведская журналистка написала развернутый очерк («субъективный отчет», по ее словам) с многочисленными экскурсами в историю, политику, психологию

и так далее. Тем наивнее выглядят редкие попытки создания саспенса или неуклюжие метафоры. Но все-таки Нордберг играет сразу на двух жанровых полях. И вот почему ей это удается.

«Подпольные девочки Кабула» ориентированы на западного читателя. При всей документальности повествования книга этим западным читателем воспринимается как жутковатая сказка: уж слишком далек ее предмет от того, к чему привык современный «цивилизованный» человек. Ужасно сложно поверить, что в наш просвещенный век где-то там, на задворках мира, люди живут в малограмотном средневековье. Что им приходится подстраиваться под аксиому: в семье обязательно должен быть сын, любой ценой, даже если... им придется стать девочке. Что в этой стране женщинам, чтобы получить хоть какие-то права — да что там! порой всего лишь чтобы выйти на улицу! — приходится переодеваться мужчинами, меняя свое естество, ломая психику. Невероятно, страшно, интригующе. Читатель внутренне сопротивляется, не желая верить услужливо собранной статистике, и подсознательно воспринимает текст как вымысел.

Таким образом, получается, что книга Дженни Нордберг — это и нон-фикшн, и беллетристика в одном лице. Нечто среднее. Как бача пош.

Есть в «Подпольных девочках Кабула» и третья сторона — феминистская. Вполне возможно, что для автора она куда важнее документального свидетельства об уникальной афганской традиции (для этого хватило бы коротенького очерка в несколько страниц) или тем паче желания увлечь читателя оригинальным сюжетом. Цель Нордберг, как нам кажется, — доказать важность проблем феминизма на крайне убедительном материале. И действительно, к концу книги сложно не увлечься этими идеями: так сочно, на многочисленных примерах, показано угнетение женщин (причем не только афганских! постоянно приводятся параллели с положением женщин в других местах мира); так безапелляционно в негативном свете показаны мужчины! Да, Нордберг добивается своего, но только читатель — обычный читатель, не поглощенный ранее проблемой ущемления прав женщин, — чувствует себя немного обманутым. Он ощущает себя жертвой пропаганды: то скрытой, а то и вполне явной. А это мало кому понравится. К сожалению, агрессивным пропагандистским тоном грешат многие, если не все, произведения феминистского толка. Можно возразить: вопрос притеснения кого-либо — проблема, о которой нужно кричать! Но мы не на митинге, мы сидим дома в уютном кресле и хотим от книги иного. Чего? Интересного сюжета, если это беллетристика; научной новизны, если это статья ученого; множества документальных фактов, если это журналистский отчет. Все это мы видим в книге Дженни Нордберг, но не покидает мысль, что в итоге по жанру ее книга даже не симбиоз документальности и вымысла, а расплывающееся лоскутное одеяло: в нем есть все понемногу, но цельная картина, увы, не складывается.

При всем этом «Подпольные девочки...» впечатляют, возмущают и заставляют сопереживать. В книге приведены ошеломляющие факты. К примеру, оказывается, что в Афганистане женщины прибегают к варварским народным средствам, чтобы еще в утробе изменить пол ребенка — конечно же, на мужской. Или еще пример: мужчина может устно развестись с женой по собственной прихоти, а женщина при этом автоматически лишается практически всех прав, почти гарантированно — детей и, в общем-то, может сразу же готовить мыло и веревку (конечно, есть суд, но он, по сути, бесполезен). Материал, собранный Дженни Нордберг, поистине богат и поразителен. Одна проблема: кажется, этот материал оказался сильнее автора. Возможно, ей просто был нужен хороший литературный редактор.

Софья КРИВОШЕЕВА

О(Б)СУЖДАЯ ЖЕНЩИН

Харитоновна О. Женщины. Разговор не о мужчинах. М.: АСТ, 2016. 352 с.

И она напишет записочку
(а когда женщина пишет
записочку, пишущая женщина <...>
никого не возмущает).

В. Вульф

В 2011 году в издательстве «Интан» была опубликована книга «Я — феминистка. Вы хотите об этом поговорить?», которая представляла собой сборник автобиографических историй женщин России, Украины, Германии и Дании. Женщин, к слову, было всего девять, однако индивидуальный опыт, транслируемый в каждом тексте, заставил тогда откликнуться формирующееся в России феминистское сообщество. Среди авторов — имя Ольгерты Харитоновой, которую уже знали, которую уже читали в этом самом феминистском кругу. Философ, эссеист, активистка, она популяризирует восприятие феминизма как измененный взгляд на мир, на общество, освобожденное от декларируемых стереотипов о разделении всего вокруг на «мужское» и «женское». В 2016 году Ольгерта Харитоновна совместно с Лолитой Агамаловой презентуют книгу-пособие «Женщины. Разговор не о мужчинах» (ох уж эти длинные и дробленные на два предложения названия). В эпиграфе — слова американской феминистки Глории Стайнем: «Правда освободит вас, но сначала она приведет вас в бешенство».

Когда мы открываем пособие по медицине, философии, черчению или конструированию пылесосов, мы приступаем к изучению стройно организованного свода учебных текстов, правил, задач, вопросов на засыпку и т. д. В конце получаем (или не получаем) представление о предмете или хотя бы делаем вид, что как-то расширили свой кругозор. Когда мы открываем пособие по феминизму Ольгерты Харитоновой, мы читаем истории или размышления десятка женщин, так или иначе связанных с популяризацией феминистских взглядов в России. В этом много личного (а личное есть сокровенное, а последнее невероятно дорого читателю, ведь к нему обратились!), но одновременно это не дает целостности представления о явлении, к которому равнодушно великое количество людей.

Если же говорить о структуре текста, то, пожалуй, к попыткам создать ее относятся толкования ряда понятий, в основном из области культурологии и социологии, вынесены они в рамочку — всё по канонам учебной литературы. Однако в книге от нас тщательно скрываются источники, по которым даются определения терминов. Страшно подумать, если это Википедия. А подумать так уж точно можно, потому что, к примеру, в рассуждениях о женственности (кстати, спутанной с женскостью в контексте реплики героини) разъясняется, что такое эта самая женственность по мнению (внимание!) Википедии. В общем, рассыпается доверие к тезаурусу пособия по феминизму, но не пропадает вовсе, потому что есть еще крючки, к которым можно прицепиться.

В конце красной (во всех смыслах) книги о женщинах — список обсуждаемых тем. Первый блок — «Большой, долгий разговор о сексизме и о таких его проявлениях, как...». И разговор этот действительно большой и долгий, тянущийся как

множество кухонных дискуссий о проблемах мирового масштаба. Темы неприятия закона о гендерном равенстве, ограничения репродуктивных прав, трудовой дискриминации, мизогинии, обесценивания безусловно приговорены к освещению и освобождению от табуизации. Однако текст буквально тонет от вариаций рассуждений героинь на одну и ту же тему блока. На протяжении десятка страниц читателю (а вернее — читательнице, потому что адресат книги указан конкретнейшим образом) повторяют одно и то же: несправедливость, дискриминация, социальное неравенство, жестокие традиции жесткого общества, нас выбирают — нас обижают (и это часто совпадает). И таким образом знакомство с феминизмом приобретает характер угнетения информацией, хотя достаточно было одному автору обозначить точки теоретической опоры и историческую подоплеку.

За исключением недостаточного доверия к источникам, характера книги (на мой взгляд, довольно агрессивного) и некоторой однобокости в мышлении ряда авторов (вернее, авторок — такой феминитив можно часто встретить в пособии) «...Разговор не о мужчинах» может оказаться в списке литературы (хотя бы на лето). Потому что мы не знакомы в достаточной степени с гендерной историей, с особенностями и характером гендерной бинарности, представленной в нашем обществе. Потому что до сих пор многие думают, что феминистка — это мужененавистница, а аборт — одностороннее убийство. Потому что мало кто изучал статистику по неравноправию, а она мало кого оставит равнодушным.

Ольгерта Харитоновна в самом начале заочно организованного круглого стола с активистками феминистской философии затрагивает тему гендерной бинарности, то есть представления о том, что в нашем обществе существуют только мужчины и только женщины. Не секрет, что мужчину мы определяем по мускулинности, а женщину — по феминности, а также ясно понимаем, каким должен быть идеальный мужчина и что такое «идеальная женщина». Эти представления воспроизводятся столетиями подряд, однако книга О. Харитоновой заставляет задуматься: почему человек, которого общество определило как мальчика, может залезть на деревья и плавить свинец во дворе? А если то же самое делает девочка, да еще при этом бегаёт с грязными коленками, почему она выпадает из норм этого самого общества? Пресловутое «тыждевочка» (повторяющееся, кстати, неприлично много раз в книге) преследует представительниц женского пола с детства, но лишь немногих угнетает, так как расценивается как нормальное и вполне естественное в контексте моделей современного общества.

Отражением социума всегда была культура, которая также вплетена в контекст гендерной предвзятости. Ольгерта Харитоновна упоминает о тесте, который использовался в конце XX века для определения художественного произведения на гендерную предвзятость. Вдохновителем создания такого анализа было эссе Вирджинии Вулф «Своя комната», написанное еще в 1929 году. Итак, Элисон Бехдель — американская художница — рисует комикс, героиня которого имеет четкое представление о том, какой фильм в кинотеатре она будет смотреть. Кинокартина должна отвечать трем требованиям: в нем не менее двух женщин, женщины говорят друг с другом, женщины хотя бы раз не говорят о мужчине. «В Швеции некоторые кинотеатры уже официально объявили, что впредь будут публично ставить штамп одобрения на фильмы, которые проходят „тест Бехдель“. <...> Пока же процент женщин среди говорящих актеров — 28,4. Процент фильмов, где мужских персонажей больше женских, — 94. Мужчины на экране работают, пьют, путешествуют, пишут книги, воруют <...> и при этом говорят, говорят <...>. А женщины смотрят на это и пытаются найти свое место в „мужском мире“. Это реальные проценты по сотне самых кассовых американских картин 2012 года». Очевидно переплетение

мира реального и мира художественного — первый отражается в последнем. А в зеркале женского общества отражается еще много достаточно важных проблем, к решению которых нужно преступать незамедлительно.

Темой «одного большого, долгого разговора» стал миф о красоте, а также явление бодипозитива. Книга под названием «Миф о красоте» делает Наоми Вульф — американскую писательницу и политического консультанта — одной из самых значимых фигур в истории феминизма. Формулировка этого мифа: «Женщина должна жить голодной, умереть молодой и оставить после себя красивый труп». Обратимся к реальности. Иллюстрация рекламных билбордов и проспектов — женщина. Худая (голодная), молодая («старость» не продается) и красивая (если у нее не пышные волосы и не узкая талия, то уже можно умирать). Задача мифа о красоте — создать такую идеологию, в которой женщине будет транслироваться одна мысль: «Ты недостаточно красива, ты не чувствуешь себя красивой, тебе нужно заглазить здесь, убрать там и исправить все недостатки твоей несовершенной внешности». Угнетающий характер мифа о красоте налицо. И на лице — женщины под давлением в первую очередь рекламы превращаются в несчастных людей, сделавших внешность условием социального принятия.

Но на помощь приходит движение бодипозитива. Раскрывая его идеи, О. Харитоновна рассказывает о самом многочисленном русскоязычном интернет-сообществе, в котором опубликованы тезисы этого движения. Самый первый и ключевой — «Мое тело — мое дело». Вокруг нас — социальные конструкты, которые диктуют, кому как нужно выглядеть и в каком возрасте. Внешность не всегда говорит о здоровье, и учить человека тому, что нужно похудеть (лишний вес — это признак многих болезней!), никто не имеет права. Люди с неглянцеваою внешностью не только в равной степени не представлены в медиа, но ежедневно сталкиваются с унижением и дискриминацией. Идеи бодипозитива не о том, как выглядит человек. Они скорее о восприятии личности, тела и любых его проявлений.

В книге «Женщины. Разговор не о мужчинах» все-таки много говорится о мужчинах. И в контексте бодипозитива — в том числе. Однако я не увидела в рассуждениях об этом явлении защиту и мужского тела в равной степени, как отстаивается женское. И это все же упущение, потому что одна из целей феминизма — поддержка угнетенных групп. В контексте бодипозитива поддержку от авторов (авторок) получают только женщины. Феминизм, по утверждению Ольгерты Харитоновой, живая система. Но этой системе, судя по книге, не хватает системного описания, широкого взгляда на социальные явления и проблемы. Тут же завершающие текст предложения отвечают: «Феминизм несовершенен, потому что он не отвечает чьим-то идеалам. И потому что он действительно не идеален». Феминизм состоит из совершенно разных людей. Быть феминисткой — это не значит везде кричать, что мужчины — жестокие, подавляющие женщин существа. Попытка это доказать — книга «Женщины. Разговор не о мужчинах». А если рассматривать ее все же как пособие, то в конце, как и ожидается по структуре учебника, можно найти «Десять способов стать феминисткой», телефон доверия кризисного центра для женщин и список сообществ в социальных сетях, посвященных темам женской истории, сестринской взаимопомощи, борьбе с гендерными установками, культурой насилия и сексизмом и т. д. Смотреть на феминизм можно со стороны, им можно увлечься или даже посвятить ему жизнь. Главное — выбрать, о чем именно хочешь сказать.

Анисия СОКОЛОВА

ЖЕНЩИНА, МАСКИ И СТЫД**Арнольд Р. Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке / Пер. с англ.****Е. Канищевой, А. Красниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.****176 с.: ил. (Серия «Библиотека журнала „Теория моды“»).**

Мужчина — культура, женщина — природа. Мужчина — день, женщина — ночь. Мужчина — солнце, женщина — луна. Мужчина — рацию, женщина — эмоцию. Мужчина — аскетизм, женщина — консюмеризм. Мужчина — постоянство, женщина — изменчивость. Изменчивая мода, конечно же, обладает женской натурой; женщины, конечно же, гораздо больше подвержены влиянию моды. Нельзя сказать, что Ребекка Арнольд, британский историк моды, подтверждает это клише, однако на страницах «Моды, желания и тревоги», исследования, вышедшего в рамках проекта «НЛО», действительно правит *femme*: женщин-моделей, -дизайнеров, -общественных деятелей, -искусствоведов количественно больше, нежели мужчин.

Говоря о «власти и статусе, насилии, сексе и гендере в контексте их отношений с модой и модными образами», Арнольд отказывается от хронологического принципа в чистом виде: каждая глава книги раскрывает конкретный концепт, так или иначе связанный с фэшн-индустрией. Первую часть произведения — «Статус, власть и зрелище» — условно можно было бы окрестить «экономической». В ней следование моде соотносено с желанием репрезентировать высокий статус, подчеркнуть принадлежность к высшим кругам общества, а также намекнуть на соответствующий финансовый доход: в эпоху позднего капитализма с его ускоренным устареванием вещей необходимо тратить много денег, чтобы не прослыть ретроградом с дурным вкусом. Возможность примерять на себя различные маски — сегодня отдавать предпочтение легковесному шелковому платью со струящейся юбкой из гардероба романтической мечтательницы, а завтра забыть о платье и носить исключительно брюки с пиджаками широкого кроя, как подобает уверенной бизнес-леди — и возможность приобретать эти «маски», самостоятельно оплачивать их стоимость символизируют женскую эмансипацию. Иными словами, способность покупать стала тождественной освобождению: вырваться из оков патриархата можно не только при помощи митингов и акций протеста, но и при помощи удачного шопинга. Арнольд весьма точно замечает, что сам костюм при этом совсем необязательно должен выглядеть дорого — «дорогим», то есть признанным, должен быть его лейбл: бирка со звучным именем свидетельствует о том, насколько авторитетен в дизайнерском мире ее создатель. Так, скажем, нарочитая непритязательность эко-стиля Линды Лаудермилк стоит не дешевле, чем роскошные наряды Диора. В заключительном разделе первой главы, «Эко», автор говорит о необходимости того, чтобы мода брала ответственность за свою деятельность:

«Нравственные установки, которые мода передает визуально — и образами, и вещами, — позволяют нам использовать потребление как освобождающую силу, но надо также осознавать, что мода, как все большие индустрии, обязана помнить об этике своего производства и бизнеса. Хотя во времена нестабильности мода может давать людям чувство, пусть и мимолетное, единения с природой и естественности, она должна брать на себя ответственность за свои злоупотребления, за жестокости капитализма, которые она так явно отражает».

Этот пассаж, на мой взгляд, звучит несколько наивно: мода (как и женщина?) неморальна, она лишь метафорически отражает общественные настроения и остроумно переосмысливает фэшн-опыт прошлых эпох. Мода циклична, как и история,

и точно так же равнодушна. Чтобы быть поклонником «эко», не нужно становиться вегетарианцем и жертвовать часть зарплаты на спасение планеты от глобального потепления — достаточно приобрести ботильоны из коззама, не уступающие по ценнику обуви из натуральной кожи.

Отсутствие финансовых возможностей и, следовательно, выбывание из потребительской гонки приводит к тому, что желание социального одобрения компенсируется через единение с субкультурами, отрицающими истеблишмент. Панки, скинхеды, эпигоны декадентствующей богемы, замороженные гитарными запилами гранжа, — все эти группы вступают в конфронтацию с идеальным, исключаящим любое несовершенство и оттого искусственным миром глянца. Важной объединяющей особенностью этих стилей явилась ориентация не столько на эпатаж, сколько на эстетизацию насилия, отраженного в агрессии к окружающим, увлечении суицидальными настроениями и употреблении наркотиков. Говоря во второй главе книги о столь пугающих тенденциях, автор замечает, что образ женщины-жены и матери полностью отвергается контркультурой, иронично высмеивается, приравнивается к мещанству высшей степени. Представительницы прекрасного пола остригают волосы и выбривают ирокезы, наносят гротескно яркий макияж, надевают тяжелые ботинки с непозволительно короткими юбками — и вовсе не стремятся выглядеть привлекательными и сексуальными. Арнольд, рассматривающая историю моды в том числе через аспект телесности, подчеркивает, что в XX веке красота женского тела отвергается, поскольку она связана с ценностями патриархального мира, а значит, нивелирует все достижения в борьбе за равенство полов. Кажется, автор не скрывает симпатий к феминизму, однако пафос текста далек от назидательности и интонаций призывающей агитки: только факты и их сдержанный анализ.

В эпоху постмодерна мода относится к маргиналиям не со страхом или пренебрежением, а с положительным любопытством: отрефлексированное ультранасилие становится трендом, агрессивная «униформа» скинхедов эволюционирует в популярный «кэжуал», а Вивьен Вествуд, дива панк-рока, устраивает показы в рамках лондонской Недели моды. Эти феномены фэшн-мира если не полностью отвергли, то, по крайней мере, заметно пошатнули диктат морали, утверждает Арнольд в третьей главе книги. И все-таки, несмотря на точность замечаний и действительно необычный ракурс исследования, нельзя не заметить некое противоречие в композиции «Моды, желания и тревоги»: по сути, вторая и третья главы взаимопроникаемы, ведь их объединяет тема телесности — точнее, отрицания телесности и связанного с ней стыда. В части «Насилие и провокация» автор рассказывает о том, как и зачем агрессивный панк-стиль эксплуатирует эротизм, а в «Эротизированном теле» демонстрация обнаженной плоти соотнесена с насилием над личностью, с детства усвоившей все общественные табу на откровенную одежду. Кроме того, в широком смысле, насилие над телом — это и изнуряющие спортивные тренировки, и инъекции молодости, и жесткие диеты — все те меры, которые позволяют соответствовать заданным стандартам подиума.

Однако чтобы мода могла воздвигнуть новые рамки, ей необходимо разрушить старые. Точнее, отобразить разрушение, происходящее в современном мире: например, гляцевые журналы, нисколько не смутившись, подхватили веяния, связанные с таким социальным явлением, как размывание гендерных границ. Эта тема является стержнем заключительной главы исследования, и, что любопытно, именно в ней наконец появляются мужчины. Тем не менее оппозиции «мужское»/«женское» больше не существует: мода устала от четких разделений и предпочитает амбивалентность. Стиль унисекс, андрогинность как идеал красоты, интерес к переодеванию демонстрируют желание человека отринуть тоталитарную Норму —

и моральную, и эстетическую, и даже бытийную, что сигнализирует об утрате стабильности общества и неверии в ее возможность в принципе.

Автор порицает подобные метаморфозы? А может, напротив, встречается с воодушевлением? О нет, Ребекка Арнольд отказывается от оценок. Ее цель — представить максимально полный обзор феноменов модного мира, сконструированного из определенных лейтмотивов. Книга сопровождается вклейками фотографий, поэтому почувствовать себя профаном в этом калейдоскопе брендов, стилей, фасонов и тканей едва ли удастся. Несмотря на то, что впервые исследование было опубликовано в 2001 году, его русскоязычный перевод вышел только 15 лет спустя — большой срок для непостоянной фэшн-индустрии. За этот период появились новые тенденции и новые имена, пластическая хирургия и прочие бодимодификации перекечевали из андеграунда в мейнстрим, а феминизм, кажется, сменяется тоской по образу «чистой женственности». Но идея, заложенная в основу книги, все-таки бессмертна: мода — это искусство. Искусство красиво менять маски и балансировать на грани запрещенного и дозволенного, искусство трикстерства, дерзкое и непримиримо элитарное, находящееся за гранью добра и зла. Считаете интенцию неоправданно восторженной? Исследование Арнольд переубедит вас, будьте уверены.

Анастасия КОВРИЖКИНА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Петербургская проза. Сборник рассказов молодых литераторов. СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2016. – 248 с.; ил.

В книгу включены произведения восемнадцати молодых прозаиков Санкт-Петербурга. Это издание — продолжение вышедших в 2013–2015 годах сборников «Петербургская проза». Как и раньше, в ней представлены авторы самых разных направлений и тем, дебютанты и уже публиковавшиеся на страницах предыдущих сборников или в других печатных изданиях. Конечно, у авторов рознится уровень мастерства, кому-то еще следует работать над стилистикой, кто-то предлагает тексты вполне безупречные, композиционно выстроенные, умело завершенные, со значащими посылами. Тематика повествований, рассказов в основном современная: любовные, семейные, служебные коллизии. Есть и обращение к истории: судьба юной девушки в блокадном Ленинграде, тема, волнующая и новую генерацию писателей (Людмила Лапина, повесть «Солнцеворот»). Интересно и разнообразно разрабатывается писателями тема детства. Маленький мальчик, на пару дней оставленный родителями с дедом в деревне, и первое жизненное испытание ребенка: неожиданная смерть деда (Ирина Замотина, «Пустой дом»). Ностальгические воспоминания о детстве в провинциальном поселке, о жизни в аварийном доме, где с потолка сыплется штукатурка, но зато на улице много друзей. «Советская была не просто улицей на краю поселка, а настоящей детской республикой со своими законами и предпочтениями. ...Улица советская перестала существовать, как и страна, в которой я родилась» (Александра Русанова, «Советская»). Короткий рассказ Алексея Палия («Из снега»): папа и маленький сын лепят снегови-

ка, идиллия («Мы с папой родили человека») обрывается непродолжительным телефонным разговором разведенных родителей и последовавшей острой вспышкой злости отца, неожиданной для ребенка и понятной читателю. Бесхитростные диалоги, близкое общение двух маленьких девочек, одна из которых – детдомовская, а у другой – любящие родители, дают понять, как много для детей значит семья и как страшно даже само слово «детдомовская» (Светлана Нилова, «Ася»). Впечатления детства оказывают влияние на всю дальнейшую жизнь. Как на героя рассказа Дмитрия Петрова «Этот странный парень» повлияла его детская дружба с художником-самоучкой, дворником при музыкальной школе провинциального уральского городка. Твердо усвоенный в детстве постулат о неизменной победе добра над злом побудил героя уже в зрелом возрасте прибегнуть к решительным и неординарным действиям, чтобы вернуть художнику право на авторство его же картин. Это первая публикация Д. Петрова, и начинающему писателю предстоит еще основательная работа со словом. Впечатления детства действительно могут повлиять на всю дальнейшую жизнь, как показывает в своем рассказе «Малиновое солнце» Ирина Замотина: слушать музыку, так, чтобы в сердце было закатное малиновое солнце, преуспевающего музыканта научила в детстве немая девочка. Молодые прозаики поднимают ультраактуальные темы. Суицид подростка, оказавшегося между двух огней: когда с одной стороны подруга, настаивающая, чтобы девочка пришла на репетицию в театральную мастерскую, с другой – мама, требующая, чтобы дочь готовилась к экзаменам в два вуза (Светлана Нилова, «Честное слово»). Трудный выбор, что важнее: рождение ребенка или материальное благополучие? (Светлана Нилова, «Две жены»). У Сергея Пилипенко в рассказе «Барон фон Дитмарк» игроман со стажем, бомж и наркоман «подсадил» на интернет-игры своего бывшего друга по детскому дому, преуспевающего врача-психиатра, забавный казус из жизни игроманов приобретает серьезное наполнение, оборачиваясь местью за предательство друзей, разбитую жизнь девушки из этого же детдома, за смерть рожденного ею ребенка. И, конечно, нельзя не отметить рассказ Ирины Замотиной «Паромщик», посвященный вечному русскому вопросу о смысле жизни. Вице-президент и директор по внешним связям крупнейшего предприятия проводят досуг на палубе престижного плавучего ресторана, наслаждаясь закатом, размышляя о желанном будущем. В России все уже есть, что можно, за границу не хочется. Вице-президент вспоминает, что в детстве он хотел быть паромщиком на переправе. «Вот чтобы по воде плавать и кораблем управлять. И чтобы нужным, как он, быть... Чтобы вставать утром на работу и понимать, что ты не сделаешь – никто не сделает...» – «Так купи себе яхту, и катайся... Покоритель морей и океанов хренов...» – «Не понимаешь ты. Хрен с ней, с яхтой-то. Не в ней суть. Я же нужным хотел быть, у меня мечта была, а потом куда-то делась, пропала...» У сборника есть одна особенность, отражающая петербургский стиль жизни: как правило, герои ведут себя сдержанно и благородно, даже если сталкиваются с изменами и предательством. И еще одна: это светлые рассказы об обыденной жизни человека, в которой все-таки главным является добро. Быть может, и прав петербургский писатель Дмитрий Каралис, через мастерскую которого прошли многие из авторов, сказавший об одном из сборников, что он «очень скоро станет раритетом, его будут искать, как ищут первую книгу Гоголя или ранние публикации Зошенко и Булгакова», и, быть может, такая же судьба ждет и эту книгу.

Евгения Басова. Подросток Ашим. Иллюстрации Кати Толстой. СПб.: ГРИФ, 2016. – 240 с. – (Последний звонок).

Времена меняются, подростковые проблемы неизменны: отношения со сверстниками, «отцы и дети» – от притяжения до неприятия и протеста, сложности самоутверждения, мучительная попытка ответить на вопрос: кто я, каково мое место в этом мире? Герои чебоксарской писательницы Евгении Басовой – ученики престижного физико-математического лицея, лучшего учебного заведения в провинциальном городке, подростки четырнадцати-пятнадцати лет. Новое время придает свои особенности старым как мир проблемам. Среди этих особенностей – и обострившееся социальное и имущественное неравенство, болезненно переживаемое детьми из малоимущих семей сосуществование в одном классе с «мажорами», богатыми «буратиночками». «Ребята из какой-то другой жизни, в которой – хошь в Англию, хошь в Америку на каникулы, где никто не кричит на тебя из-за денег. Вообще никто никогда не кричит». Отсюда страх неуклюжего «гадкого утенка», классного шута Леши Михайлова с пренебрежительным прозвищем Хич, что одноклассники проводят его тайну: мать торгует на рынке и пьет, «и дома у него надо переступать через баулы колготками и прочей женской ерундой. И главное, что мама по вечерам кричит и ногой пинает баулы: – Я сама ничего этого не вижу, я не могу себе позволить!» Это по ее настоянию сын, не имея никакой тяги к математике, попал в математический лицей («элитное образование»). И будет у Леши попытка суицида. А лицейский вундеркинд, математический гений Миша Прокопьев (отец три года назад умер, кроме него – в семье еще трое маленьких детей), терзается сомнениями по ходу своего романа с одноклассницей из богатой семьи. «Сколько еще он сможет делать, чтобы она не узнала про его бедный дом, про единственную комнату, в которой надо передвигать стулья, чтобы пройти, и вечно разбросана чья-то одежда. А ночью в темноте слышно, как дышат спящие люди... Если она узнает, как он живет, она, должно быть, больше не захочет с ним и говорить». Ведь у ее родителей трехэтажный коттедж, парк, у нее собственная горка и даже – ледяная фигурка медведя. А каково это, испытывать чувство стыда за своих родителей? Но новое время, прежде всего, это новые возможности, что открываются благодаря Интернету и онлайн-общению. Сайт лицея, что по поручению учительницы сделал Миша, дал возможность раскрыться героям с новой для всех стороны, выступать под никами, анонимно, сбросить маски, стать самими собой, забыть страхи и комплексы. «А на форуме можно было разговаривать, как будто ты – это вовсе не ты, как будто тебя никто и не знает». В какой-то степени сайт способствовал и самореализации учеников: так, Леха Михайлов из аутсайдера превратился в интригующего одноклассников поэта и в первый раз смог говорить с кем-то, кому он был интересен, сам о себе. Виртуальные контакты, переписка в Интернете, попытки разгадать, кто скрывается за никами, внесли оживление в реальную жизнь класса, дали стимул к живому общению. Увлечение сайтом (вполне благопристойным) продолжалось полтора месяца, пока учителя не взяли его под контроль, заставив раскрыть ники. Герои Е. Басовой органично существуют в новой реальности, времени Интернета. Но делает ли онлайн-общение жизнь современных подростков легче? Снимает ли их извечные проблемы? Какое влияние оказывает на житейские коллизии? Может ли победить социальное расслоение, подростковые комплексы? Ответы можно найти по ходу повествования. Е. Басова умело строит сюжет, постепенно приоткрывая «тайны» сайта, семейные тайны Прокопьевых, перевернувшие представления подростка настолько, что из Миши он стал Ашимом, мальчиком на-

оборот. Четко обозначены конфликты: отцы и дети, учителя и их подопечные, подростковая среда. Родители, которые, желая добра детям, предлагают им свою модель мира. Учителя, действующие в трудных ситуациях по стереотипным схемам. Импульсивные подростки, способные и на гадкие, и на благородные поступки. Лаконично, но выпукло прописаны характеры. Но — и это, быть может, главное — Е. Басова видит в подрастающем поколении прежде всего доброе начало, способность самим понять, что достойно, а что нет. А еще — она дает возможность оценить, как много значит тепло родного, пусть и тесного дома, семья, умная мать, женщина, способная поддержать не только своих детей, но и протянуть руку помощи и другим нуждающимся в ней детям.

**Кирилл Кобрин. Шерлок Холмс и рождение современности:
Деньги, девушки, денди Викторианской эпохи. СПб.: Издательство
Ивана Лимбаха, 2015. — 184 с.: ил.**

Литератор, историк и журналист Кирилл Кобрин, живущий в Лондоне, исследованием мира Шерлока Холмса, главного детектива всех времен и народов, занимался сорок лет. Его интересовала Викторианская эпоха: колониальные войны, политические интриги, банки, аферы, технический прогресс и социальная несправедливость, положение женщин, бытовая культура, пресса. Его интересовали все стороны жизни многонационального Лондона, а также социальный статус действующих лиц холмсианы, их этническое происхождение, доходы, политические взгляды. Он проштудировал тексты Конана Дойля, книги и сетевые ресурсы, посвященные как самому известному лондонскому детективу, так и Викторианской эпохе. Вошедшие в книгу эссе содержат тщательный историко-культурный анализ нескольких случаев из практики Шерлока Холмса. К. Кобрин проводит разбор второстепенных, тонко сотканных, почти незаметных сюжетов, которые скрываются за главными сюжетами популярных рассказов и повестей. Например, обращается к проблеме интерпретации исторического источника, попавшего в руки людей, уже не понимающих его смысла, живущих в эпоху иной мыслительной парадигмы, иного соотношения слов и вещей («Собака Баскервилей», «Обряд дома Месгрейвов»). В обоих случаях Шерлок Холмс ведет себя не только как передовой историк своего времени, но и во многом превосходит достижения историков первой половины следующего столетия. Для К. Кобрин этот сюжет не столько повод поговорить о достоинствах любимого сыщика. Но — и это главное — дать широкую картину состояния исторической науки в конце XIX века, когда и зарождались профессиональная историография и научная археология. А заодно и показать, как при переходе замена одного слова может исказить исторический контекст эпохи. Иной раз детали, пропускаемые обыкновенным читателем, дают возможность проникнуть в область высокой международной политики, понять истоки общеевропейского конфликта, приведшего к Первой мировой войне. Такую возможность открывает анализ содержимого шкатулки министра по европейским делам («Второе пятно»), где хранились аналитическая записка о серьезном экономическом конфликте двух великих европейских держав («Сведения о русско-германских хлебных налогах») и отчет о скандальных происшествиях в нестабильной и довольно опасной части континента («Меморандум из Белграда»). А беспокойство политических элит по поводу исчезновения опрометчивого письма иностранного монарха позволяет оценить рост роли общественного мнения: не будь его этого мнения, пропажа письма

не представляла бы особой угрозы, разобрались бы по-тихому. Погружаясь в исторический контекст повести «Знак четырех», К. Кобрин размышляет о британском имперском колониальном сознании того времени и его влиянии на социальную, экономическую и культурную жизнь Великобритании. Главным героем драмы, разыгранной вокруг сокровищ Агры, он считает викторианскую империю. «Поздний викторианизм, как он явлен нам в „Знаке четырех“, — есть триумф края, поверхности, победа колонии над метрополией». Основная тема анализа рассказов «Союз рыжих» и «Человек с рассеченной губой» — роль праведных и неправедных денег в викторианском мире жестких сословных различий, устоявшихся ритуалов общественной и прочей жизни. «В последней трети XIX века был нанесен удар по, кажется, самой вопиющей гендерной несправедливости Нового времени — в том, что касается собственности, этого столпа буржуазного порядка», — пишет К. Кобрин. И снова деньги. Речь идет о том, что в 1882 году женщины получили право контроля над своей собственностью и право ей распоряжаться. Рассказы с социально-экономическим сюжетом с похожим гендерным подтекстом («Пестрая лента», «Установление личности», «Медные буки») иллюстрируют, как происходило восстание падчериц против отчимов, желающих сохранить ренту за собой. Холмсиана, считает автор, дает нам один из универсальных ключей к эпохе, которую на русском языке называют «историей Нового и Новейшего времени», а на английском *modernity*, *Modern Times*. Эпоха Шерлока Холмса закончилась с Первой мировой войной. На смену поединка одиночек («Его прощальный поклон» — джентльмены-немцы против джентльменов-британцев) с Первой мировой войной пришла другая действительность, когда нужны стали не граждане, не люди, а пушечное мясо. К 1917 году Конан Дойль это понял — и простился со своим героем в рассказе «Его прощальный поклон». Каждое из эссе не сводится к какой-либо одной теме, темы переплетаются, культурологические, исторические экскурсы открывают тайные механизмы прошлого и настоящего. И, оказывается, несмотря на все различия, мир Холмса и Ватсона во многом похож на наш.

Патрик Барбье. Венеция Вивальди. Музыка и праздники эпохи барокко.

Изд. 2-е, испр. Пер с фр. Е. Рабинович. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. — 328 с.

Сведений об Антонио Вивальди (1678–1741) сохранилось удивительно мало. А ведь при жизни мастера его концерты, опубликованные в Амстердаме, Лондоне, Париже, продавались, переиздавались, исполнялись по всей Европе. Но в рассказах современников он упоминается редко, дошло лишь тринадцать его писем. В XVIII — XIX веках имя его стало малоизвестно, и лишь в 20-х годах XX века итальянский музыковед обнаружил собрания рукописей композитора. Французский историк музыки Патрик Барбье по крупницам воссоздает жизнь великого венецианца: биография, характер, отношения с близкими людьми и великими современниками. И, конечно, много пишет о музыкальной деятельности, о произведениях Вивальди, скрипача-виртуоза, педагога, композитора, благодаря своей инструментальной музыке получившего всеевропейскую известность. У этой книги есть и еще один герой, быть может, главный: Венеция эпохи барокко, которая из мощнейшей торговой и купеческой державы в XVII веке превратилась в изысканный и пышный рай для почитателей музыки, любителей общественных развлечений и грандиозных праздников. В течение XVII века вся Европа ориентировалась на Венецию

благодаря славе ее оперных театров, а затем, в начале XVIII века, и грандиозному расцвету венецианской инструментальной музыки. Основная часть книги посвящена разным сферам музыкальной жизни Венеции: сиротские приюты, воспитанницы которых получали отличное музыкальное образование, духовная музыка и церковные праздники, музыка в церквах и монастырях, венецианская опера, музыкальная роскошь частных дворцов. В контекст повествования о главном герое, Венеции, вписывается и жизнь и творчество Вивальди. Почти двадцать лет он преподавал в приюте Богоматери Скорбящей, сочинял музыку для девочек, оратории, оттачивал блестящее мастерство автора концертов инструментальной музыки (девочки и пели, и играли на музыкальных инструментах). Русский путешественник Петр Толстой писал в 1698 году, что «в Венецы есть монастыри девические, в которых девицы... играют на органах и на розных инструментах и спевают на хорах так изрядно, что на всем свете такова сладкого пения и согласия нигде не обретается». Вивальди писал и ставил оперы, получал заказы на музыку для религиозных и светских праздников. В Венеции времен Вивальди музыка звучала везде: во время церковных церемоний и праздников, в театрах, в благотворительных заведениях, на домашних концертах, на улицах. П. Барбье, реконструируя далекую эпоху, использует архивные документы, исторические исследования, письма венецианцев и их гостей, венецианские газеты той поры, записки путешественников. Увидеть Венецию тех лет, ее горожан, быт, праздники можно и глазами Жан-Жака Руссо, который служил во французском посольстве, и Гёте, и президента Дижонского парламента де Бросса, и английского музыковеда Берни. И даже Казановы. Картина получилась яркая, зрелищная. Пышные праздники и обряды, имевшие вековую традицию. Среди них один из красивейших: выборы нового дожа. Длящийся почти полгода (с некоторыми перерывами) карнавал, когда все без исключения обязаны были ходить всюду только в масках, карнавал как квинтэссенция венецианского духа, устремленного к вольным и радостным увеселениям и соблазнам и отодвигающего на задний план интерес к бунтам и политическим интригам. Невидимые и вездесущие шпионы республики, особенно бдящие, чтобы аристократы не нарушали запрет на встречи и разговоры с иностранными послами. Гондольеры, без которых не обходилась ни одна любовная связь, ни одна политическая интрига. И несмотря на повсеместный шпионаж, все они блюли клятву никогда не разглашать слова из поневоле услышанных разговоров между пассажирами, а если обнаруживалось, что кто-то из них все-таки донес о ночных похождениях какой-нибудь дамы ее мужу, товарищи по корпорации могли его утопить. Самое значительное и популярное явление эпохи барокко — венецианская опера: владельцы и импресарио, публика, знаменитые кастраты и певицы, декорации и постановки и впервые появившиеся залы с ложами и ярусами. Необыкновенные акустические эффекты в базилике Святого Марка, достигнутые благодаря особой системе организации пространства. Своеобразные обычаи и нравы аристократии и рядовых горожан. И общая страсть к музыке, охватывавшая все слои и звучащая повсюду. Венеция, пишет П. Барбье, впала в самую веселую и самую беспечную из предсмертных агоний, в грандиозный «пир во время чумы»: экономические устои в глубоком кризисе, вся политическая и социальная структура вот-вот развалится, а жизнь в республике — непреходящий праздник, культура и искусство на невиданном подъеме. В 1797 году всё оборвалось: венецианский дож отрекся от власти, в республику вошли наполеоновские войска, в истории Венеции начался новый, не праздничный этап. Карнавалы, как и многие другие традиции, прекратили свое существование на 183 года. Лишь в 1980 году итальянцы спохватились и карнавальную традицию извлекли из пыльного забвения. Вернулась и историческая память о славе Ве-

неции в эпоху барокко как первого в истории центра европейского (а может, и мирового) массового туризма и о роли, которую в умножении этой славы сыграли и великие музыканты Венеции: один из крупнейших представителей итальянского скрипичного искусства XVIII века Вивальди, его современники (и соперники) Порпора, Поллароло, Лотти, Гассе, Броски.

Ги Меттан. Запад—Россия: тысячелетняя война. Пер. М. Аннинская, С. Булгакова. М.: Паулсен, 2016. — 464 с.

Русофобия существует. И это не наша выдумка, а свидетельство известного швейцарского журналиста и общественного деятеля Ги Меттана. Двойные стандарты, предвзятые антирусские настроения, русофобская истерия западных правительств и СМИ, ложные обвинения России в экспансионизме — это звучит не с наших экранов и газетных страниц, а от человека с «той стороны». Как и констатация факта, что фраза «во всем виновата Россия» стала излюбленным клише авторов передовиц, экспертов, политиков и университетских исследователей в Европе и Америке, и она идет в ход для объяснения малейших проблем, возникающих на нашем континенте. Будь то авиакатастрофа над Юберлингеном, захват заложников в Беслане, военный конфликт в Южной Осетии и, конечно, Украина. Ги Меттан подробно пишет, как выглядит русофобия сегодня. Он задает неудобные вопросы, которые не принято задавать на Западе. Его ответы, как правило, совпадают с нашей точкой зрения. «Но если подсчитать за последнюю четверть века, сколько невинных жертв замучено в застенках Гуантанамо и сколько мирных жителей перебито в Сомали, Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии из-за неточной наводки беспилотных самолетов-истребителей — разве эти цифры с лихвой не перекроют все злодеяния, которые русские могли учинить в Грозном? Почему мы молчим как рыбы, когда речь идет о вышеперечисленных жертвах, и бьем в набат, когда речь идет о России? Какая нам польза от вооруженного вмешательства и оккупации Ливии, Афганистана, Ирака, Центрально-Африканской Республики, Мали? Ведь хаоса и несчастий от этого только больше. „Освобожденные“ народы, они что, обрели долгожданный мир? Почему-то про это никогда не пишут, зато обвиняют Путина в том, что он поддерживает повстанцев Донбасса... Еще можно было бы поинтересоваться, почему западная пресса и НПО столь трепетно следят за судьбой крымских татар, но нимало не интересуются участием другого притесняемого меньшинства — русскоязычной диаспоры Латвии и Эстонии». Ги Меттан пишет о том, что западные СМИ — из-за страха журналистов потерять работу, задеть рекламодателей, лишиться поддержки государственных структур — отказались высказывать мнения, противоречащие официальной версии, и на потребу хозяевам активно создают миф о страшном русском медведе, демонизируют в глазах мировой общественности «злобного» Путина. О методах нынешней русофобии рассказано в третьей части книги: лексика, риторика, грамматика, семантические ухищрения, мифотворчество, отбор и подтасовка фактов, искажение реальности. В своей книге «Запад—Россия: тысячелетняя война. Русофобия от Карла Великого до украинского кризиса» он дает и ответ на вопрос «Почему мы (европейцы) так любим ненавидеть Россию». Истоки противостояния Запада и Востока автор отсчитывает с эпохи Карла Великого, разорвавшего отношения с Византией, и от дальнейшего раскола христианской церкви на две части: католической с центром в Риме и православной с центром в Константинополе (1054 год). За тысячелетие произошла великая ми-

стификация. Папа и высшие католические сановники уничтожили одни документы и перекроили другие, чтобы обелить ответственный за раскол Запад и возложить ответственность за него на Византию. В течение многих веков западные богословы прибегали к всевозможным уловкам из области риторики и семантики, чтобы дискредитировать Византию (рефлекторная реакция воинственного и бедного варвара на богатого цивилизованного человека). Сами термины «Византия» и «Византийская империя» появились лишь в XVI веке как уничижительные для жителей Востока. Но именно Восточная Римская империя со столицей в Константинополе являлась светочем вселенной: в то время как Рим и Ахен, Париж и Лондон были всего лишь небольшими городишками, в Константинополе велись оживленные интеллектуальные споры, трудились ученые и богословы, процветали искусства. (Это эмигранты-интеллектуалы из разгромленного крестоносцами в 1204 году Константинополя стояли у истоков итальянского Ренессанса.) Это на Востоке была демократия: представители Восточных церквей признавали законным только решение, обсужденное в соответствии с принципами демократии и подсказанное Святым Духом во время Вселенского собора, объединявшего все христианские церкви. Не удивителен и выбор князя Владимира в пользу византийского обряда: Константинополь был ближе в культурном отношении, все еще обладал большим влиянием и сулил большие торговые выгоды. После падения Константинополя в 1453 году «крепость» православия переместилась в Третий Рим, в Москву, и противником и конкурентом Священной Римской империи стала не Византия, а Россия, что вылилось в войны Запада против России, растянувшиеся на тысячу лет. Меттан проследивает историю русофобии у разных европейских народов на протяжении тринадцати веков (у китайцев, японцев русофобии не отмечалось): русофобии французской, английской, немецкой, американской – философские учения, либерально-демократические теории, геополитические устремления. Длжащееся с XI века религиозное противостояние, считает Меттан, не утратило своей актуальности и сегодня, хотя старые обвинения облечены в другие слова и сопровождаются новыми аргументами. И снова «хороший и благородный» Запад переписывает историю, чтобы очернить (как когда-то Византию) Россию: перекладывается ответственность за начало войны на СССР (Россию); принижается роль советского народа в победе над фашизмом; сопоставляются нацизм и русский коммунизм; приписываются русским все преступления коммунизма, а прочие народы предстают несчастными и безвинными жертвами. Так чем же неуживчива Западу Россия? Отчаянным – на протяжении веков – стремлением к независимости и равному статусу с другими государствами? Или она мешает тому идеализированному представлению, что Запад имеет о себе самом? Или просто она – другая, другая в отношении к собственности, к государству, в понимании свободы и демократии? Лишенная всякого академизма и наукообразия книга Ги Меттана – это попытка преодолеть пропасть непонимания, по обе стороны которой оказались Россия и западные страны, попытка убедить читателей, что необязательно ненавидеть Россию, чтобы вести с ней диалог.

Алексей Шляхторов. Как Золотая Орда озолотила Русь. Мифы и правда о «татаро-монгольском иге». М.: Яуза: Эксмо, 2016. 320 с. – (Небо славян. 100 веков русской истории).

Исследование челябинского историка Алексея Шляхторова противоречит устоявшейся концепции о Батыевом погроме и последовавшей за ним эпохе XIII–XV ве-

ков как эпохе «постыдного рабства» на Руси, ее национального унижения и гнета. Нет, нашествие Батые, конечно, было. А вот полную «Погибель Русской Земли» исторические факты, правильно переведенные первоисточники, последние научные изыскания и данные археологии опровергают. У автора веская система доводов. За 250 лет «ига» население Руси выросло в два раза с 2,5 миллионов человек до 5 миллионов, и это несмотря на страшные пандемии чумы XIV века. Уже в 70-х годов XIII века начался рост экономики. Наступила «эпоха городов». Динамично развивались Тверь, Москва, Нижний Новгород, Коломна, Переяславль-Рязанский, Львов, Москва, их пригороды. Строятся каменные церкви и крепостные стены (Псков, Холм, Копорье, Луцк, Новгород). В XIV веке — расцвет архитектуры, работают Андрей Рублёв и Феофан Грек. «Но ведь для культурного подъема нужно не только состояние души, но и хорошие ДЕНЬГИ, — задается вопросом автор, — а как совместить понятие „хорошие деньги“ с понятием „иноземное иго“?» И какое же это «иго», если не только Новгородская республика, но и вся Русь жила по законам Ярослава, вела свою независимую внешнюю политику. Орда почти не вмешивалась во внутренние дела и считалась с мнением веч (вечами Суздаля, Ростова, Владимира, Устюга Великого было санкционировано изгнание баскаков в 1262 году, и Орда приняла это). Ярлыки русским князьям выдавались в соответствии с русским наследственным правом, а история гибели четырех тверских князей при Узбек-хане — следствие лютой схватки за первенство главных претендентов на русский престол, Москвы и Твери. Дань? В книге приводятся сведения о размере и тяжести, способах выплаты дани, которую платили вассальные страны: Англия, Грузия, Армения, Валахия, Молдова. На протяжении всего времени «ига» на их фоне дань Руси, согласно педантичному авторскому анализу, была символической: такую дань не платят угнетенные народы. В отношениях Орды и Руси главным была не дань, а транзитная торговля, Великий Волжский торговый путь, связавший Восток с Западом. «Лесовики» контролировали и берегли «верхний путь»: Неву, водоразделы, Нижний Новгород, степняки — «нижний» — до Каспия и Хорезма. Явная и обоюдная коммерческая выгода — совместное использование Волжского пути — работала надежнее любых политических договоров. В книге подробно рассказано, как функционировал этот путь, важный для западных стран и стран Востока: Индии, Афганистана, Ирана, Монголии, Китая, какие товары шли по нему. Именно торговля между Востоком и странами Северной и Северо-Западной Европы через Северную Русь обогащала Русь. Автор проводит параллели с нашим днем, предлагая восстановить «Великий шелковый путь» в новом измерении. Еще одна историческая параллель: после IV Крестового похода 1204 года и разгрома Константинополя Ватикан ввел жесткие запреты на торговлю с Русью, на ввоз корабельных снастей и породистых лошадей католическими купцами, золота и серебра в слитках, оружия. Ганза эти «санкции» игнорировала. Из всех ганзейских контор самая крупная вне Ганзы находилась в Новгороде, и в ней самую высокую долю составляли молодые купцы (от 200 до 500 юнцов), к тому же изучавшие русский язык. Торговая идиллия закончилась, когда по Орде прокатилась чума, а затем последовало нашествие Тамерлана, — система торговых и иных связей была разрушена. Труд А. Шляхторова опровергает многие злокозненные мифы. Например, о том, что Александр Невский проводил соглашательскую политику по отношению к монголам. В условиях гибели Константинополя и крестовых походов на Русь, открытой враждебности Ватикана Батый как союзник был надежней, чем латиняне, разграбившие Константинополь и лезущие на восток. Разрушен миф о том, что Золотая Орда — это степь, юрты да столичный город Сарай: Золотая Орда после улуса Великого хана была крупнейшим государством XIII—XIV веков с десятками городов. Развеван миф

и об изоляции Руси, укрывшейся и предававшейся дрязгам в лесной глуши. Ордынские города населяли половцы, болгары, русские, греки, армяне, аланы, генуэзцы и венецианцы. Наезжали купцы и путешественники из Индии и Северной Африки, Китая. Новгород переполняли «гости» шведские, немецкие, датские. Контакты были неизбежны. Во времена Орды, где муж мог быть мусульманином, жена христианкой, а ребенок и вообще третьей веры, и корни нашей веротерпимости. Внушительно и многопланово выглядит и роль православной церкви. Богатая двухвековая история с ее коллизиями, конфликтами, многочисленными участниками всех национальностей и земель обрастает яркими деталями. Нет только «ига». Откуда ж взялся миф об иге, миф, вредоносный для многонациональной, многоконфессиональной страны? Ведь наши далекие предки не знали, что они живут под игом, упоминаний об этом нет в летописях. Впервые термин «иго» употребил польский хронист Ян Длугош в 1479 году, в 1517 году термин подхватил его земляк. С польской стороны это носило политический подтекст: вассал Орды не вправе был претендовать на оказавшиеся под властью Польши Киев, Полоцк и Волынь. В XVIII веке этот термин использовал А. Шлёцер. И Карамзин в предисловии к своей «Истории...» сообщает, что автором теории монгольского ига является не он, а муж ученый и славный, Август фон Шлёцер, который установил, что «Россия от времен Батыя и до Иоанна III... ДОЛЖНА быть названа угнетенною». А. Шляхторов выступает против необъективных представлений о себе и своем прошлом и настоящем. Действительно, рабы ли мы, если в расцвет «ига» грозой Золотой Орды был новгородский ушкуй, что ходил по Волге до Астрахани и разорял ордынские города?

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66,
т. (812) 640-44-06 www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

СВЯТЫНИ ЕЛЕОНА

(по запискам русских паломников)

Часть 1

Гора Елеон (греч. — Масличная гора) — одно из самых почитаемых мест на земле. Впервые о ней упоминается в Библии во второй книге Царств, где описывается изгнание царя Давида из Иерусалима и уход его для молитвы на гору Елеонскую (2 Царств, 15, 23, 30—32). Здесь пророк Иезекииль созерцал славу Господню, видел херувимов (Иезек., 11, 22—23). Все четыре евангелиста также повествуют о главных событиях земной жизни Спасителя, и все они связаны с Елеонской горой. На вершине горы было предсказание о последних днях Иерусалима (Лк., 19), о Страшном суде (Мф., 24), прощальные наставления ученикам, предсказание об отречении апостола Петра.

Часто Господь вместе с апостолами посещал эту местность для молитвы, возвышенных бесед и скорбных уединений: «днем Он учил в храме, а ночи, уходя, проводил на горе, называемой Елеонскою» — так сообщает евангелист Лука о последних днях земной жизни Спасителя (Лк., 21, 37). По обычаю иде в гору Елеонскую». Здесь Он обещал встретиться с учениками в Галилее после Своего Воскресения (Мф., 26, 23; Мрк., 14, 28). И, наконец, здесь Он вознесся, как об этом говорится в книге Деяний апостольских (Деян., 1, 12).

Гора Елеон представляет собой небольшой горный кряж, облегающий Иерусалим с востока и ограждающий его от разрушительного соседства пустыни. Кряж состоит из трех вершин. **Средняя**, самая высокая (815 м над уровнем моря), называется — по важнейшему совершившемуся здесь событию — **горой Вознесения, южная — горой Соблазна** («скандалон» по-гречески как раз и означает не что иное, как «соблазн»). Название горы связано с тем, что на ней Соломон разрешил своим женам-язычницам строить капища, ставить идолов и приносить им жертвы — соблазн и скандал для иудеев, верующих в Единого Бога¹. **Северная** вершина Елеона носит название «**Малой Галилеи**», на том основании, что во времена земной жизни Спасителя на ней было подворье галилеян, для остановки и местожительства приходивших в Иерусалим на праздники галилеян².

Отечественный паломник А. Н. Муравьев, посетивший Святую Землю в 1830 году, писал: «Каким дивным поприщем молитвы и спасения восстает гора Элеонская, вся облеченная святынею! Ее ночному безмолвию доверял Спаситель свои

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб, 2015. С. 176.

² Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 140.

таинственные с Отцом беседы; в ее вертепе бежали с лица Его капли кровавого пота; на высотах ее началось торжественное шествие в Иерусалим при кликах „Осанна!“, и с ее же вершины Он вознесся, обличив в Себе славу Пославшего, чью волю в столь горькой чаше испил у подошвы горы, бывшей свидетелем Его славы и страдания и попеременных, дивных явлений двоякой Его природы. Как Новый Завет близ совершившегося Ветхого, как горний Иерусалим, обещанный взамен земного³, — так восстает гора Элеонская близ рокового града, исполненная благодати искупления, в то время когда над ним тяготеют осуждения ветхозаветные!»⁴

Елеон представляет особый интерес для историка и церковного археолога. Известно, что во времена расцвета христианского зодчества в Палестине, то есть при покровительстве императриц Елены, Евдокии, императора Юстиниана и несколько позже, Елеонская гора и ее склоны были обильно украшены богатыми базиликами и монастырями, как греческими, так и армянскими. Путешественник VI века Феодосий упоминал про 24 церкви на Елеонской горе. Интересно отметить обычай того времени строить на Елеоне церкви без куполов, чтобы в них над головой постоянно видеть разверстым **то небо**, в которое вознесся Спаситель. Среди этих многочисленных церквей и монастырей на склонах Елеона были замечательные по своей архитектуре здания⁵. Гора Елеонская стала одним из первых очагов монашества в Палестине. Многочисленные пещеры на Елеонской горе были заселены аскетами, о чем рассказывается в Лавсаике. Преподобная Мелания Римлянина основала здесь два монастыря.

Во время нашествия персидского царя Хозроя в 614 году Иерусалим был разрушен; из истории известно, что на Елеоне было найдено 1207 убиенных. Монастыри были разрушены, а монахини претерпели мученическую смерть. Впоследствии елеонские храмы и монастыри возрождались из руин, а затем неоднократно подвергались разрушению и снова восстанавливались. Но после завоевания Иерусалима Саладином в 1187 году Елеонская гора была подарена шейхам, которые разрушили монастыри и другие здания. Оставшиеся церкви пришли в совершенный упадок. Здесь царило полное безлюдье до 60-х годов XIX столетия, когда христиане снова начали заселять Елеон.

В начале 1850-х годов, наряду с другими русскими паломниками, здесь побывал игумен Антоний (Бочков). В своих заметках он посвятил Елеону отдельную главу; вот его размышления об этой святыне и о грядущих судьбах мира.

Какое благословение, какой мир, как елей, потекли с этой горы во всю землю, укрощая бурные волны языческого необозримого моря? Священные стопы чьи коснувшись вершины ее, поднялись на небо, и чьи всемогущие длани распростерлись над ней, осеняя всю землю, возлюбленную, прощенную? Здесь собрались ученики для прощания с Божественным Учителем своим, принять Его последние взоры, облобызать Его исцеленные язвы, поклониться Господу, отходящему от них. Ангелы утешали оставленную Матерь, и белыми одеждами своими, как лилия, процвели на тихом Елеоне. И донныне, когда все иссякло около Иерусалима, зеленеет эта прекрасная гора: она служит высокой стеной, ограждающей св. город от востока, бывши некогда оградой и сенью молящегося

³ Согласно Священному Писанию, при втором пришествии Христа старый мир будет уничтожен и явится новый, чистый град «Иерусалим, сходящий от Бога с неба» (Откр. 21:2). Горний — высший, небесный (церк.-слав.).

⁴ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 188.

⁵ Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817—1894). М., 1997. С. 170.

Господа; в ее рощи уходил Он часто от шума мирского для ночной молитвы Отцу Своему; с высот ее научил и нас воссылать моления Отцу Его Небесному, уже благоволившему принять имя Отца человеков; эти скалы услышали новые заповеди, первую скрижаль, посвященную Богу. И Елеон был новым Синаем, где раздавались не в громе и вихре и страшном блеске слова Нестерпимого величием, но тихие глаголы Бога-Слова⁶.

Паломники, посещавшие елеонские храмы и монастыри, неизменно восхищались панорамой Иерусалима и его окрестностей, открывавшейся их взору. «Гора Елеонская высока, видно с нее все в городе Иерусалиме, и церковь Святая Святых с нее можно видеть и до Мертвого моря, и до Иордана, и всю землю по обе стороны Иордана. Выше всех гор около Иерусалима Елеонская гора», — писал «игумен земли Русской» Даниил в начале XII века⁷. К началу XVIII века относится свидетельство русского пешеходца Василия Григоровича Барского: «Идеже возшедше сидехом все препочивания ради, и созирахом лепоту града Иерусалима; оттуда бо зрится аки на длани все здание и все дома его и окрест града ограда зело лепотны к видению зрятся»⁸.

Вот еще одно из дореволюционных описаний такого рода: «Отсюда открываются самые величественные и живописные виды на окружающие пустыни. Отсюда можно рассматривать все направления и изгибы дорог, по которым паломнику приходится странствовать из Иерусалима ко всем отдаленным святыням. К юго-западу пестрят на холме постройки Вифлеема. Далее, белой лентой извивается дорога к Хеврону и Мамврийскому дубу. Левее Вифлеема, в суровых раскаленных пустынных скалах, скрывается монастырь св. Саввы Освященного. Еще левее, к востоку, виднеются мрачные воды Мертвого моря; за ним с юга на север тянется подернутая синевой бесконечная цепь Аравийских гор. На север от Мертвого моря извивается голубой лентой священный Иордан; по обе стороны его развертываются Иерихонская и Заиорданская пустыни»⁹.

У подножия Елеона находится **храм Успения Божией Матери**. В Евангелии не упоминается о посещении Елеона Пресвятой Девой. Однако в Священном Предании издавна сохраняются такие сведения. В «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908) читаем: «Как любимое Спасителем место, гора эта была особенно близка Пречистой Матери Божией, так как особенно много и особенно живо здесь все напоминало Ей о Божественном Ее Сыне и Господе. При подъеме на гору и теперь указывают беловатого цвета камень, на котором, по преданию, отдыхала временами Матерь Божия, часто посещая эту местность по Вознесении Спасителя. Живя на Сионе, Она ежедневно посещала те сады Елеонской горы, в которых часто и подолгу проводил время Ее Божественный Сын, отсюда же смотрела Она на зверское убийство злыми иудеями кроткого первомученика Стефана и своей молитвой и присутствием воодушевляла его к терпеливому перенесению страданий. Несколько выше тут же указывают другой камень, на котором стоя, св. апостол Фома, после Успения Богоматери, удостоился лицезреть Богородицу и получить в дар от Нее пречистый Ее пояс, упавший на этом камне»¹⁰.

⁶ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 76.

⁷ Хождение Даниила, игумена Русской земли // Книга хождений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 218.

⁸ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1886, ч. 3. С. 195.

⁹ Русанов Николай. Ближний Восток. Саратов, 1911. С. 201.

¹⁰ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 140—142.

После Первой мировой войны и последовавших в России социальных потрясений поток русских паломников в Святую Землю почти пресекся. Однако сюда по-прежнему тянулись богомольцы из русского зарубежья. Один из них, архимандрит Антонин (Покровский) (впоследствии архиепископ Вашингтонский и Аляскинский) в 1923 году писал: «Елеонская гора высоко стоит над окружающей местностью. С верхней точки ее видны Иорданская долина, Мертвое море, Трансиорданские горы, часть Галилеи, и особенно красивая панорама Иерусалима представляется глазам путника. С этой горы смотрел Господь на чудный вид старого Иерусалима с его роскошным храмом. Здесь же Он оплакивал его, предвидя скорое разрушение его до основания за то, что он не уразумел день посещения Его. С горы Елеонской началось и торжественное шествие Господа в Иерусалим на осляти, когда масса людей сопровождала Его, постилая свои одежды по пути и бросая пальмовые ветви, а дети кричали: „Осанна Сыну Давидову, благословен грядый...“ И это шествие было последним. Из Иерусалима Господь уже не ехал на осляти, а Сам шел со крестом на Голгофу, часто падая под тяжестью креста»¹¹.

Подножие, склоны и вершину Елеона ныне украшают храмы и монастыри разных юрисдикций и вероисповеданий. Но для российских паломников особенно дороги две женские обители, основанные во второй половине XIX столетия начальников Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустинным). Это **Спасо-Вознесенский монастырь и обитель Св. равноапостольной Марии Магдалины**. Сюда в первую очередь устремляются наши богомольцы, желающие помолиться за «русским богослужением», чтобы почувствовать себя в «родных палестинах».

Каждый раз, когда читается здесь за богослужением Священное Евангелие, слушатели переживают особое трепетное чувство от сознания пребывания на таком священнейшем месте. Так с любовью, с духовным трепетом читается здесь Священное Евангелие, и так передается это сладостное имя «Елеон» на все концы земли¹².

...В 1936 году Святую Землю посетил представитель русского зарубежья А. П. Ладинский. Вслед за ним проследуем по его пути: «Поднимаешься на гору и иногда не можешь удержаться, чтобы не оглянуться через плечо на Иерусалим, на гору Мория, на которой стоял храм Соломона, а теперь стоит мечеть Омара, на романтические стены Сулеймана, на кипарисы Гефсимании. Воздух все чище и чище, все «отвлеченнее» на этой каменной и святой высоте. И вот мы уже в ограде **русских владений...**»¹³

НА ПУТИ К ЕЛЕОНУ: Церковь Св. первомученика Стефана

На дне Кедрона на дороге, идущей от Львиных (Гефсиманских) ворот Старого города к Елеонской горе, находится греческая церковь первомученика Стефана. Она была воздвигнута на остатках древнего храма, поставленного над местом убийства св. первомученика и архидиакона Стефана. На этом месте, по греческому пра-

¹¹ Антонин (Покровский), архиепископ Вашингтонский и Аляскинский. Жизненный путь, личные воспоминания и переписка. Изд. ГЛАС, 2007. С. 95.

¹² Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь), 1986. С. 110.

¹³ Ладинский А. П. Путешествие в Палестину // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 241–242.

вославному преданию, он был побит камнями в 34 году¹⁴. По преданию, Стефан был выведен из Соломонова храма, где проповедовал Христа, по каменной лестнице, ведущей от городских ворот (ныне заложённых) в Кедронскую долину и в Гефсиманию¹⁵.

В 1726 году по этому пути прошел киевский паломник Василий Григорович Барский: «Изыйдохом вон из града и идохом с горы долу, к потоку Кедрскому. Не преходяще же потока, поклонихомся месту, на нем же камением побиен бысть св. первомученик и архидиакон Стефан, о чем пишет(ся) в Деяниях Святых Апостол(ов)»¹⁶.

В 1830 году здесь побывали французские паломники-востоковеды Мишо и Пужул: «Мы пошли к горе Масличной, вышедши из Иерусалима в ворота св. Стефана. Спускаясь в долину Иосафата, богомольцы обыкновенно останавливаются у места, где (как известно по преданию), св. Стефан был побит камением»¹⁷.

Русский паломник Виктор Каминский также упоминает о месте гибели св. первомученика Стефана. «Я начал спускаться с крутой горы, по которой не раз хаживали в Иерусалим и обратно св. апостолы со своим Божественным Учителем, — пишет Виктор Каминский. — На этом пути, на крутизне, — место, где иудеи побили камнями первомученика Стефана. Прежде была здесь церковь, построенная императрицей Евдокией, но от нее не осталось никаких следов. Недалеко отсюда виден и пустой колодезь, у которого юноша Савл, сделавшийся потом великим проповедником Евангелия, берег одежды убийц Стефана»¹⁸.

Игумен Антоний (Бочков) проделал этот же путь в начале 1850-х годов: «Выходя по лестнице на Елеонскую дорогу, видно древнее, расколовшееся дерево, которого имени я не мог узнать: под ним всегда отдыхают турки и греки с трубками, — пишет о. Антоний. — Оно может назваться священным, если справедливо, что под ним молилась Божия Мать при побиении архидиакона Стефана. Место его мученической кончины выше Гефсимании к Иерусалиму, и ничем не означено: здесь лежит камень со впадинами. Где находилась соборная церковь во имя его, нет ни малейшего следа»¹⁹.

Более точную «привязку к местности» приводит отечественный палестиновед В. Н. Хитрово: «Достоин посещения лежащий над пещерой холм, ныне занятый магометанским кладбищем, и в особенности его крутой западный обрыв, который, по всей вероятности, представляет место побиения камнями св. первомученика Стефана. Недавно открытые вблизи него развалины древней церкви, сооруженной в V в., императрицей Евдокией в честь св. первомученика Стефана, как бы подтверждают вероятность этого предположения»²⁰.

В 1908 году на месте гибели св. Стефана побывал иеромонах Серафим: «Подхожу к месту, где был побит камнями первомученик архидиакон Стефан: оно обозначено большим природным камнем, а выше в нескольких шагах место, где Савл

¹⁴ Традиция, указывающая долину Кедрона как место его казни, является сравнительно поздней.

В византийские времена почитание первомученика совершалось в другом месте — за Дамасскими воротами, справа от Наблусской дороги, где императрица Евдокия воздвигла в 460 году посвященную ему базилику. В настоящее время на месте базилики находится церковь Святого Стефана доминиканского монастыря, в котором расположена французская библейская и археологическая школа в Иерусалиме (Ecole biblique et archeologique française de Jerusalem).

¹⁵ Спутник паломника по святым местам. Париж, 1984. С. 28.

¹⁶ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885, т. 1. С. 322.

¹⁷ А. Очерки Иерусалима и святых окрестностей. Из переписки о Востоке Мишо и Пужула. СПб., 1837. С. 63.

¹⁸ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 88—89.

¹⁹ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4., ч. II. С. 28—29.

²⁰ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 100.

(апостол Павел) поощрял побивающих камнями первомученика и стерег одежды убийц. Облобызав сии священные места, я направился к тому месту по направлению Елеонской горы, где Богоматерь смотрела на эту печальную картину, как побивали камнями св. Стефана, молилась о нем»²¹.

Вот как выглядело место «стояния Богородицы» в 1950-х годах: «Через проходящую на Елеон тропку расположен небольшой участок, принадлежавший грекам и сейчас совершенно заброшенный; предание говорит, что здесь стояла Владычица, со скорбью глядя, как ожесточенные евреи побивали камнями св. архидиакона Стефана. Развалины свидетельствуют о наличии здесь в древности какой-то постройки»²².

Здесь сохранилось несколько широких ступеней массивной лестницы, выбитых прямо в скале. Когда-то лестница вела прямо в город, к Золотым воротам (ныне заложены)²³ и через них в храм Соломонов. Согласно свидетельству паломников первых веков, на месте теперешней дороги был мост через поток и от него подъем к храму из гефсиманского селения и с горы Елеонской, на которую, в свою очередь, вела отсюда лестница в 800 ступеней. Это место ограждено каменной оградой и сюда приходит гефсиманское духовенство в дни памяти св. первомученика и архидиакона Стефана и служит здесь на открытом воздухе молебн, на самых ступенях²⁴.

В 1969 году Иерусалимским патриархатом в долине Кедрона был выстроен храм первомученика Стефана. В храме установлен престол на колонках, а под ним памятный камень. Над престолом несколько икон с изображением страдания и погребения св. архидиакона. Храм довольно обширный, он служит главным образом для отпевания православных покойников, так как греческое кладбище находится неподалеку²⁵. «Около храма Успения Богородицы с Ее гробницей нам встретилась скромная похоронная процессия, писала в 1953 году паломница Л. Ступенкова. — Паломники греческие несли гроб внезапно умершей их соотечественницы с группой простых паломниц в белых платочках и с посошками. Умереть и быть похороненным в виду Святого Иерусалима!»²⁶

Храм Успения Пресвятой Богородицы в Гефсимании.

Гробница Пресвятой Богородицы

Отныне убожат Мя вси роди.
Лук. 1, 48.

Напротив церкви первомученика Стефана, в самой нижней точке долины, у подножия Елеонской горы, находится церковь Успения Пресвятой Богородицы, воздвигнутая над гробницей, где было положено апостолами тело Божией Матери. Преставилась Богоматерь на Сионе, где и жила у апостола Иоанна: там теперь по-

²¹ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 63.

²² Святая Земля. Париж, 1961. С. 81–82.

²³ Эти ворота заложены мусульманами кирпичами, ибо, по их преданию, через них некогда должен въехать в Иерусалим победитель ислама и освободитель Иерусалима.

²⁴ Святая Земля. Париж, 1961. С. 77.

²⁵ Спутник паломника по святым местам. Париж, 1984. С. 28.

²⁶ Ступенкова Л. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 24–25.

священ Ей большой храм, невдалеке от горницы Тайной вечери; а похоронить Ее Пречистая Дева велела в Гефсимании, близ сада, где молился Ее Сын.

Об этой церкви упоминают Арнульф в VII веке, св. Иоанн Дамаскин и Виллибальд в VIII веке. В 754 году в подземном храме над гробом Пречистой Богородицы св. Иоанн Дамаскин (ок. 675—ок. 753/780) произнес вдохновенную проповедь в честь Успения Девы Марии, в присутствии множества архиереев и монахов, при большом стечении народа.

Вот эти слова св. Иоанна Дамаскина: «Приидите, отыдем умственно все с отходящею. Приидите, снидем сердечною любовью все с нисшедшего во гроб; станем окрест священного одра; воспоем священные песни: прославим Богородицу словами: радуйся, Благодатная Господь с Тобою! Этот гроб важнее и древней скинии, потому что он принял в себя умственный, одушевленный, богосветлый светильник и живоносную трапезу, на которой хранились не хлебы предложения, но хлеб небесный, не огонь вещественный, но огонь Божества. Этот гроб священнее Моисеева кивота, потому что он заключил в себе не тени и образ, но самую истину.

Он вместил в себе чистую и златовидную стамну, которая содержала небесную манну; вместил одушевленную скрижаль, в которой перстом Божиим, т. е. всесильным Духом заключено было Воплощенное Слово, Слово ипостасное; вместил златую кадильницу, которая воскурила огонь Божества и облагоухала всю тварь... Придите, понесем на раменах души плоть приснодевственную; войдем во гроб и умрем вместе с Нею жизнью бесстрастной и непорочною. Приложим слух к Божественным песнопениям, которые исходят от ангельских невещественных уст. Войдем и поклонимся и познаем преславное чудо; познаем как Мать Божия взята и вознесена от земли, как взошла на небо, как предстоит теперь Сыну, выше всех чинов ангельских, потому что нет никакого средостения между Матерью и Сыном»²⁷.

Впервые в русской паломнической литературе о гробнице Пресвятой Богородицы упоминает игумен Даниил: «Гефсимания — село, где находится гроб Богородицы, вблизи Иерусалима, на потоке Кедронском, в долине плача, к востоку от Иерусалима»²⁸.

О Данииле известно немного, и все известное — предположительно. Исследователи предполагают, что Даниил был пострижен в Киево-Печерском монастыре, позднее стал игуменом одного из монастырей Черниговской земли и возглавил русских паломников, совершивших «хождение» в Святую Землю в 1104—1107 годах. Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» высказал предположение, что «сей путешественник мог быть Юрьевским епископом Даниилом, поставленном в 1113 году» (умер в 1122 г.) «Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли» не только самое древнейшее описание паломничества в Святую Землю, но и одно из первых замечательнейших созданий древней русской литературы. «Житие и хождение Даниила» было на Руси распространено и чтимо, о чем говорят более 150 известных сегодня его списков²⁹.

Вот что сообщает игумен Даниил о месте погребения Богородицы: «Гроб находится на ровном месте, в небольшой, высеченной в камне пещерке, с двумя небольшими дверцами, как можно человеку, наклонившись, войти. На дне пещерки, напротив дверец, высечена из того же пещерного камня лавка, на которой было положено тело Богородицы и оттуда было взято нетленным в рай. Пещерка чуть выше человеческого роста, в ширину четыре локтя, квадратная. Снаружи она сделана теремцом, облицованным красиво мраморными плитами. Вверху над гробом соз-

²⁷ Цит. по: Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 62—63.

²⁸ Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 19.

²⁹ Там же. С. 10 (предисловие).

дана была большая церковь со стрельчатыми сводами во имя Успения. Ныне же все разорено иноверцами. Гроб Богородицы — внутри под великим алтарем той церкви»³⁰.

Место погребения Богородицы и Ее взятия в небесную славу издавна почиталось христианами. В середине V века здесь был поставлен византийский восьмиугольный храм, с куполом на четырех колонках и бронзовым крестом. Гробная пещера, высеченная в скале на уровне дна Кедронского потока, была при постройке так же обтесана кругом, как и пещера Гроба Господня, донныне представляет собой каменную часовню из целой скалы. (Следы обтески можно видеть на стенах подземного храма справа и слева от часовни.) Кругом над ней была выстроена помянутая церковь с куполом.

Церковь была разрушена сначала при нашествии персов в 614 году, а потом при халифе Хакиме в 1009 году, но гробная пещера уцелела. В 1161 году дочь Бодуэна II Мелисинда восстановила разрушенные части этого храма, украсила его стены живописью и, по смерти, в нем была погребена в склепе, по правую сторону лестницы. Место это теперь совсем неизвестно, затеряно³¹.

Этот храм был ограблен в 1187 году Саладином (Салах-ад-дином), но мусульмане, почитающие Богородицу (Ситти-Мариам), пощадили церковь, которая сохранилась до нашего времени в том виде, как была построена в начале XII века³². Гробница имеет прямоугольную форму с едва заметным сферическим куполом на крыше. Внутри, против низкого входа с западной стороны, каменное ложе высотой в метр занимает половину помещения: здесь покоилось непорочное Тело Пречистой Девы Марии, и отсюда было воздвигнуто Ее Божественным Сыном. Мрамор покрывает ложе сверху: стены из природного камня одеты парчовыми тканями. С потолка спускаются несколько лампад³³.

Согласно армянским летописям, при сооружении храма большую роль сыграл один из правителей Киликийской Армении — царь Этум II. На западной стене гробницы Св. Богородицы сохранилась надпись следующего содержания: «Я, по милости Божией царь армян Этум II, после победы над египетским султаном, пришел в Иерусалим и построил этот алтарь, прилегающий к пещере Святой Гробницы Богородицы, в честь народа армянского, в году 1300 от рождения Христова, 13 июля»³⁴. Армянский престол прислонен к передней стене гробницы, рядом с западным входом; над ним и над входом три большие иконы Успения закрывают всю стену. Вся правая сторона от входа в храм принадлежит армянскому братству монастыря Св. Иакова³⁵.

Немецкий паломник Мартин Баумгартен (1473—1535) посетил Иерусалим в начале 1500-х годов. Поклонившись Гробу Господню, он со своими спутниками миновал Иосафатову долину, чтобы лицезреть храм Успения Пресвятой Богородицы: «Были в храме, посвященном имени благословенной Марии, в который нисходят чрез 48 ступеней. В середине сего храма стоит гроб пренепорочной сея Девы, сделанный из чистейшего белого мрамора и побольше немного Христова Гроба, который имеет в себе два отверстия или дверцы взаимно противоположные, и где, как утверждают и веруют многие, положено было тело Св. Богородицы по

³⁰ Там же. С. 20.

³¹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 127.

³² Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 75.

³³ Святая Земля. Париж, 1961. С. 74—75.

³⁴ Иммануил (Атаджанян), иером.; Мадоян Геворк. Армянские святые места в Иерусалиме. М., 2003. С. 71.

³⁵ Там же. С. 69.

смерти Ее»³⁶. Вторая низкая дверца выбита в северной стене; выйдя из нее, оказываемся напротив придела сирийцев в нише.

Под сводами этой пещеры были погребены также свв. праведные Иоаким и Анна, родители Богородицы, и св. праведный Иосиф Обручник, о чем сообщают в своих записках московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков, побывавшие в Святой Земле в 1593—1594 годах: «На том же Кедровском потоке, мало повыше града, как мочно из лука стрелити, по конец юдоли плачевныя, стоит село Гефсимания, святых праведных богоотец Иоакима и Анны, и нарицается Богородичен дом, а в том селе церковь в земле стоит, с землею ровна, камена, во имя святых Иоакима и Анны; а вход внутри церкви из дому учинен, лестница камена ступеней 46, а на половины лестницы стоит гроб святых богоотец Иоакима и Анны, и внутрь церкви посреди стоит предел не велик, камен, а в нем гроб святяя Богородицы иссечен из камени белаго, а над гробом три кандила горят день и ночь; а входят в тот приделец и поклоняются святому месту и гробу и целуют человек по пяти и по шти. А от того места, и над тем престолом, у верха церковнаго окно велико кругло, и про то окно сказал нам патриарх Иерусалимский Софроний, что тем окном, по Господню повелению, взято тело Богородицы из гроба, идеже Бог весть»³⁷.

Вот что представилось взору киевского паломника Василия Григоровича Барского, побывавшего здесь в 1726 году: «Гроб Матери Божия, стоящ в земли глубоко в церкви, от нее же здания вне ничтоже зрится, токмо вход, имущ вниз ступеней пятьдесят, идеже посреди ступеней, от обою страну, суть гробы Иоакима и Анны. Посреди же алтаря есть каплица каменна, в нем же внутри гроб Матери Божя; каплица же и гроб от мрамора бела составленна, идеже висят кандилы стеклянных 18: православных 6, римских 4, армянских 4, два же кандила коптов, а два сирианов. Церковь оная, в подобие пещеры, есть созданна в земли от благочестивой царицы Елены, расположена же есть крестообразно и есть в долготу... а в широту...³⁸ Престолы к литургисанию различные секты имут; греки же на первоначальном престоле служат Божественную литургию и то не всегда, токмо в некие праздники и недели (воскресенья). Церковь та, или, паче рещи, пещера, стоит пуста, кроме всякой утвари; токмо егда литургисают, тогда от града иноки приносят вся с собою *аппарати*. Несть же тамо ни царских, ни северных врат, никакогого преграждения, но откровенне служат»³⁹.

В 1820 году под сводами этого храма молился отечественный паломник Д. В. Дашков. Его сообщения об этой святыне весьма кратки. «Спускаясь в долину к самому потоку Кедрскому, поклонники с усердием посещают Гроб Богоматери, в пещере. На оном совершается литургия православными и армянами; католики не имеют сего права, — пишет русский паломник. — Когда прекратится вражда между христианами на Востоке, то первым залогом взаимной терпимости и мира будет равное их участие в служении сей святыне, почитаемой всеми исповеданиями...»⁴⁰

³⁶ Баумгартен Мартин. Посетитель и описатель святых мест или путешествие в Египет, Аравию, Палестину и Сирию. СПб., 1794. С. 125—126.

³⁷ Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 64—65.

³⁸ Пропуск в подлинной рукописи Барского.

³⁹ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885, т. 1. С. 327.

⁴⁰ Дашков Д. В. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 31.

Упоминание о межхристианской вражде не случайно. Русский писатель А. Н. Муравьев, побывавший здесь в 1830 году, сообщает об одном из таких конфликтов. Будучи на литургии у гробницы Богородицы, он был неприятно поражен некоторыми местными реалиями.

Оскорбительнее всего было видеть стража арабского, всегда идущего с жезлом в руках пред Евангелием и Св. Дарами⁴¹ и с криком поражающего теснящийся в чалмах народ (один из таковых вошел даже однажды царскими воротами в алтарь). Впоследствии, однако же, я сам увидел их необходимость по буйству и взаимной вражде поклонников, которой разительный пример представила за несколько лет тому назад сия пещера. Гефсимания принадлежала тогда еще католикам, и они с неудовольствием впускали в нее поклонников греческих. Однажды толпа сих последних, предводительствуемая полудиким священником племени арабского, тщетно просила входа в пещеру. Ей говорили, что еще не кончена литургия над гробом Богоматери, и нарочно медлили совершать службу. Тогда вождь поклонников, возбудив общее негодование, бросился в святилище, разогнал стражей и, видя стоящего пред Св. Дарами священника латинского, схватил с престола потир⁴² и, святотатно испив его, воскликнул: «Вот конец литургии!» Я слушал это от самих греков. Сей случай может дать ясное понятие о бесчисленных распрях, отравляющих в Иерусалиме благочестивые мысли, возбуждаемые зрелищем столь великих мест⁴³.

Несмотря на столкновения с православными хранителями гробницы Богородицы, католики сохранили свое присутствие близ этой святыни. Справа от входа в храм в углу двора коридор ведет в принадлежащий католикам старинный грот, по-видимому, старую давяльную оливкового масла, как диктует само название «Гефсимания» — масляный пресс (давяльня). Предполагают, что Спаситель был здесь не раз с учениками, как и в других пещерах Гефсимании. Об этой пещере сообщают Трифон Коробейников и Юрий Греков (1593—1594): «И вышед из церкви, на правой руке, близ церкви пещера невелика, подписана была вся, а над дверьми написан Спасов образ; в той пещере предал Иуда Христа пребеззаконным иудеом»⁴⁴.

В данном случае русские богомольцы излагают одну из версий, которая имела хождение и в более поздние времена. В 1830 году французский паломник Мишо посетил храм Успения Богородицы, а затем присутствовал за богослужением в этой пещере.

В среду Страстной недели, в три часа пополудни, когда мрак ночи протирался еще над Иерусалимом, я отправился с католическими священниками в Гефсиманию, в пещеру, где Иисус Христос, обрекал себя в жертву Небесному Отцу Своему, пролил кровавый пот на молитве. Часовые у ворот св. Стефана имели уже приказание пропустить нас прежде обыкновенного часа. Пещера эта, смежная с подземной церковью Богоматери, довольно обширна и вмещает

⁴¹ ...Стража арабского, всегда идущего с жезлом в руках пред Евангелием и Св. Дарами... — обычай, описанный многими путешественниками; перед церковными процессиями в Палестине всегда шел стражник или служка, разгоняющий любопытных.

⁴² Потир — чаша для причащения (греч.).

⁴³ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 130—131.

⁴⁴ Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 65.

себе три престола. Над главным престолом находится следующая надпись: *Hic est locus, ubi sudor factus est sicut guttae sanguinis decurrentis in terram.* (Здесь то самое место, где пот Христа Спасителя обращаясь в капли крови, изливался на землю)⁴⁵. От трех с половиной часов и до семи продолжалась служба без пения (тихая месса); в семь часов началась большая обедня, которую по заведенному издревле обычаю отправляли испанские монахи. После обедни служили молебствие Богородице в двадцати шагах от Ее гроба, и не в дальнем расстоянии от камня, на котором, как говорят, Мария оставила голубой покров свой, возносясь на небо⁴⁶.

Будучи в Иерусалиме, Мишо посетил и сам храм Успения Богородицы, о чем он сообщает в своих записках: «На северной стороне мы посетили подземную церковь, где находится гроб Богородицы; пятьдесят широких мраморных ступеней ведут в это величественное подземелье; свод церкви увешан множеством лампад и струсовыми яйцами. Место это особенно уважается всеми нациями мусульман и христиан, в Иерусалиме проживающих»⁴⁷. Кроме христиан, место погребения Богородицы глубоко чтут мусульмане; им отведено в храме место молитвы — «михраб» по правую сторону гробницы, где сделана каменная скамья⁴⁸.

Подробное описание храма Успения Божией Матери принадлежит А. Н. Муравьеву (1830 г.). «На рассвете собрались все христиане иерусалимские в Гефсиманию к потоку Кедронскому, отделяющему во глубине Иосафатовой долины гору Масличную от высот Св. Града, — пишет русский автор. — Там наместник патриарха Мисаил служил торжественную литургию для праздника Благовещения в той самой пещере, где апостолы погребли Богородицу близ родственного Ей праха Иоакима и Анны и обручника Ее Иосифа. Пятьдесят ступеней, широко иссеченных в камне, ведут в сие величественное подземелье, обращенное в храм царицу Елену, по преданиям палестинским, которые приписывают ей основание всех обителей Св. Земли»⁴⁹.

Уровень почвы в V веке был ниже чем сейчас, было достаточно 20 ступеней: теперь их 48. Не доходя до верха 10 ступеней, направо и налево устроены приделы в честь свв. Богоотец Иоакима и Анны и праведного Иосифа Обручника. Здесь приходился уровень земли в XII веке, когда храм в теперешнем виде был возобновлен крестоносцами. Ими же построен и фасад храма в том же стиле, как и фасад храма Гроба Господня. На поверхности храма нет ни купола, ни креста⁵⁰.

«На половине внутреннего крыльца сего и в малом углублении с правой стороны приникли к стене гробы родителей Св. Девы; с левой, напротив их, иссечена в камне тесная могила Иосифа, — продолжает А. Н. Муравьев. — Далее при окончании ступеней малый престол во имя первомученика Стефана⁵¹, и оттоль уже пещера, круто поворачивая направо, во глубине своей заключает главное святилище — гроб Богородицы. Гроб сей, по обычаю еврейскому, иссечен как могильная хранина в от-

⁴⁵ По евангельскому рассказу, Иисус, поднявшись на гору Елеонскую, просил учеников подождать и помолиться за Него, но они уснули (Мф. 26:36–45). О том, что Иисус или ученики находились при этом в какой-либо пещере, в Евангелии не говорится.

⁴⁶ А. Т. Очерки Иерусалима и святых окрестностей. Из переписки о Востоке Мишо и Пужула. СПб., 1837. С. 216–217.

⁴⁷ Там же. С. 63–64.

⁴⁸ Святая Земля. Париж, 1961. С. 75–76.

⁴⁹ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 129.

⁵⁰ Святая Земля. Париж, 1961. С. 76–77.

⁵¹ Первомученик Стефан — один из семи диаконов первохристианской общины в Иерусалиме (Деян. 6:5). Иудеи казнили его через побивание камнями.

дельном утесе, который стоит вместо алтаря в мрачной церкви Успения, прислоняясь с правой стороны к камням вертепа»⁵².

Ныне православные служат в самой гробнице, где ложе становится престолом; а жертвенник находится в глубине храма позади часовни слева, с иконой Рождества Христова над ним. Тут же посредине стоит монументальный каменный киот — пожертвование кипрского игумена Иоакима, в котором установлена большая икона Богородицы, чрезвычайно здесь почитаемая. В противоположном крыле храма, расположенного в форме креста, за цистерной с питьевой водой установлен коптский придел. Здесь ежедневно совершается литургия сначала православными, потом армянами, сирийцами и коптами⁵³.

Вот что пишет об этом А. Н. Муравьев: «Престол армянский приделан к наружной стене сего утеса, позади же оно, на самом конце пещеры есть жертвенник греческий для проскомидии. Две низменные двери пробиты с запада и юга в тесную внутренность алтаря, украшенную парчами. Там находится прямо против главного входа возвышенная каменная плита, покрытая другой мраморной и уставленная свечами; над ней горит множество лампад. Это главный престол, на котором совершают греки и армяне ежедневную литургию; это гроб Богородицы, или, лучше сказать, могильный камень, на время освященный девственным бременем Ее праха, ибо апостолы не вверили земле непорочного тела, но только заключили внутри гробового покоя, положив на камне, где уже тщетно оно искал на третий день апостол Фома, опоздавший к погребению»⁵⁴.

По преданию, Дева Мария часто посещала гору Елеонскую — место, откуда Ее Сын вознесся на небо и где были погребены ее родители. Когда Она умерла, апостола Фомы не было в Иерусалиме, он вернулся только на третий день погребения и сильно скорбел, что не смог с Нею проститься. В тот же день вечером Она явилась ему и другим апостолам. На подъеме на гору в Гефсиманском саду русской обители указывается место, где апостолы собрались в третий день Ее преставления после того, как не нашли в гробнице тела Ее и недоумевали: и Богородица явилась им на воздухе и сбросила пояс Свой в знак вседневного Ее им покровительства. Пояс этот хранится на Афоне в Ватопедском монастыре⁵⁵.

Подземный храм Успения Божией Матери до 1970-х годов освещался только лампадами и свечами, и эту таинственную атмосферу талантливо описывает А. Н. Муравьев в своем повествовании.

Таинственный мрак царствует под обширными сводами вертепа, кое-где прерываемый тусклым мерцанием одиноких лампад, теплящихся над гробами святых или над престолами церкви. Широкий луч света, падающий во глубину пещеры из наружных дверей и живописно разбивающийся по всем ступеням длинного крыльца, не проникает во внутренность храма Успения по крутому его изгибу, и только кратковременный блеск огней торжественной литургии озаряет во дни, посвященные памяти Св. Девы, богатые разноцветные парчи, которыми украшены все стены святилища. Католики, исключительно владевшие оным, сперва уступили права свои грекам, а потом и армянам, когда сии последние, уси-

⁵² Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 29. Вертеп — пещера (церк.-слав.).

⁵³ Святая Земля. Париж, 1961. С. 77.

⁵⁴ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 129—130.

⁵⁵ Рес А. де. Святая Земля // Православный журнал «Вечное», № 344, март 1985. С. 48.

лившись богатствами в Царьграде, совершенно лишили первых обладателей участия в сей святыне⁵⁶.

Как отмечалось в одном из паломнических описаний Палестины, «наши поклонники особенно усердствуют в поклонении гробу Богородицы, святого Иосифа Обручника и святых Иоакима и Анны, заключающихся в Гефсиманской пещере. Здесь так же, как и в храме Гроба Господня, они горюют об отсутствии русского родного и понятного богослужения у столь высоких святынь»⁵⁷.

Об этом же пишет и А. Н. Муравьев: «Горькое впечатление оставила в сердце первая обедня в Гефсимании. Слух и взоры, привыкшие в православной родине к глубочайшему благоговению в храмах, странно были поражены нестройностью служения и бесчинием толпы. Теснота алтаря, где мог помещаться один только архиерей, и низменные двери утеса, в которых он должен был беспрестанно сгибаться в полном облачении, расстраивали величие входов, но не произвели неприятного влияния, подобно как пронзительные хоры певчих. Хотя я уже несколько привык к сему недостатку церкви на Востоке, но не знаю, отчего ожидал я более гармонии в Иерусалиме между святынею самых мест и святостью обрядов, напоминающих великие события»⁵⁸.

Как уже было отмечено, Спаситель молился не в пещере. Но католики в память об этом событии устроили в тамошней пещере придел, где иногда служат. Когда в ней есть служба, вход в нее открыт всякому. Вот что по этому поводу пишет А. Н. Муравьев: «Каменное преддверие вертепа и существующие над ним остатки здания показывают, что во времена христианства была здесь не одна только пещера, но что она сама заключалась внутри большого монастыря, равно как и малый, молитвенный грот Спасителя, открытым переходом примыкающий к ней с правой стороны. Греки, завидуя католикам в его владении, не признают его местом молитвы Христовой, хотя он отчасти соответствует словам Евангелия, находясь на вержение камня от тех утесов, где спали апостолы, и по своему уединению и близости родственным могилам мог быть предпочтен Спасителем для молитвы; место же, указываемое греками, совершенно открыто и не отличается от других ничем побуждающим принять его за сие избранное убежище. Трудно сличить и поверить предания на расстоянии стольких веков, но кажется греки напрасно называют грот Спасителя тем местом, где скрывались апостолы в ночь предательства. И может ли быть, чтобы христиане, украсив церквами все малейшие следы подвигов Христовых, оставили без святилища то дивное место, где в кровом поте Он умолял за нас Отца небесного?»⁵⁹

Но как бы то ни было, эта пещера (как и храм Успения Божией Матери) находится близ Гефсиманского сада, и русский писатель провел долгое время в молитвенном размышлении под сводами этого грота.

Тихое, сладкое благоговение проникает душу во мраке сего грота. Тусклая лампада, теплясь в углублении, слабо освещает две фигуры: ангела и повергшегося пред ним Спасителя. Здесь дивное существо Его ближе, понятнее сердцу; все божественное от Него скрылось. Он страждет подобно нам и страждет за нас.

⁵⁶ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 130.

⁵⁷ Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 76.

⁵⁸ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 130.

⁵⁹ Там же. С. 131.

Но слезы Его, но пот лица — кровь! и это уже первые капли крови Завета; но не рукою смертных они исторгнуты и не так страшны для взоров. Нет, сильным борением духа вытеснены они из Его сердца, борением нашей в Нем природы с безмерною тяжестью всех наших грехов и наказания, низвергающегося на Него единого. В каждом вздохе Его все человечество. «Отче, да мимо идет чаша сия!»⁶⁰ — и при сих только словах тайный ужас заменяет первое сладкое чувство. Сей безгрешный, кающийся в злобах человеческих, напоминает нам род свой; род же Его кто исповесть?⁶¹ И в трепете повергаясь ниц на тот самый прах, где повергался Бог, где душа Его была прискорбна даже до смерти, пораженные дивным таинством Его страданий, мы вместе с Ним восклицаем: «Да будет воля Твоя!»⁶²

Выйдя из католической пещеры, А. Н. Муравьев направился к Гефсиманскому саду, также находящемуся во владении католиков. Вот как описывает отечественный пилигрим свое посещение этого места, священного для всех христиан: «Малая дверь, ныне сделанная, вела прежде из сего грота к тем камням, где в ночь предательства спали три апостола, и близ них показывают самое место адского поцелуя»⁶³. Оно обнесено низкой оградой, позади которой стоят восемь ветхих олив, остатки масличного сада в Гефсимании. Недавно выкупили его католики из рук неверных. Корни дуплистых деревьев почти истлели, но ветви роскошно цветут и приносят обильный плод. Я взял один камень на память предательства, сорвал одну масличную ветвь и обратился к Иерусалиму»⁶⁴.

1830-е годы были знаменательны выходом в свет двух паломнических «хождений»: это «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева и «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» А. С. Норова. По насыщенности историческими сведениями о святых местах Палестины оба автора не уступают друг другу, но в данном случае А. С. Норов довольно краток. Вот его упоминание о гробе Пресвятой Богородицы: «В самый день моего отъезда из Иерусалима, меня ожидала обедня в Гефсимании, у гроба Пресвятой Богородицы. В праздник Покрова Божией Матери я предпринял путь свой из России на Восток, под Ее же милосердным покровом отправлялся я в обратный путь из Иерусалима. Рано по утру оставил я дом Патриарший, направляясь по Страстной улице к Гефсимании и лобызая в последний раз места, освященные страданиями нашего Искупителя. При входе в погребальный вертеп Божией Матери, братии встретили меня со свечами. Толпа христиан наполняла уже подземный храм; в его таинственном сумраке и на священном мраморе Гроба Матери Спасителя нашло взволнованное сердце мое молитвенное утешение»⁶⁵.

Такой же краткостью отличается и запись первого начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме — архимандрита Порфирия (Успенского): «Выехав из Свя-

⁶⁰ «Отче, да мимо идет чаша сия!» — слова из молитвы, произнесенной Иисусом на горе Елеонской. Иисус, зная о предстоящей Ему казни, испытывал смертные муки: пот, капавший с Его чела, оборачивался каплями крови. Он трижды возносил молитвы, и наконец Ему явился ангел, чтобы укрепить Его (Лк. 22:42–44).

⁶¹ Сей безгрешный, кающийся о злобах человеческих, напоминает нам род свой; род же Его кто исповесть? — смысл фразы: судьба Иисуса, взявшего на Себя тяготы и печали человечества, напоминает судьбу всего еврейского народа, а она неисповедима (ср. также Ис. 53:8).

⁶² Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 131–132.

⁶³ ...Самое место адского поцелуя. — разбудив апостолов, Иисус спустился с ними с горы, где Его встретил Иуда, чтобы поцеловать Его и тем самым подать знак врагам (Мф. 26:46–50).

⁶⁴ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 132.

⁶⁵ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М. 1994. С. 126–127.

того Града через Гефсиманские ворота, спустившись в Кедрон, мы остановились у погребального вертепа Богоматери в ожидании домочадцев, замедливших с вьюками. Дверь сего священного вертепа была отворена. В сумрачной глубине его светились лампы и молились христиане. Помолились и мы и, сомкнувшись, вместе двинулись»⁶⁶.

Храм Успения Божией Матери в записках Виктора Каминского (1850–1851; 1857)

16-го декабря 1850 года, на рассвете, все русские поклонники отправились в Гефсиманию. Греческий инок был нашим путеводителем.

Во времена Иисуса Христа Гефсимания была селение, лежавшее очень близко от Иерусалима, на восточной стороне. Там, среди масличных деревьев, в огромной скале, вдавшейся далеко в землю, находилась семейная погребальная пещера праведных богоотец Иоакима и Анны. Пещера эта, единственный уцелевший остаток всего селения, во времена царицы Елены, обращен в храм, который и получил название Гефсимании. В этой гефсиманской пещере похоронена была и Пречистая Дева Мария⁶⁷.

<...> Спустившись на несколько ступеней по огромной лестнице, мы приложились, с правой стороны ее, к гробам родителей Богоматери; а с левой, напротив их, к гробу Ее обрученника, которого кости, по преданию, перенесены сюда из Назарета; и потом продолжали идти по этой лестнице до самой церкви. Здесь, в восточной части, находится естественная скала, обделанная снаружи наподобие часовни, внутри которой иссечены погребальная пещера и гроб Богоматери. В ту незабвенную минуту, когда я взглянул на эту священную скалу, все существо мое исполнилось радостного трепета, и сердце мое повлекло меня всей своей силой к гробу Той, Которой оно обязано было многими благодеяниями. Когда я вошел в пещеру, там совершалась греческая литургия. Какой-то чистейший, нравственный дух ангельской невинности преисполнял этот девственный покой и приводил мою душу в тихий райский восторг. Несколько лет жизни можно отдать за одно это мгновение! — С сердечным умилением поклонился я гробу Пресвятой Девы, и приложился к нему, благодаря покоившуюся здесь за Ее великие милости, и за эту величайшую радость, которую посылала Она в эти минуты.

Тесным последовавшими за мной поклонниками, я должен был скоро выйти из пещеры, однако не отходил от нее до тех пор, пока все поклонники приложились; тогда я опять взвошел в нее, смотря вопросительно на священника. Почтенный старец, поняв мои чувства, сделал рукою знак, что я могу оставаться здесь. Тогда я опустился на колени и приник челом к мрамору, покрывавшему ложе Богоматери⁶⁸. <...> Трудно мне было оторваться от этого святого места; но во время совершения (преложения) Даров должно было удалиться. Я прижался тогда к наружной стене святилища, и когда окончилась литургия, — в третий уже раз взвошел в него, приложился к гробу Богоматери и простился с ним до радостного свидания.

Немедленно, в этой святой пещере начали служить свою обедню армяне; а нас отец игумен Гефсимании позвал в диванную комнату (*архондарик*), здесь же в храме, и угостил чашкой кофе и сушеным виноградом. Утешительно было это гостеприимство в собственных покоях Пресвятой Девы, без сомнения, думал я, внушаемое Ею своим служителям. После, у гробов Иоакима и Анны поклонники записывали свои имена, для поминовения в Гефсимании; я последовал их при-

⁶⁶ Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 50.

⁶⁷ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 83.

⁶⁸ Там же. С. 90–91.

меру, поручил себя и родных своих покровительству Пресвятой Девы и Ее праведных родителей, в их любимой некогда храмине⁶⁹.

29-го декабря на рассвете я пошел к обедне в Гефсиманию, и неожиданно имел там удовольствие слушать богослужение на славянском языке. Обедню совершал на гробе Богоматери бывший на поклонении в Иерусалиме, иеромонах Александро-Невской Лавры, отец Августарий, ныне умерший, а клир состоял из русских поклонников и поклонниц. Время этой литургии протекло для предстоявших в полном блаженстве; служба была исполнена высокого благоговения; все действующие и предстоящие глубоко сознавали святость места молитвы; и после обедни приложились ко гробу Пресвятой Девы⁷⁰.

<...> 31-го января 1851 года ходил я к обедне в Гефсиманию. Сюда подошло потом несколько вновь прибывших русских поклонников, и я имел удовольствие услужить им, показав некоторые замечательные места, уже хорошо мне известные⁷¹.

<...> 8 февраля я поспешил к обедне в Гефсиманию. Это единственный храм в Иерусалимской епархии, где обедня начинается поздно — с восходом солнца. Священники этой церкви живут в городе, на гефсиманском подворье, где отправляют заутреню, а сюда приходят каждый день служить обедню, когда отворятся городские ворота; постоянно же в Гефсимании живут только два послушника — церковные сторожа. Когда солнце поднялось из-за Елеона и оживило огненными лучами гору, со всеми ее отраслями, я вошел в святую храмину, выслушал обедню, у самого входа в пещеру Богоматери, и, как всегда, здесь наполнили мою душу самые успокоительные ощущения. Невозможно выразить то блаженное состояние духа, ту отрадную надежду на помощь покоившейся здесь, которые рождаются при этой молитве!

На другой день я опять ходил за Кедрон, в священную Гефсиманию, ко гробу Благодатной Марии, и опять испытал те же благодатные действия на свою душу⁷². Возвращаясь домой мимо Гефсимании, я выразил своему спутнику крайнее сожаление, что невозможно в этом храме, как в храме Воскресения, проводить ночи в молитве. Отец В...н отвечал: Не совсем невозможно; хоть один раз, — я доставлю вам это утешение. — Истинное было бы для меня утешение! — сказал я.

<...> 12-го февраля, довольно уже спустя после вечерни, кто-то у дверей моей кельи тихо сотворил молитву: «Молитвами святых отец наших, — Боже наш, помилуй нас!» Отворяя келью со словом: «аминь!» и вижу отца В...на.

— Верно, батюшка, с доброй ко мне вестью? Благословите!

— Господь Бог Вас благословит, — отвечал он: пойдете скорее: довольно уже поздно. И мы ту же минуту отправились; и (так) как в это время все ближайшие ворота к Гефсимании обыкновенно запирались, то мы и вышли из города — Яффскими.

С восторгом стремился я к месту ночной уединенной молитвы, близ которого молился Сам Господь, в ночное же время, — где молилась не раз Его Пречистая Мать. Желая скорее достигнуть своей цели и боясь отчасти неприянных жителей Силоамской деревни, которые могли бы ограбить нас, мы шли как можно скорее, и приблизились к Гефсимании, когда уже начинало темнеть. В окрестностях Иерусалима и около святой храмины было уже пусто, только два послушника, один греческой церкви, а другой армянской, постоянно там живущие, сидели против ворот храма, под роскошным деревом, питаясь вечерним воздухом. Они были уже предупреждены игуменом Гефсимании о нашем желании, и поджидали посетителей.

Вокруг нас все было тихо; спускался самый приятный сумрак, хотя ни одной звездочки не мерцало на небе, затянутом облаками; печальные маслины как

⁶⁹ Там же. С. 91—92.

⁷⁰ Там же. С. 147—148.

⁷¹ Там же. С. 186.

⁷² Там же. С. 195—196.

будто перешептывались, зыблемые легким ветерком, и зловещие совы начали перекликаться на Елеоне разными голосами, придавая еще более таинственности и без того таинственной стране. Между тем служители божии пошли в церковь для исполнения своих обязанностей, объявив, что скоро и нам надо будет войти туда, потому что время запирать ворота храма. За ними пошел и отец В...н, и я остался один.

Сосредоточась тогда в самом себе, и окинув взором все окружающее меня, чего я не перечувствовал! Душа моя рвалась к молитве, когда я смотрел на молитвенную пещеру Спасителя, бывшую в нескольких шагах от меня; сердце замирало, когда я вслушивался в шум маслин, свидетельниц страданий Христовых; мне хотелось плакать от умиления, когда взор мой следил тропинку, по которой ходила Богоматерь на Елеон, а сам Елеон, увенчанный великими Божиими делами, как небо звездами, дышал в эти сумрачные минуты чем-то необыкновенным, и невольно волновал душу. Но Боже, Тебе только известно, что чувствовал я, взглянув на Кедрон, по берегу которого повели Тебя, Праведного, иудеи к своим первосвященникам! Желал я тогда зарыдать, чтобы облегчить скорбь, которая давила меня, но слезы не текли из моих глаз — сердце было растерзано!

По входе моем в церковь двери заперли, и я вздохнул свободнее; мысль моя занялась одной только святой храминой, душа жаждала только молитвы, и я несказанно радовался, что желание мое достигается. Тихо сходил я по многочисленным ступеням огромной лестницы, как бы боясь возмутить тишину покоища Пресвятой Девы. Все, казалось мне, здесь соображено самой природой для последнего Ее успокоения; и самый мрак вертепа, преобладающий над светом теплящихся лампад, вполне соответствует погребальной храмине.

Долго ходил я по храму, с двумя зажженным свечами, и осмотрел его совершенно. В основании своем он имеет форму креста, нижнюю часть которого составляет лестница в пятьдесят ступеней, простирающаяся от дверей до середины храма. На лестнице, ближе ко входу, с правой стороны, — гробы родителей Богоматери, а с левой — гроб Ее обручника (Иосифа). В левой части креста помещаются все хозяйственные предметы, необходимые для храма и для живущих в нем; в том числе и дождевой колодезь. В верхней части, с правой стороны, ближе к середине — престол сириян, во имя св. Стефана. Далее этого престола, к самому верху креста, небольшая лестница ведет в комнату отца игумена, в которой принимают посетителей и — живут хранители храма. Наконец, в правой ветви креста, обращенной к востоку, на площадке, находится погребальная пещера Богоматери, обращенная в часовню Успения Пресвятой Богородицы; а за ней, в самом конце, престол Богоматери Одигитрии (Путеводительницы), где Пресвятая Дева изображена с Младенцем на левой руке.

Главная наружная сторона храмины Успения, представляющая иконостас, завешена парчой, с вышитым изображением Успения Богоматери, и погребения Ее апостолами; с этой же внешней стороны устроен и жертвенник; самый же гроб Девы Марии, в виде ложа, в иссеченной пещере, служит престолом. По правую сторону жертвенника, с западной стороны, находится главный вход в пещеру, а другой — с северной; середина церкви, откуда расходятся четыре ветви креста, освещена лампадами, развешанными в виде гирлянд, разливающих свет во все отдаленные концы этого крестообразного храма. Внутренность же погребальной пещеры Богоматери прекрасно освещена дорогими лампадами.

Пока я осматривал все эти предметы, церковнослужители кончили уборку храма и все приготовления к будущей литургии. Один из них, грек, приглашал меня отужинать, но я отказался, и принял только от него, с благодарностью, три камешка, которые он отбил от наружной стены покоя Богоматери. После этого трудившиеся закусили и пошли отдыхать; о. В...н поместился на вечернюю молитву у престола Святых Богоотец, и в середине храма, наполненного величе-

ственным безмолвием, в девять часов ночи, я остался один, и тихо вошел в светлый покой Пресвятой Девы.

Скрестив руки, я пал на колени и преклонил голову пред святым гробом Честнейшей херувим: «Услышала Ты меня, Благословенная сказал я, и удостоила, в такое счастливейшее время, молиться там, где молили Тебя и свв. апостолы — не покидать их, оставшихся сирыми; и Ты утешила их. Не презри же и моих молений в скорбях, внемли голосу моей души и не лиши Своего ходатайства на небесах, — с Тобою всегда Господь!»

Обильно полились мои моления; легко стало у меня на сердце. Шесть часов, безвыходно, провел я, в душевном восторге, в этом небесном уголке; ничто не возмутило и не прервало незабвенной для меня беседы этой с небесами, и только телесная слабость положила ей предел. Тогда я вышел из пещеры, и в ту же минуту заснул на природной каменной скамейке, — нераздельной с этой пещерной скалой. Сон мой был непродолжителен, но благодетельный.

В шестом часу утра меня разбудил о. В...н, назвав по имени и сказав над моей головой: «Уже начинает светать!» Двери храма были отперты, и я вышел освежиться утренним воздухом. Заря была единственная, на небе ни облачка, и весело догорали на нем яркие звезды; проснувшиеся птички начинали щебетать; в Иерусалиме послышался говор засуетившегося народа и крики домашних животных; вскоре растворили городские ворота. Я опять вошел в храм Божий и сел у самого входа в святую пещеру.

Мало-помалу начали собираться в церковь богомольцы; знакомые, увидев меня здесь, поздравляли как счастливец. В обычное время началась в святой пещере литургия, которую совершал о. В...н, а пели русские поклонники. Утешительно было слушать ее мне, удостоившемуся здесь редкого счастья! После обедни о. В...н подал мне служебную просфору, которую я принял с чувством благоговения, как хлеб гостеприимства от Благодатной Марии. Наконец, греческий инок, здешний житель, подарил мне букет цветов, украшавших гроб Богоматери⁷³.

<...> На другой день я слушал, с одним из своих спутников, последнюю обедню в Гефсимании. Она только что началась, когда мы вошли в храм. Народу почти не было: все ушли к Иордану, и я выслушал обедню, как только желала моя душа. Но вот наступила горестная минута: после обедни я вошел в священный покой Пресвятой Девы и на коленях простился с Ее божественным гробом⁷⁴.

Январь 1857 года. Греческое служение уже раздавалось под сводами подземной гефсиманской церкви, когда я сходил по лестнице внутрь ее; народ стоял в благоговении. Я поспешил в гробницу Пресвятой Девы и пал пред Ее святейшим ложем, прильнув потом к нему устами. Радость, что опять вижу это сокровище, что дышу воздухом благодатной пещеры, — счастье, что могу здесь молиться и благодарить Пречистую, память всего прежнего, надежда будущего, — все это произвело сладкую растроганность в моих чувствах и породило такую обильную молитву, что она сделалась совершенно невозможной для выражения, и осталась только внутренним сокровищем моей души...

Священник, служивший на гробе Богоматери, узнал странника и не препятствовал мне быть в пещере, пока было возможно; он также вспомнил и мое имя и, к радости моей, без всякой просьбы, помянул меня на ектении, а я, в свою очередь, вспомнил и помянул у гроба Пресвятой Девы всех тех, о которых молился у гроба Спасителя. Выйдя из пещеры, я достоял обедню у входа этого святилища и, по выносе Св. Даров, получил от священника часть благословенного хлеба, как дар Пресвятой Девы⁷⁵.

<...> В Гефсимании греческие иноки одолжили странника до крайности: отбили мне частицу от пещеры Богоматери, и, служа напутственный молебен, по-

⁷³ Там же. С. 201—207.

⁷⁴ Там же. С. 284.

⁷⁵ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 474—475.

зволили путнику стоять у самого гроба Божественной Путеводительницы. Минуты были несравненные! «Но как мне прервать их? — думал я про себя, — Сама уже помоги мне в том, Пречистая!...» Армяне заступили место греков и вошли в пещеру; я кладу последний поцелуй на гроб Пресвятой Девы и поклон к его подножию⁷⁶.

...После изгнания крестоносцев Гроб Богородицы принадлежал францисканцам, но с 1757 года был передан турками во владение Православной и Армянской церквям.⁷⁷ Однако в июле 1850 года французский министр (то есть посланник) при Порте бригадный генерал Ж. Опик, ссылаясь на франко-турецкий договор 1740 года, от имени всего католического мира вручил великому визирю Мехмету Али-паше официальную ноту, в которой излагались требования восстановить католическое духовенство в его прежних правах и привилегиях на святые места. К документу был приложен список «латинских святынь», на которые Франция выдвигала претензии, а именно: базилика Рождества Христова в Вифлееме, непосредственно пещера Рождества Христова (с правом восстановления на прежнем месте новой звезды), **пещера Гробницы Богородицы в Гефсимании**, камень Миропомзания и Аркады Девы в храме Гроба Господня. Французский демарш был подкреплён аналогичными нотами дипломатических представителей Бельгии, Испании, Сардинии, Неаполитанского королевства, Португалии и Австрии⁷⁸. Турецкие власти были вынуждены реагировать на эту ноту, и в результате было принято половинчатое решение.

Фирман, дарованный грекам в январе 1852 года. «<...> Что касается до гробницы Божией Матери, то хотя католики вновь намеревались присвоить ее исключительно себе, основываясь на некоторых распоряжениях, находящихся в их руках, однако это притязание также несогласно с истиной. Но так как греки, армяне, ассирийцы и копты отправляют в настоящее время богослужение своего исповедания в этой священной гробнице, т. е. что отправление своего богослужения в сем святом месте не принадлежит исключительно одному какому исповеданию, то выражено было, что правосуднее было бы подтвердить христианам католического исповедания дозволение, которым они владеют издревле (ab antiquo), об исполнении своего богослужения в месте, где отправляют уже принадлежащие к другим исповеданиям, с условием, чтоб не было производимо никакой перемены в администрации этой гробницы и в ее настоящем положении»⁷⁹.

Вот что писал по этому поводу архимандрит Порфирий (Успенский) в апреле 1852 года: «Наш государь (Николай I) не очень доволен тем, что Порта дозволила латинам священнослужение на Гробе Богородицы в угодность Франции, и ежели он допустил это дозволение, то потому только, что Иерусалимский патриарх объявил Порте свое согласие на то, чтобы латины священнодействовали в Гефсиманском вертепе Успения Богородицы (дипломатическая хитрость!). Патриарх Кирилл не доволен допущением латин в этот вертеп, следовательно, двоедушен. А при таком двоедушии святогробского духовенства нашему посольству трудно идти вперед и отстаивать греков»⁸⁰.

⁷⁶ Там же. С. 533—534.

⁷⁷ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 178.

⁷⁸ Якушев М. И. Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник, вып. 100, М., 2003. С. 252—253.

⁷⁹ Цит. по: Там же. С. 279.

⁸⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. т. 4. СПб., 1896. С. 265—266.

В том же 1852 году состоялось несколько заседаний междисциплинарного комитета; одно из них проходило в храме гробницы Богородицы. Как сообщал российский консул К. М. Базили, «долго подавались кофе и шербет. Когда же турецкая прислуга занесла в Святую пещеру трубки, паша заметил, что это святое место для самих мусульман и не позволил там курить».⁸¹ В декабре того же 1852 года было оглашено высочайшее повеление султана Меджида, согласно которому греки и армяне получили разрешение совершать богослужение поочередно в погребальной пещере Пресвятой Богородицы (Гробнице Богоматери) в Гефсимании в один и тот же день, в то время как католики получали право совершать свою мессу на следующий день без присутствия других конфессий⁸².

В апреле 1853 года чрезвычайному послу в Константинополе князю Александру Сергеевичу Меншикову (1787–1869) был вручен очередной фирман (грамота) следующего содержания: «Касательно гробницы Божией Матери, христианские народы, имеющие право совершать у ней свое богослужение и посещать ее, могут посещать ее и совершать там свое богослужение ежедневно. Поставляя условием не препятствовать совершению богослужения и посещениям других народов, дозволяется на будущее время совершать богослужение каждому народу, всякое утро, начиная с восхода солнца, в течение полутора часа, сначала грекам, потом армянам и после них католикам. Это распоряжение вводится по повелению и с утверждения Высокой Порты»⁸³.

...В том же 1853 году началась Крымская война, и князь Меншиков был назначен командующим войсками в Крыму. А вопрос о католических притязаниях на храм Успения Божией Матери был закрыт.

Игумен Черемнецкого монастыря о. Антоний (Бочков), побывавший в Святой Земле в начале 1850-х годов, описание гробницы Божией Матери предваряет богословскими размышлениями об Успении Пресвятой Девы Марии.

После живописного гроба Сына Божия, поклонники посещают первее всего гроб Божией Матери. Руками Божественного Ее Сына святая душа Пречистой Девы воспринята была от Сиона в селения горняя и пронесена, по Ее прошению, безостановочно чрез воздушные мытарства⁸⁴, которых страшилась и Мать Иисуса Христа; а из Гефсимании взято было Ее тело, руками ангельскими на престоле носимое. До лучей сапфирного и розового круга⁸⁵, окружившего бессмертную, со страхом касались вышняя воинства, возвышая Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим до уготованного Ей места пред Св. Троицей, яко молитвенницу за род человеческий. Кто не ублажит Ее, кто не воспевает Ее пречистое рождество и неизреченное Успение? Мать Соломона небесного! Ты согласишься, как премудрость, соборам Церкви Православной, являешься, как знамение милости Божией, и воеводою Сил Небесных. Твое величие кто постигнет!⁸⁶

Далее следует описание храма Успения Божией Матери; кое в чем оно содержит уже знакомые детали, но где-то присутствуют элементы новизны. «В глубоком

⁸¹ Копия с донесения К. М. Базили А. П. Озерову из Иерусалима от 7/19 октября 1852 г. за № 93 (на фр.яз.). АВПРИ, ф. Канцелярия МИД, 1852, л. 477–498 об. Цит. по: Там же. С. 258–259.

⁸² Там же. С. 262–263.

⁸³ Там же. С. 281.

⁸⁴ См. Четьи-Минеи 15 августа.

⁸⁵ См. древние и чудотворные иконы Успения.

⁸⁶ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь-декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 25–26.

овраге у подошвы Елеона и ската Мории, которая с полудня и востока поддерживает Иерусалим, при иссохшем русле потока Кедрского, лежит основание бывшей некогда церкви, углубленное с трех сторон в землю, — продолжает о. Антоний. — Только от юга стена, обделанная плитами, с легким карнизом, с двумя готическими *огивами*, прилепленными над входом, указывает место подземной усыпальницы. Каменной лестницей опускаешься на небольшой квадратный дворик, выложенный плитами. Над входом окно с решеткой; около него и по стенам пробивается зелень развалин, и ящерицы часто выбегают на солнце.

Вступая на узкую платформу перед железной дверью, ожидаешь ее отверстия с теми же чувствами, с которыми один иерусалимский путешественник произнес слова церковные: «Милосердия двери отверзи нам!» Когда отверзаются двери, то видишь широкую лестницу, более нежели в пятьдесят ступеней, опускающуюся во глубину подземелья. Над ней склоняется красивый и правильный свод и видны два углубления по сторонам. В первом, направо, два престола над гробницами св. праведных богоотцев Иоакима и Анны. Здесь замечательна икона Знамения Божией Матери, но ее не рассмотришь скоро: переход от света во мрак ослабляет зрение. В левом армянский престол св. Иосифа Обручника, сего праведного старца, которому вверено было хранение Пресвятой Девы. Жизнь его протекла тихо, а при его кончине Господь Иисус был у смертного его ложа»⁸⁷.

При этом о. Антоний замечает: «В Грановитой палате в Москве видно было при входе старинное стенное изображение кончины св. Иосифа, а в Киево-Печерской Лавре, в Великой церкви, налево, у царских врат, положен этот образ на аналое. Он миниатюрной кисти, и рамка его украшена изумрудами, яхонтами, топазами и чистыми бриллиантами. Это царский дар щедрого императора Павла I-го»⁸⁸.

Сводчатый потолок иерусалимского подземного храма Успения Божией Матери тоже был когда-то расписан фресками; теперь все до основания уничтожено временем, а также двумя наводнениями в 1950-х годах, вследствие чрезвычайно сильных дождей.

О. Антоний продолжает рассказ об интерьере храма Успения Божией Матери; здесь есть сведения о его украшениях, среди которых — дары России, здесь и упоминание о молитве мусульманина у христианского престола.

Подземная церковь расположена крестообразно: на восток стоит отдельно камень, бывший гробом, отсеченный от природной скалы св. Еленой; около его идут стены, обвешенные поблеклыми тканями, — повествует о. Антоний. — На потолке перед гробницей висят, по греческому обыкновению, многие лампы в несколько рядов. Их умеренный огонь не может разогнать мрака, облегающего своды. Наружная стенка гробницы почти вся заставлена армянским престолом: остается один вход через низкие царские врата, завешенные катапетасмой, а выход на север через такое же темное отверстие.

С необузданными ногами входят во гроб Богоматери. Это небольшая пещера в три аршина с половиной вышины. В полукруглой нише, на восточной стороне, протяжено каменное ложе, повыше от земли Гроба Господня, покрытое мрамором белым с синими косвенными полосами. Вокруг него стены обвешиваются штофами, наполовину греческими, наполовину армянскими, что не очень благолепно. Несколько серебряных московских лампад освещают пещеру. На гробе возлагается Евангелие и стоит небольшая русская икона Успения в серебряной ризе. Многоценный гроб Царицы Небесной не богат украшениями. На нем совершаются ежедневно две литургии, сначала греками, потом армянами. Для меня назидает

⁸⁷ Там же. С. 26.

⁸⁸ Там же. С. 26—27.

тельнее крика армянского была уединенная молитва на коленях турецкого стража, которую мне однажды удалось здесь видеть к великому моему удивлению. Кто ведет сюда мусульманина? Неужели один слух об исцелениях, всем безразлично подаваемых от гроба Матери Иисуса, Пророка, и милосердие, превыше всякого помышления, желающее всех спасти, руководствует юношу в эту темную церковь для просвещения его сердца?»⁸⁹

Нынче доступ в храм Успения Божией Матери свободен в любое время дня; а в середине XIX века были серьезные ограничения. «Храм замыкается во все время дня, кроме обедни, — пишет о. Антоний. — Утром при восхождении солнца, когда открываются городские ворота, пономарь и несколько певцов идут ко гробу: почти все поклонницы спешат туда же помолиться Матери Деве. Множество нищих арабов располагаются по дороге, и от них услышишь русские просительные слова. Такое собрание не блестяще, но приятно видеть его у гроба Матери всех Скорбящих»⁹⁰.

Что же касается близлежащей католической пещеры, то, в отличие от А. Н. Муравьева, она не произвела на о. Антония особенного впечатления: «Рядом с пещерой находится другая, принадлежащая католикам. В нее ведет непокрытый коридор, но внутренность ее ни по чему непримечательна. Масляными красками писанная картина ангела с чашей и молящегося Спасителя вырезана и поставлена на убогом престоле»⁹¹.

В 1854—1855 годах по Палестине странствовал афонский инок Парфений. Будучи в Иерусалиме, он присутствовал на праздничном богослужении в храме Успения Божией Матери: «На пятой неделе, в субботу, на похвалу Пресвятой Богородицы, было великое торжество в Гефсимании, на гробе Пресвятой Богородицы. Утреню и литургию служил сам патриарх, собором. Весь храм украшен был множеством свечей белого воска. Такое было торжество — что лучше сделать почти невозможно. Но нам сказывали живущие в Иерусалиме русские монахини, что на праздник Успения Божией Матери несравненно более бывает торжество, ибо и тогда бывает великое стечение народа, а наипаче палестинских жителей. Поют Божией Матери погребение, и носят плащаницу — как носят в Великую Субботу. Видел я и плащаницу, которая сохраняется на гефсиманском подворье. Такое же в Гефсимании было торжество и на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы: тоже служил патриарх, собором»⁹².

В этом описании интересно упоминание о плащанице Пресвятой Богородицы. Этот образец сохранился до наших дней; он находится в Иерусалимском подворье Гефсиманской обители, так называемой Малой Гефсимании, расположенной напротив входа в храм Гроба Господня. Подробное описание подлинной плащаницы и ее местоположения приведено архимандритом Леонидом (Кавелиным): «Гефсиманское подворье... занимает южную сторону площади, бывшей некогда под портиками Св. Гроба. Здесь живет игумен Гефсиманского подземного храма и несколько его помощников из послушников. На открытой террасе второго яруса разведен небольшой цветник; рядом с игуменской кельей — небольшой параклис (церквица), в коем имеет постоянное помещение икона Успения Божией Матери, ежегодно с торжественностью переносимая отсюда накануне праздника Успения Богоматери в Гефсиманию в честь сего великого праздника. Икона эта представляет вырезан-

⁸⁹ Там же. С. 27—28.

⁹⁰ Там же. С. 28.

⁹¹ Там же. С. 28.

⁹² Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения. М., 1999. С. 56.

ную по контуру фигуру Божией Матери, возлежащей во гробе, и с обеих сторон обложена сребропозлащенным окладом; венец украшен драгоценными камнями; есть довольно привесок. Риза на ней — дар русской Мелании, графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской»⁹³.

Из сохранившихся описаний Гефсиманской плащаницы следует, что она плоская, вырезана по контуру фигуры из дерева и с обеих сторон имеет одинаковое лицевое живописное изображение, — то есть имитирует объемную скульптуру. Каждый год, за три дня до Успения Богородицы — 12 (25) августа, по обычаю Иерусалимской церкви, совершается торжественный Крестный ход с чином Погребения плащаницы. По окончании ночной литургии плащаницу Божией Матери из Малой Гефсимании выносит на руках настоятель подворья, в полном священническом облачении. «И весь крестный ход, начинающийся по традиции около четырех утра, как бы повторяет в литургической символике подлинную погребальную процессию того далекого 48 г. от Рождества Христова»⁹⁴. Плащаница полагается в каменной пещере на мраморную гробницу Богородицы и остается там для поклонения молящимся до отдания праздника Успения. Нередко уже в России такие плащаницы украшались шитыми бисерными ризами, вставлялись в иконы с композицией Успения Богородицы⁹⁵.

Казалось бы, у авторов, описывавших один и тот же храм, неизбежны повторы, однако можно рассказывать о чтимых святынях по-разному, и в результате у читателей в воображении возникает объемная картина. Это в какой-то степени удалось отечественному палестиноведу Д. Д. Смышляеву, посетившему Иерусалим в 1865 году. «Собственно церковь устроена в обширной пещере, и поверх земли видна только паперть. Главный фасад последней, обращенный к югу, подперт с боков двумя римскими контрфорсами, — пишет Д. Д. Смышляев. — В середине фасада находится дверь с глубоко раздвинутой стрельчатой аркой, которую обрамляет другая такая же арка; последняя опирается на четыре небольшие колонны из белого мрамора с капителями из листьев. В пещеру спускаются по лестнице в пятьдесят ступеней. В западной стороне пещеры находится углубление, служившее гробницей Богородицы. Внутри этого углубления высечено нечто вроде рундука, на котором покоилось святое тело. В половине лестницы, вправо от выхода, есть небольшая часовня, устроенная на месте гробницы св. Иосифа, кости которого, по преданию, перенесены сюда из Назарета, а еще несколько выше, по левую сторону лестницы, существуют две часовни на местах, где погребены тела свв. Иоакима и Анны»⁹⁶.

Отечественный автор уделил внимание и католической пещере: «Влево от выхода из гробницы Богородицы находится небольшой проход с низкой дверью, ведущий в пещеру, принадлежащую католикам, где, по слову Писания, Спаситель провел скорбные часы, предшествовавшие взятию Его под стражу. Здесь, над небольшим жертвенником, помещается картина, изображающая молящегося Спасителя и перед Ним ангела с чашей. По левую сторону жертвенника изображены три спящие апостола; по правую — бегство апостолов по взятии их Божественного Учителя под стражу»⁹⁷.

Вот еще одно краткое описание гробницы Божией Матери; оно принадлежит перу протоиерея Александра Ковальницкого, побывавшего в Иерусалиме в 1884 го-

⁹³ Леонид (Кавелин), архим. Старый Иерусалим и его окрестности. М., 2008. С. 143.

⁹⁴ Лисовой Н. Н. Приди и виждь. Свидетельства Бога на земле. М., 2000. С. 206.

⁹⁵ Гнутова С. В. Святые места Иерусалима в паломнических реликвиях // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 248.

⁹⁶ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 76.

⁹⁷ Там же. С. 76.

ду. «В 5 часов утра мы уже были в Гефсимании, где предложено было совершить божественную литургию на гробе Божией Матери, — пишет о. Александр. — Эту литургию совершал наш преосвященный в сослужении с нами; певчие нашей русской Миссии прекрасно пели греческим напевом по партесному переложению. Темная и ничем не украшенная церковь, к прискорбию, не возбуждает того глубокого религиозного чувства, какое она должна была бы возбудить. Но вина в этом не лежит исключительно на православных. Совместное владение святилищем армянской общиной препятствует всякому улучшению св. места. К счастью, латинская церковь совершенно устранена из этого места, в противном случае трудно было бы сохранить мир в этом Божием доме»⁹⁸.

Путевые очерки протоиерея Василия Михайловского, совершившего паломничество в Святую Землю в 1888 году, интересны тем, что автор упоминает про архимандрита Антонина (Капустина), принявшего участие в богослужении у гробницы Божией Матери. «Десятое июля было последним днем пребывания нашего в Иерусалиме. В этот день, рано утром, в 6 часов, была назначена обедня на гробе Богоматери в Гефсиманской пещере, — пишет о. Василий. — Туда обещал быть сам патриарх, не для служения, а только для молитвы. Поэтому еще в 5 часов утра мы, с о. архимандритом Антонином во главе, всей колонией, кто на конях, кто на ослятах, кто пешеходяще, отправились с русских построек в Гефсиманию и прибыли сюда заблаговременно. При этом пришлось заметить следующую бесполезную особенность в пути: лица, ехавшие на лошадях и ослах от Дамасских ворот вдоль стен Св. Града, несколько не опередили лиц, шедших пешком, только не вдоль стен, а от Дамасских ворот через город к Гефсиманским воротам, у которых они нас и встретили. Значит на Елеонскую гору ближе всего идти через Дамасские и Гефсиманские ворота.

Патриарх прибыл в Гефсиманию ровно в 6 часов. Гефсиманская церковь была освещена довольно торжественно и при ярком свете можно было заметить в ней удивительную копоть, какой нельзя найти даже в русской риге. Служили только одни мы, русские, а греческий архимандрит, в течение 3 лет имеющий пещеру Богоматери на аренде за три тысячи рублей в год, вышел в епитрахили лишь прочитав на литургии Евангелие по-гречески об исцелении отрока, сына сотника. Пели русские певчие иное по-русски, иное по-гречески. И возгласы были и русские, и греческие. Крайне жаль, что не было проповеди, тем более, что весь храм был наполнен русскими богомольцами.

Погребальное ложе Богоматери, Ее усыпальница, помещается в обширной пещере, почти посреди ее. Входы в нее увешаны старенькими парчовыми одеяниями. Ложе, где была положена по Успении Своем Пречистая Дева, — каменное, почти одинаковой длины со смертным ложем Спасителя. Позади Гроба Богоматери, в углублении обширной пещеры, на восточной стороне, стоит икона Богоматери русского письма, покрытая серебро-позлащенной ризой, — вероятно даром русского сердца.

Налево от этой иконы, в углублении стены, устроен жертвенник, куда по левую сторону пещеры Богоматери подходят с просфорами и поминаниями. Конечно, ложе Богоматери составляет престол во время литургии. Умилительно стоять пред ним, а еще более священнодействовать на том месте, где возлежала Сама Царица Небесная, окруженная сонмом свв. апостолов»⁹⁹.

Писатель Евгений Марков посетил Иерусалим в те же годы, что и прот. Василий Михайловский. Его описание храма Успения Божией Матери по стилю отличается от предыдущего, но они взаимно дополняют друг друга. «В ближайшем сосед-

⁹⁸ Ковальницкий А., прот. Из путешествия в Святую Землю. СПб., 1886. С. 100.

⁹⁹ Михайловский Василий, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 118–119.

стве с Гефсиманией, — гробница Пресвятой Девы, — пишет Е. Марков. — Мария, Мать Христа, вместе с другими галилеянами, часто посещала гору Масличную и Малую Галилею. В долине, отделяющей Иерусалим от соседних гор, у подножия Сиона, до сих пор существует „колодезь Марии“, куда Святая Дева ходила черпать воду. Точно также и гробница Ее у подножия Масличной горы.

Великолепный и громадный подземный храм в недрах скал над гробом Св. Девы воздвигнут еще царицей Еленой. В него спускаются, как в склеп по широкой мраморной лестнице поразительного эффекта, с 50-ю ступенями. На половине пути, в полутемных нишах срединной площадки, — помещены гробы родителей Пресвятой Девы, — свв. Иоакима и Анны, и Обручника Ее Иосифа...

В храме Успения Богородицы, как в храме Гроба Господня, алтари и часовни всех христианских исповеданий: греков и католиков, коптов и сирийцев. Это самая почитаемая святыня Иерусалима после храма Гроба Господня. Даже турки имеют в нем свою молельню, у южной стены гроба; и никто ревнивее мусульманок не дорожит ватой и маслом из гроба Святой Марии для врачевания детских недугов... Глубокий мрак высоких сводов освещается огнями громадных разукрашенных свечей, толпящихся у алтарей, да бесчисленными драгоценными лампадами, которыми кишит темнота храма, как ночь своими сверкающими звездами...

Самый Гроб Богородицы почти во всех подробностях напоминает Гроб Христов. Среди обширных стен храма стоит, отделанный в небольшую часовню, одинокий утес каменный, в котором вырублена могильная пещерка Богородицы. Снаружи он покрыт таким же плоским куполочком, как часовня Гроба Христова, внутри его почти все то же. Та же мраморная плита поверх дикого камня скалы, отесанного в виде ложа, те же тесные ряды неугасаемых лампад, тот же низкий вход в каменный вертеп, обращенный теперь в Святой Святынь храм и горящий издали своими священными огнями, будто очаг раскаленной печи... Против главного алтаря, на другом конце храма, колодезь, полный воды... Богомольцы всех стран черпают воду из этого святого ключа, и благоговейно уносят ее с собою»¹⁰⁰.

Российские паломники, притекавшие к храму Успения Божией Матери, как правило, сначала поклонялись Ее гробнице, а уже потом некоторые из них посещали католический грот. Отечественному палестиноведу В. Н. Хитрово, побывавшему здесь в 1889 году, довелось осматривать обе пещеры в обратном порядке. «Из Гефсиманского сада мы пошли в пещеру, рядом с Гефсиманским храмом, — пишет он. — По правую руку, не входя в него, находится в скале пещера, в которой отдыхали остальные 8 учеников и близ которой Иуда Искариотский лобзанием предаде Господа. Владеют этой пещерой теперь тоже латиняне и утверждают, что в ней молился в последний раз Христос, — только это не согласно с Евангелием»¹⁰¹.

Из дальнейшего рассказа становится понятным, почему католический пещерный храм получил приоритет: церковь Успения Божией Матери еще была закрыта. «Пока мы обходили все эти святыне места, открыли врата Гефсиманского храма, — продолжает В. Н. Хитрово. — Храм этот весь под землей, снаружи только дверь, а как взойдешь, тотчас по широким каменным ступеням спускаешься вниз в подземелье. Посредине лестницы два придела: направо погребены святыне богоотцы Иоаким и Анна, а налево святой Иосиф Обручник. Когда спустишься вниз, в самую пещеру подземную, то направо будет небольшая часовня, а в ней Гробница Пресвятой Владычицы. Самая Гробница — такая же, как и Господня, только повыше будет и ее не видать, а закрыта вся белым камнем и к камню прикладываются, а с потолка

¹⁰⁰ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 102—103.

¹⁰¹ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 110.

над Гробницею висят лампы. Тут мы выстояли всю обедню, а после обедни опять прикладывались к пресвятой Гробнице. Даже турки почитают Богородицу, и у них тут устроена небольшая молельня»¹⁰².

В отличие от современных паломнических групп, у которых каждый день и час на счету, дореволюционные богомольцы отличались неспешностью. Вот и В. Н. Хитрово сподобился еще раз помолиться за богослужением в храме Успения Божией Матери. «В пятницу вечером, где в это время Хвалу Пресвятой Богородице празднуют, пошел я на всю ночь в Гефсиманию к Ее Гробнице, — пишет отечественный автор. — Пришел я с некоторыми поклонниками еще засветло вечером к пещере, нас впустили и заперли за нами дверь на всю ночь. Тут, у Гробницы Пресвятой Владычицы, и провел я всю ночь, и так отрадно было, точно чувствуешь, что находишься под Ее Святым Покровом. Во всей пещере всю ночь горели сотни лампад. Утреню и обедню служил Патриарший наместник, а из четырех отделений акафиста Богородице, одно читали по-русски»¹⁰³.

В своей книге «Русские паломники Святой Земли (СПб., 1905) В. Н. Хитрово более обстоятельно описывает святые места храма Успения Божией Матери. «Как посещение Святого града начали мы с погребальной пещеры Господа нашего Иисуса Христа, так и посещение его окрестностей начнем с погребальной пещеры Пресвятой Богоматери, — так начинает свой рассказ отечественный палестиновед. — Перед глазами открывается вся Кедронская долина с противулежащей Елеонской горой; внизу же, налево от купы деревьев, составляющих Гефсиманский сад, небольшое каменное здание скрывает погребальную пещеру Пресвятой Богоматери. К ней мы и направимся.

Спуск в Кедронскую долину удобен ныне даже для экипажей. Внизу каменный мост ведет через сухое ложе Кедронского потока. На нем всегда встретишь несколько несчастных прокаженных, просящих милостыню. Отсюда налево небольшая площадка приводит нас прямо к входным дверям в погребальную пещеру Богоматери. Беглый взгляд на эти входные двери указывает, что над ними возвышался когда-то храм, от которого ныне не осталось и следов, и что нынешние ворота вели лишь в подземную пещеру.

Близ места, где ныне находится погребальная пещера, находилась евангельская весь Гефсиманская, куда Иисус Христос удалялся не раз на молитву и где Он был предан Иудею. Сюда по смерти Своего Божественного Сына часто приходила Пресвятая Мать Божия, как упоминается в Ее житии, и здесь явившийся Ей ангел предвозвестил Ее скорое блаженное Успение. Сюда с Сиона святые апостолы перенесли Ее пречестное тело и положили его внизу пещеры на погребальное ложе, откуда Она на третий день вознеслась во славу. Сооруженный на этом месте, вероятно, императрицей Евдокией в V веке, храм был разорен сто лет спустя персами. Впоследствии, при крестоносцах, в 1161 г. была восстановлена здесь церковь и основан женский монастырь. В последующие века верхняя церковь совсем разрушилась, а нижняя сохранилась без изменения до наших дней.

<...> По 48 ступеням, двухсаженной ширины, спускаются вниз в самую погребальную пещеру. Небольшие два престола по середине лестницы посвящены: правый — святым родителям Пресвятой Богородицы Иоакиму и Анне, а левый — св. обручнику Ее Иосифу. Внизу, в пещере, высеченной в скале и освещаемой только открытой дверью, в восточной ее половине стоит небольшая каменная часовня над погребальным ложем Богоматери. Две низкие двери ведут во внутрь часовни: одна прямо от нас — с запада, а другая с левой стороны — с севера. Самое ложе, как и трехдневное ложе Христа, покрыто мраморными досками. Ложе Пресвятой Бо-

¹⁰² Там же. С. 110—112.

¹⁰³ Там же. С. 157—158.

городицы почти такой же длины и ширины, как и погребальное ложе Ее Божественного Сына, но в полтора раза выше. При богослужении часовня служит алтарем, а погребальное ложе в ней — престолом. Служить в пещере, кроме православных, имеют право еще только одни армяне, алтарь которых прислонен к западной стене часовни. Достопримечательно, что в пещере против южной стены часовни имеется магометанская молельня, куда магометане, в особенности женщины, приходят молиться, по их выражению, Ситти Мариам, матери пророка Иссы (госпоже Марии, матери пророка Иисуса). Так через 12 столетий остается живуча у бывших некогда православными память о Заступнице рода христианского»¹⁰⁴.

Как и его предшественники, В. Н. Хитрово уделяет внимание и католической пещере, сопровождая свой рассказ критическими замечаниями. «Выйдя из погребальной пещеры Богоматери на находящуюся перед нею площадку, пойдем через небольшой проход в лежащую на восток от нее почти круглую пещеру, которая принадлежит латинянам, называющим ее, вопреки Священному Писанию, пещерой моления о чаше, — пишет он. — Ни у одного из евангелистов не говорится, чтобы моление Спасителя происходило в подземной пещере; и указываемую ныне круглую пещеру можно наиболее вероятно приурочить к месту, где Спасителем были оставлены остальные восемь учеников, и у входа в нее Христос мог быть предан Иудою, когда Он к ним возвратился. Так определяет эту пещеру православное предание, называя ее не пещерой моления о чаше, а пещерой предания Спасителя, откуда начался Его Страстной путь»¹⁰⁵.

Один из русских паломников, «зашифровавший» свою фамилию — Петр А-истов, в своей книге «Путешествие в Палестину» (СПб., 1894) вспоминает: «Путь наш пролегал мимо Дамасских ворот до угла Иерусалимской стены, т. е. до башни аистов, где мы и спустились по склону горы и направились вдоль кедронского источника. Пройдя по шоссе, мы вскоре подошли к камню архидиакона Стефана. Свернув налево и миновав мост, мы передали наших ослят проводникам арабам. Соединившись в одну группу, компания наша направились в проход между стен и, сойдя по скользким ступенькам, остановилась у погребального вертепа Божией Матери. Нам пришлось пройти более 30 ступенек прежде чем мы достигли нижней площадки, где очутились в церкви под сводами. Вид этого мрачного, грязного, заключенного храма смущает наш взгляд, наше сердце. Со священным трепетом осматривали мы эту церковь, украшенную массой различных лампад, которыми было увешано преддверие входа в пещеру гроба Божией Матери. Помолившись перед этой священной пещерой, которую также называют кувуклией, мы, наклонясь, по очереди прошли через небольшой вход, приблизившись к *Саригафону*, месту возложения тела Богородицы, приложились к нему.

Осмотрев пещеру, мы отправились обратно выйдя из нее, через левый проход. Перед выходом из кувуклии находящийся там греческий монах окропил нас ароматной розовой водой. Здесь, перед гробом Божией Матери, нам довелось отстоять конец литургии, совершавшейся на греческом языке.

Близ ступенек лестницы находится колодезь, высеченный в скале, откуда мы на обратном пути черпали воду, которую пили с наслаждением. Дойдя до середины лестницы, мы достигли гробниц Иоакима, Анны и Иосифа. Обозрев гробницы, мы поднялись выше, направляясь к выходу. Здесь, у выходной двери, мы были встречены толпой нищих, калек и ребятишек, которые прося милостыню обращались к нам со словами: «Добрый барин, москов, христиан ховаджи бакшиш». Подав им несколько монет, мы пошли по плитному тротуару и скоро достигли каменных ступенек, по

¹⁰⁴ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 100–104.

¹⁰⁵ Там же. С. 106.

которым спустились в грот страха смерти или пещеру моления Спасителя о чаше. Осмотрев ее и, приложившись к престолом, мы тотчас же вышли из пещеры¹⁰⁶.

Храм Успения Божией Матери в записках епископа Сухумского Арсения (1894)

По выходе за городские стены воротами св. Стефана, иначе называемыми Гефсиманскими, по довольно крутому спуску идет дорога к потоку Кедрскому, в летнее время вовсе сухому, а зимой от дождей по временам текущему, и через мост приводит к храму, находящемуся по левую руку в углублении, так что издали вовсе незаметному. К нему спускаются по каменной лестнице и входят на двор, мощенный камнями, на противоположной сторон которого вход в церковь, находящуюся на значительной глубине, именно в самом месте погребальной пещеры, в которой положено было пречистое тело Богородицы руками св. апостолов. Надобно спускаться в храм Успения по 48 ступеням: на 21-й ступени от правой руки в нише виден небольшой придел с двумя престолом. Предание говорит, что по левую руку, когдаходишьтуда, находится могила св. Иоакима, а против входа могила св. Анны. На левой руке той же ступени, следовательно, против вышеупомянутого придела, находится придел на могиле св. Иосифа. Это древний обычай еврейский погребать усопших в родовых усыпальницах; поэтому и пречистое тело Богородицы положено было здесь.

Сошедши по лестнице вниз, на правой стороне видим гроб Матери Живота(жизни); ложе, на котором положено было пречистое тело, покрыто мрамором и служит престолом, перед которым поставлен иконостас, имеющий по правую и левую сторону двери, через которые входят православные прикладываться. Отселе по Успении своем Честнейшая Херувим с телом своим вознеслась на небо преставилась Животу Мати Живота. Этот храм принадлежит православным грекам, но и армяне имеют здесь свой престол, находящийся перед иконостасом, а также копты, которых престол у западной стены храма; здесь же находится у них источник воды и крипта, служившая входом в храм, и место молитвы магометан, так как и они чтут Пресвятую Деву. Храм сей, заключающий в себе погребальный вертеп Богородицы, сначала построен был царицей Еленой но потом был разорен и возобновлен уже в 1161 году. С этого времени по причине великого благоговения мусульман пред св. Девой храм этот оставался и доселе остается в прежнем виде.

Успение Пресвятой Богородицы здесь празднуется торжественным образом 14 августа, т. е. накануне самого праздника. Еще с начала августа православные арабы, армяне и даже мусульмане целыми семьями выходят за город в палатки, которые раскидываются по садам Гефсимании, и здесь проводят время поста Успенского по дачному на чистом воздухе вне духоты городской и ходят молиться как в храм гефсиманский, так и на гору Елеонскую к месту вознесения Господня. За несколько дней до праздника, приносят из гефсиманского метоха, находящегося близ храма Воскресения, чудотворную икону Успения Богородицы, пред которой и совершается торжественное служение. Для этого утром приезжает патриарх с митрополитами и прочим духовенством, и по окончании литургии совершается отпевание Пресвятой Богородицы по особому чину, который содержит статьи, поемые в честь Пренепорочной Девы Марии, по примеру статей, поемых в Великую субботу над св. Плащаницей. Начинают эту службу пред самым ложем, которое служит престолом, а потом выносятся икона Успения, как плащаница, и поставляется среди церкви, и здесь продолжается служба до конца. Перед отпуском св. икона приносится к верхнему входу в церковь, и здесь совершается лития и отпуст, после чего народ прикладывается к иконе и расходится. Во время всей службы церковь освещается множеством разноцветных

¹⁰⁶ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 110–111.

лампадок, гирляндами висящих вверху, отчего духота бывает в церкви страшная, потому что вверху церковного купола хотя и устроено отверстие для удаления дыма и пара, но при жаркой погоде, обычной в данную пору, этого бывает недостаточно.

По окончании службы патриарх со всем своим духовенством и разными почетными лицами из мирян идут в палатку, устроенную близ храма, перед которой играет турецкая военная музыка. В палатке сначала подается обыкновенное греческое угощение — глико с водой и кофе, а потом чарки раки (водки), которой и греки оказывают большое уважение. Для закуски подаются крендели и разные фрукты. В это время в прочих палатках бывает подобное же угощение среди родных и знакомых, которые проводят здесь этот день в веселии, а к вечеру остается уже мало народа; на следующее утро после обедни и остальные уходят в город.

Надобно заметить здесь, что армяне совершают торжественное служение в честь Успения Божией Матери обыкновенно в следующее за 15 числом августа воскресенье, поэтому, по большей части, не вместе с православными, и тогда не бывает столкновений армян с православными греками. Но когда это празднование совершается в один и тот же день теми и другими, как то случилось в 1894 году, то столкновения между греками и армянами бывают почти всегда, даже из-за пустяков. Например, как это было в последний раз, сборщик греческий переступил черту, отделяющую место армянское от греческого, и из-за этого вышла такая драка в храме с кровопролитием, что только турецкие солдаты, присланные пашой, водворили тишину. Это случилось 13 августа, а 14-го армяне, долженствовавшие совершать службу ранее православных, в насмешку над греками продлили свою службу до 10 часов вместо 6-го часа утра; так что блаженнейший патриарх посылал жалобу к паше. А туркам это и по сердцу, что христиане ссорятся между собой. Такого антагонизма между греками и армянами вовсе не замечалось в Цареграде, где, напротив, патриарх армянский делает визиты православному патриарху, который, в свою очередь, платит тем же армянскому. Я помню, что в Цареграде в русские высокоторжественные дни в русскую посольскую церковь приходили к богослужению и на молебен не только греческие архиереи, но и армянские. А в Иерусалиме они находятся в открытой взаимной вражде¹⁰⁷.

В пространных записках иеромонаха Серафима, в 1908 году посетившего храм Успения Божией Матери, содержатся сведения о «владельцах» этой святыни. Помимо обычного упоминания о православных и армянах, здесь говорится и о других представителях древних восточных церквей: «Против северных дверей часовни — алтарь **яковитов**, а у южной стены пещеры место, почитаемое магометанами, которые почитают Богородицу и приходят сюда молиться. Вся восточная часть за часовней принадлежит православным и освещается пещера свечами и лампадами, так как в ней темно. Налево от лестницы водоем, а за ним алтарь, принадлежащий **абиссинцам**»¹⁰⁸.

Что касается «абиссинцев», то здесь речь идет о коптах, поскольку до 1950-х гг. Эфиопская церковь входила в состав Коптской. Еще одно свидетельство о представителях древних восточных церквей относится к тому же 1908 году: «Сверху пещера осеняется небольшим куполом с отверстием посередине, для вентиляции. Против северной и наружной стены гробницы стоит иссеченный в скале престол **сирия-яковитов**. Пространство от гробницы на восток, где оно заканчивается закруглением скалы, называется собором. В западной нише храма устроен придел **коптов** и за ним, на восток от него, иссечен в скале колодезь ключевой воды»¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Арсений, епископ Сухумский. Святой Град и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 106—109.

¹⁰⁸ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 63.

¹⁰⁹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 126.

«Эта подземная церковь, с небольшим, возвышающимся над землей, фронтоном, вмещает в себе множество алтарей всех восточных христиан: греков, арабов, армян, коптов, сирийцев, абиссинян; лишь католики здесь не имеют своей святыни»¹¹⁰, — писал в 1911 году протоиерей Александр Глаголев.

В «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908) читаем: «Кроме римских католиков, в храме погребения Богоматери все христианские вероисповедания совершают богослужение и имеют свои престолы и приделы. 15-го августа, в день Успения Божией Матери, здесь ежегодно совершается богослужение с особенной торжественностью: особенная погребальная служба совершается здесь на греческом и арабском языках православными накануне праздника. На торжество стекается несметное количество народа из Иерусалима и его окрестностей; немало и магометан приходит сюда в этот праздник. Торжественно переносится сюда к этому празднику и плащаница с изображением на ней лика Приснодевы из Гефсиманского подворья, причем торжественная процессия с плащаницей следует через Сион, по тому пути, коим несено было апостолами в Гефсиманию для погребения пречистое тело Богоматери»¹¹¹.

Это благочестивое описание несколько омрачается выдержками из записок саратовского паломника Николая Русанова. вместе с группой русских богомольцев он проследовал к храму Успения Богоматери. Около этой пещеры все остановились, и вот что было дальше: «Множество прокаженных, преимущественно женщин, иногда совершенно изуродованных, окружили нас с жалобными причитаниями, прося милостыни; правда, прокаженные не подходили к нам близко, но мы были предупреждены, что стоит только подать несчастным хотя самую маленькую монету, как они без всякого стеснения будут не только прикасаться, но хватать за одежду, руки и ноги и не отстанут, пока не получат подаяния; таким образом легко можно заразиться проказой. Ввиду этого, как многим из нас ни хотелось хоть чем-нибудь помочь прокаженным, мы не решились подать им милостыни. Пройдя мимо них и только взорами показывая им сочувствие, мы вошли в пещеру Богоматери»¹¹².

Епископы-старообрядцы у гробницы Божией Матери

Незадолго до начала Первой мировой войны Святую Землю посетила небольшая группа старообрядческих епископов в сопровождении мирянина С. И. Быстрова. Уже в разгаре была война, когда увидела свет его книга «По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов)» (М., 1916), в которой автор пишет об архиерейском посещении храма Успения Божией Матери.

Несмотря на вечернее время, преосвященные пожелали осмотреть храм Успения Богоматери и поклониться Ее св. гробу. Греческий иеромонах с видимой неохотой встретил поздних посетителей, и нехотя открыл двери храма; но когда проводник заявил ему, что это русские епископы, иеромонах расшаркался: зажег толстые огарки свечей, несколько лампад, и любезно начал водить по храму. Наружный вид храма не имеет обычной формы церквей, это скорее какой-то бесформенный выступ каменного здания. Внутрь, на значительную глубину, ведет

¹¹⁰ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 54.

¹¹¹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 127.

¹¹² Русанов Николай. Ближний Восток. Саратов, 1911. С. 238.

широкая каменная лестница, от основания которой начинается самый храм, находящийся под землей и, как таковой, носит отпечаток некоторой мрачности, свойственной подземельям. Храм этот принадлежит грекам и армянам: здесь имеются приделы и греков, и армян (алтарь последних прислонен к западной стене часовни).

Наиболее важных приделов два: богоотцов Иоакима и Анны и праведного Иосифа Обручника. Главнейшая святыня храма — гроб Богородицы находится вправо от лестницы, в небольшой часовне, или кувуклии. Снаружи и внутри стены обшиты мраморными плитами и покрыты дорогами тканями. Внутренность часовни очень мала: она не может вместить одновременно более 5–6 человек. Прямо против тесного входа находится самое ложе Богородицы, отделенное от скалы и обложеном со всех сторон мраморными плитами.

С благоговением и страхом преклонили мы свои грешные колена перед великой святыней, прося Владычицу мира, возлегшую на этом смертном одре, помолиться о нас грешных и ближних наших к Своему Сыну и Богу. Здесь, в «Гефсиманской веси» реально воплотились перед нашим взором те песнопения и молитвы, какие Церковь воспекает в честь Успения Божией Матери: вот тот, более или менее, вероятный путь, которым шли «свещеносицы девы», провожая пречистое тело Богородицы от Сиона в Гефсиманию, где Она завещала похоронить Себя; здесь же шествовали и апостолы, неся св. тело Пречистой; вот и самое св. ложе, где «честнейшая херувим» соизволила возлечь и откуда невидимо переселилась в небесные обители к Сыну Своему Богу. Все эти воспоминавая, навеянные св. местом, бесконечно дороги каждому истинно верующему христианину и останутся неизгладимыми в его памяти.

Об одном лишь приходится пожалеть, что паломники, кто бы они ни были, лишены возможности видеть подлинный гроб Богородицы: он, как сказано, прикрыт мраморными плитами и решительно недоступен обозревателю. Причиной ставят то же, что у Голгофы и Гроба Господня, что не в меру усердные паломники отламывают себе на память от каменного ложа частицы, отчего св. памятник может совершенно утратиться¹¹³.

...В 1923 году у гроба Божией Матери молился беженец из советской России — архимандрит Антонин (Покровский). «Налево от дороги спускаются по каменным порогам на площадь, с которой идут вниз в пещеру по широким порогам на 100 ступеней. На половине пути находятся гробницы, направо в стене и налево праведных Иоакима и Анны, и Иосифа. В самом низу направо находится место погребения тела Божией Матери. В настоящее время на этом месте престол, на котором совершается ежедневно Божественная литургия. Внутренность пещеры в том самом виде, в котором она была всегда. И если взять оттуда престол и дорогие серебряные лампы, развешанные в разных местах, то это получится простая громадная пещера»¹¹⁴.

Вот еще одна зарисовка, относящаяся к 1936 году. Вспоминает паломник-эмигрант А. П. Ладинский: «Грязный и тучный араб, уже позабывший, что существуют на земле туристы, и неожиданно оторванный от обеда, дожевывая на ходу кусок лепешки, отпирает древнюю обитую железом дверь. В темноту церкви, ставшей криптом, в глубину византийских веков (ведь с V века была уже здесь византийская базилика) ведут неуклюжие ступени. Араб дает паломнику толстую свечу. Внизу сырость и темнота. Огромные золоченые лампы свешиваются со сводов гроздьями, украшенные елочными шарами. В этом детском царстве араб показывает могилы,

¹¹³ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 125–127.

¹¹⁴ Антонин (Покровский), архиепископ Вашингтонский и Аляскинский. Жизненный путь, личные воспоминания и переписка. Изд. ГЛАС, 2007. С. 94.

вернее, алтари на месте могил Св. Девы, св. Иоакима и Анны и даже Иосифа, того плотника из Назарета, в мастерской которого, среди пахучих стружек и шороха пилы, прошло детство Христа. Церковь принадлежит грекам, армянам, абиссинцам и сирийцам-якобитам. И от одного перечисления этих древних народов кажется приближенным на мгновение далекое и обильное верой время...»¹¹⁵

Храм Успения Божией Матери в записках Александры Гавриловой (1945–1947)

Большой интерес представляют воспоминания паломницы-эмигрантки Александры Гавриловой, посещавшей Палестину в 1945–1947 годах из соседнего Египта. Она сообщает такие подробности, какие отсутствуют в записках ее предшественников. Стиль изложения простой, ясный, не требующий комментариев, и поэтому следует привести этот текст полностью.

Храм Успения Богородицы (Ее погребальная пещера) чуть возвышается над иссохшим сейчас руслом Кедронского потока. Он очень старинный. Та подземная часть, что сохранилась от первых веков, осталась такой и до сих пор. Мы успели и к обеду, и приложились к гробнице Пресвятой Девы. Храм Успения Пречистой Марии подземный, почти невидимый над землей. С каменного моста через сухой Кедронский поток по 12 ступеням спускаемся на довольно обширную площадку перед храмом. Перед нами возвышается фронтон и солидная старинная дверь и по 48 ступеням спускаемся вниз.

По бокам на пол-дороги этой широкой лестницы находятся справа два престола над гробницами праведных Иоакима и Анны, а слева — престол над гробницей Иосифа Обручника. Впрочем, позже, в Назарете сестры францисканского монастыря показывали нам могилу праведного Иосифа при его жилище и говорили, что в Гефсиманском храме может быть только престол во имя Праведного Иосифа, а умер он в Назарете. Храм освещается только через двери и множеством лампад, которые все-таки не разгоняют таинственного полумрака. Гробница Богородицы направо в глубине и несколько напоминает Св. Гроб Господень. Выточена она из цельной скалы и покрыта мрамором. В самую пещеру-часовенку два входа: один с запада, другой с севера. При совершении литургии гробница служит престолом, а жертвенник у наружной стены пещеры.

Когда-то над гробницей Пресвятой Девы существовала великолепная базилика, состоявшая из подземной части и надземной. Но с XI века от разрушенного храма осталась только эта подземная часть, которая сохранилась до настоящего времени. Погребальная пещера Богородицы (весь этот храм) находится во владении греков и армян. Мусульмане оказывают глубокое уважение к Пресвятой Деве и почитают место Ее погребения.

Армянский священник говорил мне там, что и теперь в период дождей Кедронский поток становится многоводным и опасным для храма. А в этом году (1945) из газет и писем узнали, что в храме Успения было наводнение. Другое письмо из Гефсимании и испугало и умилило меня. Дорогая сестра Анна описывала, как опять было наводнение от потока Кедронского: какие материальные убытки; как древние гробницы в Долине Иосафатовой (вдоль Кедрона же) выворачивались из земли со своих мест и одна даже была переброшена через соседнюю стену. Гробница Богородицы опять залита и когда рабочие вошли внутрь,

¹¹⁵ Ладинский А. П. Путешествие в Палестину // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XXII–XX вв. М., 1994. С. 239.

то не нашли на своем месте большого чтимого образа Пресвятой Богородицы. Я отлично помню этот образ, может быть потому, что он казался мне русским: поясной, лик почти в натуральную величину... Стали всюду искать образ и увидели его у потолка на верху стоящей лестницы, м. б. державшимся на «верхней» ступеньке, куда он был поднят водой. Стали обдумывать, как его бережнее спустить и в это время образ сам спустился «и даже стекло цело». Чувства присутствовавших и разнесшаяся молва о чуде — понятны.

Я называю этот храм — Успения Богородицы по престольному празднику, но правильнее его называть храмом погребальной пещеры или гробницы Пресвятой Богородицы, т. к. всем известно, что Успение Ее было на Сионе в доме апостола Иоанна Богослова¹¹⁶.

<...> 15/28 VIII 1945 г. Вот мы и удостоились провести еще один двенадцатый праздник в Св. Земле — Успение Пресвятой Богородицы. Начался праздник еще 12-го в 4 ч. утра. Изображение Успения Пресвятой Богородицы перенесли в катафалке крестным ходом с подворья Успения (греческое, что напротив Св. Гроба Господня) мимо нас. — Я разбуженная пением и топотом, смотрела из окна — мимо нас несли в Гефсиманию в храм гробницы Пресвятой Богородицы. Будь я предупреждена о начале празднования заранее, я бы не пропустила этого крестного хода, но ночь под 14-е мы провели в храме гробницы. Всю ночь русские монашки читали акафисты Богородице. Все лобзали изображение и проползали под катафалком. То же сделала и я три раза в разное время. Потом была литургия. Многие русские причащались. Меня смущало отсутствие здесь русского духовенства, т. к. хотя я и была в курсе положения дел в Палестине, но не совсем. В четвертом часу утра мы ушли домой. Кругом храма на склонах холмов теснились палатки богомольцев, приехавших из окрестностей.

В 8 ч. утра я ушла опять в храм, было погребение. Множество греческих священников стройно и торжественно отпевали, а потом поднимались с катафалком по ступеням к выходу, но не выходили из храма (м. б. потому, что вокруг храма нельзя обнести — он упирается в скалу). Этим и кончился праздник Успения.

Изображение, его называют плащаницей Богородицы, остается в Гефсимании несколько дней для поклонения, а потом переносится опять на подворье. — Даже арабы мусульмане и особенно арабки приходят поклониться *Ситти Мариам*. Изображение Успения Пресвятой Богородицы необыкновенное: оно в лежачем положении, но не плоское, а в профиль; гораздо менее, чем в натуральный рост, вырезанное из дерева и украшенное; довольно старая икона¹¹⁷.

<...> 11/IV 1947 г. Вчера Великий Четверг был таким чудным днем; особенный, заполненный с утра, такой утомительный, но и необыкновенный, с воспоминаниями на всю жизнь. После Крестного монастыря, прошла весь Крестный путь, сначала в обратную сторону — от Св. Гроба и Судных Врат. Зашла к гробнице Богоматери, приложилась. Случившийся «во дворе» (площадка внизу перед храмом) армянский священник сказал мне, что теперь поток Кедронский зимой во время дождей, проходит через этот двор, а во время Христа он проходил мимо — прямее и ниже. Позже, получая письма о наводнениях в храме гробницы Богоматери (Успения), я ясно представляла себе бедствие. Потом зашла в католический храм Моления о чаше; помолилась и пораздумалась там на камне Моления¹¹⁸.

Еще один отрывок из паломнических воспоминаний. В 1952 году Святую Землю посетила русская группа эмигрантов из Франции. 25 августа они участвовали в перенесении плащаницы Божией Матери из Иерусалима в Гефсиманский

¹¹⁶ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945–1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 34–35.

¹¹⁷ Там же. С. 83.

¹¹⁸ Там же. С. 113.

храм Успения: «Очень величественное и торжественное шествие. Даже арабы-мусульмане принимают в нем участие. Надо сказать, что в тех местах арабское население очень почитает Матерь Христа. Необычайно сильное впечатление производит древний подземный храм Успения Пресвятой Богородицы. К пещере, где была погребена Матерь Господа, ведут сорок восемь крутых ступеней. В день Успения верующие ставят по ним зажженные свечи, которые, как два огненных ручья, спускаются к святому месту. В этом же храме находятся гробницы свв. праведных Иоакима и Анны. Напротив них — гробница св. Иосифа Обручника. Ко дню праздника Успения стекается к храму великое множество людей, что производит сильное и своеобразное впечатление. У гробницы Божией Матери мы молились в день Успения и погребения Ее»¹¹⁹.

В следующем, 1953 году в этом храме молилась паломница-эмигрантка Л. Ступенкова. Она, по-видимому, не обратила внимания на инославные приделы внутри церкви: «Храм этот **греческий**, — пишет она, — и в центре его находится погребальная пещера „Честнейшей Херувим“. Она высечена в скале, отделана мрамором, с теплящимися лампадами и свечами вокруг; когда совершается литургия, священное ложе Богоматери служит престолом. Над святым ложем большое изображение Успения Пресвятой Богородицы с 11-ю апостолами. В этом намоленном месте отраднo и легко, как около родной матери, которая любит, понимает и все прощает!.. Уходя, мы захватили с гробницы святого маслица»¹²⁰.

Из «Хроники текущих событий» Русской духовной миссии в Иерусалиме (Московский патриархат). 27.07.1982. В храме святой мученицы Александры состоялся чин возведения в архимандрита нового начальника Русской Духовной Миссии игумена Пантелеимона. Чин возведения совершил патриарх Иерусалимский и всея Палестины Диодор I. Утром в 6 часов архимандрит Пантелеимон и иеромонах Павел сослужили архимандриту Наркиссу на гробе Божией Матери в Гефсимании. Литургию пели монахини Горней обители. Это была заказная литургия от Миссии¹²¹.

В эти годы, как и ранее, совершенно особое торжество совершалось здесь на праздник Успения. Весь Успенский пост ежедневно поется за утреней параклисис, с поминовением имен всех желающих (ведется особая запись). Каждый день утреню и литургию совершает один из святогробских архимандритов с диаконом, почитая это за большую честь. Произносятся проповеди. Эти службы собирают в храм множество иерусалимских православных, которые приходят целыми семьями в праздничных одеждах, принося цветы и свечи. Зажженными свечами уставляют всю лестницу по сторонам сверху донизу и так горят они в продолжение службы.

За три дня до праздника Успения духовенство храма отправляется в Гефсиманское подворье в Иерусалиме и торжественным крестным ходом приносят оттуда икону Успения-Плащаницу Божией Матери. Гефсиманский игумен несет ее на руках по улицам города, окруженный духовенством; впереди идут певцы, а перед ними кавасы, стуча в пол металлическими жезлами в такт шествию. Множество народа сопровождает крестный ход поминутно останавливающийся, чтобы дать возможность приложиться к иконе встречным. Придя в подземный храм, Плащаницу кла-

¹¹⁹ Родзянко Л. Э. О Святой Земле и паломничествах. Париж, 1958. С. 21.

¹²⁰ Ступенкова Л. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 11.

¹²¹ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 178.

дут сначала на Гроб и кадят ее, а потом полагают на особый катафалк, установленный позади Гробницы, где уже пылает множество свечей и все убрано цветами. Здесь икона стоит до отдания праздника.

Накануне Успения, которое у греков почитается воскрешением Богоматери, празднуется погребение Ее. Приходит патриарх и высшее духовенство; плащаницу на катафалке выносят перед Гробницей и совершается утренняя служба с чином погребения. Все духовенство, с цветами в руках, поет надгробные стихи, а после Великого слова поднимают катафалк и несут вверх по лестнице, где служба завершается ектеньей, и все возвращаются вниз. Храм и вся лестница переполнены молящимися с горящими свечами и цветами в руках.

В эти праздничные дни, пока Плащаница пребывает в храме, ее считают долгом почтить не только местные христиане, но приезжают из дальних мест и городов, всей семьей на поклонение. Приходят и мусульмане, весьма почитающие Пресвятую Деву. По отдании праздника Плащаница уносится таким же торжественным шествием на подворье¹²².

¹²² Спутник паломника по святым местам. Париж, 1984. С. 27–28.

Contents

Prose and Poetry

- Mikhail Zhigulevsky.** Poems • 3
Anton Ratnikov. Yetihood. Novel • 7
Vladimir Kosogov. Poems • 77
Anna Pimenova. Countdown. Story • 81
Alexander Dobrovolsky. Poems • 86
Alexander Yevsukov. Black Eagle. Story • 90
Artem Yershov. Stories • 102
Elizaveta Ioff. Poems • 116
Inessa Zdorovtsova. Countess Zadunayskaya. Story • 119

Publicistic Writings

- Alexander Rybin.** Unnecessary Independence • 128
Yefim Gofman. Escaping from Themselves • 142

Criticism and Essays

- Yulia Shcherbinina.** Goddess of Details. Criticism as Mythology and Mythmaking • 153

Russian Thesaurus – XXI

- Vladimir Yelistratov.** Unfallen Leaves of Russian Language. *Alexander Melikhov's preface* • 163

Petersburg Bookman

Poet about Poet. *Natalya Usanova.* Little Sisyphus is Pushing Stone Word across His Throat. *Vladimir Kosogov.* Lifeless Water and Live Music. **Reviews.** Feminine: Proper Name. *Ekaterina Zueva.* «...And This Word had been Sung to Us.» *Alexandra Botova.* From «Red Flower» to the Tsar of the People. *Xenia Goryachevskaya.* «Everybody is Good. I Feel Sorry for Everybody.» *Elena Filatova.* To See Your Own Paris. *Elizaveta Paputkova.* Honey Paris, or Allergy on Sweet. *Asya Morozova.* Girl Power: Anti-heroine in Contemporary Women's Prose. *Lubov Buhval.* Women's Fate. *Sophia Krivosheeva.* Unknown Critter. *Anisiya Sokolova.* Dis(A)cussing Women. *Anastasia Kovrizhkina.* Woman, Masks and Shame. **Book Island.** *Elena Zinovyeva's publication* • 176

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Shrines of the Mount of Olives (by Notes of Russian Pilgrims). Part 1 • 220

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: www.nevajournal.ru

*Проект «Слово, одухотворенное временем»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга*

*Проект «Сподвижники Истории»
реализуется на средства гранта Санкт-Петербурга*

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге – в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства www.nevajournal.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 23.12.2016. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108^{1/16}. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 1651
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28